

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2026. ТОМ 6. № 2

ДЕМИС. Демографические исследования.

2026. Том 6. № 2

DEMIS. Demographic Research.

2026. Vol. 6. No. 2

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2026.6.2

EDN ONISXV

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2026.6.2

EDN ONISXV

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный

Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавазы Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilii I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Mathematical Modeling, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПОЗДРАВЛЯЕМ Ю. А. ЗУБОК С ЮБИЛЕЕМ!	6
---	---

О ВЫПУСКЕ	8
------------------------	---

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Великий П. П.</i> ВЕКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА РОССИИ	10
--	----

<i>Широкалова Г. С.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СЕЛА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	30
--	----

<i>Жиров Н. А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГУБЕРНИЯХ АГРАРНОГО ЦЕНТРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	49
--	----

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

<i>Землянова Е. В., Евдокушкина Г. Н.</i> СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ТРУДОСПОСОБНЫХ ВОЗРАСТОВ	63
---	----

<i>Хазипова С. Р.</i> СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СМЕРТНОСТИ И ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	80
---	----

<i>Волкова О. А., Исакова Д. А.</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКИХ И УДАЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ	97
---	----

<i>Чернышева Н. В., Нагапетян Н. Х.</i> ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	112
---	-----

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

<i>Рязанцев С. В., Вартанова М. Л.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ	128
--	-----

<i>Ростовская Т. К., Рочева Я. С.</i> ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ	144
---	-----

<i>Вяльшина А. А.</i> СОЦИОСТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: РЕСУРСЫ ЗАНЯТОСТИ И ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	168
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Гужавина Т. А.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ЕСТЬ ЛИ РЕСУРСЫ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ?	188
---	-----

<i>Кротов С. Е., Лебедева Т. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ	206
--	-----

<i>Саятина И. П., Черепанова М. И., Сытых О. Л.</i> СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	224
---	-----

<i>Дождиков А. В.</i> ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ДЛЯ ML-МОДЕЛИРОВАНИЯ	241
---	-----

CONTENT

ANNIVERSARY GREETINGS FOR YULIA A. ZUBOK	6
ABOUT THE ISSUE	8
HISTORICAL DEMOGRAPHICS	
<i>Peter P. Velikiy. VECTORS OF HISTORICAL CHANGE IN THE SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL LIFE OF RURAL SOCIETY IN RUSSIA</i>	<i>10</i>
<i>Galina S. Shirokalova. SOCIO-DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN VILLAGE IN A HISTORICAL CONTEXT</i>	<i>30</i>
<i>Nikolay A. Zhiron. DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE PROVINCES OF THE AGRARIAN CENTER OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES</i>	<i>49</i>
HEALTH, SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, AND MORTALITY	
<i>Elena V. Zemlyanova, Galina N. Evdokushkina. RURAL-URBAN DIFFERENCES IN MORTALITY AMONG THE WORKING-AGE POPULATION OF RUSSIA</i>	<i>63</i>
<i>Syuembika R. Khazipova. RURAL-URBAN DISPARITIES IN MORTALITY AND LIFE EXPECTANCY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN</i>	<i>80</i>
<i>Olga A. Volkova, Darya A. Isakova. CONCEPTUALIZING TELEMEDICINE SUPPORT FOR SOCIO-DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY IN RURAL AND REMOTE AREAS OF RUSSIA</i>	<i>91</i>
<i>Natalya V. Chernysheva, Nagapet Kh. Nagapetian. RURAL HEALTH IN CONTEMPORARY RUSSIA: KEY APPROACHES TO STUDY</i>	<i>112</i>
DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET	
<i>Sergey V. Ryazantsev, Marina L. Vartanova. FORMATION OF LABOR RESOURCES IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RURAL REGIONS IN RUSSIA</i>	<i>128</i>
<i>Tamara K. Rostovskaya, Yana S. Rocheva. SOCIAL STATUS AND EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RURAL RUSSIA</i>	<i>144</i>
<i>Anna A. Vyalshina. SOCIOSTRUCTURAL DIFFERENTIATION OF RURAL POPULATION IN RUSSIA: EMPLOYMENT OPPORTUNITIES AND FACTORS AFFECTING WELL-BEING</i>	<i>168</i>
SOCIAL DEMOGRAPHICS	
<i>Tatyana A. Guzhavina. SOCIAL CAPITAL OF RURAL AREAS: ARE THERE RESOURCES FOR INTEGRATION?</i>	<i>188</i>
<i>Sergey E. Krotov, Tamara V. Lebedeva. CURRENT TRENDS IN URBAN AND RURAL FERTILITY IN RUSSIAN REGIONS</i>	<i>206</i>
<i>Irina P. Sayutina, Maria I. Cherepanova, Olga L. Sytykh. SOCIAL SECURITY AS AN INDICATOR OF RURAL MIGRATION IN ALTAI KRAI</i>	<i>224</i>
<i>Anton V. Dozhdikov. FACTORS OF DEMOGRAPHIC WELL-BEING IN RUSSIAN VILLAGES: PRELIMINARY HYPOTHESES FOR ML MODELING</i>	<i>241</i>

ПОЗДРАВЛЯЕМ Ю. А. ЗУБОК С ЮБИЛЕЕМ!

20 апреля отмечала свой юбилей доктор социологических наук, профессор, и. о. директора ФНИСЦ РАН Юлия Альбертовна Зубок.

Фундаментальный вклад в развитие теории и методологии социологии молодежи, продолжение традиций ведущих научных школ снискали Ю. А. Зубок глубокое уважение всего академического сообщества. Ее исследования факторов неопределенности и риска, социальной интеграции и саморегуляции жизнедеятельности молодежи стали классикой отечественной социологии. Мнение Ю. А. Зубок как ведущего эксперта в области молодежной политики востребо-

вано на самом высоком государственном уровне, а многолетняя работа в Высшей аттестационной комиссии служит гарантией качества научной аттестации молодых кадров.

Юлия Альбертовна родилась в 1971 г. в Москве. В 1993 г. окончила исторический факультет Харьковского государственного университета имени В. Н. Каразина и сразу пришла в Российскую академию наук, в Институт социально-политических исследований, где включилась в работу Центра социологии молодежи под руководством В. И. Чупрова.

В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию «Особенности социальной интеграции молодежи в условиях нестабильного общества», а в 2003 г. – докторскую диссертацию «Риск как фактор социального развития молодежи». С 2009 г. – профессор.

Научные интересы Ю. А. Зубок охватывают широкий круг проблем: теоретические вопросы социологии молодежи, социальное развитие молодежи в условиях неопределенности и риска, молодежные конфликты и модели их разрешения, механизмы социальной регуляции в молодежной среде. Автор более сотни научных трудов, в том числе монографий и учебников по социологии молодежи. Награждена Серебряной медалью имени Питирима Сорокина, Почетной грамотой РАН (2023), Почетной грамотой Президиума ВАК (2022).

С 2003 г. возглавляет Центр социологии молодежи. В 2022 г. назначена заместителем директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН, а с августа 2025 г. – исполняющим обязанности директора ФНИСЦ РАН. Это закономерное признание организаторского таланта Ю. А. Зубок, ее умения чувствовать стратегию развития науки и объединять вокруг себя единомышленников.

Уважаемая Юлия Альбертовна!

От имени Института социальной демографии ФНИСЦ РАН примите поздравления с юбилейным Днем рождения!

Ваш путь в науке – это впечатляющая история служения социологии, продолжающаяся уже более трех десятилетий. Выдающийся ученый, талантливый организатор, вдохновляющий лидер – все это о Вас, человеке, который сочетает в себе глубину теоретической мысли, преданность научным традициям и удивительную чуткость к пульсу современности. Ваша неутомимая энергия, необыкновенная концентрация и искренняя преданность делу служат примером для всего академического сообщества.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемых творческих сил, новых блестящих идей и их успешного воплощения! Пусть каждый день приносит радость открытий, а жизнь будет наполнена теплом, гармонией и благополучием!

*С глубоким уважением
и наилучшими пожеланиями,
коллектив ИСД ФНИСЦ РАН*

О ВЫПУСКЕ

Уважаемые читатели!

Представляемый Вашему вниманию тематический номер журнала «ДЕМИС», приуроченный к проведению 12 ноября 2025 г. в Москве сессии «[Социокультурный ландшафт современного российского села: многообразие форм и проявлений](#)» в рамках VII Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти», посвящен демографическим и социально-экономическим процессам в сельских поселениях.

Село остается не только важнейшей основой продовольственной безопасности и сохранения культурного ландшафта, но и зоной концентрации острейших демографических вызовов в современной России – здесь происходит сокращение численности населения (депопуляция), снижается рождаемость, происходит старение населения, наблюдается миграционный отток молодежи, усугубляется дефицит трудовых ресурсов. Данные социально-демографические проблемы описаны авторами статей, включенных в этот номер журнала.

Первый раздел – «Историческая демография» – помещает современные проблемы в долгосрочную ретроспективу. П. П. Великий анализирует трансформацию жизненного мира сельского социума с позиций теории социологии жизни, объясняя укоренение социального неравенства и утрату субъектности сельских сообществ. Г. С. Широкалова прослеживает эволюцию миграционных установок от советской урбанизации до постсоветских реформ, подчеркивая риски, предсказанные экспертами еще в начале 1990-х. Н. А. Жиров на материалах центральных губерний конца XIX – начала XX в. показывает начало демографического перехода в российской деревне, что позволяет увидеть исторические корни сегодняшних трендов.

Второй раздел номера – «Здоровье, самосохранительное поведение и смертность» – включает исследования, посвященные сельско-городским различиям в вопросах самосохранительного поведения и продолжительности жизни. В статьях Е. В. Земляновой и Г. Н. Евдокушкиной (общероссийский анализ) и С. Р. Хазиповой (на материалах Башкортостана) убедительно показано, что сельские мужчины трудоспособных возрастов остаются наиболее уязвимой группой населения, а разрывы в показателях смертности демонстрируют высокую чувствительность к различным внешним «шокам». О. А. Волкова и Д. А. Исакова предлагают концепцию телемедицины как системообразующего элемента социально-демографической устойчивости удаленных территорий. Обзорная статья Н. В. Чернышевой и Н. Х. Нагапетяна обобщает существующие подходы к охране здоровья сельского населения, выделяя институциональные, поведенческие и структурные рамки анализа.

Третий раздел – «Демография рынка труда» – фокусируется на вопросах занятости и формирования трудовых ресурсов в сельских районах России. С. В. Рязанцев и М. Л. Вартанова проводят детальный анализ демографических трендов, непосредственно влияющих на формирование трудовых ресурсов и способствующих возникновению дефицита кадров в селах и на предприятиях АПК, а также предлагают сценарные модели численности трудовых ресурсов в сельских районах России до 2030 г. Т. К. Ростовская и Я. С. Рочева на основе статистических данных выявляют феномен «двойного неравенства» для инвалидов, проживающих в сельских поселениях, где ограничения по здоровью усугубляются территориальной недоступностью. А. А. Вяльшина на примере Саратовской области показывает социоструктурную дифференциацию сельских групп в зависимости от типа занятости и раскрывает адаптационные ресурсы локальных сообществ.

Завершающий раздел – «Социальная демография» – включает исследования социального капитала, факторов рождаемости и миграционных установок. Т. А. Гужавина на материалах Вологодской области оценивает компенсаторный потенциал социальных сетей в условиях дефицита ресурсов. С. Е. Кротов и Т. В. Лебедева фиксируют новый тревожный тренд – переход ряда регионов к ситуации, когда сельская рождаемость опускается ниже городской. И. П. Саютина с соавторами на примере Алтайского края показывают, что социальная безопасность выступает ключевым индикатором миграционных настроений сельчан. А. В. Дождиков апробирует методы машинного обучения для выявления связей между инфраструктурой и демографической динамикой регионов.

Все статьи номера, несмотря на разнообразие методов – от статистического моделирования и машинного обучения до качественных интервью и исторической реконструкции – объединяет общая задача: дать научно обоснованные ориентиры для социально-демографической политики, способной переломить негативные тенденции и раскрыть внутренний потенциал сельских территорий.

Мы надеемся, что представленные исследования вызовут интерес как у академического сообщества, так и у практиков, работающих над развитием российского села.

С уважением,

*С. В. Рязанцев,
чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
главный редактор журнала*

*Т. К. Ростовская,
д-р социол. наук, проф.,
директор ИСД ФНИСЦ РАН*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.1)

EDN [QVDKDP](https://edn.ru/QVDKDP)

Научная статья

ВЕКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА РОССИИ

Великий П. П.

Институт аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН, Саратов, Россия

E-mail: iagpran@mail.ru

Для цитирования: Великий, П. П. Векторы исторического изменения социально-экономической и культурной жизни сельского социума России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 10–29. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.1). EDN [QVDKDP](https://edn.ru/QVDKDP).

Аннотация. На основе методологических положений теории социологии жизни рассматривается структура жизненного мира сельского населения. Объяснены причины невключенности многовекового опыта частной формы труда крестьянских сообществ в открывшуюся возможность ведения хозяйства в статусе фермера. В начале аграрной реформы 1990-х гг. многие жители села не обладали необходимым образованием, не понимали ценности пахотной земли, что отрицательно повлияло на принятие актуальных решений. Выявлены особенности жизненного мира как реальности в виде «незавершенного проекта» под воздействием объективных условий и субъективных факторов не только здесь и сейчас, но и в относительно близкой и отдаленной перспективе. Дана оценка специфики социокультурной и духовной жизни сельских сообществ в условиях исключения большей части их членов из привычных форм трудового, социокультурного и гражданского участия. С позиции ценностей человекосоразмерности рассмотрены проблемы самоопределения двух ключевых групп сельских сообществ – работников сельского хозяйства и фермеров. Дано объяснение возникновению и укоренению тенденции неоправданно глубокого социального неравенства в сельских сообществах, связанное с ориентацией аграрного производства на включение в него неполного состава членов бывших колхозов и совхозов. Сформулированы векторы возможных будущих изменений жизненного мира сельского социума. Гармонизация жизненного мира села зависит от взаимного согласования деятельности разных ведомств, ответственных за сельское развитие, на основе учета потребностей и интересов всех социально-профессиональных групп сельского населения.

Ключевые слова: сельские сообщества, аграрная реформа, социокультурная деятельность, гражданское участие, фермеры, персонал корпоративно-долевых организаций, традиции, жизненный мир

Введение

Деревня как совокупность населения, освоившего земельные угодья для постоянного восполнения ресурсов выживания, имеет длительную историю создания институтов соразмерности и согласованности жизни сообществ. В ней складывались особые предпосылки естественной толерантности, обусловленной чаще всего религиозными основаниями, которой определяются специфические особенности разрешения противоречий внутри сообществ во взаимодействии с чужими. Аграрная реформа 1990-х гг., изменив экономические, хозяйственные, социокультурные отношения, заложила предпосылки для разновекторности функционирования эле-

ментов сельского жизненного мира. Специфика вступления в новый социально-экономический порядок определяется укоренившимися ориентирами на мудрость государственного проектирования, состоянием личностных качеств, наличием у постколхозников предпринимательской жилки, уровнем образованности в технической сфере и способностью к рациональному экономическому поведению. Не менее важны состояние экономических институтов, банковского и денежного дела, которые, как известно, были изначально ориентированы на плановую экономику.

Важным моментом коррекции нормативных действий в условиях уходящих в прошлое социальных отношений стали межличностные отношения субъектов реформации – от министерств и ведомств до отдельных индивидов в локальных общностях, районных и областных центрах. Огромные площади ранее возделывавшихся земель, которые вскоре после проведенной аграрной реформы заросли сорными травами, а к настоящему времени мелколесьем – яркое свидетельство человеческой жадности, когда захваченная земля оказалась неподъемной собственностью.

Население деревни действительно развивалось вместе с обществом и государством, получая новые возможности для улучшения своей жизни, профессиональной и общей культуры. Однако не исключены издержки и вызовы, как локальные и относительно легко преодолимые, так и кардинальные, массовые. Поколениям конца XX в. пришлось возвращаться ко многим устоям жизни своих предков, из которых они были вырваны событиями вековой давности. Как это делать – не было ни теоретических представлений, ни практического опыта.

Между возникшими новыми хозяйственными структурами не сложилось органичной связи: ни фермерство, ни организации корпоративно-долевого уклада не входят глубоко в нужды сельского сообщества, поэтому самые активные члены до сих пор выбирают трудовую занятость за пределами своего места жительства. Молодежь в большинстве случаев, окончив сельскую школу, ориентируется на жизнеустройство за пределами села. Пенсионеры и неработающие женщины-домохозяйки замкнуты на заботы о домашнем быте.

Идеи и способы вступления сельского социума в аграрную реформу вывели большую часть сельских жителей из устоявшихся моделей выживания и воспроизводства поколений. Прошедшее 30-летие пореформенного времени не только не изменило ситуацию в лучшую сторону, но и усугубило положение «лишнего» трудоспособного населения. Между повседневной жизнью разных групп локальных сельских сообществ возникли разрывы на основе неравномерности реального обладания собственностью и положением в общественной организации труда. В отдельном селе, как правило, есть несколько фермеров, глубоко озабоченных доходами своих хозяйств. «Крестьянская» часть крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) просто не существует в том образе, на который рассчитывали реформаторы. Ее место заняли наемные работники с неизбежными качествами «прекариатной» отстраненности, присущей наемному труду. Другая, подавляющая часть сообщества живет вне подобных забот. Хотя по замыслу реформаторов структура КФХ должна была включать членов семей, чтобы все были «при деле», однако широкого распространения эта практика не получила.

На сохранение и корректировку характеристик мира сельских сообществ нашего времени повлияли социально-экономические, социокультурные и духовные факторы первоначальной стадии капитализма, которая в России была особенно болезненной. Общество слишком быстро забыло, что означала для села ментальная методика смены порядка жизни в деревне. Начиная аграрную реформу, ее организаторы, по-видимому, не принимали во внимание того, что между укорененными представлениями сельского населения, процессом формирования общественного мнения и принятия решений существует тесная взаимозависимость. Лицо сельского мира испытало удары и от действий внешних организаций и дельцов, преследовавших свои интересы: первые изымали земельные наделы (агрохолдинги, «белые фермеры», т. е. горожане, получившие пахотные земли колхозов), вторые арендовали на 50 лет пруды, озера, лесные угодья. Обнаружилось, что устранение государства от коррекции отраслевой структуры новых хозяйств (фермерского и корпоративно-делового уклада) привело к формированию симбиозных структур. Все лишения, заданные на начальном этапе аграрной реформы, перешли в пореформенный период. Превращенные формы во многих сферах жизни приобрели законный вид. В силу отстранения большинства сельских жителей от соработничества с местной властью и хозяйственными организациями для решения значимых задач, духовно-нравственные ресурсы сельских сообществ сосредоточились на внутриобщинных бытовых вопросах. Тем не менее места для коллективной солидарности осталось немного, но она все же находит пространство для своего воплощения. Сочувствие, безвозмездная помощь старикам и инвалидам – наиболее распространенные проявления духовности старшего поколения, к которому подтягивается сельская молодежь. За прошедшую четверть XXI в. сельский жизненный мир не обрел образа стабильного движения в будущее. Неуверенность в надежности грядущего – доминирующая черта социальных настроений и фактор конструирования будущего как для взрослых, так и для молодежи.

Объектом исследования является жизнеустройство населения современной российской деревни. Предмет – практики жизнеустройства сельского населения в современных условиях. Цель исследования – оценка состояния социального благополучия разных групп сельского населения и перспектив его роста.

Материалы и методы

Настоящая статья является результатом непрерывного, почти сорокалетнего, социологического наблюдения за российской деревней регионов Сибири, Урала, Поволжья, Краснодарского края под углом зрения удовлетворения основных потребностей сельского населения. По итогам социологического анализа проблем села после начала аграрной реформы институтами РАН готовились аналитические доклады в Президиум РАН, правительство и Президенту. После замены колхозов и совхозов организациями корпоративного и фермерского укладов образовались новые проблемы: резко изменилось положение всех социально-профессиональных и демографических групп села, что стало предметом изучения и публикаций многочисленных статей и индивидуальных монографий. Результаты были представлены на четырех конгрессах социологов России.

В пореформенные годы автор получил поддержку РГНФ, РФФИ и РНФ семи грантовых проектов по отдельным актуальным темам: зарубежным мигрантам в российской деревне, развитию неаграрных производств, успешным хозяевам подворий, фермерству. Многолетние регулярные встречи с разными категориями жителей деревни создали чувство собственного включенного наблюдения за реалиями села. С одной стороны, это позволило глубже понять особенности постколхозной деревни, с другой – возможно, привело к излишней эмоциональности в ущерб уравновешенной академичности.

Жизненный мир сельского населения рассматривается в основном как повседневность его жизни в условиях функционирования рыночных социально-экономических отношений. Занятость в общественном аграрном производстве, домашней сфере или за пределами села (неаграрное отходничество), способы проведения свободного времени, информационная компетентность – эти и некоторые другие аспекты являются полем социологических исследований. Этот подход считает сельских жителей частью общей массы населения, локализованного в поселениях разной величины, однако недостаточно учитывает этосные составляющие, укорененные в повседневность. И к ним применяются методики изучения, мало отличающиеся от городских, в которых допустимо не учитываются некоторые эффекты, идущие из прошлого. Именно таким эффектом обладала крестьянская община в России, прежде всего в выживании ее членов в трудных, критических ситуациях. Хотя одни деревни имеют многовековую историю, другие возникали в XIX в., но все они очень скоро приобретали единообразный этос, в основе которого лежали смыслы доброжелательства и нравственных ценностей, особенно если они строились на христианских заповедях. Эти особенности позволили Ф. Теннису определить такой этос как «присущий семье».

Понятие «вектор» отражает несколько состояний объекта с позиции слаженности самодвижения, то есть все составляющие жизненного мира сельского социума (сообщества) согласованно взаимодействуют между собой, что соответствует комплексности и системности. В то же время термин вектор (vector) (от латинского «несущий») охватывает такие свойства социальных процессов как скорость, ускорение, замедление, в определенном отрезке времени, а также обладает эвристической перспективой.

Жизненный мир как понятие и его эмпирическое наполнение привлекают исследователей с XIX в. Мир – понятие многозначное. Логика научного познания опирается на многие ценностные ориентиры христианства, непревзойденные и по истечении двух тысячелетий. Интерес социологов к изучению жизненного мира возрос в XIX–XX вв. К нему обращались Э. Дюркгейм, М. Вебер, Э. Гуссерль. О взаимосогласованном опыте человечества писал А. Шюц [1]. Ю. Хабермас выделил в качестве интегрирующего фактора объективные и субъективные признаки реальности [2]. В советской и российской социологии стали актуальными темы образа жизни и социального планирования, которые охватывали и содержание жизненного мира территорий, поселений и производственных коллективов (И. В. Бестужев-Лада, Л. Н. Коган, П. П. Великий и др.). Жизненный мир деревни исследовали В. И. Староверов, П. И. Симуш, Ю. В. Арутюнян. В настоящее время состояние жизненного мира сельского социума привлекает внимание О. П. Фадеевой,

О. В. Нечипоренко, Т. А. Жуковой, Е. В. Морозовой и других авторов, исследования которых регулярно публикуются в журнале «СОЦИС».

Структура жизненного мира представляет собой синтез объективного и субъективного в существовании и жизнедеятельности людей, включенных в различные формальные образования: коллективы, поселенческие сообщества, семьи. При этом значительную роль в смысловом и деятельном поведении людей играют существующие в обществе социально-экономические отношения, причастность индивидов и групп к высокоизбирательным вопросам, действительная, а не мнимая, возможность быть активным участником распределения благ и ценностей, возникающих в результате их труда. Несмотря на институционализацию, большая часть сельских жителей оказалась вне этого процесса. КФХ, задуманное как семейное, стало организацией с единственным руководителем и наемными работниками. Крайне ограничены возможности персонала сельскохозяйственных организаций акционерного типа, когда вся собственность перешла в руки людей, чуждых сельскому укладу жизни.

Другие составляющие жизненного мира: социально-профессиональный уровень, приватная жизнь, перспективные цели жизнеустройства, коллективная воля сельских сообществ – важные для индивидов – во многом являются производными от социально-экономических и трудовых отношений в АПК. Именно они породили проблему «лишних людей» на селе: неотходничество и уход в неформальную экономику, новый (по сравнению с колхозным) образ жизни, трудный и непредсказуемый по длительности и эффективности результатов [3].

В наше время понятие жизненного мира преимущественно означает совокупность человеческих отношений в территориальном пространстве (городской, сельский, мир западных и восточных цивилизаций). Впрочем, этот термин применим и для описания всей совокупности функций и других субъектов, например, мир семьи, локального сообщества или производственного персонала. Особое значение имел данный термин в реалиях жизни крестьянской общины XIII – начала XX вв. Жить в миру – значит быть в мирских заботах, т. е. выходящих за пределы своего подворья. В сходе, как действующем органе самоуправления сельского мира, участвовал один мужик «от дыма» (семейного подворья), на волостном миру или круге – два хозяина от сотни. На этих сходах принимались жесткие меры против членов общины, например, отходников, запустивших, не обрабатывающих «по правилам» свою пахотную землю. Передача таких плохо ухоженных участков земли другой семье оценивалась с позиций несправедливости. И в целом жизнь в миру постоянно подвергалась моральной оценке, отличалась открытостью; любое событие, произошедшее сегодня, на завтра уже было известно всем, получало похвалу или осуждение.

С позиции социологии жизни актуальна задача оценки указанных устоев сельской жизни при наступлении перемен, кардинально изменивших положение массовых слоев современного сельского населения. Сельский мир в образе традиционных факторов не теряет этот уникальный ресурс в самых трудных условиях.

Термин «человекосоразмерность» использован для выражения противоречий входа индивидов и сообществ в новый социально-экономический порядок. При коренной ломке социально-экономических отношений в аграрной сфере сложно мо-

ментально создать условия для учета всех потребностей разных социальных групп. Организаторами реформ многие необходимые решения откладываются на будущее из-за отсутствия ресурсов. Сельское население, опривычевшее практики переноса позитивных перемен в отдаленное будущее (как, например, коммунизм), внутренне соглашается с возникшими ограничениями. Однако здесь не допустим переход определенных границ дозволенного, когда самые существенные человеческие нужды игнорируются. Возможное соотношение вынужденных жертв и позитивных решений хорошо схватывается термином «человекосоразмерность».

Информационную базу исследования составляют результаты нескольких прикладных социологических исследований под руководством автора. Первые из них, поддержанные РГНФ, были посвящены положению социально уязвимых групп – старшему поколению сельского населения. В 2018 г. в рамках гранта РФФИ на материалах Республики Татарстан и Саратовской области исследовались процессы образования групп успешных хозяев сельских подворий, которые во многом складывались на принципах самоорганизации¹. Выборка – квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) муниципальных образований и крупности сел, с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия – по удаленности от областного центра [4, с. 78]. Исследовательская группа общалась с 363 респондентами посредством разнообразных методик (анкетирование, интервью, включенное наблюдение): в Саратовской области 188 домохозяйств из 52 сел, расположенных в 21 районе; в Татарстане – 110 домохозяйств из 45 сел, расположенных в 9 районах; в Московской области – 42 домохозяйства из 33 сел, расположенных в 4 районах; в Омской области проведено интервью 23 человек, в целях выявления роли фактора территориальной близости села к городу. Исследования 2024–2025-х гг. выполнялись в рамках проекта РНФ № 24-28-00219², когда было опрошено 203 фермера в Саратовской области и Краснодарском крае. Кроме того, использовались результаты социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. Объект исследования – жители сельских поселений Саратовской области (N=1 215). Выборка целевая, квотная, соответствующая профессионально-квалификационным группам (предприниматели – фермеры; наемные работники сельского хозяйства; работники бюджетной сферы; неформально занятые в сельском хозяйстве – ведут товарное ЛПХ на продажу и/или для собственного потребления; пенсионеры; лица трудоспособного возраста, не имеющие оплачиваемой занятости). Помимо этого, в работе применен метод вторичного анализа данных, где были использованы итоги социологического исследования труда, проведенного группой ученых под руководством Ж. Т. Тощенко [5].

¹ Грант РФФИ № 18-011-00206 «Успешные хозяева сельских подворий: смыслы и результаты активной жизнедеятельности».

² Грант РНФ № 24-28-00219 «Жизненный мир фермерства в современной России».

Обзор научной литературы

Литературу об устойчивых чертах русского крестьянства можно разделить на периоды, начиная с наиболее отдаленного времени. Общинно-народнические аспекты рассмотрены А. И. Герценом, Д. М. Петрушевским, Н. Г. Чернышевским. После революции 1917 г. социокультурные качества крестьян с социологической точки зрения анализировались П. А. Матвеевым, А. С. Посниковым, А. С. Пругавиным, М. Н. Харузиным, В. В. Томашевым, А. И. Шингаревым. И в наше время к теме жизнеустройства сельчан обращаются многие ученые. Достаточно назвать такие работы как коллективную монографию «Смыслы сельской жизни», публикации В. Г. Виноградского, А. М. Никулина, А. А. Хагурова, Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой и других. Более подробный анализ этих исследований представлен в работах П. П. Великого и А. А. Вяльшиной [6; 7]. В новейшей социологической литературе публикаций, в заглавии которых присутствует термин «жизненный мир», пока мало, но это не говорит о том, что данный феномен не изучается.

Теоретические исследования специфики поведения сельского мира проведены М. Вебером и Ф. Теннисом. Ф. Теннис в своей знаменитой книге «Общность и общество», сравнивал отношения в общности с семейными, скрепленными глубокими чувствами, что отсутствует в обществе, где другой рассматривается как средство решения частных интересов. В марке, описанной М. Вебером, качества общности ограничены, хотя и проявляются. Опыт вышедших из общины семей в процессе реформы П. А. Столыпина показал, что несмотря на прекращение ответственности перед общиной, оставались морально-нравственные обязательства в отношении односельчан, испытывающих нужду. В странах Запада, невзирая на преобладание фермерского уклада, существует интерес к комьюнити как способу жизни в условиях человеческого общения.

В западной социологической литературе распространены исследовательские работы, ориентированные на осмысление типичных характеристик жизни сельского населения, в том числе развивающие концепции поселенческой общины (комьюнити). Этому способствовали и практики их возникновения. В США их прирост составил от 10 тыс. в 1970 г. до 180 тыс. в 2004 г. [8, с. 141]. В комьюнити, как и в фермерских хозяйствах, возникают моменты рассогласования отношений, пути оптимизации которых рассмотрены С. Menke [9, с. 390]. Существуют и противоречия между интересами руководителя и наемного персонала, на которые обращал внимание еще М. Вебер [10]. Не обойдены вниманием и такие явления в жизни производственного персонала, как возникновение групп влияния и тенденции их особого положения по вознаграждению, льготам [11].

Крестьянство в теориях, ориентированных на революции, удостаивалось низкой оценки – пассивности и простоты жизни. Но с позиции ценностей нравственности, чистоты религиозности оно меньше всего деформировалось, по словам О. Шпенглера это «запечатленный миг живой природы» [12, с. 347], в то время как культура профессиональных групп – это «бытие, которое удерживается в них технической традицией, духом их труда» [12, с. 348]. Однако, если состав профессиональных групп будет пополняться из числа сельского населения, он будет носить многие позитивные черты своего сословия. Им более близки смыслы традицион-

ных духовно-нравственных ценностей, потому что в локальном сообществе существуют реальные предпосылки.

Результаты исследования

В анализе перспектив устройства сельской жизни преобладают подходы с позиции поиска средств (ресурсов, резервов) для преодоления нужды и нехватки. На первый взгляд, подход вполне оправданный: ныне живущие люди, оставив позади реалии жизни в условиях ограничений, если не сами, то их дети будут жить в лучших условиях. Однако в жизни, особенно если подходить к реалиям в долгосрочной перспективе, многое оказывается совсем не таким, каким было в представлениях – укоренившиеся недостатки не исчезают, новое время приносит новые, часто неопределяемые ограничения. Это наиболее отчетливо видно в сельских реалиях. С начала 1990-х гг. так и не удалось создать систему качественной и доступной медицинской помощи сельскому населению. Возможности спокойного, слаженного труда во вновь организованном АПК буквально оказались вырванными из «обновленной» жизни сельского населения. Ореол «доблестных тружеников полей», который присутствовал в сознании не одного поколения полеводов и животноводов, не выдержал наступивших перемен. Оказалось, что решение масштабных производственных задач страны, возможно при уменьшении в десятки раз числа занятых аграрным трудом.

Труд и социальное благополучие

Вторичный анализ результатов социологического исследования проблем жизненного мира сельских сообществ [6] проведен на основе анализа таблиц о положении работников из 12 сфер деятельности, включая сельское хозяйство. Были отобраны 5 отраслей, имеющие сходство – производство материального продукта. Сравнение работников сельского хозяйства с другими отраслями, к примеру, с медициной или образованием, оказалось бы некорректным. Были проанализированы переменные, характеризующие положение работников по поддержке профессиональной компетенции, здоровью, культуре, общественной деятельности, быту. Логико-комбинаторными методами выделены признаки групп (качества акторов, условия), которые наиболее резко отличают благополучные группы работников других отраслей от аграриев. Применив уже ставший общепринятым приемом перехода от процентного измерения к баллам и индексам, получаем совокупность факторов, в разной степени обуславливающих приближение жизненного мира сельских сообществ к максимально возможному в современных условиях.

Работники сельскохозяйственных организаций, в том числе крупные фермеры, достаточно однородны по положению в трудовых процессах (имеют необходимую квалификацию работать на тракторе, комбайне, производить ремонт техники). Сравнение работников промышленности, строительства, транспорта, торговли, ЖКХ и сельского хозяйства допустимо, так как продукты их труда, исключая некоторые операции, имеют общие черты. Разница в основном в том, что одна часть отраслей расположена в городах, где лучше развит сектор услуг и больше свободы в трудовом самоопределении, чего на селе нет или развито слабее.

Нами рассмотрены таблицы Всероссийского исследования труда, в которых отражены важнейшие стороны жизненного мира, с перекодировкой количества ответов в баллы (от 1 – низшее значение, до 5 – высшее) (см. табл. 1).

Переведя проценты в баллы, мы обнаружили, что показатели из 6 наиболее значимых переменных высшую оценку 4 получили все пять отраслей, из оцененных на 3 – четыре отрасли, на 2 – нет ни одной отрасли. Но по отдельным показателям («Изменилось ли материальное положение за последние три года», «Отдаленность работы от дома») представители всех отраслей поставили низшую оценку в 1–2 балла. Из 40 баллов высшее значение 4 балла составляет 20%, три балла – 47,5%, низшее – 20%. Сельское хозяйство в ряду остальных отраслей народного хозяйства почти не отличается от них, однако в нем более обострены две проблемы: увеличения материального благополучия за последние три года и справедливая оплата труда.

Таблица 1

Распределение ответов работников сельского хозяйства и четырех отраслей народного хозяйства (% от соответствующей группы)

Table 1

Distribution of responses from workers in agriculture and four sectors of the national economy (% of the corresponding group)

Избранные переменные	Отрасли профессиональной деятельности				
	Промышленность	Строительство	Транспорт	Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	Сельское хозяйство
Из каких источников формируется доход					
Заработная плата	99,1	99,1	98,2	98,2	96,0
Как изменилось материальное положение за последние три года					
Улучшилось	18,0	23,9	10,9	18,6	17,5
Ухудшилось	39,1	35,8	41,8	46,0	38,5
Могут ли влиять на принятие важных решений					
Могут влиять в полной мере в своей производственной организации	3,0	9,2	3,6	8,1	7,0
Не могут влиять	65,2	71,6	72,7	66,4	73,5
Состояние здоровья					
Полностью здоровы	16,7	17,4	12,7	15,0	14,0
Имеют хронические заболевания	20,6	12,8	14,5	15,0	40,0
Что является очень важным в Вашей жизни					
Семья	89,7	89,9	92,7	94,7	95,0
Работа	84,1	84,4	85,5	84,1	82,0
Отдых	66,5	70,6	74,5	71,7	64,5
Улучшится ли Ваша жизнь в ближайшем будущем					
Улучшится	28,8	33,9	21,8	38,9	25,5
Не улучшится	36,9	29,4	36,4	29,2	42,0

Примечание: 61,5% сельчан обеспечивают себя продуктами за счет ЛПХ

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийского исследования труда

Хотя по большинству показателей работники сельскохозяйственной отрасли находятся в ситуации, схожей с другими отраслями, это не означает, что они не испытывают особых, присущих только им ограничений, во многом заданных неравномерной нагрузкой работника: быть высоко востребованным в весенние и осенние месяцы и низко – в зимние. Собственники и руководители сельхозорганиза-

ций, исходя из экономических соображений, переводят работников на минимальную зарплату, активно поддерживают переход в неоплачиваемые отпуска. Среди других четырех отраслей доля аграриев, работающих без трудового договора, наиболее высока – 20,5% (исключая торговлю и ЖКХ, где показатель 23,9%). Обращает на себя показатель состояния здоровья, особенно наличие хронических заболеваний, уровень которых превышает сравниваемые группы работников в два раза (его имеют 40%, то есть почти половина работников сельскохозяйственной отрасли). Можно предположить, что в совокупности сельского населения их меньше, и что более здоровые и мобильные предпочли зарабатывать на жизнь в других местах посредством трудового отходничества, а для поддержки АПК остался физически ослабленный контингент.

Выбытие из аграрного трудового процесса работников с хроническими болезнями – реальная перспектива для многих сел, как и то, что замена их за счет местных жителей, отвечающих профессиональным стандартам, непростая задача. Дело в том, что многие инициативные люди, ощущая негативное в текущем обновлении жизни села и своего социального положения на предприятиях корпоративно-делового и фермерского сектора, активировали старый крестьянский способ – самозанятость по своему плану и наклонностям. В пореформенное время – это расширенные товарные ЛПХ. Находясь в более щадящем неформальном режиме по сравнению с фермером, сохраняя частичную связь с сельскохозяйственной организацией (кто-нибудь из их семей работает в ней), они, как правило, достигают более высокого уровня благосостояния, чем это возможно, полностью ориентируясь на формальную организацию. Минусы в таком образе жизни тоже есть: это отсутствие стажа работы и связанные с ним моменты социальной защиты. Но ориентация на ближайшие цели оказывается сильнее. При хорошей поддержке сбыта продукции самозанятость в жизненном мире сельчан находит широкое распространение³.

Низкий уровень среднедушевых доходов (см. табл. 2) обуславливает высокий уровень экономической уязвимости домохозяйства, что является серьезным ограничением возможностей самостоятельного повышения уровня и качества жизни семьи.

Таблица 2

Уровень доходов сельского населения по отношению к величине прожиточного минимума на момент исследования (% от соответствующей группы)

Table 2

The income level of the rural population in relation to the subsistence minimum at the time of the study (% of the corresponding group)

Доход	Фермеры, предприниматели	Занятые товарным ЛПХ	Домохозяйки	Неработающие	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Работники сельского хозяйства	Среднее
до 1 ВПМ (до 15 000 руб.)	9,1	42,1	59,4	53,6	48,5	27,9	32,4	36,6

³ Методика выделения групп сельских семей по уровню такого рода самозанятости представлена в книге [4].

Продолжение таблицы 2

1–1,5 ВПМ (15 000–21 500 руб.)	20,8	32,7	21,9	29,8	37,8	33,5	31,4	31,7
1,5–2 ВПМ (21 500–29 000 руб.)	27,3	7,5	8,3	10,7	8,2	21,5	17,6	15,8
2–2,5 ВПМ (29 000–36 000 руб.)	16,9	6,5	4,2	3,6	4,1	9,6	9	8,0
более 2,5 ВПМ (более 36 000 руб.)	26,0	11,2	6,3	2,4	1,5	7,5	9,6	7,8

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания»

В нашем исследовании он оценивается на основе анализа степени экономической депривации, иными словами, ответа на вопрос: «Была ли у вас ситуация за последние 12 месяцев, когда из-за нехватки денег вы не могли себе позволить удовлетворить какие-либо первоочередные нужды?». Варианты ответов суммировались, на основании чего выделялись группы по количеству лишений, идентифицируемые в степень депривации: отсутствие депривации, средняя степень (1–2 лишения за последний год), сильная (3 и более лишений). Не испытывают экономической депривации 33,8% семей предпринимателей и 24,1% домохозяйств лиц, занятых товарным ЛПХ (при средней 18,3%) (см. табл. 3).

Таблица 3

Экономическая уязвимость разных типов сельских домохозяйств, измеряемая через степень экономической депривации (% от соответствующей группы)

Table 3

Economic vulnerability of different types of rural households, measured by the degree of economic deprivation (% of the corresponding group)

Степень экономической депривации	Фермеры, предприниматели	Занятые товарным ЛПХ	Домохозяйки	Неработающие	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Работники сельского хозяйства	Среднее
Не испытывают депривации	33,8	24,1	11,2	12,8	22,6	15,1	17,5	33,8
Относительная депривация (1–2 лишения)	62,3	64,8	65,3	70,9	62,3	69,8	67,2	62,3
Значительная депривация (3 и более лишений)	3,9	11,1	23,4	16,3	15	15,2	15,3	3,9

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания»

Основным значимым лишением, указанным фермерами, является отсутствие финансовой возможности провести свой досуг так, как захочется (50,6% при средней 39,0%). Среди сельчан, занятых товарным ЛПХ, около 46,1% также указали на нехватку денег для желаемого варианта своего досуга, к тому же они еще отме-

чали трудности со своевременной оплатой услуг ЖКХ, выплатой кредитов (33,7% при средней 29,9%). Работники сельского хозяйства чаще указывали на трудности, связанные с выплатой обязательных платежей (39,0%), вместе с тем среди них выше доля тех, у кого отмечаются трудности с обеспечением необходимой одежды (11,6% при средней 8,9%) и обуви по сезону (15,9% при средней 13,1%).

Фермерство, организации корпоративно-долевого уклада и сельское сообщество: перспективы согласования интересов

Институционализация аграрной реформы включала создание хозяйственных форм, сохраняющих коллективистское начало (сельскохозяйственные производственные кооперативы, товарищества, артели, колхозы). Данный уклад поддерживал в глазах сельских жителей образ колхозной организации труда в новых условиях. И это понятно, ведь вновь появившиеся формы хозяйственно-экономической и социокультурной организации жизни всегда сохраняют некоторые элементы предыдущего опыта. В силу этих обстоятельств часть сельского населения оказалась в составе членов таких организаций, а другая – в числе наемных работников у фермера. Чтобы понять разницу в положении членов сельских сообществ, связавших себя с данными организациями и фермерством, рассмотрим характерные черты корпоративно-долевого уклада. Поведенческий паттерн наемного персонала и его руководителей зависит не только от экономических, но и от гуманитарных целей. Руководитель – одновременно единственный полноценный владелец собственности ООО, ранее председатель колхоза, ведет себя наиболее гуманно по отношению к персоналу. Немного сдержаннее ведет себя руководитель подобного же типа хозяйства, пришедший со стороны, однако под давлением трудового коллектива он тоже придерживается человекосоразмерных смыслов своей профессиональной роли. Совсем иную позицию занимает фермер, ставший владельцем или собственником всех земель бывшего колхоза, превративший отношения с наемными работниками по образу капиталиста начала XX в. Трудовой персонал бесправен, и хозяин зачастую воспринимает их с позиции «работающей машины», из которой нужно выжать как можно больше.

Организации корпоративно-долевого уклада имеют разные предпосылки для комбинации экономических и гуманитарных целей, что во многом связано с масштабом предприятия. Сельскохозяйственная организация, насчитывающая более 100 работников, располагает полным перечнем служб, в том числе специалистами-технологами. Если хозяйство менее масштабно, специалист отвечает за два направления деятельности, например, зоотехническую и ветеринарную. И это типичная картина, поскольку в муниципальных районах преобладают в основном небольшие крупхозы. В регионах Поволжья в 20% сельхозорганizations работают до 30 работников, в 38,8% – от 60 до 100, в 5–6% хозяйств – 200–260 работников. В фермерских, даже крупных хозяйствах, число наемных работников не превышает 20–25 человек.

Разномасштабность крупхозов влияет на различие векторов жизненного мира сельских сообществ. Во-первых, доступность рабочих мест, которая связана не с крупностью села, а с тем, какой форме (корпоративно-долевой или фермерству) сообщество отдало предпочтение на первоначальной стадии аграрной реформы. Если фермерство предшествовало, то земельные паи семей отданы в аренду ему, и в акционерную организацию перейдет меньше работников и их земельных наде-

лов. Таким образом, в крупном селе сельскохозяйственная организация может оказаться небольшой по числу занятых. Позиция фермера, которому они отдали земельные паи, как правило, оказывается для односельчан неожиданной: он старается заполучить в пользование как можно больше пахотной земли и других угодий и лишь немногих односельчан обеспечить работой. Это раскалывает сообщество: те, кто не получил работы у фермера, не могут на равных войти в акционерную организацию. Без пая они приобретают статус не акционеров, а наемных работников и не получают права соучаствовать в партисипативных функциях. Несмотря на то, что законодательство дает арендодателю право расторгнуть договор аренды, сельские жители редко этим пользуются. Совокупно действующие в одном селе организации корпоративного уклада и несколько фермеров все-таки не справляются с задачей полного трудоустройства жителей в местах их базирования. Занятость только в ЛПХ или неаграрном отходничестве позволяют иметь доходы, превышающие оплату труда в местных формальных организациях. Именно неопределенность линий поведения участников аграрной реформы, наличие стихийности, самостоятельность акторов, рассматривающих деревню как сверхвыгодное пространство для бизнеса, ввели в жизненный мир сельского населения лакуны неблагополучия, что заставляет оценивать подобные исторические формы с позиций крестьянского выживания и одновременно как решение продовольственных проблем в более широком, национальном масштабе. Это особенно важно в критические моменты, когда в результате реформ один порядок отношений прекращен, а другой еще не установился.

Как показывает международный опыт функционирования фермерского уклада, разлад между наемными работниками и главами хозяйств нередко обусловлен мировоззренческими установками. Фермер, будучи в первую очередь предпринимателем, как отмечал М. Вебер, ориентируется на выгоду, достижение которой далеко не всегда соотнобразуется с правилами и моральными нормами [10]. Разъединение главы фермерского хозяйства с соисполнителями, особенно наемными работниками, чревато утратой качеств взаимопомощи, которая является ценностью для достижения общих целей [11]. Однако объединение в согласованную между собой группу коллективных акторов – более сложная задача, ведь среди них укоренено несколько типов – энтузиаст, предприниматель, враг, согласный (предлагающий всевозможную поддержку), патриарх, заложник, аутсайдер [13].

По оценкам экспертов, существует пять основных смысло-жизненных установок на высокие достижения: ориентация на использование передовых технологий хозяйствования; социо-профессиональный ресурс, многостороннее понимание особенностей своего социального положения и особенностей самостоятельного хозяйствования; видение перспективы роста хозяйства и принятие решений в этих целях; увеличение материального достатка семьи, своих близких и наемного персонала; участие в акциях гражданской активности в пространстве своей жизнедеятельности. Большой вес имеют такие смыслы как «не стать хронически безработным», «улучшить свое материально-финансовое положение», «помочь семье и близким людям».

Здесь отчетливо проявляется проблема человекосоразмерности социального взаимодействия – руководителя и наемного персонала, фермерского хозяйства

и сельского сообщества, нарушения правил моральной экономики. Поэтому внутри фермерского локального сообщества образуются как твердые («тугие») связи, так и рыхлые, когда участники остаются плохо информированными об актуальных проблемах хозяйствования, что ослабляет потенциал самопомощи внутри производственного персонала [11]. Возможно возникновение тенденции – все исключительно для своих и в пределах своих (группы родственников и избранных наемных работников).

Смысл укоренения, на наш взгляд, сводится к установлению прочных связей присутствия социального субъекта во всех структурах жизнеобеспечения, обуславливающее его воспроизводство в близкой и отдаленной перспективе. По отношению к фермерству это означает сохранение предпосылок устойчивого хозяйствования, выполнения социальной функции в микро- и макросреде, репродукцию субъектов деятельности и их материальных ресурсов. Общая закономерность существования и функционирования любых социохозяйственных единиц применительно к фермерству имеет немало специфических черт, которые пока недостаточно осмыслены в социологической науке. Прежде всего, не описаны образы внутренних групп, того, насколько они стремятся к развитию и совершенствованию. Хотя новаторство присуще и фермерству, но наличие и повторяемость в годовом репродукционном круге «непреложных обязанностей перед природой», не опривыченные способы их исполнения могут быть консервативными. Отсюда – неравномерность модернизации. Фермерский уклад, с одной стороны, привлекает творческих индивидов, а с другой – действует и крестьянская осторожность, недоверие эксперименту, чужому опыту. Неизбежна неустрашимость между креативностью и нормативностью [9].

Хозяйство мелкого фермера, впрочем, как среднего и крупного, представляет собой производственную фирму, которая по аграрной технологии и по общению с внешним миром, согласно М. Портеру, подвержена пяти ключевым вызовам: поведение потребителей, формализованные и стихийные поставщики востребованных ресурсов, конкуренты реальные и ожидаемые, новые институциональные формы функционирования, которые может ввести государство [14]. Не менее острая проблема связана с качеством сельскохозяйственной техники: многие мелкие фермеры до сих пор используют тракторы, комбайны, прицепную технику советского производства, которой уже более 30–40 лет. Она выходит из строя в напряженные дни сева или уборки зерновых культур. Доставать нужные узлы и детали некому, кроме самого фермера, но на это могут уйти дни и недели, что скажется на качестве и объемах сбора урожая.

Верхний слой фермеров, представляющий собой сформировавшийся средний класс, при однотипности объективных измерений своего положения, отличается степенью сохранения коллективистских начал социальных отношений недавнего советского прошлого. Среди эмпирически значимых фактов могут быть и такие: встретились несколько пожилых (около 70 лет) фермеров, которые поддерживают атмосферу равенства тягот хозяйствования. Из общей площади один из таких фермеров выделил «эксклюзивный участок», который он сам обрабатывает – от вспашки до уборки урожая, никого больше не привлекая себе в помощь. Во время «страды», времени наиболее напряженного труда, жена этого фермера го-

товит калорийную пищу не менее, чем из трех блюд, на всех работников, сама привозит ее в поле и приветливо расставляет перед каждым механизатором.

Описанная выше практика общения фермера с персоналом создает ореол его как «своего», «нашего человека». К сожалению, такой тип уходящий. Новый стиль – это фермер, идентифицирующий себя с успешным предпринимателем. Лично он не пашет и не сеет, лишь время от времени выезжает на крутом внедорожнике в поле, чтобы проверить качество выполнения технологии обработки земли, оценить трудовое прилежание конкретных работников. Более детальный надзор за работающим персоналом осуществляется менеджером, родственником фермера или нанятым работником.

Здесь мы видим действие научно-технического прогресса, описанного Й. Шумпетером, который сравнивал первых предпринимателей с вождем группы, сформированной вокруг него для решения производственных задач. Он выступал как рыцарь на белом коне, лично вторгаясь в гущу проблем и разрешал их. Однако длилось это недолго. Настало время, когда он слез с белого коня и засел за колонки цифр. Прежний ореол «нашего человека» исчез, в его жизнедеятельности стали преобладать моменты «разрушающего созидания».

Исследователи кадров сельскохозяйственной отрасли за основу сущности перемен, как правило, берут идеи западных ученых. В их представлениях село ждут следующие перемены: сельское хозяйство превращается из основного места аграрной занятости в пространство досуговых занятий и туризма. На село уйдут отдельные виды промышленного производства, чему предпосылкой явится дешевая рабочая сила и уменьшение транзакционных расходов. Российской деревне в отдаленной перспективе также не избежать модернизации, но бизнесу, базирующемуся в городах, вряд ли подойдут работники из села. Собственный потенциал кадров высокой профессиональной компетенции в АПК весьма невелик, что предопределено институционально, то есть численность кадров привязана к крупности предприятия.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что фермерский уклад движется в направлении, не соответствующем конкурентоспособному развитию АПК с учетом принципов социальной устойчивости. Сокращение фермерских хозяйств в пользу средних и крупных хотя и не угрожает снижению вклада фермеров в общероссийское производство продовольствия, но имеет негативные социоструктурные последствия: сокращается деятельная, авангардная часть сельского населения. Особого внимания требует мелкое фермерство. Сегодня его состав, будучи слабым по материальной базе хозяйствования, поставлен в равные условия со средним и крупным, и вынужден подражать им, зачастую опираясь на «негодные средства». Как раз это и нужно изменить. Подходы могут быть разные: можно установить новые параметры массового фермерства, крупные фермерские хозяйства преобразовать в акционерные общества. Пространство общественной самодеятельности сообществ возрастет.

Особенности гражданского участия сельского населения

Сегодня распределение видов действий в реализации общественного участия среди сельского населения неравномерно и зависит от смысловых ценностей. Их условно можно разделить на следующие направления. Первое связано

с помощью ближнему (в духе христианских заповедей и естественной доброты людей, живущих в одном поселении). Это сбор вещей и пожертвование денежных средств в пользу нуждающихся, участие в коллективных мероприятиях по обустройству территории поселения, кладбищ, дворов престарелых односельчан. В данном случае наиболее активны работники бюджетных отраслей (до 50%), сельчане, занятые в товарном ЛПХ, домохозяйки, фермеры. Второе направление связано с действиями по достижению справедливости и нормативного порядка внутри села: написание коллективных писем по поводу устранения проблем в бытовой сфере, объединение с другими акторами по вопросам доступности школ, медицинских учреждений, отсутствия кооперативных организаций. Здесь занята наименьшая доля сообществ – от 2 до 5%. Третье направление включает участие в выборах в разные органы власти, вопросах самоуправления, в патриотических и экологических акциях (от 7 до 20%). Неравномерность гражданского участия связана с различием мотивации разных групп сообществ (см. табл. 4).

Таблица 4

**Мотивы участия в общественной деятельности сельского населения
(% от соответствующей группы)**

Table 4

**Motives of the rural population for participation in social activities
(% of the corresponding group)**

Индикатор	Бюджетники	Фермеры	Занятые товарным ЛПХ	Домохозяйки	Не имеющие официальной работы	Пенсионеры	Наемные работники сельского хозяйства
Из-за чувства долга и ответственности	28,9	34,5	34,1	26,0	16,9	29,7	20,4
Из-за желания изменить жизнь к лучшему	39,3	27,1	35,2	36,4	22,0	21,9	22,4
Так воспитан	36,4	37,3	36,4	42,9	28,8	31,0	38,8
Хочется помогать людям, мне интересно	15,0	16,9	20,5	15,6	11,9	11,6	8,8
Меня попросили поучаствовать, я и пошел	11,4	8,5	13,6	6,5	18,6	16,1	22,4
Ради живого общения с людьми	7,8	8,5	12,6	6,5	13,6	9,7	4,8

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

Как видим, распределение ответов обусловлено проявлением «чувства долга и ответственности», и тем, что «иначе нельзя», «так воспитан», которыми чаще руководствуются бюджетники, фермеры, сельчане, занятые товарным ЛПХ, безработные сельские жители и домохозяйки. Интересно распределение ответов по альтернативе «ради общения с другими людьми». При низких показателях для всех групп работники формальных сельскохозяйственных организаций оказались в самом низу представленного списка. Вероятно, здесь действует фактор усталости от монотонной работы, отсутствие интереса к общению с другими односельчанами и членами сообщества, большинство которых не имеет отношения к совместному аграрному труду.

Выводы

Опираясь на данные исследования, можно представить будущие образы векторов жизненного мира сельских сообществ.

Вектор 1. Доступность каналов обеспечения материального достатка в местах проживания не изменится. Масштабы заработка в сфере самозанятости и неаграрного отходничества могут возрасти. Причина – вытеснение неквалифицированных кадров инновационными ресурсами научно-технического прогресса.

Вектор 2. Реализация креативности сельских жителей улучшится в формальном агропродовольственном комплексе и возрастет в неформальном хозяйствовании. При этом несколько укрепится предпринимательская направленность жизнедеятельности крестьянского типа. Хотя отсутствие возможности выбрать желаемую или получить любую работу по месту жительства отразилось в сознании постколхозника как в принципе невозможное явление, само сельское население частично исправило ситуацию, покинув село или перейдя на неземельное отходничество. Мало того, сельские жители со временем поняли, что земельные пай (их имеют 40% сельских жителей), даже никогда не увиденные, обладают свойством капитала. Продукт или денежная оплата, получаемые от арендаторов, становятся предметом рыночного обмена внутри сообщества. Солидарно выступает сообщество против попыток отдельных семей сдать свой земельный пай выгодному (по оплате), но чужому арендатору. Мотивация: «Свой, наш фермер если разорится, потеряв часть земли, мы все проиграем».

Вектор 3. Мобильность членов сельских сообществ по-прежнему не будет совпадать с перспективными целями развития агропродовольственного комплекса.

Вектор 4. Страховая функция мира сельских сообществ, направленная на восполнение продовольствия в стране, сохранится, и в случае востребованности может реализовываться через самозанятость в разных самостоятельных формах.

Вектор 5. Духовность жизненного мира сельских сообществ сохранит ядро традиционных духовно-нравственных ценностей. В случае отрицательного воспроизводства молодежных групп авторитет учреждений культуры культурно-просветительского советского типа будет ослаблен, наоборот, ценность культовых объектов (церквей в местах жительства) возрастет.

На наш взгляд, наибольшей перспективой включения населения в хозяйственную жизнь обладает вектор, связанный с занятостью в индустрии высоких технологий. Однако он ориентирован на очень узкий круг занятых. Основная масса работников сельскохозяйственных организаций предпочитает самозанятость, включающую как старые формы (расширенные ЛПХ, ремесла), так и новые формы организации труда (небольшие кооперативы по интересам, комбинирование производства, переработки и продажи и т. п.), восстановление традиционной кооперации, имеющей позитивный исторический опыт функционирования в деревне. В пореформенные годы креативность в виде технического творчества переместилось из учреждений культуры в домашнюю сферу, что дает свои результаты в информационной сфере, изготовлении различных приспособлений, расширении рационализаторства, стимулировании обмена идеями в сельских сообществах. Потенциальные возможности расширения трудоустройства сельчан сосредоточены также в использовании уникальных ресурсов природных ландшафтов.

Далеко не оптимистический взгляд на векторы жизненного мира вызван очень медленным приростом позитивных сдвигов в жизни деревни. Но это личное представление автора. Возможно, по-другому быть и не могло, поскольку коренное переустройство жизни села – очень сложная задача, не изолированная от общенациональных задач и предполагающая преодоление организационной, временной, пространственной проблем стыковки средств удовлетворения спроса хозяйствующих субъектов и потребностей духовного порядка, которые далеко не всегда в реальных практиках являются приоритетными. Вместе с тем в общественном сознании меняется и отношение к деревне: миллионы горожан ежегодно выезжают на малую родину на отдых. Появились модели движения горожан, освоение природной среды как места постоянного проживания. Отдельные поселения, дом в деревне, дачные поселки – реальное проявление этой идеи. Проводятся исследования и публикуются научные работы, альтернативные недавнему высокомерному отношению к деревне.

Список литературы

1. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; Составление, научная редакция и послесловие Н. М. Смирновой. Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2004. 1056 с. ISBN 5-8243-0513-7. EDN [QWHEJL](#).
2. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас ; Ответственный редактор Н. В. Мотрошилова; перевод с немецкого: Т. Ю. Бородай, В. И. Кононов, А. В. Михайлов. 2-е издание. Москва : Academia, 1995. 245 с. ISBN 5-86187-044-6. EDN [SNCZGF](#).
3. Великий, П. П. Неоотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 44–49. EDN [MULYVV](#).
4. Семейное хозяйствование в жизненном пространстве современной деревни / П. П. Великий, А. Н. Кочетов, Ч. И. Ильдарханова [и др.]. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2020. 240 с. ISBN 978-5-6045603-2-7. EDN [TFOLEO](#).
5. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность : коллективная монография / Р. И. Анисимов, М. Б. Буланова, И. В. Воробьева [и др.]. Москва : Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7. EDN [IEJRKS](#).
6. Великий, П. П. Современная Российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии / П. П. Великий, А. А. Вальяшина // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](#). EDN [ICIJDC](#).
7. Великий, П. П. Социокультурные и политические аспекты жизненного мира российского сельского социума / П. П. Великий, А. А. Вальяшина // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 3–19. DOI [10.31857/S0132162525040011](#). EDN [ZMRTFE](#).
8. Аграрно-сельская социология: история, концепции, методология, Москва, 21–24 октября 2008 г : материалы секции 38 Третьего Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: пути взаимодействия» / В. И. Староверов и др. ; редкол.: Староверов В. И. (отв. ред.) и др. Москва : РАКО АПК, 2009. 21 с. ISBN 978-5-93098-049-3. EDN [QOKETV](#).
9. Menke, C. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Ästhetisierung // Initial. 1991. Vol. 4. Pp. 383–395. ISSN 0863-4564.
10. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley : University of California Press, 1978. 1469 p. ISBN 9780520035003.
11. Gotz, K. Research on Mobility and Lifestyle – What are the Results? / K. Gotz, T. Ohnmacht // Mobilities: New Perspectives on Transport and Society / Ed. by J. Urry, M. Grieco. London : Routledge, 2012. Pp. 91–109. ISBN 9781315595733. DOI [10.4324/9781315595733](#).
12. Шпенглер, О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т. 1 : Гештальт и действительность. Москва : Мысль, 1998. 666 с. ISBN 5-244-00656-8

13. Eriksson, M. Collective Actors as Driving Forces for Mobilizing Social Capital in a Local Community: What Can Be Learned for Health Promotion? / M. Eriksson, L. Dahlgren, M. Emmelin // *Social Capital and Rural Development in the Knowledge Society* / Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2013. Pp. 273–299. ISBN 978-1782540595.

14. Portes, A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1–24. DOI [10.1146/annurev.soc.24.1.1](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1).

Сведения об авторе

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН (Федеральный исследовательский центр «Саратовский научный центр Российской академии наук»), Саратов, Россия.

Контактная информация: e-mail: iagpran@mail.ru; ORCID [0000-0001-5104-2153](https://orcid.org/0000-0001-5104-2153); РИНЦ SPIN-код: [2252-7732](https://elibrary.ru/2252-7732); Web of Science Researcher ID: [AAP-8978-2021](https://orcid.org/AAP-8978-2021).

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

VECTORS OF HISTORICAL CHANGE IN THE SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL LIFE OF RURAL SOCIETY IN RUSSIA

Peter P. Velikiy

Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center “Saratov Scientific Center RAS”, Saratov, Russia

E-mail: iagpran@mail.ru

For citation: Velikiy, P. P. Vectors of Historical Change in the Socio-Economic and Cultural Life of Rural Society in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 10–29. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.1). (In Russ.)

Abstract. Drawing on the methodological principles of the theory of sociology, this article examines the structure of rural population's lifeworld. It explains why the centuries-long experience of private labour in peasant communities has not been integrated into the new opportunity to farm as an individual farmer. At the beginning of the agricultural reform in the 1990s, many villagers lacked the necessary knowledge and did not appreciate the value of fertile land, which had a negative impact on decision-making processes. The article identifies the characteristics of lifeworld as a reality, in the form of “unfinished projects”, influenced by both objective conditions and subjective factors, not only in the present but also in both the near and distant futures. It assesses the specific features of the socio-cultural and spiritual life in rural communities, taking into account the exclusion of large numbers of their members from traditional modes of work, socio-cultural, and civic engagement. From the perspective of commensurate human values, the issues of self-determination for two key groups within rural communities – agricultural workers and farmers – are examined. An explanation is provided for the emergence and establishment of a trend towards unjustified deep social inequality in rural areas, associated with an orientation of agricultural production towards the inclusion of a limited group of members from former collective and state-owned farms. Vectors for possible future changes to the lifeworld of rural society have been formulated. Harmonization of rural lifeworld depends on mutual coordination of activities of various organizations responsible for rural development based on consideration for the needs and interests of socio-professional groups in rural areas.

Keywords: rural communities, agrarian reform, socio-cultural activity, civic participation, farmers, personnel of corporate-share organizations, traditions, lifeworld

References

1. Schütz, A. *Izbrannoye: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Featured: A World Glowing with Meaning]. Compiled, scientifically edited, and afterword by N. M. Smirnova. Moscow: Political Encyclopedia Publishing House, 2004. 1056 p. ISBN 5-8243-0513-7. (In Russ.).
2. Habermas, J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost': Moskovskiy lektii i interv'yuy* [Democracy. Reason. Morality: Moscow Lectures and Interviews]. Executive editor N.V. Motroshilova; translation from German: T. Yu. Borodai, V. I. Kononov, A. V. Mikhailov. 2nd edition. Moscow: Academia Publishing House, 1995. 245 c. ISBN 5-86187-044-6. (In Russ.).
3. Velikiy, P. P. Neotkhodnichestvo, ili Lishniye lyudi sovremennoy derevni [Neotkhodnichestvo, or the Superfluous People of the Modern Village]. *Sociological Studies*. 2010. No. 9(317). Pp. 44–49. (In Russ.).
4. Velikiy, P. P., Kochetov, A. N., Ildarkhanova, Ch. I., et al. *Semeynoye khozyaystvovaniye v zhiznennom prostranstve sovremennoy derevni* [Family Farming in the Living Space of a Modern Village]. Saratov: Saratovskiy istochnik Publishing House, 2020. 240 p. ISBN 978-5-6045603-2-7. (In Russ.).
5. Anisimov, R. I., Bulanova, M. B., Vorobyova, I. V. *Zhiznennyy mir rabotnikov: ustoychivost' versus prekarnost'* [The Lifeworld of Workers: Sustainability versus Precarity]: collective monograph. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2024. 462 c. ISBN 978-5-7777-0938-7. (In Russ.).
6. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sociological Studies*. 2025. No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). (In Russ.).
7. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Sociocultural and Political Aspects of the Lifeworld of Russian Rural Society. *Sociological Studies*. 2025. No. 4. Pp. 3–19. DOI [10.31857/S0132162525040011](https://doi.org/10.31857/S0132162525040011). (In Russ.).
8. Staroverov, V. I., et al. *Agrarno-sel'skaya sotsiologiya: istoriya, kontseptsii, metodologiya* [Agrarian-Rural Sociology: History, Concepts, Methodology]. Moscow, October 21–24, 2008: materials of section 38 of the Third All-Russian Sociological Congress “Sociology and Society: Ways of Interaction”. Editorial board: Staroverov, V. I. (editor-in-chief) et al. Moscow: Russian Academy of Personnel Provision for the Agro-Industrial Complex, 2009. 21 p. ISBN 978-5-93098-049-3. (In Russ.).
9. Menke, C. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Ästhetisierung. *Initial*. 1991. Vol. 4. Pp. 383–395. ISSN 0863-4564.
10. Weber, M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p. ISBN 9780520035003.
11. Gotz, K., Ohnmacht, T. Research on Mobility and Lifestyle – What are the Results? In: *Mobilities: New Perspectives on Transport and Society*. Ed. by J. Urry, M. Grieco. London: Routledge, 2012. Pp. 91–109. ISBN 9781315595733. DOI [10.4324/9781315595733](https://doi.org/10.4324/9781315595733).
12. Spengler, O. *Zakat Yevropy : ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]. Translated from German, with an introduction and notes by K. A. Svasyan. Vol. 1: Gestalt and Reality. Moscow: Mysl' Publishing House, 1998. 666 c. ISBN 5-244-00656-8. (In Russ.).
13. Eriksson, M., Dahlgren, L., Emmelin, M. Collective Actors as Driving Forces for Mobilizing Social Capital in a Local Community: What Can Be Learned for Health Promotion? In: *Social Capital and Rural Development in the Knowledge Society*. Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. Pp. 273–299. ISBN 978-1782540595.
14. Portes, A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1–24. DOI [10.1146/annurev.soc.24.1.1](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1).

Bio note

Peter P. Velikiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center “Saratov Scientific Center RAS”, Saratov, Russia, Saratov, Russia.

Contact information: e-mail: iagpran@mail.ru; ORCID [0000-0001-5104-2153](https://orcid.org/0000-0001-5104-2153); RSCI SPIN-code: [2252-7732](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=2252-7732); Web of Science Researcher ID: [AAP-8978-2021](https://orcid.org/AAP-8978-2021).

Received on 10.03.2026; accepted for publication on 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.2)

EDN [XYFKUS](https://www.edn.ru/XYFKUS)

Научная статья

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СЕЛА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Широкалова Г. С.

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: shirokalova@list.ru

Для цитирования: Широкалова, Г. С. Социально-демографические проблемы российского села в историческом контексте // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 30–48. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.2). EDN [XYFKUS](https://www.edn.ru/XYFKUS).

Аннотация. Геополитическая необходимость более высоких темпов урбанизации в России в XX в., вызванной новыми технологиями, сформировала положительное отношение сельского сообщества к вертикальной и горизонтальной миграции уже в советское время. Аграрная революция 1990-х гг., изменившая формы собственности на средства производства, привела к разрушению производственной и социальной инфраструктуры большей части сельских поселений, что усилило миграционные потоки социально активных селян, востребованных в других сферах занятости, и стало фактором, лишившим оставшихся в селе политической и экономической субъектности, возможности отстаивать свои права на участие в принятии решений по трансформации сельхозпроизводства и сельских поселений. В результате принимаемые федеральные и локальные программы формируются под запросы агрохолдингов, свидетельством чего являются последствия принятых законодательных актов. Перечисленные процессы, ликвидация сельских поселений, неоднозначность политики и ее оценок задают предметное поле для социологического анализа состояния российского села в исторической перспективе: от начала реформирования аграрной сферы в 1990-е гг. через анализ современного состояния к прогнозам экспертов о ближайшем будущем. Он позволил подтвердить наличие рисков, прогнозируемых экспертным сообществом еще в начале 1990-х гг. Полученные результаты могут быть применены при разработке уточняющих программ дальнейшего исследования причинно-следственных связей между условиями сельхозпроизводства, субъектностью территориальных сообществ, демографической ситуацией, уровнем и образом жизни, миграцией.

Ключевые слова: аграрная политика, социальная дифференциация, демографические процессы, сельское население

Введение

Причинно-следственные связи между аграрной политикой государства, состоянием аграрно-промышленного комплекса (АПК) и социальной сферой села очевидны. В социологических исследованиях социальные проблемы села, как правило, анализируются с позиций их влияния на процесс производства. В данной статье предлагается иной ракурс: аграрная политика государства как причина, определяющая характеристики функционирования сельхозпредприятий, генерирующих/моделирующих социальные процессы на сельских территориях.

Положение в АПК России оценивается с прямо противоположных позиций. Чаще всего транслируется официальная точка зрения Министерства сельского хозяйства Российской Федерации: сельское хозяйство страны находится на подъеме, благодаря которому достигнута, а по отдельным показателям и преодолена планка продовольственной безопасности. В подтверждение сказанного сошлемся на выступление министра О. Лут в Совете Федерации: «По итогам 2024 г. Госпрограмма АПК заняла пятое место по эффективности реализации. Все целевые показатели –

уровень зарплат, индекс производства сельхозпродукции и продовольствия, а также объем экспорта – были выполнены. В частности, зарплаты в отрасли выросли почти на четверть, производство сельхозпродукции к базовому 2020 г. увеличилось на 7,2%. Сбор зерна вошел в пятерку лучших в истории страны, получены рекордные урожаи масличных, овощей, риса и ряда других культур. Увеличилось производство птицы, яиц, свиней, крупного рогатого скота и молока. Благодаря росту сырьевой базы выпуск продукции пищевой и перерабатывающей промышленности вырос на 17,4%. Полученные результаты обеспечили выполнение основных параметров Доктрины продовольственной безопасности и позволили продолжить развитие экспорта отечественной продукции АПК. Поставки за рубеж в натуральном выражении достигли рекордных 109 млн тонн, что обеспечило России третье место в мире по этому показателю»¹.

Учеными-аграрниками и практиками обосновывается иная точка зрения, согласно которой оценка министерства не отражает реальное положение аграрно-промышленного комплекса. Россия, решая геополитические и экономические задачи через экспорт сельхозпродукции, модифицирует агропромышленный комплекс, но не купирует кризисные явления в сфере производства, тем самым создавая риски на рынке труда, стимулируя миграцию и депопуляцию сельского населения². Противоречивость оценок создает проблемную ситуацию и определяет цель статьи – анализ механизмов и результатов влияния аграрной политики государства на трансформацию социального положения сельских жителей в историческом контексте.

Методология исследования

Для достижения названной в научной работе цели использовалась дескриптивная методология, позволившая через анализ научных публикаций начала 1990-х гг. выявить запрограммированность кризиса АПК РФ как элемента механизма встраивания России в глобальный проект Запада. При обзоре литературы применялся историко-проблемный и причинно-следственный подходы, что позволило проследить причины современных рисков в сфере АПК и подтвердить достоверность прогнозов, сделанных в период подготовки преобразований форм собственности и структуры сельхозпроизводства в России. Значительная часть научных публикаций к XIX – нач. XXI вв. имела целью корректировку аграрной политики государства для сохранения отечественного АПК, продовольственной безопасности страны, и как результат – сохранение достойного уровня жизни сельского населения в условиях рыночных отношений, но была проигнорирована, поскольку противоречила стратегической задаче лишения России субъектности, в том числе через импорт продовольствия. Автор использовал также системный подход,

¹ Оксана Лут рассказала о результатах и планах развития АПК на заседании профильного комитета в Совете Федерации // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации : [сайт]. 23.09.2025. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/oksana-lut-rasskazala-o-rezultatakh-i-planakh-razvitiya-apk-na-zasedanii-profilnogo-komiteta-v-sovet> (дата обращения: 10.10.2025).

² МЭФ-2026: Сессия № 4 «Как повысить доходы сельхозпроизводителей в России?» // Московский экономический форум : [сайт]. 07.04.2026. URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2026-sessiya-4-kak-povysit-dokhody-selkhozproi/> (дата обращения: 07.04.2026).

основывающийся на анализе научных публикаций и оценок практиками положения селян как результата состояния многоотраслевого агропромышленного комплекса, включающего сельское хозяйство, сельскохозяйственное машиностроение и др.

Обзор научной литературы

Аграрная революция начала 1990-х гг.

Нынешнее положение российского села детерминировано аграрными преобразованиями конца XX в., поэтому неизбежно обращение к исследованиям очевидцев. Неизбежность кризиса российского АПК в постсоветское время предсказывалась в начале 1990-х гг. на основе анализа законодательных актов правительства Б. Н. Ельцина [1] и первого опыта их реализации. Академик ВАСХНИЛ В. В. Милосердов писал в 1993 г.: руководство России «с настойчивостью разрушает колхозы и совхозы, создает фермерские хозяйства. К 1993 г. организовано около 180 тыс., а к посевной ожидают, что их будет 220 тыс. Быстрый рост фермерских хозяйств «пьянит» его сторонников, они теряют чувство меры и способность трезво оценивать реальность. Появляются авантюристические идеи: с помощью новых сотен тысяч фермеров решить продовольственную проблему России» [2, с. 47]. Академик был прав: типология первых фермеров была очень пестрой и многие из них с самого начала не планировали заниматься сельским хозяйством [3].

Однако реальные причины аграрной революции (смена форм собственности – коренной признак не реформ, а революций) конца XX в. в РФ стали ясны несколько позже, когда разработанная Международным банком реконструкции и развития/Всемирным банком «Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период» (далее – «Стратегия») в 1993 г. была напечатана на русском языке и привезена в Россию. В разработке документа вместе с зарубежными авторами участвовали ученые Советского Союза, которые тоже ответственны за негативные последствия реализации идей данного документа. Конечной целью «Стратегии» было устранение СССР как геополитического соперника стран Запада, и преобразования в АПК были лишь одним из элементов масштабного геополитического плана.

Сопоставление требований «Стратегии» с реализацией принятых в России законов, указов, постановлений об агропромышленном комплексе и сельских территориях доказывало их соответствие в главном: земельные ресурсы и предприятия АПК приватизированы, ограничения на размер земельных угодий отменены, на рынок земли допущены иностранные граждане, количество скота и птицы сокращено, разрешены либерализация цен, свободная международная торговля продовольствием, связи производственной и социальной инфраструктуры сельских территорий разрушены, все перечисленные процессы регулируются рыночными отношениями и т. д. [4, с. 31–86].

Малоизвестен факт о том, как президенту М. С. Горбачеву было направлено обращение трех американских лауреатов Нобелевской премии по экономике и 27 профессоров экономики, предупреждавших о критических для страны последствиях реализации главного требования «Стратегии» – приватизации земли [4, с. 189–192], которое было проигнорировано.

«Стратегия» задавала общие направления реформирования АПК России, конкретизировавшиеся в регионах. В частности, для Нижегородской области был разработан документ «Приватизация земли и реорганизация сельхозпредприятий в России: нижегородская модель», необходимость которой обосновывалась тем, что «хотя земля перешла от государства к коллективу, она не перешла от коллектива к индивидуальным лицам. Поэтому задача подлинной приватизации еще не решена» [5, с. 2]. За консультациями предлагалось обращаться по телефонам в Москве к главному научному сотруднику ВИАПИ РАСХН В. Я. Узуну, а в Вашингтоне – к А. Доран и Г. Уилсон. Модель была реализована под названием «Земельная реформа Нижегородской области» (ЗерНО). Опыт Нижегородской области был распространен на Россию [5].

Сопротивление разрушению коллективных хозяйств на местах объяснялось тем, что практики предвидели его итоги не только для производства продукции, но и слома традиционного уклада сельской жизни. Согласно нашему опросу делегатов съезда Аграрного союза и Аграрной партии России, в 1993 г. 79% считали, что передача в частную собственность приведет к спекуляции землей, 73% – большинство крестьян следующего поколения будут батраками, 71% – появятся крупные землевладельцы, 63% – увеличатся закупки продовольствия за рубежом и т. п. [6, с. 13]. И все же административные меры заставили сельхозпроизводителей в ускоренном темпе проводить преобразования. Поняв бесполезность «борьбы с властью», за которую следовали административные санкции, распространявшиеся на весь коллектив, значительная часть руководителей хозяйств воспользовалась возможностью выбрать такие формы организации, которые давали им право единоличного распоряжения коллективом и его собственностью [7], но даже в этих случаях большинство не смогло сохранить сельхозпроизводство, поскольку следующей целью стала концентрация земель для агрохолдингов. Так было заложено начало ликвидации субъектности сельских жителей, стимулировавшей разрушение сельских сообществ.

Приватизация земли и сельхозпредприятий привела к появлению «безземельных селян». Р. И. Анисимов в свое время прогнозировал: «С уходом старших возрастных групп постепенно исчезнет традиционный для российской деревни образ жизни. Не будет личного подворья, прекратят существование небольшие деревни, а сельские жители будут приобретать городской образ жизни». В дополнение к сказанному отметим, что самое большое количество безземельных сельчан работает в третичном секторе экономики – 31% (это сфера обслуживания – продавцы, почтальоны), тогда как всего 19,5%, обладающих земельным наделом, трудятся в аналогичной сфере [8].

О темпах реформирования и его последствиях свидетельствуют следующие показатели: в 1990 г. колхозов – 12,9 тыс., в 1992 г. – 8,3 тыс., совхозов – 13,0 тыс. и 8,2 тыс., соответственно; новых организационных форм в 1992 г. было 13,0 тыс., крестьянских фермерских хозяйств – 183 тыс. Лишь за два года доля убыточных предприятий увеличилась с 2,85% до 14,7%; доля занятых в сельском, лесном хозяйстве и ЛПХ уменьшилась с 9 965 тыс. до 9 700 тыс. Возросло число совершивших

преступления колхозников с 43,2 тыс. до 55,1 тыс.³ Процесс реформирования коллективных хозяйств сопровождался сокращением социальной инфраструктуры, значительная часть которой находилась на их финансировании или софинансировании. С 1990 г. к 1992 г. в сельской местности количество дошкольных учреждений уменьшилось с 40,6 до 37,7 тыс., доля обеспеченности ими детей – с 53,3 до 44,3%, число библиотек – с 42,2 до 41,1 тыс., клубных учреждений – с 62,6 до 58,3 тыс. Демографическим ответом на эти процессы стало снижение рождаемости: доля детей в возрасте 0–4 года сократилась с 1989 по 1993 г. в селе с 9,1 до 7,6⁴.

Итоги аграрных преобразований через четверть века

В 2017 г. академик РАН А. А. Шутков, анализируя спад производства в АПК РФ за четверть века реформ, указал на их первоначальную причину – следование правительством РФ рекомендациям «Стратегии» МБРР/ВБ [9]. Результатом такого курса стали утрата продовольственной независимости и продовольственной безопасности. Ученые с разных политических позиций не только фиксировали состояние АПК, но и предлагали трансформацию производственных и социальных отношений, сформировавшихся на селе в разных регионах России. Разнообразие позиций/оценок достаточно подробно представлено в публикациях А. А. Куракина [10].

Негативные последствия аграрных преобразований проявились уже в первые годы реформирования, а через четверть века можно было сделать вывод о том, что, несмотря на принятие ряда программ, призванных корректировать негативные процессы, российское село оставалось в критической ситуации. Анализируя их исполнение, чл.-корр. РАН Л. В. Бондаренко констатировала рамочный характер большинства документов, нечеткость формулировок и то, что формы и размеры финансирования изначально не обеспечивали достижения поставленных целей [11]. Аналогичным образом охарактеризованы В. В. Масловой и сегодняшние программы: их несистемность, точечность не дают должного эффекта, в результате имеют место диспропорции по всем направлениям⁵.

Спустя 25 лет после начала реформирования агропрома 30,5% населенных пунктов страны имели жителей менее 10 человек, неудовлетворительное качество жизни – почти 40 млн. сельских жителей, заработная плата в сельском хозяйстве более чем в 2 раза отставала от средней общероссийской, уровень безработицы был почти вдвое выше, чем в среднем по экономике, прогнозировались разрушительные последствия для АПК после вступления России в ВТО [12, с. 7084].

В условиях падения уровня жизни, созданная, прежде всего, для защиты селян, «Партия Дела» предлагала разные формы поддержки АПК, в частности, за счет обеспечения спроса на отечественную сельхозпродукцию через введение «продовольственных карт» даже для сельских жителей, а не только для горожан, живущих за чертой бедности. Сложности организации такой программы широко обсуждались, в том числе учеными ВНИЭСХ [13, с. 109]. Эта инициатива стала озвучиваться

³ Российская Федерация в 1992 году : Статистический ежегодник / Госкомстат России. Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1993. 656 с.

⁴ Там же.

⁵ МЭФ-2026: Сессия № 4 «Как повысить доходы сельхозпроизводителей в России?» // Московский экономический форум : [сайт]. 07.04.2026. URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2026-sessiya-4-kak-povyisit-dokhody-selkhozproi/> (дата обращения: 07.04.2026).

перед проведением всех выборов, поэтому ожидаемой была ее актуализация депутатом фракции «Справедливая Россия», председателем Комитета Госдумы по финансовому рынку А. Г. Аксаковым в конце 2024 г.⁶, за год до выборов депутатов разных уровней, и ее забвение после них.

Из истории. В 1916 г. состоялся Чрезвычайный съезд делегатов от сел, деревень и малых городов России «Спасти российское село», в решениях которого подчеркивалось, что федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий» поддерживает агрохолдинги, «которые не видят среди своих задач развитие территорий и обеспечение занятости населения»⁷. Основная причина их кризисного положения – бесправность местного самоуправления. Далее, в письме Руководителю Администрации Президента РФ С. Б. Иванову упоминалось о том, что в 6 тыс. деревень уже нет школ, а до 2018 г. планируется закрытие еще 934 школ; в 9500 населенных пунктах нет детских садов; без учреждений социальной инфраструктуры остаются десятки тысяч территорий, растет безработица. Для преодоления кризиса предлагалась программа пространственного развития России на 5 лет – «Пятилетка укоренения народа на земле», основанная на становлении локальной, местной экономики. Упор делался на ресурсный потенциал территорий, создание малых и средних кооперативных производств, что решило бы проблему безработицы для населения, а территории смогли бы формировать бюджеты⁸.

На заседании секции по социологии села V Социологического конгресса в 2017 г. были даны оценки положения российского села через четверть столетия после начала аграрной революции, помогающие понять вторичные причины и динамику формирования сегодняшних проблем. Прежде всего, зафиксируем сложившиеся к тому времени уклады и сохраняющиеся сейчас: 1) государственный; 2) патриархально-крестьянский (личные подсобные хозяйства и пр.); 3) сельскохозяйственный микробизнес; 4) традиционный (сельскохозяйственные организации – юридические лица корпоративного типа, не являющиеся зависимыми и дочерними предприятиями холдингов); 5) кооперативный; 6) интеграционный (агроформирования главным образом холдингового типа) [14, с. 6992].

В. И. Староверов подчеркивал, что собственники последних – «преимущественно городские аграрные бизнесмены, в том числе иностранные граждане. Практика показала, что они наиболее активно используют в агропроизводстве достижения научно-технической революции, но более равнодушны к общим гражданским интересам российской деревни, поскольку озабочены в основном своей частной сверхприбылью от агропромышленной деятельности» [15, с. 25]. Предприятия социальной инфраструктуры – магазины, аптеки, фельдшерские пункты, службы быта, дома культуры, музеи, детсады, школы и т. д. – тоже имели разных собственников или совсем закрылись из-за нерентабельности. Большинство

⁶ В Госдуме предложили вернуть талоны на еду // Lenta.ru : [сайт]. 15.12.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/12/15/v-gosdume-predlozhili-vernut-talony-na-edu/> (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Спасти российское село // Возрождение России : [сайт]. 23.03.2016. URL: https://eliseeva-eliseeva.blogspot.com/2016/03/blog-post_39.html (дата обращения: 19.01.2026).

⁸ Федеральный сельсовет // LiveJournal : [сайт]. URL: <https://proshakov.livejournal.com/462024.html> (дата обращения: 09.01.2026).

сельских поселений перестали быть единым организмом, что кардинально снизило уровень, качество жизни селян и привело к миграции в города, в первую очередь активной молодежи.

Наличие некоторой территориальной специфики не отменяет общих тенденций, зафиксированных в региональных исследованиях. А. М. Сергиенко отмечала, что в сельских сообществах Алтайского края и Республики Алтай, как и в городах, углубляется дифференциация, при этом «сельский социум имеет значительную специфику протекания данных процессов, обладает собственными драйверами, определяющими тренды формирования социально-экономических неравенств» [16, с. 7069]. Ею были зафиксированы «колебания» по шкале «ситуация хуже – лучше», зависящие от общего экономического положения в стране и принятия различных госпрограмм поддержки АПК. Но они не отменили «процессы пространственной сегментации неравенства («пяточки» богатства и территории бедности). Среди основных причин бедности сельские жители и эксперты выделяли алкоголизм, низкую экономическую мотивацию и активность, безработицу, низкокачественный и низкооплачиваемый труд, низкие стартовые возможности, <...> сокращение территориальной доступности социальных услуг, сильную зависимость финансового состояния и результатов хозяйственной деятельности сельского населения от природных факторов. <...> Особо отмечался слабый государственный и общественный контроль над эффективностью федеральных и региональных программ, низкие экономические возможности местных органов власти» [16, с. 7073]. Алкоголизм назывался респондентами первым, и фактически он был следствием комплекса глубинных причин.

Миграция наиболее активной и образованной части молодежи из сельской местности способствовала утрате субъектности сельских сообществ – акторами сельских поселений стали собственники средств производства, что фиксировалось многими исследователями. К примеру, О. П. Фадеева акцентировала внимание на том, что фермеры Алтайского края официально нанимают работников на сезон, в документах указывают зарплату, половина которой работнику фактически не выплачивается, но позволяет ему получать большую сумму как безработному в зимний период. Зимой же фермеры выплачивают зарплату тем же работникам в «серую». Такая схема тактически выгодна и фермеру, и работнику, который по каким-то причинам не может сменить место жительства. Налоговые отчисления государству в этих случаях незначительны, а власть должна содержать всю социальную инфраструктуру [17, с. 7014]. Подобные договоренности между собственником и наемным работником выстраивались по всей России. Иногда условия были более жесткими. Например, в Нижегородской сельскохозяйственной академии владелец хозяйств, занимавшихся однолетними культурами, А. Н. Клементьев⁹ агитировал выпускников на работу с апреля по сентябрь, обещая хорошую зарплату. На вопрос автора: на что специалисты будут жить зимой, последовал ответ – встанут на учет в службу занятости. В ориентированных на зерновые культуры холдингах нужны сезонные работники – комбайнеры, механизаторы, водители и т. д.; зимой многие

⁹ Лентапедия. Климентьев, Андрей // Lenta.ru : [site]. URL: <https://lenta.ru/lib/14161339/> (дата обращения: 10.12.2025).

из них не имеют официальной работы или уезжают на вахты. И тот, и другой вариант ведут к деградации социальных отношений: в первом случае из-за снижения уровня дохода, алкоголизма, «мелкой преступности», во втором – разрушение семей через появление «второй вахтовой» семьи, с существованием которой «смирятся» первая, выживающая за счет заработков мужа.

Изменение экономических отношений ощутимо скорректировало социальные связи на селе, сформировав отношения по принципу «Что мне это даст?». Р. И. Анисимов, анализируя тенденции, предсказывал: «... российские деревни будут постепенно превращаться в дома престарелых на природе или в дачные поселки для горожан, не выдерживающих современного ритма жизни. В тех же населенных пунктах, в которых сохранится сельское хозяйство, отношения будут строиться по принципам дореволюционной деревни, выстроенной по дихотомии кулак – батрак, только без стабилизирующей и смягчающей эти взаимоотношения общины. <...> Дальнейшая маргинализация батраков-поденщиков приведет к еще большей приверженности их социальным болезням. Это вынудит новых хозяев активно привлекать для работы иноэтнические элементы, что породит помимо классового, еще и межэтнический конфликт» [18, с. 6988].

Нечастые исключения, вызванные спецификой отдельных поселений и личностными качествами руководителей хозяйств/территорий, не поколебали общей тенденции. По сути, это свидетельствовало о «культуре отмены» демократичности в сельском сообществе. П. П. Великий писал: «Драма постсоветского села заключается в том, что жизнестойкость сельского человека, принятая управлением как величина неизменная и воспроизводящая сама себя, в реальности таковой не является. Предпосылки распада человеческого потенциала села до конца обществом не осознаны. <...> Действий со стороны государства с позиций близкой перспективы осуществляется немало. Однако они <...> не выходят из парадигмы мелкого ремонта. Спасти село может лишь кардинальное переструктурирование сохранившихся пока ресурсов» [19, с. 66].

Чуть ли не в каждой публикации содержались рекомендации по корректировке аграрной политики в зависимости от политической позиции автора. Сторонники либеральных реформ продолжали требовать ускорения рыночных преобразований, ориентацию на экспорт зерновых культур, а следовательно, расширение вахтового метода работы в сельском хозяйстве, «оптимизацию» сельских поселений через сокращение производства, бюджетов сельских поселений, в результате чего закрывались школы, медучреждения, центры культуры и т. д.

С противоположных идеологических позиций предлагалось возвращение к традиционным взаимосвязям АПК и сельских территорий. Например, не утратило актуальности предложение Л. Н. Девяткиной: «ввести наряду со статусом сельскохозяйственного товаропроизводителя статус «жизнеобеспечивающего сельскохозяйственного территории предприятия», который должен давать ему экономические преференции за снижение социальной нагрузки с сельских администраций, органов местного самоуправления и государственных структур. Именно сельскохозяйственные организации должны стать основными агентами и проводниками государственной социальной политики на селе, поскольку они имманентно заинтересованы в сохранении и развитии социальной сферы» [14, с. 7003]. Однако

законодатель пошел иным путем – создание «опорных территорий», о которых речь пойдет ниже.

Суверенность государства возможна только при условии продовольственной независимости. В виду чего правительству пришлось искать компромисс между либеральной моделью развития аграрно-промышленного комплекса и восстановлением сельхозпроизводства. Целый комплекс правительственных решений по развитию АПК и сельских территорий представлен на сайте Министерства сельского хозяйства РФ¹⁰. Это позволило увеличить производство по ряду направлений, прежде всего, в зерновом секторе, что улучшило положение селян в отдельных регионах, но на определенный период.

Многое зависело и от регионального правительства. Положительным примером стала Белгородская область, которую 27 лет возглавлял Е. С. Савченко, имеющий базовое сельскохозяйственное образование, и где сельхозпредприятия были оснащены самой современной техникой, а сельские территории имели приоритетное развитие.

Иной была ситуация в Нижегородской области, которая, следуя предписаниям «Стратегии», реализовала программу (ЗерНО), что дало нам возможность обосновать вывод: «значительная часть сельского населения находится в координатах 4D: Дорабатывает, Доедает, Донашивает, Доживает» [20, с. 613].

Отдельные программы, пролоббированные производителями и принятые правительством РФ, были успешны. Так, с 2012 г. (в настоящее время программа сокращена) помощь производителям сельхозтехники позволила не только обновить парк отечественным сельскохозяйственным предприятиям, создать рабочие места для молодежи, но и стать «Ростсельмашу» экспортером зерноуборочных комбайнов в 40 стран Европы, Африки, Азии, Америки¹¹. Вместе с тем, по оценке работников АПК, «точечные», локальные улучшения недостаточны для изменения ситуации в целом, а стало быть, и для решения проблем сельских поселений.

Результаты исследования

Нами уже подчеркивалась прямая зависимость социальных процессов в сельском сообществе от аграрной политики государства (в меньшей степени – региона), формирующей отношения собственности и условия для сельхозпроизводства, поэтому начнем с экономических показателей. Основные положения отчета министра сельского хозяйства О. Лут о современном положении в АПК приведены выше, поэтому уточним несколько позиций: это тот случай, когда детали демаскируют «точку невозврата». Динамика экспорта за 9 последних лет представлена в аналитическом обзоре «Экспорт продуктов питания и сельхозсырья из России». Мировой и внутренний рынок сельхозпродукции мобилен: зависит от климатических особенностей года в отдельных странах, качества семян и пород скота, эпидемий, себестоимости продукции, увеличения/спада производства вследствие принятых

¹⁰ Государственная поддержка // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/> (дата обращения: 20.03.2026).

¹¹ Константин Бабкин, председатель МЭФ: «Нет Гайдара, Чубайс уехал, но дело их живет» // БизнесOnline : [сайт]. 06.04.2026. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/699023> (дата обращения: 07.03.2026).

политических решений, логистики, международных отношений и т. п. В частности, с 2024 г. в РФ снижается экспорт и возрастает импорт продукции АПК: так за 11 месяцев 2025 г. вывезено продовольственных товаров и сельхозсырья (кроме текстильного) на \$ 35,9 млрд, что меньше на 8% чем в 2024 г., а ввезено на 14% больше – \$ 38,9 млрд¹². По итогам 2025 г. произошло сокращение экспорта продовольствия на 3,5% до \$41,5 млрд¹³.

Кроме того, по мнению аграриев, выход России из международного договора по зерновой сделке стал одной из причин падения мировых цен более чем на треть. В 2025 г. в российской глубинке цены за тонну зерна упали до 8 тыс. рублей, что вызвало банкротство предприятий, поскольку цены стали ниже себестоимости производства¹⁴.

По данным Банка России, кредиторская задолженность сельского хозяйства России за 2025 г. составила 3 трлн руб. против 2,8 трлн руб. в 2024 г., просроченная кредиторская задолженность на начало января 2026 г. – 57,05 млрд руб.¹⁵. Не прогнозируемость результатов производства, ограниченность и сезонность рынка труда в сельской местности – основные факторы социальных процессов на сельских территориях, создающие риски для предпринимателей и наемных работников.

Не будем анализировать эффективность форм государственной и региональной поддержки сельхозпроизводителей, адресуя читателей к аналитической статье Ю. А. Лаамарти и Н. А. Бровко, но сошлемся на их вывод: «показатели льготного и инвестиционного кредитования предприятий АПК России демонстрируют ежегодный прирост. Однако эти формы финансовой поддержки доступны не для всех категорий производителей, а преимущественно для крупного бизнеса и для высококорентабельных сегментов» [21, с. 315], что влечет банкротство фермеров и малых предприятий, а следовательно снижение доходов значительной части населения и миграцию.

Банковские проценты по кредитам стали основным фактором формирования «ценовых ножниц»: рост цен на средства производства и их падение на продукцию сельского хозяйства вызвали снижение рентабельности, банкротства, отток кадров, сокращенную рабочую неделю на предприятиях, производящих технику для агропрома, и пр.

Это снизило покупательную способность предприятий: по оценкам президента Ассоциации «Росспецмаш» К. А. Бабкина, более трети сельскохозяйственной техники предприятий выработало свой ресурс, а на заводе «Ростсельмаш»

¹² Импорт продукции АПК превысил объем ее экспорта в 2025 г. // Альта-Софт : [сайт]. 15.01.2026. URL: https://www.alta.ru/external_news/124769/ (дата обращения: 10.03.2026).

¹³ Экспорт продуктов питания и сельхозсырья из России // TAdviser : [сайт]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁴ Василий Мельниченко: Проблему демографии могут решить только жители села // Московский экономический форум : [сайт]. 28.11.2025. URL: <https://me-forum.ru/media/news/18189/> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁵ Зернышко к зернышку. Российские аграрии страдают без импортных семян // Новости Казани и Республики Татарстан : [сайт]. 16.03.2026. URL: <https://116.ru/text/economics/2026/03/16/76308347/> (дата обращения: 20.03.2026).

не продан почти годовой выпуск техники, хотя началась весенняя посевная 2026 г.¹⁶ Кроме того, постоянно растет ее стоимость, а из-за санкций прекратились поставки импортных комплектующих частей к имеющейся¹⁷. Отсутствие современной техники – одна из причин дефицита механизаторов, равно как и их дефицит по причинам миграции и отказа возвращаться в село после получения образования. Все это происходит на фоне продолжающегося разрушения сельской социальной инфраструктуры, отсутствия рынка рабочих мест вне сельского хозяйства, с одной стороны, и дефицита кадров, с другой.

Критическое положение сельхозпроизводителей влечет деградацию сельских территорий. Еще в 2014 г. «Федеральный Сельсовет» инициировал подписание В. В. Путиным Поручения о развитии сельских территорий. Ведомствам, связанным с сельским хозяйством, были даны соответствующие поручения, но они не были реализованы. Помимо того, в 2022 г. утверждены «Методические рекомендации о критериях определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий», которые начали реализовываться с 2025 г. Таких опорных пунктов планируется создать в России 1800, причем в их списке есть сельские агломерации, в которые входят только одни города¹⁸.

Документ оценивается неоднозначно. По мнению заведующего лабораторией экономики развития ИПЭИ РАНХиГС д.э.н. С. П. Земцова, его «основная задача – это сохранить опорный каркас расселения, то есть сохранить то число малых населенных пунктов, которые обеспечивают доступность социальной инфраструктуры для окружающих территорий, рыночной, медицинских, образовательных учреждений и так далее. <...> Этим путем, создавая условия в опорных населенных пунктах, удастся сохранить население»¹⁹.

Академик РАН А. И. Костяев, член Отделения сельскохозяйственных наук РАН, прогнозирует, что «вымирающие населенные пункты останутся без поддержки», поскольку «в бюджеты сельских поселений поступает 2% отчислений от подоходного налога сельского жителя». Аналогично мнение О. П. Фадеевой: «Сельские агломерации продолжают процесс оптимизации бюджетных расходов на инфраструктуру <...>. Для этого принята специальная стратегия под названием «Агрессивное развитие инфраструктуры», подписанная вице-премьером М. Хуснуллиным»²⁰.

Пессимистичны выводы и председателя общественного движения «Федеральный Сельсовет» В. А. Мельниченко, ссылающегося на Указ Президента РФ от 7 мая

¹⁶ Константин Бабкин, председатель МЭФ: «Нет Гайдара, Чубайс уехал, но дело их живет» // БизнесOnline : [сайт]. 06.04.2026. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/699023> (дата обращения: 07.03.2026).

¹⁷ Василий Мельниченко: «Трогательная безысходность или как нас накрыло безразличие» Итоги января 2026 // Rutube : [сайт]. URL: <https://rutube.ru/video/6e0a62a462d033f57112aef9922f9529/> (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁸ Определены почти 2000 «опорных сельских населенных пунктов». Что это? // Monocle.ru : [сайт]. 05.10.2023. URL: <https://monocle.ru/2023/10/5/selo-oporniy-kray-derzhavy/> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁹ Эксперт Земцов: перечень опорных пунктов РФ позволит сохранить каркас расселения // Вести : [сайт]. 12.08.2025. URL: <https://www.vesti.ru/article/4638822> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁰ Гурьянов, С. Как в России будут развивать сельские территории // Известия : [сайт]. 26.04.2023. URL: <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeracii> (дата обращения: 27.11.2025).

2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.», где нет даже слова «село», а фраза «улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30% к 2030 г. и на 60% к 2036 г.» используется в контексте о городских поселениях²¹.

Прогнозируя будущее сельских территорий после принятия названных документов, В. А. Мельниченко прогнозирует усиление процесса «обезлюживания» деревень: «<...> пустые территории – это чьи-то прибыли»; «на землю без людей придут люди без земли». Для сохранения российской цивилизации нужно увеличивать рождаемость, прежде всего, в сельской местности: «Где развивать духовные ценности, если сел и деревень не будет?». Решить демографическую проблему могут только сельские жители, если создать условия, «чтобы каждая семья уверовала, что ее корень здесь. ... Это наш фамильный центр». Сейчас у государства приоритетно не «укоренение российских народов на земле», а их замещение мигрантами²².

В 2020 г. Россия вступила в Международную организацию по миграции (МОМ), после чего усилилась трудовая (семейная) миграция из Индии, Африки, Средней Азии. С. Ганнушкина, председатель правозащитного комитета «Гражданское содействие», руководитель сети «Миграция и право» отмечает, что участие в МОМ накладывает «на Россию обязательства цивилизованного отношения к мигрантам: организация требует от государств заботы о правах мигрантов на достойное обращение, равную оплату труда, медицинское обеспечение и образование»²³. Закономерен вопрос: за счет каких социальных групп будут выполняться данные обязательства?

Обратимся еще к одной проблеме, оставленной без внимания в докладе министерства. Упор в отчетах и СМИ на количество импортируемой зерновой сельхозпродукции «маскирует» риски, которые одномоментно могут поменять ситуацию. Так, по расчетам академика РАН В. И. Фисинина, только к 2030 г. страна будет иметь половину своего племенного яйца мясных пород²⁴, а мясо птицы, максимальные объемы которого производятся в Белгородской, Тульской, Воронежской областях, занимает 45% всего мясного рынка в РФ²⁵. Не достигнут уровень самообеспеченности семенами российской селекции, определенный в Доктрине продовольственной безопасности в 75%²⁶. По данным президента Российского зернового

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (дата обращения: 27.11.2025).

²² Василий Мельниченко: Проблему демографии могут решить только жители села // Московский экономический форум : [сайт]. 28.11.2025. URL: <https://me-forum.ru/media/news/18189/> (дата обращения: 20.09.2025).

²³ Россия стала полноправным членом Международной организации по миграции // Коммерсантъ : [сайт]. 24.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4584964> (дата обращения: 01.01.2026).

²⁴ Угланов, А. Непродуманный экспорт вредит земле // Аргументы недели : [сайт]. 15.08.2023. URL: <https://argumenti.ru/interview/2023/08/850198> (дата обращения: 01.01.2026).

²⁵ Куриное царство: как птицеводство формирует лицо мясной индустрии // Marketing Lab : [сайт]. Сентябрь 2025. URL: <https://lab-marketing.com/spec/kurinoe-czarstvo-kak-pticevodstvo-formiruet-liczo-myasnoj-industrii-rossii> (дата обращения: 03.01.2026).

²⁶ Зернышко к зернышку. Российские аграрии страдают без импортных семян // Новости Казани и Республики Татарстан : [сайт]. 16.03.2026. URL: <https://116.ru/text/economics/2026/03/16/76308347/> (дата обращения: 20.03.2026).

союза А. Л. Злочевского, импортозависимость по овощным культурам составляет 80%, причем главные поставщики семян в РФ Германия, Голландия, Франция, Литва, Польша, Бельгия. Импортируется 80% семян сахарной свеклы²⁷, что позволяет экспортировать около 1 млн тонн сахара в год²⁸.

Вопрос отнюдь не риторический: прогнозируется ли вероятность голода в России, если «недружественные страны» наложат эмбарго на поставку в Россию племенного яйца, семян, программного обеспечения для предприятий переработки продукции и т. п.? И где будут набирать специалистов соответствующего профиля для предотвращения этой угрозы?

Список зон риска можно продолжить, но и приведенных примеров достаточно для фиксации «градуса опасности» по всем параметрам – от объемов и сфер производства до зависящих от них демографических трендов, на которых остановимся подробнее. Зависимость России от зарубежной селекции в семеноводстве, овощеводстве и т. д. означает отсутствие рабочих мест в отечественном сельском хозяйстве, стимулирует рост миграции социально активного сельского населения. В деревнях и селах закрываются магазины в связи с появлением онлайн-маркетплейсов, ликвидируется малый бизнес из-за усложнения налогообложения в 2026 г. – это «женские» рабочие места.

Согласно статистике, с 2019 г. доля сельского населения неизменна и составляет 25%, однако это данные по «прописке», а не месту занятости/проживания. «За период 1990–2023 гг. снизились возрастные коэффициенты рождаемости для когорт 18–19 лет, 20–24 лет и 25–29 лет с 195,6‰ до 41,2‰, с 207,1‰ до 82,2‰, с 116,2‰ до 93,4‰ соответственно; выросли возрастные коэффициенты рождаемости для когорт 30–34 лет, 35–39 лет с 61,9‰ до 69,4‰ и с 28,3‰ до 38,6‰ соответственно» [22, с. 618]. Этот рост не компенсирует снижения у молодых групп.

В отчете О. Лут, о котором речь шла выше, был озвучен рост зарплат в отрасли почти на четверть, но это средняя величина между зарплатой руководителя и рядового работника. Современная молодежь учитывает при выборе места трудоустройства психологические факторы: «агрохолдинги зарабатывают капиталы за счет дешевого труда. Крупный бизнес свел к минимуму роль профсоюза, который должен отстаивать права трудящихся, и диктует свои правила администрациям сельских поселений»²⁹. И как следствие сложилась прогнозируемая ситуация: «по агрономическому блоку ожидания кандидатов часто превышают предложения работодателей примерно на 50 тыс. руб. в месяц, особенно на позициях среднего и высшего звена (директор хозяйства, директор по производству, агроном-семеновод, агрооскаут, R&D), с другой – «70% кандидатов отказываются от переезда даже при более высокой зарплате, а соискатели до 35 лет категорически против переезда

²⁷ Зернышко к зернышку. Российские аграрии страдают без импортных семян // Новости Казани и Республики Татарстан : [сайт]. 16.03.2026. URL: <https://116.ru/text/economics/2026/03/16/76308347/> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁸ Эксперты оценили потенциал экспорта сахара из РФ в 2025/26 сельхозгоду в 1,4–1,5 млн т // Интерфакс : [сайт]. 24.12.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1064802> (дата обращения: 03.04.2026).

²⁹ Игорь Абакумов: Бедный крестьянин опасен для экономики // Московский Экономический Форум : [сайт]. 14.03.2023. URL: <https://me-forum.ru/media/news/15817/> (дата обращения: 09.04.2026).

в сельскую местность»³⁰. Обещание высоких заработков работникам сельского хозяйства не компенсирует отсутствие комфортного жилья, сельских школ, медучреждений, интересного досуга, а следовательно, отсутствия рабочих мест для членов семей работников сельхозпроизводства.

В результате роста доли бедного населения, миграции молодежи, в том числе женского населения репродуктивного возраста, в целом по стране и в отдельных регионах наблюдается существенная деформация возрастной структуры: старение населения, высокая смертность, усугубляющаяся недоступностью медицинской помощи. По детальным подсчетам М. Ц. Будажановой, значительные колебания по регионам РФ не отменяют общероссийских тенденций. О социально-психологическом неблагополучии на селе свидетельствует и сравнительная статистика смертности от внешних причин: смертность от самоубийств в городе – 6,2, в селе – 12,7; убийств – 3,0 и 4,0; отравлений алкоголем – 5,4 и 6,2; транспортных несчастных случаев – 9,2 и 15,5 (человек в расчете на 100 000 населения в 2023 г.) [22, с. 612, 622].

Неоднозначность политики и ее оценок, разрушение/сокращение сельских поселений задают предметное поле для анализа состояния российского села с социологических позиций от начала реформирования аграрной сферы в 1990-е гг. через анализ современного состояния к прогнозам экспертов о ближайшем будущем.

Заключение

Подведем итоги.

1. Перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что тексты отчетов разных акторов зависят от «точки отсчета» и задач отчитывающегося.

2. Первичная причина современного кризисного положения аграрно-промышленного комплекса и сельских поселений – реализация программы Международного банка реконструкции и развития/Всемирного банка, начатая в 1990-е гг., вектор которой в экономической политике сохраняется до сих пор.

3. Среди ученых и практиков не было и нет единой позиции по отношению к проводимым в аграрной сфере реформам. На первом этапе приоритет был отдан тем, кто стоял на либеральных позициях, поскольку это соответствовало требованиям МБРР/ВБ. Лишь после утраты продовольственной безопасности при корректировке экономической политики государства в некоторой степени стали учитываться предложения сторонников развития отечественного АПК, что позволяло добиваться локальных успехов.

4. Принятие национальных проектов не обеспечило стабильности развития ни агропрома, ни сельских территорий, поскольку они не ориентированы на системное решение проблем и недостаточно финансированы. К. А. Бабкин справедливо отмечает, что «теория малых дел» не работает; нужно менять направление

³⁰ Зарплаты главных агрономов в российском АПК сопоставимы с зарплатами директоров – исследование // Зерно Он-Лайн : [сайт]. 11.03.2026. URL: <https://www.zol.ru/n/40cd8> (дата обращения: 03.04.2026).

политики, которая уже треть века направлена на стимуляцию вывоза сырья и стабильность финансового сектора³¹.

5. Преувеличением роли экспорта отдельных видов сельскохозяйственной продукции правительство камуфлирует нарастание проблем, которые не имеют решений в координатах современной экономической/аграрной политики, таких как рост доходов селян, развитие рынка труда, миграционная стратегия, демографическая депопуляция.

В 2019 г. была принята Госпрограмма РФ № 696 «Комплексное развитие сельских территорий» (последние изменения внесены в январе 2026 г.)³². Это было время сдержанного, но оптимизма: появилась надежда в возможность изменения направления аграрной политики. Однако внесистемность и минимальность ее финансирования не дают оснований для положительного прогноза³³.

Несистемность решений поставила АПК на грань кризиса, риски которого нашли отражение во всех докладах ученых и практиков на традиционной сессии по проблемам аграрно-промышленного комплекса «Как повысить доходы сельхозпроизводителей в России?» Десятого Московского экономического форума, 7–8 апреля 2026 г. Наиболее четко направления реорганизации аграрной политики были представлены в докладе академика РАН И. Г. Ушачева. То есть мультипликативный эффект для комплексного развития сельских территорий, а следовательно сокращения миграции, демографического роста и в конечно счете сохранения российского культурного кода возможны только при коренном изменении экономической политики, в том числе в аграрной сфере, по следующим направлениям: кредитная политика, стимулирующая производство, технологическая независимость, ликвидация отраслевых диспропорций, дисбаланса между сельхозпроизводством, переработкой и торговлей, пересмотр показателей в национальных проектах³⁴. В этой связи уместным было бы напоминание модератора сессии, основателя еженедельника и медиагруппы «Крестьянские ведомости» И. Б. Абакумова о том, что в Канаде существует «Аграрная линза» для оценки влияния на сельское хозяйство всех принимаемых в стране законов³⁵. Такой системный подход позволяет селянам быть субъектами внутренней и внешней политики государства.

Список литературы

1. Устинов, В. С. Кризис сельского хозяйства и современное аграрное законодательство / В. С. Устинов, Г. С. Широкалова // Государство и право. 1993. № 3. С. 49–60. ISSN 0132-0769.

³¹ МЭФ-2026: Сессия № 11 «Налоги. Как перейти к разумной и стимулирующей политике?» // Московский экономический форум. 08.04.2026. URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2026-sessiya-11-nalogi-kak-pereyti-k-razumnoy/> (дата обращения: 09.04.2026).

³² Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (дата обращения: 09.03.2026).

³³ Игорь Абакумов: Бедный крестьянин опасен для экономики // Московский Экономический Форум : [сайт]. 14.03.2023. URL: <https://me-forum.ru/media/news/15817/> (дата обращения: 09.04.2026).

³⁴ МЭФ-2026: Сессия № 4 «Как повысить доходы сельхозпроизводителей в России?» // Московский Экономический Форум : [сайт]. 07.04.2026. URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2026-sessiya-4-kak-povysit-dokhody-selkhozproi/> (дата обращения 08.04.2026).

³⁵ Там же.

2. Милосердов, В. В. Аграрный вопрос: чему учит американский опыт // АПК: экономика, управление. 1993. № 4. С. 46–55. ISSN 0235-2443.
3. Широкалова, Г. С. Фермерское движение: что это такое? Социальные типы современных фермеров // ЭКО. 1993. № 3. С. 110–133. ISSN 0131-7652.
4. Ромашин, А. Ф. Аграрные отношения и аграрная политика в современной России : учебное пособие / А. Ф. Ромашин, Г. И. Черкасов, Г. С. Широкалова. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2002. 192 с. ISBN 5-85152-239-9.
5. Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России : сб. прил. Москва : Международная финансовая корпорация, 1995. 246 с.
6. Широкалова, Г. Земельные отношения в зеркале социологии / Г. Широкалова, Е. Кофанова // Экономика сельского хозяйства России. 1994. № 2. С. 13.
7. Логунова, И. В. Изменения в правовом положении работников сельхозпредприятий в годы аграрной реформы 1990-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Москва : Институт Российской истории РАН, 2020. С. 316–318. EDN [AEDZBA](#).
8. Анисимов, Р. И. Безземельные сельские жители – новый феномен российской деревни // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2(4). С. 28–35. EDN [WFEGEN](#).
9. Шутьков, А. А. Структурные преобразования в аграрном секторе экономики, этапы и результаты: проблемы модернизации и импортозамещения // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8, № 1(29). С. 31–38. DOI [10.18184/2079-4665.2017.8.1.31-38](#). EDN [YHGLJR](#).
10. Куракин, А. А. Сельское хозяйство России глазами современников (1992–1995 гг.) // Экономическая социология. 2007. Т. 8, № 3. С. 93–119. EDN [OYNZZD](#).
11. Бондаренко, Л. В. Состояние сельских территорий и законодательное обеспечение их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 5(99). С. 175–195. DOI [10.33938/235-175](#). EDN [XDDNBD](#).
12. Широкалова, Г. С. Лоббисты АПК: Партия Дела / Г. С. Широкалова, Н. П. Кудрявцева // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : Материалы V Всероссийского социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. Екатеринбург : Российское общество социологов, 2016. С. 7079–7087. ISBN 978-5-904804-14-5. EDN [WQGEJR](#).
13. Бондаренко, Л. В. Экономическая доступность продовольствия населению России / Л. В. Бондаренко, Н. А. Симановский // Продовольственная безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности России : Труды Международной научно-практической конференции, посвященной Ветеранам ФГБНУ ФНИЦ ВНИИЭСХ – участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, Москва, 15–16 июня 2023 г. Москва : Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий, Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, 2023. С. 103–110. ISBN 978-5-88371-122-9. EDN [NBWSYN](#).
14. Девяткина, Л. Н. Тектонические сдвиги в аграрной структуре России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : Материалы V Всероссийского социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. Екатеринбург : Российское общество социологов, 2016. С. 6990–7007. ISBN 978-5-904804-14-5. EDN [WQGEJR](#).
15. Староверов, В. И. Что и как нам взять в устои РФ из СССР? // О целесообразности в современной РФ использовать созидательный опыт СССР 40-х годов XX века : [монография]. Москва : Порт приписки, 2024. 560 с. ISBN 978-5-907779-55-6.
16. Сергиенко, А. М. Социально-экономические неравенства в сельском социуме: динамика, последствия и механизмы // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : Материалы V Всероссийского социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. Екатеринбург : Российское общество социологов, 2016. С. 7069–7078. EDN [WYLKXT](#).
17. Фадеева, О. П. Практики хозяйствования сибирских фермеров: сложившиеся неравенства и специфика регулирования // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : Материалы V Всероссийского социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. Екатеринбург : Российское общество социологов, 2016. С. 7008–7016. EDN [WYLEVH](#).
18. Анисимов, Р. И. Трансформация жизненного мира сельских жителей и перспективы российского села // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость :

Материалы V Всероссийского социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. Екатеринбург : Российское общество социологов, 2016. С. 6984–6989. EDN [XDAIJB](#).

19. Великий, П. П. Российский АПС: замедленное развитие или кризис ожидания // Социальное бытие русского села : [монография]. Кн. 2. / ред. Н. К. Долгушкин, В. И. Староверов. Москва : Росинформаргетех, 2015. 236 с.

20. Широкалова, Г. С. Нижегородское село в координатах 4D // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории : материалы VII Всероссийской с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. С. 613–622. EDN [XPVILZ](#).

21. Лаамарти, Ю. А. Анализ особенностей кредитования русского агросектора в современных условиях / Ю. А. Лаамарти, Н. А. Бровко // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2024. Т. 17, № 4(83). С. 309–316. DOI [10.53914/issn2071-2243_2024_4_309](#). EDN [KYGZXE](#).

22. Будажанова, М. Ц. Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 4. С. 612–628. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628](#). EDN [OGLBBV](#).

Сведения об авторе

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: shirokalova@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-4089-5446](#); РИНЦ SPIN-код: [8292-5157](#); Web of Science Researcher ID: [GWR-1753-2022](#); Scopus Author ID: [6504153993](#).

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; принята в печать 23.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN VILLAGE IN A HISTORICAL CONTEXT

Galina S. Shirokalova

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: shirokalova@list.ru

For citation: Shirokalova, G. S. Socio-Demographic Problems of the Russian Village in a Historical Context. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 30–48. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.2](#). (In Russ.)

Abstract. The geopolitical imperative of faster urbanization in 20th-century Russia, driven by new technologies, created a positive attitude towards vertical and horizontal migration among rural communities, even during Soviet times. The agrarian revolution in the 1990s changed the ownership patterns of means of production and led to the destruction of production and social infrastructures in most rural areas. This caused increased migration, displacing active villagers who were in demand for employment in other areas, and left those remaining in villages without political or economic agency or the opportunity to protect their rights to participation in decisions about agricultural production and village development. As a result, federal and local programs are tailored to meet the needs of agricultural holdings, as demonstrated by the consequences of adopted legislation. These processes, the liquidation of rural settlements and the ambiguity in policy and its assessment provide the basis for a sociological analysis of the current state of the Russian countryside from a historical perspective, starting with the beginning of the agricultural reform in the 1990s. Through an analysis of the current situation, this study used experts' forecasts to connect them with the near future. It confirmed the presence of the risks predicted by experts back in the 1990s. The results obtained can be used to develop refined programs for future research into the causal relationships between agricultural conditions, the role of territorial communities, demographic trends, living standards and lifestyles, and migration patterns.

Keywords: agricultural policy, social differentiation, demographic processes, rural population

References

1. Ustinov, V. S., Shirokalova, G. S. Krizis sel'skogo khozyaystva i sovremennoye agrarnoye zakonodatel'stvo [The Crisis of Agriculture and Modern Agrarian Legislation]. *State and Law*. 1993. No. 3. Pp. 49–60. ISSN 0132-0769. (In Russ.).
2. Miloserdov, V. V. Agrarnyy vopros: chemu učit amerikanskiy opyt [Agrarian Issue: What Does the American Experience Teach Us]. *AIC: Economics, Management*. 1993. No. 4. Pp. 46–55. ISSN 0235-2443. (In Russ.).
3. Shirokalova, G. S. Fermerskoye dvizheniye: chto eto takoye? Sotsial'nyye tipy sovremennykh fermerov [Farmer's Movement: What is it? Social Types of Modern Farmers]. *ECO*. 1993. No. 3. Pp. 110–133. ISSN 0131-7652. (In Russ.).
4. Romashin, A. F., Cherkasov, G. I., Shirokalova, G. S. *Agrarnyye otnosheniya i agrarnaya politika v sovremennoy Rossii [Agrarian Relations and Agrarian Policy in Modern Russia]*: textbook. Нижний Новгород: Nizhny Novgorod: Publishing house of the Volga-Vyatka Academy of Public Administration, 2002. 192 p. ISBN 5-85152-239-9. (In Russ.).
5. *Privatizatsiya zemli i reorganizatsiya sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy v Rossii [Privatization of Land and Reorganization of Agricultural Enterprises in Russia]*: collection with appendices. Moscow: International Finance Corporation, 1995. 246 p. (In Russ.).
6. Shirokalova, G., Kofanova, E. Zemel'nyye otnosheniya v zerkale sotsiologii [Land Relations in the Mirror of Sociology]. *Economics of Agriculture of Russia*. 1994. No. 2. P. 13. (In Russ.).
7. Logunova, I. V. Izmeneniya v pravovom polozhenii rabotnikov sel'khozpredpriyatiy v gody agrarnoy reformy 1990-kh gg. [Changes in the Legal Status of Workers in Agricultural Enterprises during the Agrarian Reform of the 1990s]. In: *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI veka [State Power and the Peasantry in the 19th – Early 21st Centuries]*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2020. Pp. 316–318. (In Russ.).
8. Anisimov, R. I. Landless Villagers – A New Phenomenon in the Russian Village. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2016. No. 2(4). Pp. 28–35. (In Russ.).
9. Shutkov, A. A. Structural Reforms in Agrarian Sector of Economy, Stages and Results: Problems of Modernization and Import Substitution. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2017. Vol. 8, No. 1(29). Pp. 31–38. DOI [10.18184/2079-4665.2017.8.1.31-38](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.1.31-38). (In Russ.).
10. Kurakin, A. A. Sel'skoye khozyaystvo Rossii glazami sovremennikov (1992–1995 gg.) [Agriculture of Russia through the Eyes of Contemporaries (1992–1995)]. *Journal of Economic Sociology*. 2007. Vol. 8, No. 3. Pp. 93–119. (In Russ.).
11. Bondarenko, L. V. The State of Rural Territories and Legislative Support for Their Development. *Economy, Labor, Management in Agriculture*. 2023. No. 5(99). Pp. 175–195. DOI [10.33938/235-175](https://doi.org/10.33938/235-175). (In Russ.).
12. Shirokalova, G. S., Kudryavtseva, N. P. APC Lobbyists: The Delo Party. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]*: proceedings of the V All-Russian Sociological Congress, Yekaterinburg, October 19–21, 2016. Yekaterinburg: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 7079–7087. ISBN 978-5-904804-14-5. (In Russ.).
13. Bondarenko, L. V., Simanovsky, N. A. Ekonomicheskaya dostupnost' prodovol'stviya naseleniyu Rossii [Economic Accessibility of Food to the Population of Russia]. In: *Prodovol'stvennaya bezopasnost' – vazhneyshaya sostavlyayushchaya natsional'noy bezopasnosti Rossii [Food Security is the Most Important Component of Russia's National Security]*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the Veterans of the Federal Scientific Center of Agricultural Research and Development – participants in the Great Patriotic War of 1941–1945, Moscow, June 15–16, 2023. Moscow: Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Areas, All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, 2023. Pp. 103–110. ISBN 978-5-88371-122-9. (In Russ.).
14. Devyatkina, L. N. Tectonic Shifts in the Agrarian Structure of Russia. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]*: Proceedings of the V All-Russian Sociological Congress, Ekaterinburg, October 19–21, 2016. Ekaterinburg: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 6990–7007. ISBN 978-5-904804-14-5. (In Russ.).
15. Staroverov, V. I. *Chto i kak nam vzyat' v ustoi RF iz SSSR? O tselesoobraznosti v sovremennoy RF ispol'zovat' sozidatel'nyy opyt SSSR 40-kh godov XX veka [What and How Should We Take from the USSR*

as the Foundations of the Russian Federation? On the Advisability of Using the Creative Experience of the USSR of the 1940s in the Modern Russian Federation]: [monograph]. Moscow: Port of registration, 2024. 560 p. ISBN 978-5-907779-55-6. (In Russ.).

16. Sergienko, A. M. Socio-Economic Inequalities in the Rural Society: Dynamics, Consequences and Mechanism. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]: Proceedings of the V All-Russian Sociological Congress, Yekaterinburg, October 19–21, 2016. Yekaterinburg: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 7069–7078. (In Russ.).

17. Fadeeva, O. P. Economic Practices of the Siberian Farmers: Inequalities and Regulation. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]: Proceedings of the V All-Russian Sociological Congress, Yekaterinburg, October 19–21, 2016. Pp. 7008–7016. (In Russ.).

18. Anisimov, R.I. Transformation of Life World of Villagers and Prospects of the Russian Countryside. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]: Proceedings of the V All-Russian Sociological Congress, Yekaterinburg, October 19–21, 2016. Yekaterinburg: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 6984–6989. (In Russ.).

19. Velikiy, P. P. Rossiyskiy APS: zamedlennoye razvitiye ili krizis ozhidaniya [Russian APS: Slow Development or Crisis of Expectation]. In: *Sotsial'noye bytiye rossiyskogo sela* [Social Being of the Russian Village]: monograph. Book 2. / N. K. Dolgushkin, V. I. Staroverov (eds.). Moscow: Rosinformagrotekh, 2015. 236 p. (In Russ.).

20. Shirokalova, G. S. Nizhegorodskoye selo v koordinatakh 4D [Nizhny Novgorod Village in 4D Coordinates]. In: *Rossiyskoye krest'yanstvo i sel'skoye khozyaystvo v kontekste regional'noy istorii* [Russian Peasantry and Agriculture in the Context of Regional History]: materials of the VII All-Russian conference of agricultural historians of the Middle Volga region with international participation, Yoshkar-Ola, May 23–24, 2018. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2018. Pp. 613–622. (In Russ.).

21. Laamarti, Yu. A., Brovko, N. A. Local Feature Analysis of Lending to the Russian Agricultural Sector in Modern Conditions. *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 2024. Vol. 17, No. 4(83). Pp. 309–316. DOI [10.53914/issn2071-2243_2024_4_309](https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2024_4_309). (In Russ.).

22. Budazhanaeva, M. Ts. Demographic Trends in Rural Areas of the Russian Federation. *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. 2024. Vol. 20, No. 4. Pp. 612–628. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628). (In Russ.).

Bio note

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: shirokalova@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-4089-5446](https://orcid.org/0000-0003-4089-5446); RSCI SPIN-code: [8292-5157](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=8292-5157); Web of Science Researcher ID: [GWR-1753-2022](https://orcid.org/GWR-1753-2022); Scopus Author ID: [6504153993](https://orcid.org/6504153993).

Received on 21.01.2026; accepted for publication 23.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГУБЕРНИЯХ АГРАРНОГО ЦЕНТРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Жиров Н. А.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Россия

E-mail: zhiron-nikolai@mail.ru

Для цитирования: Жиров, Н. А. Демографические процессы в губерниях аграрного центра России во второй половине XIX – начале XX в. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 49–62. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.3). EDN [XHLSXM](#).

Аннотация. Статья посвящена изучению основных демографических процессов, проходивших в губерниях Центральной России (Орловской, Тульской и Рязанской), преимущественно относящихся в дореволюционный период к аграрному поясу страны. Хронологические рамки исследования совпадают с началом модернизационных процессов в 1861 г., затронувших все стороны жизни населения региона, вплоть до начала Первой мировой войны. В качестве основных источников, освещающих демографию местного населения, были взяты материалы местной статистики – обзоры рассматриваемых губерний, статистические данные переписи населения 1897 г. и статистических Ежегодников и Временников Российской империи. Объектом исследования является население упомянутых губерний, а предметом выступают сами демографические процессы (брачность, рождаемость, смертность), а также естественный прирост. Гипотеза исследования состоит в предположении, что вплоть до начала XX в. население губерний сохраняло традиционный способ воспроизводства населения, характерный для общества аграрного типа. Так как подавляющее большинство жителей Орловской, Тульской и Рязанской губерний проживало в сельской местности, то именно демографические процессы, протекавшие в крестьянской среде, определяли общую демографическую картину. В статье были применены количественные методы обработки статистических материалов, а кроме того, традиционные подходы – методы историзма, ретроспективный и т. д. В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. На протяжении почти всего изучаемого периода наблюдался рост числа браков, количества новорожденных и умерших, а также сохранялся высокий уровень естественного прироста населения. В начале XX в. (начиная с 1906–1911 гг.) набирает силу обратная тенденция – происходит снижение всех демографических показателей кроме естественного прироста населения, который продолжал расти до 1914 г., а потом начал стремительное падение. В годы Первой мировой войны эти тенденции только усилились. Начало демографического перехода совпало с изменениями в русской деревне на старте XX в. (аграрная миграция, начало разрушения крестьянской общины и рост числа переселений в города и т. д.), а начавшаяся война лишь ускорила этот процесс.

Ключевые слова: демографические процессы, Центральная Россия, пореформенный период, крестьянство, демографический переход, статистические методы

Введение

В отечественной и зарубежной историографии изучение демографических процессов на различных исторических этапах развития общества, как на примере отдельных стран или целых регионов, локальных территорий или сравнительно небольших населенных пунктов в последние десятилетия вызывает большой интерес со стороны ученых историков. Одни исторические периоды привлекают повышенное внимание, другие нет, однако есть особенно важные хронологические отрезки, когда решаются судьбы стран, а вопросы, связанные с демографией, приобретают особую актуальность. Демографическая модель развития России находилась

и продолжает это делать в постоянно изменяющейся реальности с конца XIX в., когда наша страна вступила в первый этап демографического перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной. Это период глубоких экономических изменений, реформ, социальных потрясений, революций, войн, в том числе гражданской. Монархия была заменена демократической, а потом социалистической республикой, Россия быстро меняла свой внешний и внутренний облик. Но до сих пор одним из дискуссионных вопросов остается роль демографических процессов и их влияние на жизнь страны в тот сложный исторический период.

Особую актуальность в данной связи представляют региональные исследования, так как вступление России в начальную стадию демографического перехода для разных частей империи происходило далеко не одновременно, на что указывает В. Б. Жиромская в одной из недавних публикаций [1]. В этой работе она отметила существование не только региональных, но и сословных отличий у разных слоев российского общества, характерных для второй половины XIX – начала XX в. Поэтому исследование демографических процессов на региональном уровне не только уместно, но и демонстрирует все нюансы, связанные с модернизацией общественных отношений на определенной территории в избранных хронологических рамках.

Выбор в качестве основной территории исследования был обозначен социально-экономическими особенностями Орловской, Тульской и Рязанской губерний, которые можно охарактеризовать в экономическом отношении как экотонные (находящиеся в зоне перехода от промышленных к чисто аграрным регионам Центральной России). Мало того, экотонность проявлялась в природно-климатических условиях и структуре преобладающих почв. Орловская губерния вследствие вытянутости с запада на восток, а Рязанская и Тульская вследствие протяженности с севера на юг плавно переходили из классической лесной зоны в черноземную лесостепь, хотя и оставались на всем протяжении исследуемого периода преимущественно аграрными, где подавляющее большинство населения, даже в относительно промышленных и отходнических уездах, было занято в сельском хозяйстве, а хлебопашество являлось основным видом деятельности местного крестьянства.

Цель нашего исследования заключается в изучении особенностей демографических процессов в контексте модернизации аграрного общества Орловской, Тульской и Рязанской губерний в 1861–1915 гг. Хронологические рамки исследования совпадают с началом модернизационных процессов, связанных с проведением либеральных реформ 1860-х гг., затронувших все стороны жизни населения региона, вплоть до начала Первой мировой войны. Верхняя хронологическая граница (1915 г.) обусловлена наличием основных источников по теме исследования – обзоров губерний, публикация которых после 1916 г. была прекращена.

Объектом исследования выступает население Орловской, Тульской и Рязанской, а предметом – основные демографические процессы (брачность, рождаемость, смертность), а также естественный прирост населения.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что вплоть до конца XIX в. население изучаемых губерний продолжало сохранять традиционный способ воспроизводства населения, характерный для общества аграрного типа.

Обзор научной литературы

В досоветский период вопросами изучения демографических процессов занимались не только историки, но и специалисты из области практической демографии и статистики народонаселения Российской империи. В основном их задачи сводились к исследованию текущего на тот момент движения населения, миграционных процессов, однако они не затрагивали тему демографического перехода, так как страна либо еще не подошла к такому состоянию, либо была на начальной стадии перехода, и глубокое осмысление проблемы не представлялось возможным. Из трудов дореволюционных авторов стоит отметить работу Д. И. Менделеева, в которой исследователь обобщил данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., дал прогноз численности населения до конца XX в., отметив, что население Российской империи за период с 1861 по 1897 г. удвоилось [2]. К началу XX в. появился ряд крупных работ о роли демографического фактора в истории, об особенностях процесса увеличения народонаселения, в том числе статистических исследований динамики расселения и численности населения. К ним, к примеру, можно отнести труды С. М. Новосельского с детальным анализом смертности жителей империи [3; 4].

В советский период анализ проблем народонаселения и демографических процессов в исторической ретроспективе приобретает обобщающий характер, и со временем появляются фундаментальные труды, охватывавшие длительные хронологические промежутки, в том числе позднеимперский период, так или иначе касавшиеся темы модернизации общественных отношений и их влияния на демографическую модель поведения социума [5; 6].

В постсоветский период вновь возник интерес к изучению истории Российской империи, особенно пореформенного периода и последних десятилетий ее существования. Изучались многие аспекты ее социально-экономического, внутри- и внешнеполитического курса. Одним из таких наиболее крупных трудов стала монография историка Б. Н. Миронова, в которой пристальное внимание было обращено и на демографическое развитие империи [7]. Впоследствии ученый посвятил теме исторической демографии в рамках модернизации российского общества большое количество статей, монографий, внесших свою лепту в изучении истории нашего государства [8; 9].

Тема демографического перехода и воспроизводства поколений в России затрагивалась С. А. Захаровым [10]. Демографической модернизации России посвящена монография известного историка-демографа А. Г. Вишневского [11].

Уральский ученый С. А. Нефедов разработал теорию демографических циклов и активно занимается изучением демографических процессов позднеимперского периода [12; 13]. Другой уральский исследователь Г. Е. Корнилов также обратил свое внимание на изучение демографического развития Уральского региона и России в целом в обозначенный период [14; 15].

Для Центральной России немаловажное значение имеет работа С. Д. Морозова «Центральная Россия в 1897–1917 гг.: Проблемы демографического развития» [16]. Проблематика демографического перехода в России представлена еще у одного известного специалиста в области исторической демографии В. Б. Жиромской [1].

Интересны работы исследователей, затрагивающих региональную тематику демографических процессов, протекавших в отдельных губерниях страны в

обозначенный временной период. Например, работы новгородской исследовательницы Н. С. Федорук [17], тамбовского историка В. В. Канищева [18] и других, касавшихся темы демографических процессов и демографического перехода [19].

Можно еще долго перечислять имена исследователей, так или иначе рассматривающих данную тематику, но стоит отметить, что интерес к изучению проблем демографического перехода и основных демографических процессов, протекавших в поздней имперской России, не ослабевает, и анализ региональных особенностей этих процессов весьма актуален и даже необходим.

Методы исследования

В рамках проделанной работы основная методика исследования заключалась в применении количественных математических методов и приемов обработки статистической информации. Автором созданы таблицы Excel, куда была внесена информация об основных демографических процессах, протекавших в исследуемое время в Орловской, Рязанской и Тульской губерниях. По материалам таблиц были построены графики и диаграммы. На основании полученных данных были сделаны выводы о модели демографического поведения населения губерний на длительном промежутке времени (1861–1915 гг.), а также на отдельных более коротких хронологических отрезках, в первую очередь 1900–1915 гг. Кроме математических, были применены классические методы и подходы: исторический, ретроспективный, историко-генетический и т. д. Их использование позволило сформулировать основные выводы и рассмотреть поведенческую демографическую модель сельского социума в контексте модернизации социальных отношений аграрного общества изучаемого региона.

Основными источниками для анализа стали статистические сборники – обзоры Орловской, Рязанской и Тульской губерний, памятные книги этих губерний, в которых присутствует информация о численности населения и демографических процессах, протекавших в исследуемое время¹.

Кроме того, в работе использовались материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.², статистических «Ежегодников»³, статистических «Временников»⁴ Российской империи, архивные документы из фонда № 1281 Российского государственного исторического архива (РГИА) – отчеты губернаторов со статистическими материалами по народонаселению и естественному движению населения поименованных губерний⁵.

¹ Обзоры Орловской губернии за 1882–1916 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1882–1916; Обзоры Рязанской губернии за 1873–1915 год. Рязань : Губ. тип., 1871–1915; Обзор Тульской губернии за 1882–1916 год. Тула: Губ. тип., 1882–1916.

² Тройницкий, Н. А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. XXIX. Орловская губерния. Издание Центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1904.

³ Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб., 1914.

⁴ Статистический временник Российской империи. Серия III, Вып. 3. Движение населения в Европейской России за 1879 год. СПб., 1884.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Раздел. 1861. Д. 23, 24, 57; Раздел. 1862. Д. 17, 22, 34, 104; Раздел. 1863. Д. 29, 40, 74; Раздел. 1864. Д. 20, 24; Оп. 7. Раздел. 1865. Д. 17, 58, 75; Оп. 7. Раздел. 1866. Д. 10, 14, 68;

Результаты

Демографическое и социально-экономическое состояние губерний к середине XIX в.

Население Орловской и соседних Рязанской и Тульской губерний в первой половине XIX в. уверенно увеличивалось благодаря высоким темпам естественного прироста, обеспеченного повышенной рождаемостью, присущей аграрному обществу и традиционному типу воспроизводства населения [20].

В первой половине XIX в. в Орловской губернии численность жителей выросла почти на 500 тыс., с 1 млн до 1,5 млн человек. Вследствие чего средний размер пашни сократился с 2,5 до 1,5 десятин на наличную душу⁶. Дальнейший рост жителей мог усугубить ситуацию, что неминуемо бы привело к социально-экономическим трудностям. Если бы крестьянство получило больший надел земли, то это стало бы несомненным благом для сотен тысяч человек, но этого не случилось. Сохранение временнообязанного состояния у бывших владельческих крестьян, а также крестьянской общины для всех категорий крестьян, в том числе государственных, не позволяло общинникам перейти на наиболее совершенные технологии обработки почвы и ведения более эффективного сельского хозяйства, прежде всего земледелия. Средневековая агротехника продолжала доминировать на крестьянских полях, что в свою очередь влияло на менталитет населения, и как итог – логика демографического поведения сохранялась в классических традиционных взглядах на деторождение.

Стоит заметить, что накануне отмены крепостного права исследуемые губернии представляли собой типичный аграрный регион, где только в губернском центре и в ряде западных лесистых уездах (Орловская губерния) и северных и северо-западных уездах (Рязанская и Тульская губернии) были развиты промышленность и промысловая деятельность, в том числе отходничество. Несмотря на то, что Орловская губерния только в своей юго-восточной части (Елецкий, Ливенский и частично Малоархангельский уезды) имела черноземные земли, в дореволюционный период ее относили к аграрному поясу земледельческих губерний. Значительная часть центральных и северных уездов находились хоть и в лесостепной и лишь отчасти в лесной зоне, однако вследствие интенсивной распашки к середине XIX в. оказались почти полностью лишенными леса и представляли собой бескрайнюю пашню [21]. Губернская поземельная статистика отмечала, что к началу 1860-х гг. площадь распаханых земель превышала 2,2 млн десятин или 60% ее территории, но в разных уездах доля пашенных и иных угодий сильно разнилась.

Уровень распашки в Рязанской губернии приближался к 50%⁷, а в Тульской, наиболее освоенной из рассматриваемых губерний, достиг 70%⁸. Наиболее

Оп. 7. Раздел. 1867. Д. 23, 40, 91; Оп. 7. Раздел. 1868. Д. 22, 82; Оп. 7. Раздел. 1869. Д. 19, 24, 85; Оп. 7. Раздел. 1870. Д. 17, 18, 78.

⁶ Памятная книжка Орловской губернии за 1860 год. Орел: Орловский губернский правление, 1860. С. 68–71.

⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 3. Рязанская губерния. 1848.

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 4. Тульская губерния. СПб., 1852.

освоенными в плане земледелия были центральные и особенно южные уезды названных губерний, которые в полном праве относились к черноземной лесостепи. Так, Раненбургский и Данковский уезды Рязанской губернии были распахананы на 70–75%, а доля пашни в Ефремовском, Епифанском, Новосильском и Богородицком уездах Тульской губернии достигала 80%. Эти данные свидетельствуют об аграрном характере исследуемого региона, где подавляющее большинство жителей являлись крестьянами-земледельцами.

В середине XIX в. экологический баланс в значительной части уездов еще не был нарушен, продолжали сохраняться территории, которые могли стать потенциальной пашней, несмотря на худшее качество почв и их низкую плодородность. Таким образом, создавались предпосылки для дальнейшего роста сельского населения, с возможным сохранением традиционной демографической ментальности, о чем предметно поговорим далее.

Брачность в Орловской, Тульской и Рязанской губерниях во второй половине XIX – начале XX в.

Исследование демографических процессов в обозначенных губерниях лучше всего начать с брачности, ибо она во многом предопределяла рождаемость. Так как речь идет о еще традиционном обществе, то рождаемость оставалась естественной, практически не контролируемой искусственно. Рождаемость была сопряжена с высоким уровнем смертности, особенно младенческой и среди маленьких детей в возрасте до 5 лет, составлявших большинство умерших.

Общая картина брачной активности населения в исследуемых губерниях, структура которой была составлена на основе суммированного результата всех уездов губерний, говорит об устойчивом росте новобрачных пар, а основной пик пришелся на 1900-е гг. Но с началом аграрных преобразований П. А. Столыпина, в особенности программы крестьянского переселения, в которой активное участие принимали десятки тысяч семей из Черноземья, наметилась тенденция снижения количества брачных регистраций. Например, в Орловской губернии за период с 1900 по 1914 гг. среднее количество браков снизилось с 19 500 до 17 750 или на 9%. Пик количества браков был достигнут в 1906 г. (25 445), и после этого началось постепенное снижение, и к предвоенному 1913 г. их количество сократилось до 21 317. После вступления в Первую мировую войну уже в 1914 г. число брачных регистраций уменьшилось до 14 000, что было чуть больше самого низкого уровня брачных регистраций за весь изучаемый период. В 1876–1877 гг. число браков в Орловской губернии едва перешагнуло порог в 13 000 и было напрямую связано с недородом хлебов и сложной экономической ситуацией в деревне. В предыдущее десятилетие в среднем ежегодно заключалось более 17 000 браков и после минимума 1876–1877 гг. вернулось к прежнему уровню, а в промежутке с 1880 по 1900 г. среднее значение количества браков держалось на уровне более 18 000 ежегодных регистраций.

Коэффициент брачности в Орловской губернии к 1914 г. снизился до 5,5‰. Средние значения для рассматриваемых губерний для начала XX в. составили около 8‰, что соответствовало показателю для европейской части России [7].

В 1915 г. в Орловской губернии продолжилось снижение брачной активности и достигло своего исторического минимума – 7 417 браков. Коэффициент брачности в 1915–1916 гг. в сельской местности сократился до 1‰–3‰.

В Тульской и Рязанской губерниях динамика уровня брачности практически не отличалась от Орловской губернии. В Рязанской губернии до 1906 г., когда был достигнут пик брачной активности (21 746 регистраций), наблюдалась тенденция роста заключаемых браков. С 1907 г. наметилась тенденция к их сокращению, и до 1913 г. ежегодно в среднем количество браков не превышало 18 000 регистраций, фактически вернувшись к среднегодовым показателям периода 1880–1890-х гг. Абсолютный минимум, как и в Орловской губернии, пришелся на неурожайный 1877 г. – 1 304 регистрации. К сожалению, у нас нет данных за 1914–1916 гг. (нет достоверной статистики из-за отсутствия «Обзоров» за эти годы), и все же можно предположить о схожей тенденции сокращения числа браков аналогично Орловской губернии.

В Тульской губернии, как и в предыдущих регионах, пик брачной активности был отмечен в 1906 г. (17 079 регистраций), а минимум – в 1876–1877 гг. (чуть более 10 000), хотя общая динамика брачности до середины 1900-х гг. сохраняла еще постепенный рост браков. После 1906 г. количество браков стало сокращаться и в 1914 г. достигло своего минимума – 11 387 браков.

Подводя итоги, можно констатировать, что снижение числа заключаемых браков могло быть прямым следствием сокращения молодого населения в начале 1910-х гг. и, возможно, было связано с аграрными преобразованиями начала XX в. Снижение брачности могло повлиять на уровень рождаемости вследствие их тесной взаимосвязи, характерной для традиционного аграрного общества. Внешний фактор, которым стало вступление России в Первую мировую войну с последующей волной мобилизации мужчин брачного возраста, сыграл ключевую роль в тенденции снижения количества браков.

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в Орловской, Тульской и Рязанской губерниях во второй половине XIX – начале XX в.

Уровень рождаемости в Орловской губернии во второй половине XIX в. показывал тенденцию роста и достиг пика в самом начале XX в. Но с 1903 г., характеризующимся максимальным пиком появившихся новорожденных, в губернии начинается период относительной стабилизации, количество младенцев находилось примерно на одинаковом уровне с постепенной тенденцией к снижению. Подобная картина наблюдалась и в соседних Рязанской и Тульской губерниях. В Тульской губернии абсолютный пик числа новорожденных пришелся на 1904 г. – 91 795 человек, а в Рязанской на 1907 г. – 111 011.

После 1911 г. количество новорожденных в Орловской губернии стало стремительно снижаться, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны, в 1915 г. число новорожденных (97 515 малышей) уменьшилось до средних показателей середины 1870-х гг. В остальных рассматриваемых губерниях тенденция снижения была менее выраженной, хотя в Тульской в 1914 г. количество новорожденных опустилось до среднегодовых показателей 1890-х гг. К огорчению, по двум последним губерниям мы не располагаем данными за 1915–1916 гг., но на приходском уровне, по сведениям метрических книг Новосильского уезда Тульской губернии и Раненбургского уезда Рязанской губернии, динамика уменьшения деторождений была

зафиксирована⁹. Скорее всего, она была связана с влиянием массовой мобилизации молодых мужчин в годы Первой мировой войны.

Уменьшение количества новорожденных в начале XX в. могло быть также вызвано возможным оттоком населения после Столыпинских преобразований и аграрной миграцией за Урал [22].

Данные о естественном движении в Европейской России в целом в 1910 г. показывают, что поименованные губернии были в числе тех 35 губерний из 50, где коэффициент рождаемости достиг среднего уровня (30 до 50‰) [7, т. 1, с. 210]. Согласно подсчетам С. Д. Морозова, коэффициент рождаемости в Орловской губернии продолжал уменьшаться: в 1917 г. – 29,0‰, в 1918 г. – 28,5‰ [16, с. 165].

Уровень смертности в традиционном обществе имел прямую зависимость от уровня рождаемости, так как дети, особенно младенцы, не достигшие 1 года, составляли не менее четверти от общего количества умерших.

Во всех рассматриваемых губерниях динамика смертности имела тенденцию к росту вплоть до начала XX в., а потом начинается ее плавное снижение. Однако в отличие от брачности и рождаемости, в каждой из губерний имелись свои, хоть и не принципиальные отличия.

К примеру, тенденция снижения числа умерших в Рязанской губернии началась после пиковых значений 1898 г. (76 790 человек), хотя устойчивое снижение было зафиксировано только в 1910 г. (70814 человек). В 1911–1912 гг. количество умерших не превышало 60 000 человек, что было сопоставимо со среднегодовыми значениями 1880-х гг.

В Тульской губернии последний абсолютный пик смертности пришелся на 1905 г. и был связан с неурожаем и всплеском инфекционных заболеваний. Тогда умерло немногим более 70 000 человек, хотя рекорд 1892 г. в 70 585 человек не был побит. В целом с 1891 по 1894 г. включительно сохранялась устойчивая повышенная смертность, близкая к максимальным показателям. С 1895 г. наметилась тенденция снижения смертности, но как говорилось выше, пик 1905 г. повлиял на среднегодовые показатели смертности, но это не изменило тенденцию к общему снижению смертей. Так, в 1911 г. был зафиксирован минимум (51 410 человек), соответствовавший средним значениям 1870–1880-х гг.

Уровень смертности в Орловской губернии на всем протяжении пореформенного периода оставался высоким, особенно были заметны скачки роста числа умерших в годы с неблагоприятными климатическими явлениями (засухи, ранние заморозки, затяжные дожди во время сбора урожая и т. п.), которые вели к голоду и вспышкам инфекционных заболеваний (часто в виде локальных, реже крупноочаговых эпидемий). Особенно выделяются рубеж 1880–1890-х гг. и 1906 г., когда из-за засухи на большей части губернии были зафиксированы как вспышки эпидемий, так и общий рост числа умерших от различных причин на фоне дефицита продовольствия, а в случае 1891–1892 гг. от настоящего голода, поразившего деревню. Последний всплеск смертности 1906 г. стал рубежным, и уже с 1907 г. намечается постепенное снижение количества умерших в губернии, при этом особенно

⁹ Метрические книги с. Покровское (Голунь) Новосильского уезда – ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 4071–4075; метрические книги с. Гагино Раненбургского уезда – ГАЛО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 277–278.

выделяются 1911 г. – 67 381 человек, 1913 г. – 73 317 человек. В целом после 1907 г. среднегодовое число умерших почти сравнялось с показателями 1880-х гг.

Данные о естественном движении населения в Европейской России за 1910 г. показывают, что все исследованные губернии были среди 36 губерний из 50, где коэффициент смертности находился на среднем уровне – от 20 до 35‰¹⁰. Таким образом, можно утверждать, что смертность в Орловской, Рязанской и Тульской губерниях в 1910-х гг. окончательно перешла в новую фазу демографического перехода, хотя еще и продолжала зависеть от уровня рождаемости, который также начал снижаться.

Естественный прирост населения является важным показателем демографического развития общества, отражая соотношение рождаемости и смертности.

В рассмотренных нами губерниях на всем исследуемом промежутке времени этот показатель поступательно увеличивался. Несмотря на неблагоприятные годы, когда уровень смертности достигал своих пиковых значений, особенно в 1892 г., благодаря высокой рождаемости естественный прирост оставался в пределах положительных значений, и лишь в отдельных уездах наблюдалась естественная убыль, но она не могла существенно повлиять на устоявшуюся тенденцию роста.

На уровне единичных губерний движение этого показателя имело свои особенности. Например, в Тульской губернии на отрезке 1870–1890-х гг. среднегодовые значения естественного прироста были невелики и находились в пределах 16 000 человек. В первую очередь это было связано со всплесками смертности населения. Наибольшие пики прироста наблюдались с 1902 по 1911 г. (исключение составил 1905 г.), когда были созданы благоприятные предпосылки в виде сочетания высокой рождаемости на фоне низкой смертности. С 1900 по 1914 г. включительно среднегодовые значения смертности немногим превысили 26 000 человек, что по сравнению с предыдущим периодом в округленных цифрах составило 38%. Несомненно, это был демографический бум, пик которого как раз пришелся на 1900-е гг.

Движение естественного прироста населения Рязанской губернии на всем изучаемом промежутке времени показывало устойчивый положительный рост, но максимальные значения были достигнуты так же как и в Тульской губернии в 1902–1911 гг., хотя уже с 1898 г. среднегодовые значения естественного прироста были значительно выше, чем в предшествующее время. Если в 1860–1880-х гг. среднегодовой прирост не превышал 24 000 человек, то в 1890-е гг. он составил более 26 000. Начиная с 1898 г. прирост благодаря удачному сочетанию низкой смертности и высокой рождаемости не опускался ниже 26 000 (в 1904 г. был минимум для начала XX в. – 26 349 человек). Максимум пришелся на 1910–1911 гг. – 50 566 и 47 150 человек соответственно. Итак, за период с 1900 по 1913 г. среднегодовой прирост достиг почти 40 000 человек. В сравнении с показателями второй половины XIX в. рост составил 37,5%, почти полностью повторяя результат Тульской губернии.

В Орловской губернии ситуация была аналогичной Рязанской и Тульской губерниям. Среднегодовые показатели естественного прироста в период 1860–1880-х

¹⁰ Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за.... 1910 год. Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1890–1916, 1916. С. X.

гг. находились примерно на одном уровне – 22 000–24 000 человек ежегодно, но по отдельным годам налицо были серьезные колебания, то в сторону роста, то наоборот – падения. В 1892 г. был достигнут абсолютный минимум в 12 823 человек за период начиная с 1870 г. Далее темпы естественного прироста, не считая минимумов 1898 (20 882 человек) и 1905 гг. (27 976 человек), стремились к постоянному росту, и в начале XX в. (1900–1914 гг.) среднегодовой прирост составил более 42 000 человек ежегодно. Рост по сравнению с предшествующим периодом был равен 42,8%, что оказалось выше, чем в Рязанской и Тульской губерниях. Только в 1915 г., вследствие падения рождаемости, уровень естественного прироста резко снизился – до 23 360 человек.

Коэффициент естественного прироста населения в Орловской губернии в начале XX в. в среднем за период составил 18,1‰, что было на 1‰ больше, чем в среднем для европейской части России за аналогичный период.

Обсуждение (дискуссия)

Стремление к раннему заключению брака и неограниченное деторождение было обусловлено как чисто экономическими соображениями (наделение земли на мужчин во время переделов, в хозяйстве были необходимы рабочие руки), так и сугубо житейскими. Смертность населения была высокой, и любая вспышка инфекций при фактическом отсутствии медицинской помощи могла унести жизни нескольких человек из одной семьи. На микроуровне при изучении материалов ревизских сказок и метрических книг такое явление четко прослеживается, когда в течение даже одного года многодетная семья теряла по несколько детей. Смерть взрослого человека – это порой потеря единственного кормильца. Таким образом, испытывая чувство страха перед смертью и ее последствиями для семьи, крестьяне воспроизводили на свет детей столько, сколько могла родить женщина. Данная логика, помноженная на традиции и религиозные взгляды на деторождение, были вполне закономерны, так как ограничение рождаемости могло привести отдельно взятую семью к плачевным для нее последствиям. А из этого следует, что пока медицина была бессильна в борьбе даже с элементарными заболеваниями, пока крестьяне были не грамотны и плохо соблюдали правила гигиены, надеяться на снижение смертности, особенно у маленьких детей, было нельзя. В такой связи нужно по-другому посмотреть и на сам факт сохранения крестьянской поземельной общины, где она выполняла важную социальную функцию – помощь наиболее уязвимой части общины, где не хватало рабочих рук для самостоятельной обработки земли и сбора урожая. Конечно, община могла и тяготить определенную часть крестьянства, но другая чисто физически не могла существовать вне общины, что воочию проявится во время аграрных преобразований П. А. Столыпина, когда многие общинники не станут выделяться в отрубные и хуторские хозяйства.

Исходя из перечисленных фактов и предположений, представив логику крестьян, которые в начале XX в. продолжали составлять абсолютное большинство жителей Орловской, Рязанской и Тульской губерний, просто необходимо дальнейшее изучение демографических процессов в исследуемом регионе.

Заключение

Демографическое развитие Орловской, Рязанской и Тульской губерний после отмены крепостного права оставалось в рамках традиционной модели воспроизводства населения. Основные демографические показатели сохраняли высокие темпы брачности, рождаемости, смертности во всех рассмотренных губерниях вплоть до начала XX в.

Одной из главных причин устойчивости традиционной модели воспроизводства населения было сохранение аграрного общества, где около 90% населения жили в сельской местности. Основным занятием абсолютного большинства жителей деревни было земледелие. Даже в западной части Орловской губернии и в северо-западных уездах Рязанской и Тульской губерний, где отходничество и промыслы занимали важное место в поддержании благосостояния крестьян, ведение сельского хозяйства с характерным для него аграрным циклом жизни имело большое значение. К началу XX в. хозяйственный уклад почти не претерпел изменений, и сельский социум продолжал жить в парадигме традиционного общества.

Начало демографического перехода совпало с изменениями в русской деревне в первые годы XX в. (аграрная миграция и рост числа переселений в города, зарождение разрушения крестьянской общины и т. д.). Начиная с 1906–1911 гг. произошло резкое сокращение числа заключаемых браков, а вместе с ним и количества новорожденных и умерших жителей губерний, при этом естественный прирост населения в это время, наоборот, только увеличивался. Вступление России в Первую мировую войну усилило тенденции снижению демографических показателей, в том числе и естественного прироста населения (вследствие более существенного падения рождаемости по отношению к смертности).

Таким образом, наметившийся отход от традиционной модели воспроизводства населения стал результатом модернизационных изменений в русской деревне в начале XX в.

Список литературы

1. *Жиромская, В. Б.* К вопросу о начале демографического перехода в России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам : сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 74–85. DOI [10.17059/udf-2024-1-8](https://doi.org/10.17059/udf-2024-1-8). EDN [BMTXMW](https://www.edn.ru/BMTXMW).
2. *Менделеев, Д. И.* К познанию России. Москва : Айрис-пресс, 2002. 559 с. ISBN 5-8112-0018-8.
3. *Новосельский, С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : типография Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.
4. *Новосельский, С. А.* Вопросы демографической и санитарной статистики = Демографическая и санитарная статистика: (Избр. произведения) / Под ред. проф. А. М. Меркова. Москва : Медгиз, 1958. 216 с.
5. *Водарский, Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). Москва : Просвещение, 1973. 160 с. EDN [RVBMGR](https://www.edn.ru/RVBMGR).
6. *Рашин, А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913) : стат. очерки. Москва : Госстатиздат, 1956. 352 с.
7. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 547 с. ISBN 5-86007-394-1.
8. *Миронов, Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2014–2015. ISBN 978-5-86007-725-6.

9. *Mironov, B. N.* Urban Fertility in Russia in 1859–1913: On Commencement of Demographic Transition // *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, № 2. Pp. 1–13. DOI [10.3897/popecon.6.e83642](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e83642). EDN [BHSMKE](https://www.edn.ru/BHSMKE).

10. *Захаров, С. В.* Демографический переход и воспроизводство поколений в России // *Вопросы статистики*. 2003. № 11. С. 3–12. EDN [UFSHQF](https://www.edn.ru/UFSHQF).

11. Демографическая модернизация России, 1900–2000 : монография / под ред. А. Г. Вишневского. Москва : Новое издательство, 2006. 601 с. ISBN 5-98379-042-0. EDN [SUQARX](https://www.edn.ru/SUQARX).

12. *Нефедов, С. А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург : Уральский государственный горный университет, 2007. 141 с. ISBN 5-8019-0133-7. EDN [PVEDUV](https://www.edn.ru/PVEDUV).

13. *Нефедов, С. А.* Сверхсмертность в России в конце XIX – начале XX в. // *Вопросы истории*. 2021. № 10-1. С. 75–83. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09). EDN [QHSRNU](https://www.edn.ru/QHSRNU).

14. *Корнилов, Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 3 (44). С. 80–89. EDN [SXLHFH](https://www.edn.ru/SXLHFH).

15. *Kornilov, G. E.* Russian Modernization in the 20th Century: Features, Pace, and Results // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92, № 53. Pp. 221–234. DOI [10.1134/S1019331622090088](https://doi.org/10.1134/S1019331622090088). EDN [FMJQXC](https://www.edn.ru/FMJQXC).

16. *Морозов, С. Д.* Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы демографического развития. Пенза : Изд-во ПГАСА, 2001. 225 с. ISBN 5-9282-0039-0.

17. *Федорук, Н. С.* Население Новгородской губернии в XIX – начале XX в.: численность, демографические процессы, социальная структура: монография. Великий Новгород : Новгородский государственный университет, 2016. 318 с. ISBN 978-5-89896-601-0.

18. *Канищев, В. В.* Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX – первой трети XX в. Современные методы исследования // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2016. № 1. С. 210–223. EDN [ZBYBWB](https://www.edn.ru/ZBYBWB).

19. *Агафонова, А. Б.* Эпидемии холеры и безопасность городской среды в последней трети XIX – начале XX вв. в Российской Империи // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. № 6(87). С. 76–86. DOI [10.26105/SSPU.2023.87.6.008](https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.87.6.008). EDN [QNINEX](https://www.edn.ru/QNINEX).

20. *Жиров, Н. А.* Динамика социально-экономического развития Елецкого уезда Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *История: факты и символы*. 2023. № 3 (36). С. 105–114. DOI [10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115](https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115). EDN [OOULJN](https://www.edn.ru/OOULJN).

21. *Жиров, Н. А.* Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2018. № 2. С. 52–57. EDN [XSVKNV](https://www.edn.ru/XSVKNV).

22. *Жиров, Н. А.* Аграрная миграция крестьянства губерний Центральной России в конце XIX – начале XX вв. по документам Государственного архива Орловской области // *Вестник архивиста*. 2021. № 2. С. 440–449. DOI [10.28995/2073-0101-2021-2-440-449](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-440-449). EDN [STPPAW](https://www.edn.ru/STPPAW).

Сведения об авторе

Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhiron-nikolai@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8460-9865](https://orcid.org/0000-0001-8460-9865); РИНЦ SPIN-код: [5229-1557](https://www.rincc.ru/5229-1557); Web of Science Researcher ID: [E-2439-2018](https://orcid.org/E-2439-2018); Scopus Author ID: [57193094479](https://orcid.org/57193094479).

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE PROVINCES OF THE AGRARIAN CENTER OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Nikolay A. Zhirov

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

For citation: Zhirov, N. A. Demographic Processes in the Provinces of the Agrarian Center of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 49–62. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.3). (In Russ.)

Abstract. This article examines the main demographic processes that occurred in the provinces of central Russia (Orel, Tula and Ryazan) during the pre-Revolutionary period, primarily located in the agrarian region of the country. The chronological framework of the study coincided with the onset of modernisation processes in 1861. These processes affected all aspects of the population in the region, up until World War I broke out. The main sources for studying the demographics of local populations were local statistics, reviews of the relevant provinces, statistical data from 1897 censuses, and statistical yearbooks and *vremenniki* from the Russian Empire. The object of the study is the population in the aforementioned provinces. The subject matter is demographic processes such as marriage, birth and death rates, as well as the natural increase in population. The study's hypothesis was that, until the early 20th century, the population had remained largely unaffected by it. The population of the province continued to maintain the traditional method of reproduction characteristic of agrarian societies. Since the overwhelming majority of the residents of the Orlov, Tula and Ryazan regions lived in rural areas, the demographic processes among the peasants determined the overall picture. This article uses quantitative methods to process statistical materials, as well as traditional approaches such as historicism and retrospective. The following conclusions were drawn during the study. Throughout almost the entire study period, an increase in the number of marriages, births and deaths was observed and a high rate of natural population increase was maintained. At the beginning of the 20th century, from 1906 to 1911, the opposite trend began to gain strength – a decline in all demographic indicators, except for natural population growth. This continued until 1914 when it began to rapidly decline. During the First World War, these trends intensified even more. The onset of the demographic transition coincided with changes in Russian villages at the start of the 20th century, including agrarian migration, the collapse of peasant communities, and increased migration to cities. The outbreak of war accelerated this process further.

Keywords: demographic processes, Central Russia, post-reform period, peasantry, demographic transition, statistical methods

References

1. Zhiromskaya, V. B. On the Beginning of the Demographic Transition in Russia. In: *Demograficheskiye faktory adaptatsii naseleniya k global'nyim sotsial'no-ekonomicheskim vyzovam* [Demographic Factors of Population Adaptation to Global Socio-Economic Challenges]: collection of scientific articles. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 74–85. DOI [10.17059/udf-2024-1-8](https://doi.org/10.17059/udf-2024-1-8). (In Russ.).
2. Mendelev, D. I. *K poznaniyu Rossii* [Towards the Understanding of Russia]. Moscow: Iris-Press Publishing House, 2002. 559 p. ISBN 5-8112-0018-8. (In Russ.).
3. Novoselsky, S. A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* [Mortality and Life Expectancy in Russia]. Petrograd: Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1916. 208 p. (In Russ.).
4. Novoselsky, S. A. *Voprosy demograficheskoy i sanitarnoy statistiki = Demograficheskaya i sanitarnaya statistika* [Issues of Demographic and Sanitary Statistics = Demographic and Sanitary Statistics]: (Selected works) / Edited by prof. A. M. Merkov. Moscow: Medgiz, 1958. 216 p. (In Russ.).
5. Vodarsky, Ya. E. *Naseleniye Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX v.)* [Population of Russia for 400 Years (16th – Early 20th Centuries)]. Moscow: Prosveshcheniye Publishing House, 1973. 160 p. (In Russ.).
6. Rashin, A. G. *Naseleniye Rossii za 100 let (1811–1913)* [Population of Russia for 100 Years (1811–1913)]: statistical essays. Moscow: Gosstatizdat Publishing House, 1956. 352 p. (In Russ.).

7. Mironov, B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Imperial Period (XVIII – Early XX Centuries)]*: in 2 volumes. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House, 2003. 547 p. ISBN 5-86007-394-1. (In Russ.).

8. Mironov, B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from Tradition to Modernity]*: in 3 volumes. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House, 2014–2015, 2014–2015. ISBN 978-5-86007-725-6. (In Russ.).

9. Mironov, B. N. Urban Fertility in Russia in 1859–1913: On Commencement of Demographic Transition. *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, No. 2. Pp. 1–13. DOI [10.3897/popecon.6.e83642](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e83642).

10. Zakharov, S. V. Demograficheskiy perekhod i proizvodstvo pokoleniy v Rossii [Demographic Transition and Reproduction of Generations in Russia]. *Voprosy Statistiki*. 2003. No. 11. Pp. 3–12. (In Russ.).

11. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]*: monograph. Ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow: New Publishing House, 2006. 601 p. ISBN 5-98379-042-0. (In Russ.).

12. Nefedov, S. A. *The Concept of Demographic Cycles*. Yekaterinburg: Ural State Mining University, 2007. 141 p. ISBN 5-8019-0133-7. (In Russ.).

13. Nefedov, S. A. Over-Mortality in Russia in the Late 19th – Early 20th Century. *Voprosy Istorii*. 2021. No. 10-1. Pp. 75–83. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09). (In Russ.).

14. Kornilov, G. E. Evolution of Infant Mortality in the Ural during the First Half of the 20th Century. *Ural Historical Journal*. 2014. No. 3 (44). Pp. 80–89. (In Russ.).

15. Kornilov, G. E. Russian Modernization in the 20th Century: Features, Pace, and Results. *Herald of the Russian Academy of Science*. 2022. Vol. 92, No. 53. Pp. 221–234. DOI [10.1134/S1019331622090088](https://doi.org/10.1134/S1019331622090088).

16. Morozov, S. D. *Tsentral'naya Rossiya v 1897–1917 gg.: problemy demograficheskogo razvitiya [Central Russia in 1897–1917: Problems of Demographic Development]*. Penza: PGASU Publishing House, 2001. 225 p. ISBN 5-9282-0039-0. (In Russ.).

17. Fedoryuk, N. S. *Naseleniye Novgorodskoy gubernii v XIX – nachale XX v.: chislennost', demograficheskiye protsessy, sotsial'naya struktura [Population of the Novgorod Province in the 19th – Early 20th Centuries: Size, Demographic Processes, Social Structure]*: monograph. Veliky Novgorod: Novgorod State University, 2016. 318 p. ISBN 978-5-89896-601-0. (In Russ.).

18. Kanishev, V. V. Demographic Transition in the Russian Agrarian Society in Second Half XIX – First Third XX Century. *Modern Research Methods. The Agrarian History of Eastern Europe Yearbook*. 2016. No. 1. Pp. 210–223. (In Russ.).

19. Agafonova, A. B. Cholera Epidemics and the Safety of the Urban Environment in the Last Third of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries in the Russian Empire. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023. No. 6(87). Pp. 76–86. DOI [10.26105/SSPU.2023.87.6.008](https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.87.6.008). (In Russ.).

20. Zhirov, N. A. Dynamics of Socio-Economic Development of the Yelets District of the Oryol Province at the End of the XVIII – First Half of the XIX Centuries. *History: Facts and Symbols*. 2023. No. 3 (36). Pp. 105–114. DOI [10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115](https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115). (In Russ.).

21. Zhirov, N. Specific Features of Historical and Geographical Position of Verhneokskiy Area in the Middle XIX Century (On Materials of the Oryol Province). *Humanities and Law Research*. 2018. No. 2. Pp. 52–57. (In Russ.).

22. Zhirov N. A. Agrarian Migration of Peasantry from Central Russia Gubernias in the Late 19th – Early 20th Century in Documents from the State Archive of the Oryol Region. *Herald of an Archivist*. 2021. No. 2. Pp. 440–449. DOI [10.28995/2073-0101-2021-2-440-449](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-440-449). (In Russ.).

Bio note

Nikolay A. Zhirov, Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor, Department of History and Historical-Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia.

Contact information: e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8460-9865](https://orcid.org/0000-0001-8460-9865); RSCI SPIN-code: [5229-1557](https://www.elibrary.ru/5229-1557); Web of Science Researcher ID: [E-2439-2018](https://orcid.org/E-2439-2018); Scopus Author ID: [57193094479](https://orcid.org/57193094479).

Received on 19.03.2026; accepted for publication on 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.4)EDN [VEBFPA](#)

Научная статья

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ТРУДОСПОСОБНЫХ ВОЗРАСТОВ

Землянова Е. В.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: zem_lena@mail.ru***Евдокушкина Г.Н.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: evdok@mednet.ru*

Для цитирования: Землянова, Е. В. Сельско-городские различия смертности населения России трудоспособных возрастов / Е. В. Землянова, Г. Н. Евдокушкина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 63–79. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.4). EDN [VEBFPA](#).

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что большинство авторов анализируют различия смертности, связанные с местом жительства, для населения в целом. Тогда как именно здоровье и смертность населения трудоспособного возраста оказывают существенное воздействие на ожидаемую продолжительность жизни в стране. Предметом исследования является смертность населения трудоспособных возрастов, объектом – городское и сельское население России, целью – анализ сельско-городских различий смертности трудоспособного населения страны. Проведен поиск и отобраны релевантные публикации по проблемам различий здоровья и смертности населения в городской и сельской местности. С использованием программного продукта FAISS-Потенциал произведены расчеты стандартизованных показателей смертности за период 2000–2023 гг. по городу и селу, мужчинам и женщинам, по всем причинам и отдельным классам причин смерти для возрастных групп 20–39 лет и 40–59 лет для российского населения в целом. Для всех исследуемых групп выявлена единая закономерность: рост сельско-городских различий на фоне увеличения смертности в период 2000–2005 гг. (со сдвигом от 2003 до 2006 г. для отдельных групп); сокращение различий в 2005–2019 гг. на фоне позитивной динамики смертности и вновь последующее увеличение различий на фоне негативной динамики смертности. Наибольшую «отзывчивость» как на негативные, так и на позитивные стимулы демонстрирует смертность сельского населения, и мужчин, независимо от места жительства. В период сокращения смертности опережающими темпами снижались потери, обусловленные экзогенными причинами (инфекции, травмы и отравления), что привело к уменьшению их значимости в структуре причин смерти в период от 2000 г. к 2019 г. во всех исследуемых группах, а среди молодых женщин даже смещение на второе место после хронических неинфекционных заболеваний. Проблема повышенной смертности сельского населения трудоспособных возрастов требует особого внимания, разработки и реализации профилактических мер, поскольку является фактором торможения позитивной динамики продолжительности жизни. Политика в этом направлении должна охватывать широкий круг социальных детерминант, а не только вопросы здравоохранения, несмотря на их очевидную значимость.

Ключевые слова: сельско-городские различия, смертность трудоспособного населения, стандартизованные показатели смертности, причины смерти, социальные детерминанты, Россия

Введение

Различия в уровне смертности между городским и сельским населением – сложный демографический феномен, который зависит от множества факторов. В современной России, как и во многих других странах, смертность в сельской местности зачастую выше, чем в городах. В данной связи проявляются как общие тенденции, так и специфические особенности.

Хотя здоровье городских жителей в среднем лучше, чем у сельского населения, риски для здоровья в городах неравномерно распределяются между социальными группами, и большая часть бремени приходится на уязвимые слои населения [1]. В то же время города выигрывают за счет развитой инфраструктуры, быстрого доступа к неотложной помощи и лучших возможностей для профилактики и лечения заболеваний.

Ключевые причины более высокой смертности на селе связаны, прежде всего, с меньшей доступностью медицинской помощи и возрастной структурой населения. В селах часто не хватает квалифицированных врачей и современных медицинских учреждений, из-за чего опасные заболевания выявляются слишком поздно, а экстренная помощь оказывается с задержкой [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Кроме того, из-за интенсивной миграции молодежи в города в сельской местности преобладает пожилое население, которое более чувствительно к болезням и естественным причинам смертности. Среди других факторов – более высокий уровень смертности от внешних причин (транспортных происшествий, самоубийств), болезней органов дыхания и пищеварения на селе, что отчасти связано с образом жизни и вредными привычками¹.

Вполне вероятно, что различия в ресурсах здравоохранения и поведении в отношении здоровья в городах и селах могут способствовать стагнации и даже повышению уровня смертности в сельской местности. Ресурсы и услуги здравоохранения варьируют в зависимости от плотности населения, влияя на закрытие больниц, и нехватку врачей на селе. Это является серьезной проблемой, имеющей универсальный характер [2; 3; 4; 5].

Так, в США около 15% населения проживает в округах, расположенных в сельской местности. Жители таких округов чаще сталкиваются с большими проблемами в области общественного здравоохранения, поскольку у них более ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию, они реже застрахованы и чаще живут в бедности. В период с 1999 по 2019 г. скорректированные по возрасту показатели смертности в сельской местности были выше, чем в городах, на протяжении всего периода, и со временем разница увеличивалась. Различия между показателями смертности в сельской местности и городах за указанный период увеличились как среди мужчин, так и среди женщин [8]. Аналогичные выводы делает в своей статье Ю. Е. Разводовский (2004 г.) [6]. Автор подчеркивает, что высокая смертность сельского населения Беларуси обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, которые определяют качество жизни: низкий уровень доходов, меньшая доступность

¹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 08.04.2026).

медицинской помощи, относительно низкий уровень образования. Все это, по мнению автора, способствует маргинализации деревни.

В 2019 г. показатели по 10 основным причинам смерти в сельской местности были выше, чем в городах. Наибольшие различия в показателях смертности между городом и селом были связаны с болезнями сердца, раком и хронической сердечной недостаточностью, причем с течением времени они даже увеличивались [8]. Результаты обзорного исследования А. В. Концевой и соавторов (2016 г.) так же показали, что в России в целом профиль факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний среди жителей села менее благоприятный по сравнению с горожанами [9].

Более 20 лет назад различия структуры смертности городского и сельского населения были рассмотрены А. Е. Ивановой и соавторами (2003 г.) [10]. В статье были проанализированы особенности смертности городского и сельского населения в конце XX века по возрастным группам: детей до 1 года (младенческая смертность), 1–14 лет (детская смертность), 15–19 лет (подростковая смертность), 20–59 лет (смертность трудоспособного населения) и 60+ лет (смертность населения старших возрастов). Авторы сделали вывод о том, что за счет деградации смертности городского населения ее структура по причинам может стать идентичной таковой в сельском населении.

Согласно исследованию Л. А. Поповой (2021 г.), в сельской местности в сравнении с городской заметно выше уровень и больше доля смертности от внешних причин, вызванных поведенческими факторами риска и неблагоприятными условиями проживания, а также от болезней органов дыхания, во многом зависящей от доступности услуг здравоохранения и своевременности их получения [7].

Большинство изученных нами публикаций посвящено населению в целом. Поэтому целью настоящего исследования является анализ сельско-городских различий смертности трудоспособного населения в России. Именно здоровье и смертность населения данного возрастного интервала оказывает существенное воздействие на ожидаемую продолжительность жизни в стране.

Материалы и методы

Проведен поиск публикаций по проблемам различий здоровья и смертности населения в городской и сельской местности в базах Elibrary, Cyberleninka, ResearchGate.net, Academia, ScienceDirect.com, BMJ Open, Springer Nature, Pubmed Central. Проанализировано более 50 публикаций. Для реализации целей исследования отобрано 20 релевантных источников, в которых исследуются различия смертности городского и сельского населения и причины их возникновения. Используются данные официальной статистики смертности Росстата по форме С51 «Распределение умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти» и форме РН4 «Среднегодовая численность населения по полу и возрасту по субъектам Российской Федерации» за 2000–2023 гг.² На основе программного продукта FAISS-Потенциал произведены расчеты стандартизованных показателей смертности (Европейский стандарт возрастной структуры) за период 2000–2023 гг. по городу и селу, мужчинам и женщинам, по всем причинам и отдельным классам причин

² Получены по запросу.

смерти для возрастных групп 20–39 лет и 40–59 лет (условно – молодые и старшие трудоспособные возраста) для всего российского населения. Для анализа причины смерти были разделены на укрупненные классы.

Хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ), нередко являющиеся результатом поведенческих факторов риска и приводящие к преждевременной смертности. В укрупненный класс ХНИЗ включены следующие классы причин по МКБ-10³: новообразования; болезни крови и кроветворных органов; болезни эндокринной системы; психические расстройства; болезни нервной системы; болезни глаза; болезни уха; болезни системы кровообращения; болезни органов дыхания; болезни органов пищеварения; болезни кожи; болезни костно-мышечной системы; болезни мочеполовой системы. Снижение смертности от ХНИЗ – одна из Целей устойчивого развития [11].

Инфекционные и паразитарные болезни и несчастные случаи, отравления и травмы, являющиеся следствием воздействия внешних причин и агентов⁴, были объединены в подгруппу экзогенных причин. Неточно обозначенные состояния выделены в отдельную подгруппу, поскольку могли быть отнесены к любой из вышеуказанных подгрупп, но первоначальная причина смерти не была точно установлена.

Результаты

Начиная с 2000 г. показатели смертности городского и сельского населения молодых трудоспособных возрастов 20–39 лет имели сходную динамику, при этом смертность сельчан данной возрастной группы превышала смертность горожан (рис. 1).

В период 2000–2009 гг. разрыв в показателях демонстрировал рост с 15% до 30%. 2010–2019 гг. можно охарактеризовать как стагнацию разрыва на фоне снижения показателей смертности, сменившуюся ростом как показателей смертности, так и увеличившимся разрывом значений до 43% в 2023 г. в связи со сложной геополитической ситуацией.

Рост смертности молодых трудоспособных россиян в 2000–2005 гг. составил в городах 7%, а в селах – 16%, т. е. темпы прироста показателей смертности были выше на селе. За период 2005–2019 гг. смертность молодых мужчин и женщин в городах снизилась на 54%, а селах – на 52%. Таким образом, темпы снижения смертности оказались практически одинаковы, что и отразилось в стагнации разрыва между городом и селом в показателях смертности населения данной возрастной группы.

При сохранении сходной динамики показателей смертности в возрастах 40–59 лет их разрыв между городским и сельским населением заметно сокращается (рис. 2).

³ МКБ 10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра : [сайт]. URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 08.04.2026).

⁴ Демография // Учебники Экономического факультета МГУ : [сайт]. URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/> (дата обращения: 08.04.2026).

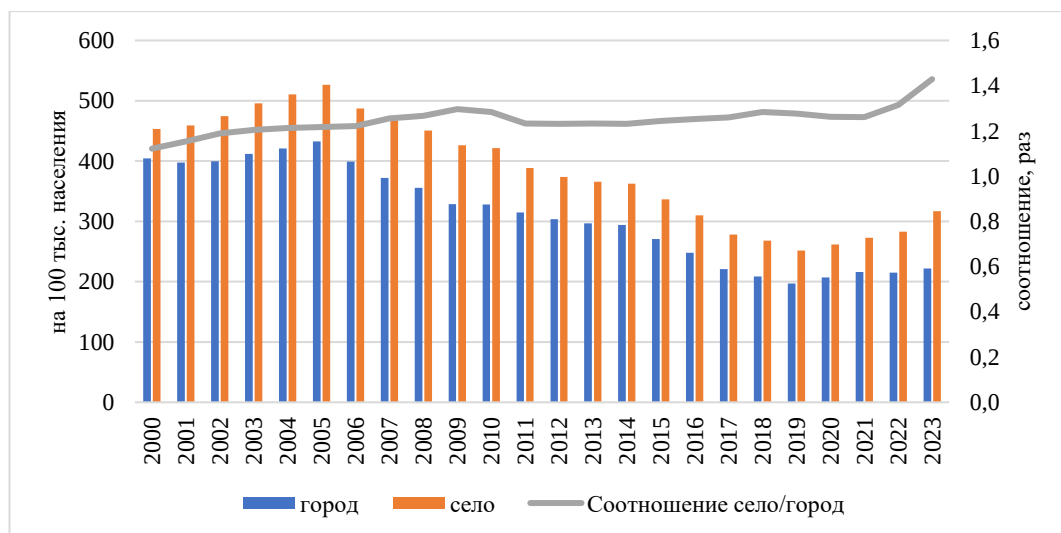

Рис. 1. Динамика и соотношение показателей смертности городского и сельского населения России в возрастах 20–39 лет (на 100 тыс. соответствующего населения)
Fig. 1. Dynamics and ratio of mortality rates of the urban and rural population of Russia at the age of 20–39 years (per 100 thousand of the corresponding population)

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

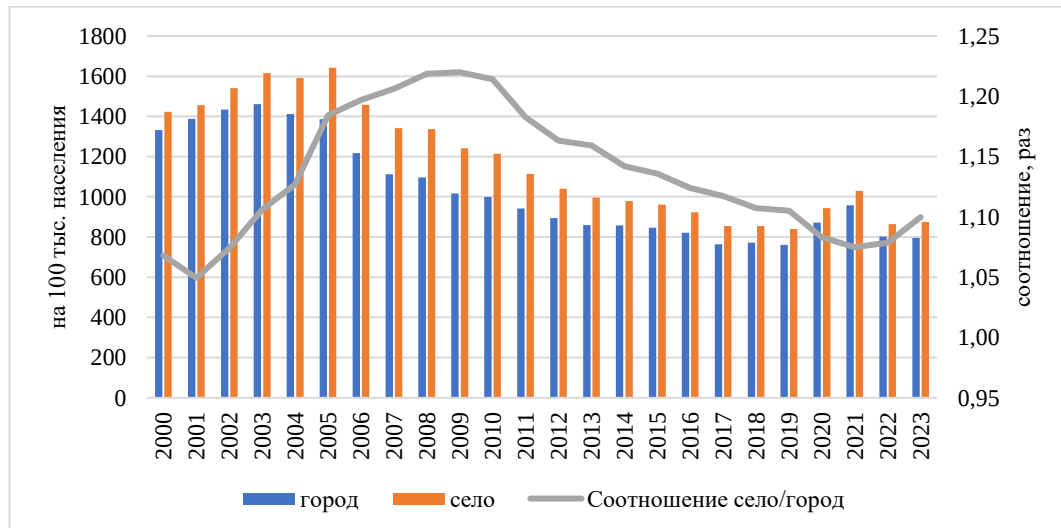

Рис. 2. Динамика и соотношение показателей смертности городского и сельского населения России в возрастах 40–59 лет (на 100 тыс. соответствующего населения)
Fig. 2. Dynamics and ratio of mortality rates of the urban and rural population of Russia at the age of 40–59 years (per 100 thousand of the corresponding population)

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

Рост разрыва в показателях смертности между городом и селом в данной возрастной группе с 5% до 22% наблюдался в 2001–2008 гг., который сменился устойчивым снижением до 11% в 2019 г., происходившим на фоне снижения смертности населения названной возрастной группы. В период пандемии COVID-19 показатели смертности продолжили сближаться до уровня в 7% в 2021 г., но в последующие годы разрыв несколько возрос.

В 2000–2005 гг. смертность сельского населения старших трудоспособных возрастов выросла на 15,5%. Рост смертности в городах продолжался до 2003 г., и за этот период смертность возросла всего на 9,7%, что объясняет увеличение разрыва между городом и селом в показателях смертности. В период 2005–2019 гг. смертность сельского населения в возрасте 40–59 лет снизилась с 1641,9 до 840,4 на 100 тыс. или на 49%. Снижение смертности горожан 40–59 лет началось после 2003 г. с показателя в 1460,6, и к 2019 г. она достигла уровня 760,4 на 100 тыс., т. е. в городах снижение составило 48%. Можно заключить, что снижение смертности населения старших трудоспособных возрастов происходило практически одинаковыми темпами, как в городской, так и в сельской местности.

Превышение мужской смертности над женской наиболее выражено именно в трудоспособных возрастах, порождая известный эффект сверхсмертности российских мужчин и существенный гендерный разрыв продолжительности жизни. В период 2000–2023 гг. максимальные значения показателей смертности в возрастах 20–39 лет отмечались в 2002–2005 гг.

Разница показателей смертности городских мужчин и женщин составляла на начало исследуемого периода 4,13 раза и сократилась до 2,85 раза к 2021 г. – второму году пандемии. Последующие годы демонстрировали рост в разрыве показателей смертности, и их соотношение в 2023 г. составило 3,94 раза (рис. 3).

Аналогичные процессы отмечались и в сельском населении. Смертность мужчин и женщин данной возрастной группы росла до 2005 г., когда достигла своих наивысших значений, с 2006 г. негативная динамика сменилась устойчивым снижением смертности, продолжавшимся до 2019 г. На начало рассматриваемого периода разрыв в значениях мужской и женской смертности на селе составлял 4,21 раза, и к 2019 г. он сократился до 2,47 раза. С 2020 г. на фоне пандемии и осложнения геополитической ситуации наблюдается как рост показателей смертности, так и увеличение разрыва между мужчинами и женщинами до 4,13 в 2023 г. (рис. 4).

Прирост смертности сельских молодых мужчин за 2000–2005 гг. составил 14,2%, женщин – 28,4%, что существенно выше, чем в городах. Уменьшение статистики смертности к 2019 г. выразилось в снижении показателей у мужчин на 55,9%, а у женщин на 40,5%. Как и в городском населении, тенденции смертности сельских женщин оказались хуже, чем у сельских мужчин молодых трудоспособных возрастов.

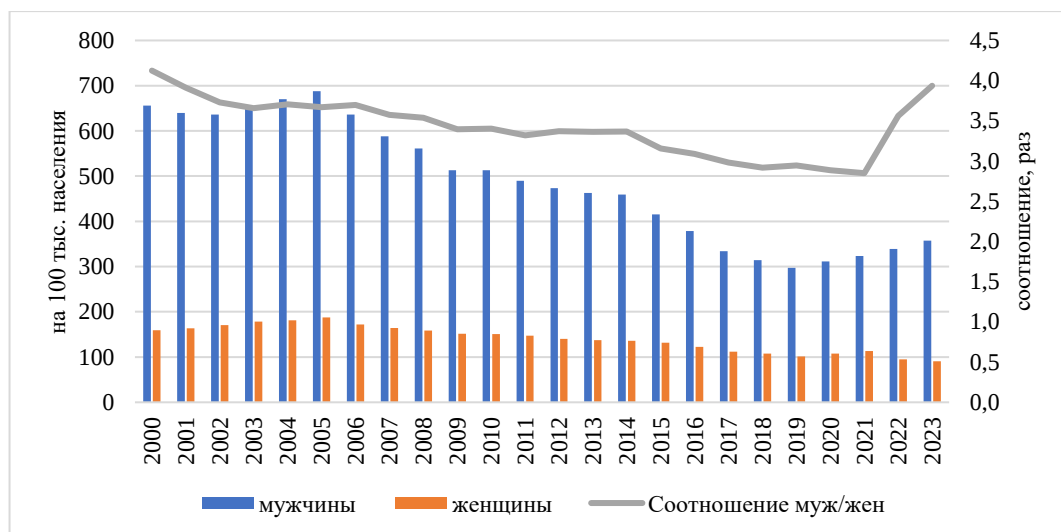

Рис. 3. Динамика и соотношение показателей смертности городских мужчин и женщин в России в возрастах 20–39 лет (на 100 тыс. соответствующего населения)
Fig. 3. Dynamics and ratio of mortality rates of urban men and women in Russia aged 20–39 years (per 100,000 of the corresponding population)

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

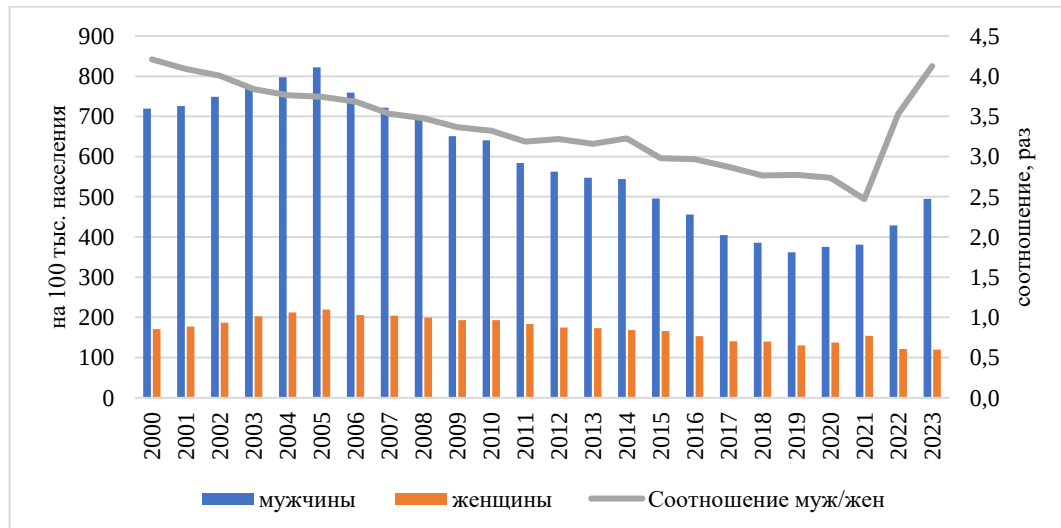

Рис. 4. Динамика и соотношение показателей смертности сельских мужчин и женщин в России в возрастах 20–39 лет (на 100 тыс. соответствующего населения)
Fig. 4. Dynamics and ratio of mortality rates of rural men and women in Russia aged 20–39 years (per 100,000 of the corresponding population)

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

Несмотря на сходный профиль динамики показателей смертности городских мужчин и женщин 40–59 лет, разрыв значений очень существенен. Стагнация разрыва в 3,3 раза сохранялась в период 2000–2005 гг., в последующие годы она сменилась устойчивым, но весьма незначительным снижением, которое ускорилося в 2020–2021 гг. и достигло значения 2,52 раза к завершению пандемии. В 2022–2023 гг. гендерный разрыв в показателях смертности населения данной возрастной группы снова увеличился, не достигнув, однако, уровня 2000 г. (рис. 5).

В городском населении 40–59 лет рост смертности наблюдался в 2000–2003 гг., и у мужчин прирост показателей составил 10%, в женском – 10,4%. Затем последовал период снижения показателей смертности: у мужчин на 50,4%, у женщин – на 42,5% к 2019 г. Таким образом, при практически равных темпах роста смертности городского населения в данной возрастной группе в 2000–2003 гг. последующее снижение показателей у мужчин происходило более стремительно.

Что касается сельского населения, то стагнация разрыва между мужской и женской смертностью в три раза сохранялась на протяжении 2000–2008 гг. Далее, как и в городском населении, началось сближение разницы в показателях, достигнув минимума в 2,28 раза в 2021 г., но в последующие годы разрыв стал увеличиваться.

В сельском населении 40–59 лет процессы роста и снижения смертности происходили более стремительными темпами. Так, период роста смертности в 2000–2005 гг. выразился увеличением смертности мужчин на 14,8%, а женщин – на 14,6%. В то же время снижение показателей смертности сельского населения к 2019 г. оказалось близким по темпам к городскому: смертность сельских мужчин старших трудоспособных возрастов снизилась на 50,3%, женщин – на 44,4% (рис. 6).

Для понимания источников наблюдаемой динамики представляется важным рассмотреть структуру смертности по причинам смерти и ее изменения в мужском и женском трудоспособном населении в городской и сельской местности.

Анализ динамики структуры причин смерти трудоспособного населения был ограничен периодом 2000–2019 гг., поскольку эволюционный процесс снижения смертности был прерван пандемией COVID-19 и последующим осложнением геополитической ситуации, исказившими структуру причин смерти в первую очередь в трудоспособных возрастах.

Мониторинг динамики причин смерти по укрупненным классам в возрастах 20–39 лет показал, что в 2000–2005 гг. выросли как показатели смертности от ХНИЗ, так и их структурные доли.

Так, в городском населении смертность молодых мужчин в этот период выросла на 26,3%, а в сельском – на 41,0%. Одновременно с ростом показателей смертности увеличилась и их доля в структуре причин смерти. У молодых горожан доля ХНИЗ за 2000–2005 гг. выросла с 27,0% до 32,5%, у сельчан – с 23,2% до 28,6%. В период снижения смертности 2005–2019 гг. показатели в городах снизились на 52,0%, а в селах – на 48,2%. При этом структурная доля ХНИЗ продолжила расти: в городах с 32,5% в 2005 г. до 36,2% в 2019 г., а в селах с 28,6% до 33,8%. Такой эффект связан с сокращением значимости экзогенных причин смерти за счет их более благоприятной динамики как в 2000–2005 г., так и в результате опережающего снижения смертности к 2019 г. (табл. 1).

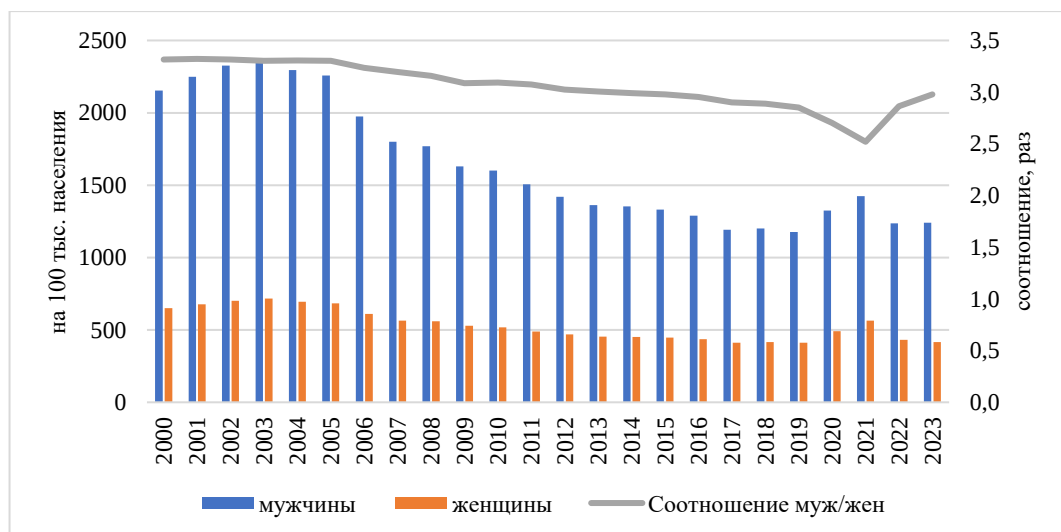

Рис. 5. Динамика и соотношение показателей смертности городских мужчин и женщин в России в возрастах 40–59 лет (на 100 тыс. соответствующего населения)
Fig. 5. Dynamics and ratio of mortality rates of urban men and women in Russia aged 40–59 years (per 100 thousand of the corresponding population)

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

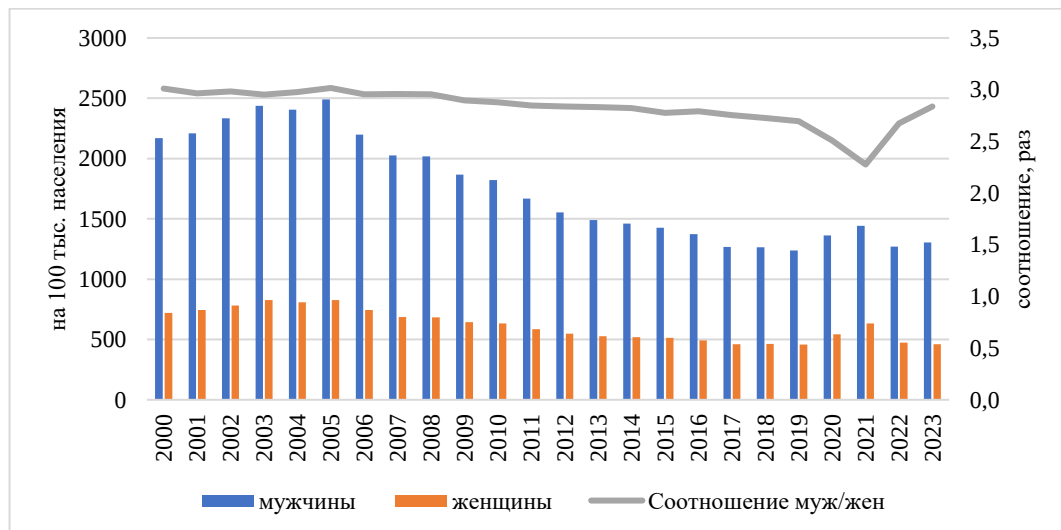

Рис. 6. Динамика и соотношение показателей смертности сельских мужчин и женщин в России в возрастах 40–59 лет (на 100 тыс. соответствующего населения)
Fig. 6. Dynamics and ratio of mortality rates of rural men and women in Russia aged 40–59 years (per 100 thousand of the corresponding population)

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

В городском населении у мужчин 20–39 лет за период 2000–2005 гг. роль экзогенных причин в структуре смертности снизилась: в городах с 66,6% до 60,2%, в селах – с 73,0% до 66,1%. К 2019 г. структурная доля инфекций и травм продолжила снижаться и составила у горожан 57,4%, что на 9,2 п. п. меньше, чем в 2000 г., у сельчан – 61,7% или на 11,3 п. п. меньше, чем в 2000 г. И все же, несмотря на сокращение вклада экзогенных причин в смертность населения молодых трудоспособных возрастов, они по-прежнему играют ведущую роль, определяя резервы сокращения потерь, обусловленных поведенческими факторами риска.

Проблема присутствия в структуре смертности неточно обозначенных состояний остается весьма существенной. На их долю, как и прежде, приходится значимая доля смертей, что особенно выражено в городском населении. Причины этого требуют дополнительного изучения, но уже за рамками настоящего исследования.

У мужчин в возрастах 40–59 лет ведущая роль в структуре смертности принадлежит эндогенным причинам, иными словами, хроническим неинфекционным заболеваниям. В период 2000–2005 гг. показатели смертности от ХНИЗ выросли у городских мужчин на 7,2%, у сельских – на 14,5%. На фоне роста показателей структурная доля эндогенных причин в городах несколько увеличилась – с 65,3% до 66,8%, а селах незначительно снизилась – с 65,4% до 65,2%. В последовавший за этим период устойчивого снижения смертности 2005–2019 гг. показатели для мужчин старших трудоспособных возрастов уменьшились в городах на 44%, а в селах – на 46,1%. А структурные доли ХНИЗ возросли: в городах с 66,8% до 71,9%, в селах – с 65,2% до 70,8%.

Показатели смертности от инфекционных заболеваний и травм у мужчин 40–59 лет за период 2000–2005 гг. в городском населении снизились на 3,1%, но в селах в тот же период они увеличились на 11,5%. Несмотря на это, структурные доли экзогенных причин в смертности снизились с 30,4% до 28,1% у горожан, с 31,9% до 31,0% – у сельчан. В 2005–2019 гг. смертность мужчин старших трудоспособных возрастов от инфекций и травм сократилась очень значительно. В городах снижение уровней смертности составило 57,8%, а в селах – 59%. Кроме того, заметно снизились и доли этой группы причин в структуре смертности: с 28,1% в 2005 г. до 22,8% в 2019 г. – у горожан, и с 31,0% до 25,6% – у сельчан. Как и в группе молодых трудоспособных возрастов, заметную долю в структуре смертности занимают неточно обозначенные состояния, и так же их доля выше в городском населении.

При сравнении данных таблиц 1 и 2 видно, что траектории изменения структуры причин смерти мужчин и женщин трудоспособных возрастов в городской и сельской местности существенных отличий не имеют (табл. 2).

Вместе с тем следует отметить некоторые особенности. Во-первых, в молодых возрастах за счет более высоких темпов снижения экзогенных причин смерти доля ХНИЗ в смертности и горожанок, и сельских жительниц переместилась к 2019 г. на первое место, что отличает эту ситуацию для их сверстников. Во-вторых, в старших трудоспособных возрастах у женщин темпы снижения экзогенных причин смерти выше, чем у мужчин, причем как в городе, так и на селе. Если в 2000 г. экзогенными причины определяли около 1/5 всей смертности женщин 40–59 лет, то к 2019 г. на них приходилось около 15% при сохранении несколько большей значимости для сельских женщин.

Таблица 1

Динамика структуры смертности мужчин трудоспособных возрастов по укрупненным классам причин смерти (на 100 тыс. соответствующего населения)

Table 1

Dynamics of the mortality structure of men of working age by aggregated classes of causes of death (per 100,000 of the corresponding population)

Причины смерти	2000 г.	Структ. доля (%)	2005 г.	Структ. доля (%)	2019 г.	Структ. доля (%)	2005 г. к 2000 (%)	2019 г. к 2005 (%)
Городские мужчины 20–39 лет								
ХНИЗ	179,1	27,0	226,2	32,5	108,6	36,4	26,3	-52,0
Инфекции + травмы	441,2	66,6	419,4	60,2	171,4	57,4	-4,9	-59,1
Неточно обозн. сост.	42,0	6,3	50,5	7,3	18,7	6,3	20,2	-63,0
Сельские мужчины 20–39 лет								
ХНИЗ	167,4	23,2	236,0	28,6	122,3	33,8	41,0	-48,2
Инфекции + травмы	525,9	73,0	544,6	66,1	223,3	61,7	3,6	-59,0
Неточно обозн. сост.	27,1	3,8	43,2	5,2	16,1	4,5	59,4	-62,7
Городские мужчины 40–59 лет								
ХНИЗ	1409,5	65,3	1511,3	66,8	846,7	71,9	7,2	-44,0
Инфекции + травмы	656,8	30,4	636,4	28,1	268,7	22,8	-3,1	-57,8
Неточно обозн. сост.	91,5	4,2	116,3	5,1	62,0	5,3	27,1	-56,3
Сельские мужчины 40–59 лет								
ХНИЗ	1418,7	65,4	1624,4	65,2	875,4	70,8	14,5	-46,1
Инфекции + травмы	692,2	31,9	771,5	31,0	316,5	25,6	11,5	-59,0
Неточно обозн. сост.	59,0	2,7	95,4	3,8	45,4	3,7	61,7	-52,4

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

Таблица 2

Динамика структуры смертности женщин трудоспособных возрастов по укрупненным классам причин смерти (на 100 тыс. соответствующего населения)

Table 2

Dynamics of the mortality structure of women of working age by aggregated classes of causes of death (per 100,000 of the corresponding population)

Причины смертности	2000 г.	Структ. доля (%)	2005 г.	Структ. доля (%)	2019 г.	Структ. доля (%)	2005 г. к 2000 (%)	2019 г. к 2005 (%)
Городские женщины 20–39 лет								
ХНИЗ	71,1	44,3	92,5	49,0	52,8	52,2	30,1	-42,9
Инфекции+травмы	81,7	50,9	86,2	45,7	44,7	44,2	5,5	-48,1
Неточно обозн. сост.	7,8	4,9	10,0	5,3	3,7	3,7	28,2	-63,0
Сельские женщины 20–39 лет								
ХНИЗ	78,3	45,7	101,1	46,0	71,0	54,4	29,1	-29,8
Инфекции+травмы	86,7	50,6	108,2	49,2	55,7	42,7	24,8	-48,5
Неточно обозн. сост.	6,2	3,6	10,4	4,7	3,7	2,8	67,7	-64,4
Городские женщины 40–59 лет								
ХНИЗ	505,8	77,7	538,8	78,6	339,4	82,2	6,5	-37,0
Инфекции+травмы	128,1	19,7	124,8	18,2	61,0	14,8	-2,6	-51,1
Неточно обозн. сост.	17,4	2,7	21,9	3,2	12,5	3,0	25,9	-42,9
Сельские женщины 40–59 лет								
ХНИЗ	555,6	77,1	632,7	76,6	376,2	82,1	13,9	-40,5
Инфекции+травмы	149,6	20,8	169,7	20,5	72,1	15,7	13,4	-57,5
Неточно обозн. сост.	15,6	2,2	23,6	2,9	10,0	2,2	51,3	-57,6

Источник: рассчитано авторами по данным статистических форм Росстата С51, РН4

Обсуждение и выводы

Как и в большинстве стран, в России смертность городского населения ниже таковой в селах. Более значимый разрыв в значениях показателей смертности между городом и селом отмечается в молодых трудоспособных возрастах, что в первую очередь обусловлено существенным превышением в селах над городскими показателями смертности от экзогенных причин, а именно: от инфекций и травм. Эта закономерность подтверждается и зарубежными публикациями. Так, например, исследование, проведенное в Новой Зеландии, показало, что превышение уровней смертности в сельской местности над городскими особенно выражено в самой младшей возрастной группе (<30 лет) в наиболее отдаленных населенных пунктах (от всех причин и от несчастных случаев, отравлений и травм) [12].

При обсуждении причин различий смертности городских и сельских жителей акценты делаются на различных детерминантах. По мнению ряда авторов [13; 14], для сельского населения важнейшей проблемой остается территориальная доступность учреждений здравоохранения и технологичной медицинской помощи, а усилия государства должны быть направлены на обеспечение возможности раннего диагностирования, лечения и диспансеризации больных. Это же отмечается в исследовании, проведенном в странах Северной Европы [15], где смертность сельского населения на удаленных территориях с низкой плотностью населения выше, чем в густонаселенных районах. В России с ее обширной территорией данная проблема также является весьма актуальной. Причем авторы подчеркивают низкий уровень доходов населения удаленных регионов. В свою очередь уровень доходов в значительной мере определяет и уровень здоровья населения [6; 7; 16].

На значимость социальных детерминант здоровья и их роли в формировании сельско-городских различий продолжительности жизни обращают внимание и другие авторы. К примеру, В. Н. Бобков с соавторами (2023 г.) [16] отмечает, что меры государственной, корпоративной и муниципальной политики должны быть направлены на реализацию возможностей повышения человеческого потенциала. Авторы выявили существенные различия условий развития и реализации человеческого потенциала в сфере здравоохранения, образования, по наличию высокооплачиваемых рабочих мест, уровню безработицы, материальному положению, жилищной обеспеченности, цифровой грамотности и доступу в Интернет.

К аналогичным выводам пришел А. Е. Щур (2022 г.) [17], исследование которого показало, что продолжительность жизни сельского мужского населения РФ почти на 10 лет ниже, чем в столице, женского – на 6 лет. Показатели продолжительности жизни в селах близки только к таковым в малых и средних городах. Автор объясняет различия в том числе и тем, что в большинстве малых городов и в сельской местности в России до сих пор сохраняются более устаревшие инфраструктура и жилой фонд, нежели в крупных городах. Многие жители малых городов и сельских поселений живут в некачественном жилье с ограниченным доступом к водопроводу и канализации. Немаловажным фактором является и то, что именно в городах, особенно в крупных, концентрируется население с высшим образованием и более высоким уровнем доходов [17].

В исследовании, проведенном в Тюменской области, акцент делается на необходимости развития профилактической направленности муниципального здравоохранения и формирования здоровьесберегающего поведения сельского населения, на повышении уровня выездных форм профилактических медицинских осмотров для ранней диагностики заболеваний. Эта деятельность должна строиться с учетом социально-экономического развития сельских территорий, их географического положения и демографического состава населения [18].

Несмотря на сложившиеся негативные соотношения смертности городского и сельского населения, нельзя не отметить и позитивную тенденцию сокращения различий, как в молодом трудоспособном населении, так и среди 40–59-летних мужчин и женщин. Устойчивая тенденция, сложившаяся в период 2005–2019 гг. была прервана эпидемиологическими, а затем геополитическими факторами, которые, однако, не носят фундаментального характера. Поэтому по завершении действия отмеченных факторов можно ожидать восстановление тренда на сокращение различий.

В основе сокращения сельско-городских различий смертности лежит более позитивная динамика смертности именно сельских жителей, а в гендерном отношении – мужчин в сравнении с женщинами, независимо от места жительства. Это свидетельствует о том, что результативность мер политики по снижению смертности сильнее проявилась в мужском населении в обеих возрастных группах. В 2005–2019 гг. смертность мужчин в городах и селах продемонстрировала снижение на 50–57%, а женщин – на 42–46%.

Как свидетельствуют результаты исследования, проведенного в Южной Корее [19], сближение показателей ожидаемой продолжительности жизни между сельским и городским населением происходило за счет более быстрых темпов снижения смертности именно в сельском населении, как за счет хронических неинфекционных заболеваний (в частности, от новообразований и болезней органов пищеварения), так и от внешних причин.

Наше исследование показало, что в России в возрастах 20–39 лет смертность от экзогенных причин снижалась у сельских и городских мужчин одинаковыми темпами, а у молодых сельских женщин опережающими темпами по сравнению с городскими. В возрастной группе 40–59 лет темпы уменьшения смертности мужчин от ХНИЗ, инфекций и травм оказались несколько выше у сельского населения. Темпы снижения смертности женщин данной возрастной группы в селах были заметно выше городских показателей.

Другими словами, наибольшую «отзывчивость» на меры социально-демографической политики демонстрирует смертность сельского населения и мужчин, независимо от места жительства. Однако, если не предпринимать специальных мер по сокращению неравенства в смертности, различия не только не будут сокращаться, но могут и увеличиться. Об этом свидетельствуют исследования в рамках проекта «Understanding Rural-Urban Mortality Differences» [5], в котором авторы проанализировали данные национального опроса и свидетельства о смерти.

Проведенное нами исследование показало, что проблема повышенной смертности сельского населения трудоспособных возрастов требует повышенного внимания, разработки и реализации профилактических мер. Это также подчеркивается как отечественными, так и зарубежными специалистами [13; 15; 16; 18; 20].

Список литературы

1. *UN-Habitat, World Health Organization. Integrating Health in Urban and Territorial Planning: A Sourcebook.* Geneva : WHO, 2020. 89 p. ISBN 9789240003170.
2. *Probst, J. C. Structural Urbanism Contributes to Poorer Health Outcomes for Rural America / J. C. Probst, J. M. Eberth, E. Crouch // Health Affairs.* 2019. Vol 38, № 12. Pp. 1976–1984. DOI [10.1377/hlthaff.2019.00914](https://doi.org/10.1377/hlthaff.2019.00914).
3. *Thomas, K. L. The Nature of the Rural-Urban Mortality Gap / K. L. Thomas, E. A. Dobis, D. A. McGranahan // Economic Information Bulletin № 265.* Washington, D. C. : United States Department of Agriculture, Economic Research Service, 2024. 31 p. DOI [10.22004/ag.econ.341639](https://doi.org/10.22004/ag.econ.341639).
4. *Basu, S. Association of Primary Care Physician Supply with Population Mortality in the United States, 2005–2015 / S. Basu, S. A. Berkowitz, R. L. Phillips, et al. // JAMA Internal Medicine.* 2019. Vol. 179, № 4. Pp. 506–514. DOI [10.1001/jamainternmed.2018.7624](https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2018.7624).
5. *Ziller, E. C. Rural-Urban Residence and Mortality among Three Cohorts of Rural-Urban Residence and Mortality among Three Cohorts of U.S. Adults / E. C. Ziller, J. D. Lenardson, K. A. Ahrens // Portland, M.E. : University of Southern Maine, Maine Rural Health Research Center, 2020. 8 p.*
6. *Разводовский, Ю. Е. Анализ структуры смертности городского и сельского населения Республики Беларусь // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2004. № 6. С. 10–14. EDN [OJZKRJ](https://elibrary.ru/ojzkrj).
7. *Попова, Л. А. Смертность российского населения по причинам смерти: тенденции уровня, гендерные и межпоселенческие различия // Регион: Экономика и Социология.* 2021. № 4(112). С. 183–207. DOI [10.15372/REG20210407](https://doi.org/10.15372/REG20210407). EDN [YNGBLI](https://elibrary.ru/yngbli).
8. *Curtin, S. C. Trends in Death Rates in Urban and Rural Areas: United States, 1999–2019 / S. C. Curtin, M. R. Spencer // NCHS Data Brief.* 2021. № 417. 8 p. DOI [10.15620/cdc.109049](https://doi.org/10.15620/cdc.109049).
9. *Концевая, А. В. Факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний среди жителей сельской местности по данным эпидемиологических исследований: обзор литературы / А. В. Концевая, А. О. Мырзаматова, А. К. Каширин // Кардиоваскулярная терапия и профилактика.* 2016. Т. 15, № 6. С. 66–71. DOI [10.15829/1728-8800-2016-6-66-71](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2016-6-66-71). EDN [XCFIOR](https://elibrary.ru/xcfior).
10. *Иванова, А. Е. Возрастные особенности смертности городского и сельского населения России в 90-е годы XX века / А. Е. Иванова, В. Г. Семенова, Н. С. Гаврилова [и др.] // Общественное здоровье и профилактика заболеваний.* 2003. № 1. С. 17–26. EDN [ZQCYDZ](https://elibrary.ru/zqcydz).
11. *World Health Organization. Global Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2013–2020.* Geneva : WHO, 55 p. ISBN 978-92-4-150623-6.
12. *Nixon, G. Comparison of Urban and Rural Mortality Rates across the Lifespan in Aotearoa/New Zealand: A Population-Level Study / G. Nixon, G. Davie, J. Whitehead, et al. // Journal of Epidemiology and Community Health.* 2023. Vol. 77. № 9. Pp. 571–577. DOI [10.1136/jech-2023-220337](https://doi.org/10.1136/jech-2023-220337).
13. *Былина, С. Г. Смертность городского и сельского населения РФ по причинам смерти: сравнительный анализ // Международный научно-исследовательский журнал.* 2020. № 10–2(100). С. 95–103. DOI [10.23670/IRJ.2020.100.10.054](https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.100.10.054). EDN [TNXLRM](https://elibrary.ru/tnxlrm).
14. *Калининская, А. А. Анализ медико-демографических показателей сельского населения / А. А. Калининская, А. В. Лазарев, А. А. Смирнов, С. И. Шляфер // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2024. Т. 32, № 6. С. 1227–1233. DOI [10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233). EDN [ENHAXCC](https://elibrary.ru/enhaxcc).
15. *Bremberg, S. Rural-Urban Mortality Inequalities in Four Nordic Welfare States // Scandinavian Journal of Public Health.* 2020. Vol. 48, № 8. Pp. 791–793. DOI [10.1177/1403494820921684](https://doi.org/10.1177/1403494820921684).
16. *Бобков, В. Н. Неравенство человеческого потенциала и условий его реализации в городе и на селе: риски и возможности / В. Н. Бобков, Н. К. Долгушкин, Е. В. Одинцова // Вестник Российской академии наук.* 2023. Т. 93, № 6. С. 556–565. DOI [10.31857/S086958732306004X](https://doi.org/10.31857/S086958732306004X). EDN [DXTIMO](https://elibrary.ru/dxtimo).

17. Шур, А. Е. Различия в ожидаемой продолжительности жизни по типам поселений России // Демоскоп Weekly. 2022. № 929–930. С. 31–40. EDN [KGUPZQ](#).
18. Питухина, А. В. Пути снижения смертности сельского населения Тюменской области / А. В. Питухина, О. П. Горбунова, Н. С. Брынза // Университетская медицина Урала. 2022. Т. 8, № 4(31). С. 64–66. EDN [IDJLGF](#).
19. Kim, I. Contributions of the Life Expectancy Gap Reduction between Urban and Rural Areas to the Increase in Overall Life Expectancy in South Korea from 2000 to 2019 // International Journal for Equity in Health. 2023. Vol. 22, Article 141. DOI [10.1186/s12939-023-01960-0](#).
20. Карпова, О. Б. К вопросу о смертности населения и проблемах здравоохранения в сельских поселениях / О. Б. Карпова, А. А. Загоруйченко // Менеджер здравоохранения. 2024. № 3. С. 105–113. DOI [10.21045/1811-0185-2024-2-105-113](#). EDN [SSERTJ](#).

Сведения об авторах

Землянова Елена Валерьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](#); РИНЦ SPIN-код: [3444-9754](#); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](#); Scopus Author ID: [6508341322](#).

Евдокушкина Галина Николаевна, старший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evdok@mednet.ru; ORCID ID: [0000-0002-1389-2509](#); РИНЦ SPIN-код: [1552-9943](#); Web of Science Researcher ID: [AAH-1364-2020](#); Scopus Author ID: [6507512237](#).

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; принята в печать 01.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RURAL-URBAN DIFFERENCES IN MORTALITY AMONG THE WORKING-AGE POPULATION OF RUSSIA

Elena V. Zemlyanova,

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zem_lena@mail.ru

Galina N. Evdokushkina

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evdok@mednet.ru

For citation: Zemlyanova, E. V., Evdokushkina, G. N. Rural-Urban Differences in Mortality among the Working-Age Population of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 63–79. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.4](#). (In Russ.)

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that many authors analyze differences in mortality related to place of residence among the general population. However, it is health and mortality among the working-age population which have a significant impact on the life expectancy of the country. This study examines mortality among the working-age population in Russia, focusing on urban and rural areas, and aims to analyze differences in rural and urban mortality rates among the country's working-age population. A search was conducted, and relevant publications were selected on differences in health and mortality between urban and rural areas. Using the FAISS-Potential software, standardized mortality rates for the period from 2000 to 2023 were calculated for urban and rural areas for men and women for all causes of death and individual causes of death in the 20–39 and 40–59 age groups of the Russian population. A consistent pattern was identified in all study groups. There was an increase in the rural-urban difference against the background of increasing mortality between 2000 and 2005, with a shift from 2003 to 2006 in certain groups. In 2005–2019, there was a reduction in these differences, followed by an increase again against the background of negative mortality trends. Mortality among

the rural population, and men regardless of place of residence demonstrated the greatest response to both negative and positive stimuli. During the period of declining mortality, losses due to external causes (infections, injuries and poisoning) declined at an accelerated rate, leading to their decreasing significance in the overall structure of deaths between 2000 and 2019 for all study groups and even shifting to second place behind chronic non-communicable disease among young women. The problem of elevated mortality among rural working-aged people requires special attention and the development and implementation of preventative measures, as this is a factor that hinders positive life expectancy trends. Policy in this area should address a wide range of social factors, not just healthcare issues, despite their apparent importance.

Keywords: rural-urban disparities, mortality of the working-age population, standardized mortality rates, causes of death, social determinants, Russia

References

1. UN-Habitat, World Health Organization. *Integrating Health in Urban and Territorial Planning: A Sourcebook*. Geneva: WHO, 2020. 89 p. ISBN 9789240003170.
2. Probst, J. C., Eberth, J. M., Crouch, E. Structural Urbanism Contributes to Poorer Health Outcomes for Rural America. *Health Affairs*. 2019. Vol 38, No. 12. Pp. 1976–1984. DOI [10.1377/hlthaff.2019.00914](https://doi.org/10.1377/hlthaff.2019.00914).
3. Thomas, K. L., Dobis, E. A., McGranahan, D. A. The Nature of the Rural-Urban Mortality Gap. *Economic Information Bulletin* No. 265. Washington, D. C.: United States Department of Agriculture, Economic Research Service, 2024. 31 p. DOI [10.22004/ag.econ.341639](https://doi.org/10.22004/ag.econ.341639).
4. Basu, S., Berkowitz, S. A., Phillips, R. L., et al. Association of Primary Care Physician Supply with Population Mortality in the United States, 2005–2015. *JAMA Internal Medicine*. 2019. Vol. 179, No. 4. Pp. 506–514. DOI [10.1001/jamainternmed.2018.7624](https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2018.7624).
5. Ziller, E. C., Lenardson, J. D., Ahrens, K. A. *Rural-Urban Residence and Mortality among Three Cohorts of Rural-Urban Residence and Mortality among Three Cohorts of U.S. Adults*. Portland, M.E.: University of Southern Maine, Maine Rural Health Research Center, 2020. 8 p.
6. Razvodovsky, Yu. E. Analiz struktury smernosti gorodskogo i sel'skogo naseleniya Respubliki Belarus' [Analysis of the Mortality Structure of the Urban and Rural Population of the Republic of Belarus]. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2004. No. 6. Pp. 10–14. (In Russ.).
7. Popova, L. A. Russian Population Mortality by Cause of Death: Level Trends, Gender and Inter-Urban Disparities. *Region: Economics and Sociology*. 2021. No. 4(112). Pp. 183–207. DOI [10.15372/REG20210407](https://doi.org/10.15372/REG20210407). (In Russ.).
8. Curtin, S. C., Spencer, M. R. Trends in Death Rates in Urban and Rural Areas: United States, 1999–2019. *NCHS Data Brief*. 2021. No. 417. 8 p. DOI [10.15620/cdc:109049](https://doi.org/10.15620/cdc:109049).
9. Kontsevaya, A. V., Myrzamatova, A. O., Kashirin, A. K. Cardiovascular Risk Factors Among Inhabitants of Rural Areas by the Epidemiological Data: Review Article. *Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2016. Vol. 15, No. 6. Pp. 66–71. DOI [10.15829/1728-8800-2016-6-66-71](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2016-6-66-71). (In Russ.).
10. Ivanova, A. E., Semenova, V. G., Gavrilova, N. S. Vozrastnyye osobennosti smernosti gorodskogo i sel'skogo naseleniya Rossii v 90-ye gody XX veka [Age-Specific Mortality Patterns in Urban and Rural Populations of Russia in the 1990s]. *Public Health and Disease Prevention*. 2003. No. 1. Pp. 17–26. (In Russ.).
11. World Health Organization. *Global Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2013–2020*. Geneva: WHO, 55 p. ISBN 978-92-4-150623-6.
12. Nixon, G., Davie, G., Whitehead J., et al. Comparison of Urban and Rural Mortality Rates across the Lifespan in Aotearoa/New Zealand: A Population-Level Study. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2023. Vol. 77. No. 9. Pp. 571–577. DOI [10.1136/jech-2023-220337](https://doi.org/10.1136/jech-2023-220337).
13. Bylina, S. G. Mortality of Urban and Rural Population of the Russian Federation by Causes of Death: Comparative Analysis. *International Research Journal*. 2020. No. 10–2(100). Pp. 95–103. DOI [10.23670/IRJ.2020.100.10.054](https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.100.10.054). (In Russ.).
14. Kalinskaya, A. A., Lazarev, A. V., Smirnov, A. A., Shlyafer, S. I. The Analysis of Medical Demographic Indicators of Rural Population. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2024. Vol. 32, No. 6. Pp. 1227–1233. DOI [10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233). (In Russ.).
15. Bremberg, S. Rural-Urban Mortality Inequalities in Four Nordic Welfare States. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2020 Vol. 48, No. 8. Pp. 791–793. DOI [10.1177/1403494820921684](https://doi.org/10.1177/1403494820921684).

16. Bobkov, V. N., Dolgushkin, N. K., Odintsova, E. V. Neravenstvo chelovecheskogo potentsiala i usloviy yego realizatsii v gorode i na sele: riski i vozmozhnosti [Inequality of Human Potential and Conditions for its Realization in the City and in the Countryside: Risks and Opportunities]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 93, No. 6. Pp. 556–565. DOI [10.31857/S086958732306004X](https://doi.org/10.31857/S086958732306004X). (In Russ.).

17. Shchur, A. E. Razlichiya v ozhidayemoy prodolzhitel'nosti zhizni po tipam poseleniy Rossii [Differences in Life Expectancy by Type of Settlement in Russia]. *Demoscope Weekly*. 2022. No. 929–930. Pp. 31–40. (In Russ.).

18. Pitukhina, A. V., Gorbunova, O. P., Brynza, N. S. Puti snizheniya smertnosti sel'skogo naseleniya Tyumenskoy oblasti [Ways to Reduce Mortality in Rural Populations in the Tyumen Region]. *Ural University Medicine*. 2022. Vol. 8, No. 4(31). Pp. 64–66. (In Russ.).

19. Kim, I. Contributions of the Life Expectancy Gap Reduction between Urban and Rural Areas to the Increase in Overall Life Expectancy in South Korea from 2000 to 2019. *International Journal for Equity in Health*. 2023. Vol. 22, Article 141. DOI [10.1186/s12939-023-01960-0](https://doi.org/10.1186/s12939-023-01960-0).

20. Karpova, O. B., Zagoruychenko, A. A. On the Issue of Mortality and Health Problems in Rural Settlements. *Manager Zdravoochranenia*. 2024. No. 3. Pp. 105–113. DOI [10.21045/1811-0185-2024-2-105-113](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2024-2-105-113). (In Russ.).

Bio note

Elena V. Zemlyanova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6231-1611](https://orcid.org/0000-0001-6231-1611); RSCI SPIN-code: [3444-9754](https://www.rsci.ru/spin/3444-9754); Web of Science Researcher ID: [AAA-4170-2021](https://orcid.org/AAA-4170-2021); Scopus Author ID: [6508341322](https://orcid.org/6508341322).

Galina N. Evdokushkina, Senior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evdok@mednet.ru; ORCID ID: [0000-0002-1389-2509](https://orcid.org/0000-0002-1389-2509); RSCI SPIN-code: [1552-9943](https://www.rsci.ru/spin/1552-9943); Web of Science Researcher ID: [AAH-1364-2020](https://orcid.org/AAH-1364-2020); Scopus Author ID: [6507512237](https://orcid.org/6507512237).

Received on 08.04.2026; accepted for publication on 01.06.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.5)

EDN [DGHJXJ](https://edn.dghjxj.ru)

Научная статья

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СМЕРТНОСТИ И ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Хазипова С. Р.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-mail: www.suembika@mail.ru

Для цитирования: Хазипова, С. Р. Сельско-городские различия в смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения Республики Башкортостан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 80–96. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.5). EDN [DGHJXJ](https://edn.dghjxj.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей смертности и ожидаемой продолжительности жизни сельского населения Республики Башкортостан в 2010–2023 гг. На основе официальных статистических данных рассматривается динамика ожидаемой продолжительности жизни по полу и типу поселения, реконструируется структура причин смерти и их гендерная специфика, оцениваются возрастные различия стандартизованных коэффициентов смертности. Показано, что на протяжении 2010-х гг. сельское население демонстрировало устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни. При этом сохраняется устойчивый сельско-городской разрыв и выраженная дифференциация по полу: сельские мужчины остаются наиболее уязвимой группой, существенно уступая как городским мужчинам, так и сельским женщинам по ожидаемой продолжительности жизни и уровню смертности. Пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. привела к краткосрочному снижению ожидаемой продолжительности жизни у всех групп населения, однако последующее восстановление носило асимметричный характер и оказалось более быстрым среди женщин. Структура причин смерти сельского населения характеризуется доминированием болезней системы кровообращения, значимой ролью новообразований и выраженной гендерной асимметрией по внешним причинам смерти, что указывает на сочетание поведенческих, социокультурных и инфраструктурных факторов риска. Анализ возрастных коэффициентов смертности позволяет зафиксировать конфигурацию двойной дифференциации¹ – одновременного возрастного и гендерного неблагоприятия, создающего максимальные риски для сельских мужчин молодого и трудоспособного возраста.

Ключевые слова: сельское население, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, структура причин смерти, возрастная смертность, гендерные различия, Республика Башкортостан

Введение

Демографическая динамика России в XXI веке отличается противоречивой траекторией: после затяжного кризиса 1990-х гг. и последующей стабилизации в 2000-е, в 2010-е гг. наблюдались снижение смертности и рост ожидаемой продолжительности жизни, прерванные пандемией COVID-19. На таком фоне сельские территории последовательно демонстрируют демографическое отставание, обусловленное совокупностью социально-экономических, инфраструктурных и медицинских диспропорций. Республика Башкортостан, характеризующаяся развитой сетью сельских поселений и выраженной территориально-отраслевой спецификой, представляет собой показательный, но до сих пор недостаточно изученный пример такого отставания.

¹ Термин «конфигурация двойной дифференциации» раскрывается во введении.

По данным Росстата, в 2023 г. ожидаемая продолжительность жизни населения Республики Башкортостан составила 73,3 года против 73,5 года в среднем по России, причем отставание формируется преимущественно за счет мужской популяции. Вместе с тем сельское население республики стабильно демонстрирует более низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни по сравнению с городским населением: по оценкам автора, разрыв составляет порядка 2,5–3 лет у мужчин и 1–1,5 года у женщин².

Актуальность исследования определяется устойчивым сельско-городским разрывом в ожидаемой продолжительности жизни и уровне смертности, а также выраженными гендерными различиями, особенно среди сельских мужчин трудоспособного возраста. Конфигурация двойной дифференциации – возрастного и гендерного – формирует долгосрочные риски для воспроизводства населения, состояния рынка труда и социально-экономического развития сельских территорий. При этом региональный и внутрисельский разрез смертности в Республике Башкортостан изучен существенно слабее, чем общероссийские тенденции, что затрудняет разработку таргетированной демографической и здравоохранительной политики.

Целью настоящей научной статьи является комплексный анализ смертности и ожидаемой продолжительности жизни сельского населения Республики Башкортостан в 2010–2023 гг. в сравнении с городским населением, с акцентом на выявление сочетания возрастных и гендерных различий в смертности и ожидаемой продолжительности жизни сельского населения, на определении групп с наибольшей демографической уязвимостью.

Под возрастными и гендерными различиями в контексте настоящего исследования понимаются устойчивые отличия уровней смертности и ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, а также между укрупненными возрастными группами. Под конфигурацией двойной дифференциации автором подразумевается одновременное наложение возрастных и гендерных различий, приводящее к концентрации максимально высоких рисков преждевременной смертности у сельских мужчин молодого и трудоспособного возраста. Под «ключевыми зонами демографического неблагополучия» понимаются сочетания пола, возраста и типа поселения, для которых регистрируются наибольшие уровни смертности и наименьшая ожидаемая продолжительность жизни. Термин «демографическое отставание» используется для обозначения устойчивого разрыва в уровне смертности и ожидаемой продолжительности жизни между сельским населением и городским населением, а также между Республикой Башкортостан и среднероссийскими показателями.

Анализ ожидаемой продолжительности жизни охватывает полный период 2010–2023 гг., тогда как детальное исследование структуры причин смерти и возрастных коэффициентов смертности проводится на данных 2022–2023 гг., что обусловлено доступностью агрегированной статистики именно за этот период. Для достижения цели решаются следующие задачи:

² Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 15.02.2026).

- охарактеризовать динамику ожидаемой продолжительности жизни сельского и городского населения Республики Башкортостан по полу в 2010–2023 гг.;
- реконструировать структуру причин смерти сельского населения с выделением основных классов причин и гендерных различий на основе агрегированных данных за 2022–2023 гг.;
- проанализировать возрастную дифференциацию стандартизованных коэффициентов смертности сельского населения по укрупненным возрастным группам и полу за 2022–2023 гг.

Научная новизна работы заключается в фокусе на сельских поселениях одного региона в протяженном временном ряду (2010–2023 гг.) с учетом пандемийного периода и в интеграции трех взаимосвязанных измерений: временной динамики ожидаемой продолжительности жизни, структурных сдвигов по причинам смерти и возрастно-гендерной дифференциации стандартизованных коэффициентов смертности (по данным 2022–2023 гг.). Такой подход позволяет зафиксировать масштаб и устойчивость «двойного дифференциации».

Обзор литературы

Исследования демографических процессов в России последних десятилетий фиксируют сложное сочетание разнонаправленных тенденций: с одной стороны, наблюдается частичное восстановление ожидаемой продолжительности жизни после затяжного кризиса 1990-х – начала 2000-х гг., с другой, продолжают сохраняться глубокие структурные дисбалансы в смертности, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. [1; 2]. Исторические исследования показывают, что смертность в России и ранее отличалась волнообразной динамикой и высокой чувствительностью к крупным социально-экономическим шокам [3], а более новые работы демонстрируют аналогичную нелинейность и в постсоветский период [4].

На таком фоне пандемия COVID-19 выступила дополнительным, масштабным стресс-фактором для демографической системы. Изучение ее влияния на смертность и различия в здоровье стало одним из ключевых направлений международных и отечественных демографических исследований. Показано, что пандемия COVID-19 привела не только к существенным прямым потерям, измеряемым избыточной смертностью и сокращением ожидаемой продолжительности жизни, но и к обострению уже сложившихся социальных и территориальных диспропорций в доступе к медицинской помощи и в уязвимости различных групп населения. В этом контексте значительное внимание уделяется гендерным различиям в исходах COVID-19 и анализу сочетания биологических и социальных факторов, формирующих различную степень риска для мужчин и женщин, в том числе в европейских странах и в России. [5; 6; 7].

Специализированные исследования медико-демографических показателей сельского населения Российской Федерации последних лет позволяют детализировать масштабы и характер диспропорций между сельскими и городскими территориями. Анализ выявляет устойчивые различия в уровнях смертности, структуре причин смерти и доступности медицинской помощи в зависимости от типа поселения. Исследования подтверждают, что для сельского населения характерна более высокая смертность от предотвратимых причин, обусловленная совокупностью

факторов: ограничениями инфраструктуры здравоохранения, низкой доступностью специализированной помощи, особенностями поведенческих практик и социально-экономическими условиями [8; 9; 10; 11].

Работы подчеркивают критическую роль инфраструктурных факторов в формировании сельско-городских различий в смертности. В сельской местности ограниченность медицинских ресурсов, транспортной доступности и диагностических возможностей создает существенный барьер для своевременного оказания помощи при острых состояниях (инфаркт, инсульт, травмы) [8; 12; 13]. Поведенческие факторы (курение, алкоголизм, рискованное поведение) получают усиленное воздействие именно благодаря инфраструктурным ограничениям, создавая синергический эффект [2; 16]. Таким образом, в сельских поселениях формируется специфическая комбинация поведенческих, социокультурных и инфраструктурных факторов [12; 13], которые по отдельности известны в литературе, но в сельском контексте действуют с повышенной интенсивностью [8; 14; 16].

В контексте обозначенных общероссийских тенденций особый интерес представляют региональные исследования, фокусирующиеся на Приволжском федеральном округе и, в частности, на Республике Башкортостан. Регулярно отмечается региональная специфика сельско-городских различий и динамики смертности в данном макрорегионе. Совокупность современных работ показывает, что траектория смертности и ожидаемой продолжительности жизни в Башкортостане в целом воспроизводит общероссийские тенденции, но обладает выраженными территориальными и структурными особенностями. Описывается характерная для страны последовательность этапов: резкое ухудшение показателей в 1990-е гг., последующее восстановление и рост ожидаемой продолжительности жизни в 2000–2010-е и новый спад на фоне пандемии COVID-19. При этом внимание акцентируется на устойчивых и значительных гендерных различиях: мужчины живут существенно меньше женщин, а именно мужская смертность, прежде всего, в трудоспособных возрастах, формирует основной вклад в естественную убыль и отставание региона по показателям человеческого потенциала. Структура причин смерти в Башкортостане в целом соответствует общероссийскому профилю: доминируют болезни системы кровообращения, значителен вклад новообразований и высока доля внешних причин среди мужчин; пандемийный период сопровождается резким ростом смертности и сокращением ожидаемой продолжительности жизни, особенно у старших возрастных групп и мужского населения.

Однако на региональном уровне общие демографические вызовы накладываются на выраженную внутреннюю территориальную неоднородность. Под внутренней территориальной неоднородностью в настоящем исследовании понимаются, с одной стороны, различия показателей смертности и ожидаемой продолжительности жизни между сельским и городским населением республики, а с другой – различия между отдельными группами сельских муниципальных образований, обусловленные их социально-экономическими и инфраструктурными особенностями. В пределах Башкортостана общенациональные тенденции усиливаются за счет четкого контраста между сельскими и городскими территориями. На протяжении последних десятилетий сельское население республики стабильно демонстрирует более высокие уровни смертности и более низкую ожидаемую продолжи-

тельность жизни по сравнению с городскими жителями, причем разрыв особенно велик среди мужчин трудоспособного возраста. Структура причин смерти на селе имеет более неблагоприятный профиль: выше доля смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин, наиболее выражены последствия пандемийного спада. Это связывается с большей распространенностью травмоопасной и физически тяжелой занятости, худшей доступностью к специализированной медицинской помощи и диагностическим услуг, территориальной удаленностью от крупных центров, особенностями самосохранительного поведения сельского населения. В результате именно сельские территории, и в первую очередь сельские мужчины трудоспособного возраста, выступают ключевой зоной концентрации демографических рисков, что делает учет сельско-городского измерения принципиально важным при анализе смертности и ожидаемой продолжительности жизни в Республике Башкортостан [12; 13; 14; 15].

Материалы и методы

Эмпирическая база исследования включает данные Росстата и территориального органа государственной статистики по Республике Башкортостан за 2010–2023 гг., сформированные по официальному запросу статистической информации. Анализ охватывает два блока показателей: 1) среднегодовую численность сельского населения; 2) распределение умерших по основным классам причин смерти согласно МКБ-10 (болезни системы кровообращения, новообразования, болезни органов дыхания и пищеварения, инфекционные и паразитарные болезни, внешние причины, прочие). На основе этих данных рассчитаны ежегодные значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении и стандартизованные коэффициенты смертности.

Динамический анализ опирается на ежегодные ряды ожидаемой продолжительности жизни и стандартизованных коэффициентов смертности за 2010–2023 гг. При интерпретации выделены три ключевых этапа: 1) допандемийный период 2010–2019 гг. (восходящий тренд); 2) пандемийный шок 2020–2021 гг. (резкий спад); 3) постпандемийное восстановление 2022–2023 гг.

Анализ структуры причин смерти выполнен на основе агрегированных таблиц распределения умерших по классам причин в сельских поселениях республики за 2022–2023 гг. Объединение данных за два года обусловлено необходимостью повышения статистической мощности выборки для сельского населения с его относительно небольшой численностью и уменьшения случайных колебаний долей редких причин смерти. На базе этих таблиц рассчитаны относительные (процентные) доли основных нозологических групп в общей смертности мужчин и женщин.

Возрастная дифференциация смертности проанализирована на основе стандартизованных коэффициентов смертности по укрупненным возрастным группам: 0 лет, 1–14 лет, 15–39 лет, 40–64 лет, 65 лет и старше. Расчет стандартизованных показателей выполнен прямым методом с использованием европейского стандарта возрастной структуры 1976 г. по методологии ВОЗ, что позволяет нивелировать влияние возрастной структуры населения и обеспечивать корректное сравнение показателей между полами, а также их временную сопоставимость.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении рассчитывалась на основе стандартных таблиц смертности по ежегодным данным о числе умерших и численности населения по полу, возрасту и типу поселения. Построение таблиц смертности осуществлялось по общепринятой демографической методике: на основе возрастных коэффициентов смертности определялись вероятности дожития, далее вычислялись показатели суммарного дожития и средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении. Для обеспечения сопоставимости результатов по типу поселения использовались единые возрастные группы и единые источники статистической информации (Росстат и территориальный орган государственной статистики по Республике Башкортостан).

Методологически исследование построено на комплексе описательных и сравнительных статистических методов, стандартных для демографических исследований. Применение стандартизации имеет принципиальное значение для корректной оценки возрастных и гендерных различий, поскольку игнорирование возрастной структуры населения приводит к смещенным оценкам уровней смертности.

Результаты

В данном разделе представлены основные результаты эмпирического анализа смертности за 2022–2023 гг. и ожидаемой продолжительности жизни сельского населения Республики Башкортостан в 2010–2023 гг. Результаты изложены в трех взаимосвязанных блоках: динамика ожидаемой продолжительности жизни по полу и типу поселения, структура причин смерти сельского населения и ее гендерные особенности, возрастно-гендерная дифференциация стандартизованных коэффициентов смертности.

Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в 2010–2023 гг. отражает комплекс медико-демографических трансформаций, характеризующихся постепенной конвергенцией с городскими показателями и пандемийным спадом 2020–2021 гг. (см. табл. 1). В начале периода сельское население существенно отставало по всем половозрастным группам: дефицит составлял 2,5–3 года у мужчин и 1,0–1,5 года у женщин. На протяжении 2010-х гг. наблюдался устойчивый восходящий тренд, обусловленный затуханием демографического кризиса 1990-х–начала 2000-х, расширением медицинского доступа и адаптацией населения к новым социально-экономическим условиям [1]. Тем не менее сельско-городской разрыв сохранялся, отражая глубокие структурные диспропорции, укорененные в особенностях сельской инфраструктуры и образа жизни.

Сельские мужчины демонстрируют наименее благоприятный профиль среди всех групп. Их ожидаемая продолжительность жизни возросла с 61,51 лет (2010 г.) до 66,27 лет (2019 г.), представляя прибавку 4,76 года, достигнутую преимущественно снижением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в старших возрастах и частичным сокращением потерь от внешних причин. Но даже при этом улучшении сельские мужчины остаются наиболее уязвимой демографической группой, существенно отставая как от городских мужчин, так и от сельских женщин – явление, констатирующее устойчивую закономерность избыточной мужской смертности с концентрацией потерь в трудоспособном возрасте [2].

Сельские женщины характеризуются более высокими и устойчивыми показателями ожидаемой продолжительности жизни, соответствующими российской модели гендерной дифференциации смертности. Их ожидаемая продолжительность жизни возросла с 74,08 лет (2010 г.) до 77,21 лет (2019 г.), составив прибавку 3,13 года, обусловленную снижением смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, расширением доступности акушерско-гинекологической помощи и благоприятными сдвигами в поведенческих рисках. Сельские женщины в меньшей степени участвуют в травмоопасной деятельности и реже проявляют экстремальные формы рискованного поведения, что дополнительно способствует стабилизации их ожидаемой продолжительности жизни.

Пандемический период 2020–2021 гг. вызвал спад ожидаемой продолжительности жизни во всех категориях, но с дифференцированными последствиями. Для сельских мужчин снижение было наиболее выраженным с последующим замедленным восстановлением. Женщины, опираясь на более высокие показатели продолжительности жизни и равномерное распределение потерь по возрастам, восстанавливались быстрее. К 2022–2023 гг. женские показатели не только вернулись к уровням конца 2010-х годов, но и превысили их (см. табл. 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан в 2010–2023 гг. (лет)

Table 1

Life expectancy in the Republic of Bashkortostan in 2010–2023 (years)

Территории	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Мужчины										
Село	61,51	63,18	64,45	65,17	65,74	66,27	64,64	64,07	65,93	65,71
Город	64,1	65,35	66,3	67,38	67,85	68,51	66,34	66,18	68,92	68,86
Женщины										
Село	74,08	74,81	75,89	76,02	76,3	77,21	75,35	73,77	77,22	77,83
Город	75,4	76,71	77,21	77,86	78,02	78,34	75,74	74,55	78,8	79,33

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата³

Гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни составляет среди сельского населения 12–13 лет. Это несколько меньше, чем у городского населения, но остается существенным. Избыточная мужская смертность в сельском Башкортостане, зафиксированная в нашем исследовании, соответствует известным гендерным различиям в смертности в России [2; 16] и детерминирована, согласно литературе, тремя взаимодействующими группами факторов [16; 17]. Первая – поведенческие факторы: в России отмечается высокая распространенность курения, алкогольной интоксикации и рискованного поведения среди мужчин, особенно в сельской местности [2; 16]. Вторая – социокультурные факторы: мужчины характеризуются недоиспользованием медицинской помощи и культурной моделью отношения к здоровью, при которой они позднее обращаются за лечением и менее склонны к профилактике [2; 8]. Третья – инфраструктурные факторы (усиленные

³ Статистические данные были получены автором на основе запроса в Росстат о предоставлении официальной статистической информации.

в сельской среде): ограниченность транспортной и лечебной инфраструктуры, низкая доступность специализированной помощи и современной диагностики, территориальная удаленность от крупных центров [12; 13], воздействие социально-экономической нестабильности и интенсивного физического труда [8; 14]. Эти факторы действуют синергически, кумулятивно усиливая воздействие друг друга.

Полученные оценки подтверждают устойчивое село-городское отставание: на всем протяжении 2010–2023 гг. мужчины, проживающие в сельской местности, живут в среднем на 2,5–3 года меньше городских мужчин, а сельские женщины – на 1,0–1,5 года меньше городских женщин. Причем, несмотря на частичную конвергенцию показателей в доковидный период, к 2022–2023 гг. село-городской разрыв полностью не нивелировался, что позволяет говорить о структурном характере различий.

Структура причин смерти в сельских поселениях Республики Башкортостан

Сердечно-сосудистые заболевания занимают доминирующее положение в структуре причин смертности сельского населения, составляя 33,3% у мужчин и 35,0% у женщин. Данная конфигурация отражает характерную для сельской среды «кардиоваскулярную модель» смертности, в которой накопление традиционных факторов риска (артериальная гипертензия, дислипидемия, поведенческие риски) взаимодействует с ограниченной доступностью и несвоевременностью медицинской помощи, особенно на уровне первичной профилактики. Более высокая доля смертности у женщин обусловлена их более старшей возрастной структурой и кумулятивным воздействием хронических заболеваний на протяжении жизни [17].

На втором месте в структуре причин смертности находятся новообразования с практически идентичными показателями у мужчин (12,6%) и женщин (11,5%). Сходство по полу указывает на то, что онкологическая смертность определяется преимущественно возрастной структурой, распространенностью онкогенных факторов и доступностью специализированной помощи, а не гендерными различиями в поведении. В сельской среде типичны позднее выявление новообразований и недостаточная онкологическая инфраструктура, приводящие к более высокой доле опухолей на продвинутых стадиях и концентрации смертности в пожилом возрасте.

Внешние причины смерти демонстрируют максимальную гендерную асимметрию: у мужчин они составляют 16,9% всех смертей, у женщин – 6,8% (превышение в 2,5 раза). Данное различие соответствует укорененной в российской демографии модели избыточной мужской смертности от травм, отравлений (включая алкогольные), дорожно-транспортных происшествий и самоубийств, детерминированной рискованным поведением и алкогольной интоксикацией [18]. В сельской местности эта диспропорция усугубляется двумя факторами: 1) высокой концентрацией мужской занятости в травмоопасных видах деятельности (строительство, механизированное сельское хозяйство, лесозаготовки); 2) критической ограниченностью доступа к экстренной медицинской помощи.

Болезни органов дыхания и пищеварительной системы занимают промежуточное положение с выраженной половой дифференциацией. Смертность от респираторных заболеваний у мужчин (10,4%) превышает женскую (6,5%) в 1,6 раза,

что обусловлено более высокой распространенностью табакокурения. Напротив, смертность от болезней органов пищеварения выше у женщин (7,9% напротив 6,2%). Для обеих групп патологий значимы поведенческие факторы (качество питания, алкогольное потребление) и доступность специализированной медицинской помощи на территориальном уровне.

Значительный остаточный блок «прочих причин смерти» (30,6% у женщин, 18,9% у мужчин) отражает кумулятивное воздействие множественных редких и возрастно-специфичных причин летальности, включая хронические неинфекционные заболевания, эндокринную патологию, психоневрологические расстройства и перинатальную патологию. Более высокая доля у женщин обусловлена феноменом «дисперсификации» причин смерти в пожилом возрасте, где множественные хронические заболевания создают фрагментированную этиологическую картину, обуславливая значительную долю смертности (см. рис.1).

Выявленная конфигурация структуры причин смертности в полной мере согласуется с общероссийскими тенденциями и демонстрирует доминирующую роль сердечно-сосудистых заболеваний с выраженной гендерной дифференциацией по внешним причинам смерти [19].

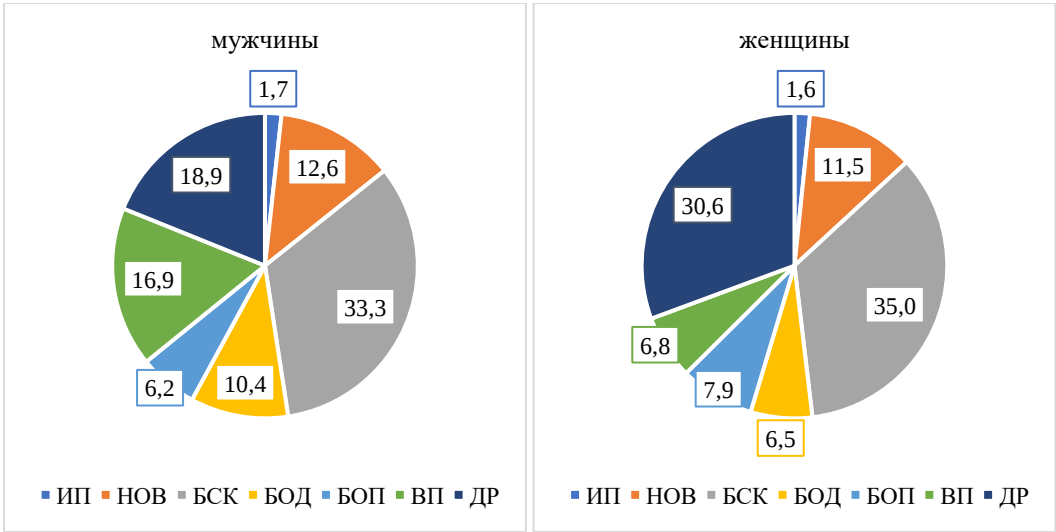

Рис. 1. Структура причин смерти в сельских поселениях Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. (%)

Fig. 1. Cause-of-death structure in rural settlements of the Republic of Bashkortostan in 2022–2023 (%)

Примечание: ИП – инфекционные и паразитарные заболевания, НОВ – новообразования, БСК – болезни системы кровообращения, БОД – болезни органов дыхания, БОП – болезни органов пищеварения, НП – неопределенные причины, ВП – внешние причины, ДР – прочие заболевания

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата⁴

⁴ Статистические данные были получены автором на основе запроса в Росстат о предоставлении официальной статистической информации.

Возрастная дифференциация стандартизованных коэффициентов смертности в сельских поселениях

Стандартизованные коэффициенты смертности сельского населения Республики Башкортостан демонстрируют отчетливую гендерно-возрастную дифференциацию, усугубленную специфическими условиями сельской среды.

В младенческом возрасте половые различия остаются умеренными: коэффициенты составляют 32,1 на 100 000 мужчин и 29,7 на 100 000 женщин, отражая преимущественно биологически обусловленную повышенную уязвимость мужского пола. В возрастной группе 1–14 лет наблюдается снижение смертности у обоих полов с сохранением умеренного преобладания смертности среди мальчиков (21,5 против 15,6), что типично для детского травматизма и соматических заболеваний.

Начиная с молодежного возраста (15–39 лет), гендерные различия резко увеличиваются: мужская смертность достигает 444,7, женская – 145,3 на 100 000 (превышение в 3 раза). Этот возрастной этап характеризуется максимальной концентрацией смертей от внешних причин: дорожно-транспортные происшествия, производственные и бытовые травмы, отравления (включая алкогольные) и насильственные причины. В условиях сельских территорий такая диспропорция усугубляется укоренившимся рискованным самосохранительным поведением (алкогольная интоксикация, игнорирование защитных мер). Итак, молодежный и ранний трудоспособный возраст становятся критической зоной предотвратимых потерь мужского населения.

В позднем трудоспособном возрасте (40–64 года) стандартизованные коэффициенты продолжают демонстрировать значительные гендерные различия (мужчины 1671,0, женщины 586,4 на 100 000), отражающие доминирование хронической патологии, особенно сердечно-сосудистых заболеваний, болезней органов пищеварения и последствий хронической алкоголизации. К традиционным факторам кардиоваскулярного риска (табакокурение, нерациональное питание, низкая физическая активность, позднее обращение за помощью) в сельской среде добавляются организационно-медицинские ограничения: недостаток узких специалистов, дефицит современной диагностики, ограниченность амбулаторного мониторинга. Данные факторы кумулятивно приводят к позднему выявлению хронических болезней, их неэффективному контролю и повышенной смертности.

В пожилом возрасте (65+ лет) коэффициенты закономерно достигают максимума (мужчины 6535,4, женщины 3921,1 на 100 000), но гендерная дифференциация сохраняется (соотношение 1,67), хотя и менее выражена, чем в трудоспособном возрасте. Эта конфигурация объясняется кумулятивным накоплением хронических заболеваний, различиями в образе жизни и медицинском поведении, а также феноменом «селекции здоровья» – преимущественным дожитием до пожилого возраста более здоровой части мужского населения. Женское население характеризуется наиболее равномерным распределением смертности по возрастам, тогда как мужская смертность концентрируется в трудоспособных возрастах (см. рис. 2).

В совокупности результаты показывают, что в 2010-е гг. сельское население Республики Башкортостан испытывало устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни, прерванный пандемийным спадом и последующим, неполным восстановлением. При этом на всем протяжении периода сохраняется выражен-

ный сельско-городской разрыв и значительные различия между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста. Структура причин смерти сельского населения имеет «кардиоваскулярно-внешний» профиль с высокими долями смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин, а возрастные стандартизованные коэффициенты смертности фиксируют конфигурацию двойной дифференциации – одновременного возрастного и гендерного неблагополучия, максимизирующего демографические риски для сельских мужчин молодого и трудоспособного возраста.

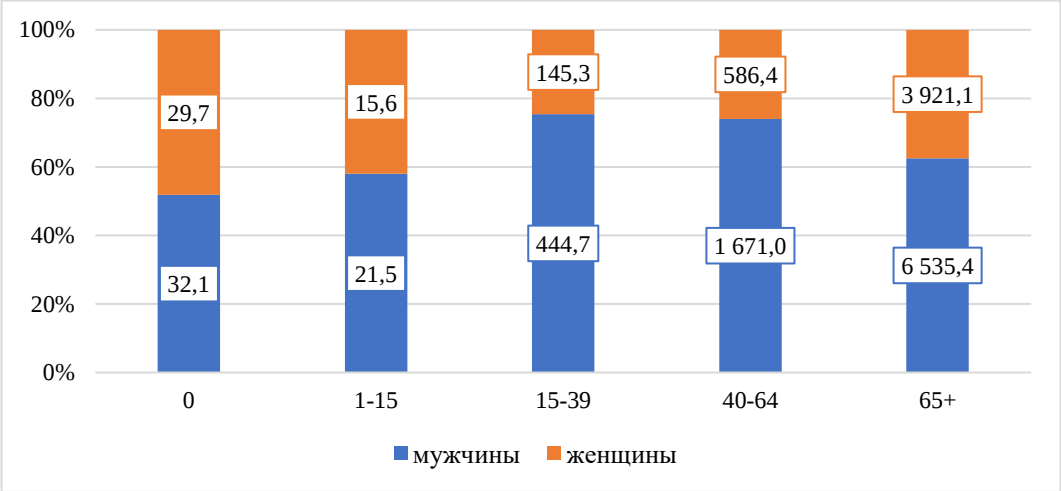

Рис. 2. Стандартизованные коэффициенты смертности по возрастным группам в сельских поселениях Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. (‰)
Fig 2. Age-specific standardized mortality rates in rural settlements of the Republic of Bashkortostan in 2022–2023 (‰)

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата⁵

Обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что Республика Башкортостан в целом следует общероссийским трендам посткризисной динамики смертности [1; 2; 12; 13], однако с существенными региональными особенностями. Характерная трех-фазная траектория – восстановительный рост ожидаемой продолжительности жизни в 2010-е гг., резкий спад в 2020–2021 гг. и последующее частичное восстановление – воспроизводит общероссийскую картину. Вместе с тем для населения сельских территорий республики выявляется более высокая уязвимость к пандемийному шоку, что согласуется с данными о дифференцированном воздействии пандемии на сельское и городское население [8; 9], и более медленное возвращение к допандемийным значениям, особенно у мужчин [2; 12].

Сопоставление полученных оценок с данными по Приволжскому федеральному округу и России в целом, представленными в современных демографических

⁵ Статистические данные были получены автором на основе запроса в Росстат о предоставлении официальной статистической информации.

обзорах, показывает, что Республика Башкортостан встраивается в типичную для регионов с развитым сельским сектором модель: ожидаемая продолжительность жизни сельского населения ниже общероссийской, а разрыв между сельскими и городскими жителями республики сопоставим или несколько превышает аналогичные различия в среднем по ПФО [11; 12]. Это свидетельствует о том, что выявленные в работе особенности не носят исключительно локальный характер, а отражают более широкий макрорегиональный контекст.

Масштаб сельско-городского разрыва в продолжительности жизни (порядка 2,5–3 лет у мужчин и 1–1,5 лет у женщин) сопоставим с оценками для других регионов с развитым сельским сектором, но концентрация избыточных потерь именно среди сельских мужчин трудоспособного возраста делает профиль Башкортостана более рискованным. Это означает, что общегосударственные факторы – модель избыточной мужской смертности, высокая распространенность поведенческих рисков, селективное использование медицинской помощи – в условиях республики дополнительно усиливаются спецификой сельской среды: характером занятости, пространственной рассредоточенностью поселений, кадровыми и инфраструктурными ограничениями здравоохранения.

Полученный разрыв в 2,5–3 года соответствует средним показателям по ПФО, однако превышает общероссийский сельско-городской дифференциал (1,5–2 года), что указывает на повышенную уязвимость региона⁶.

Структура причин смерти сельского населения Башкортостана подтверждает типичную для современной России комбинацию высокой хронической неинфекционной нагрузки и значимого вклада внешних причин, причем у сельских мужчин фиксируется особенно высокая доля предотвратимых потерь. Доминирование болезней системы кровообращения и новообразований в сочетании с крупным блоком травм, отравлений и других внешних причин указывает на наложение долгосрочных факторов риска (неблагоприятный поведенческий профиль, хроническая патология) и краткосрочных шоков (пандемия COVID-19, экономическая нестабильность). У сельских женщин смертность более «сдвинута» в старшие возрасты и хронические заболевания, что соответствует общероссийской гендерной модели, но на сельских территориях усиливается из-за ограничений в доступе к специализированной помощи.

В сравнении с общероссийскими оценками для сельского населения, сельские жители Республики Башкортостан демонстрируют схожий, но несколько более выраженный кардиоваскулярно-внешний профиль смертности: доля смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин у сельских мужчин республики выше, чем в среднем по сельскому населению России, что согласуется с данными региональных исследований по Башкортостану и соседним субъектам ПФО [11; 12]. Что позволяет говорить о дополнительной концентрации предотвратимых потерь именно в сельской мужской популяции республики.

Анализ возрастнo-специфических стандартизованных коэффициентов смертности позволяет конкретизировать конфигурацию двойной дифференциации.

⁶ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 15.02.2026).

Наиболее выраженные гендерные различия наблюдаются в молодом и раннем трудоспособном возрасте, где мужская смертность многократно превышает женскую и где сконцентрирован основной объем предотвращаемых потерь, связанных с внешними причинами и поведенческими факторами. В позднем трудоспособном возрасте различия несколько сглаживаются, однако остаются значительными за счет хронических неинфекционных заболеваний; в пожилом возрасте гендерные различия сокращаются, что согласуется с феноменом «селекции здоровья». По сравнению с общероссийскими оценками выявленные в сельских поселениях Башкортостана различия по молодежным и трудоспособным возрастам выглядят более выраженными, что указывает на особую концентрацию рисков именно в этой группе [2; 11].

Вклад настоящего исследования состоит в том, что оно одновременно фиксирует долгосрочную динамику ожидаемой продолжительности жизни, структуру причин смерти и возрастно-гендерную дифференциацию стандартизованных коэффициентов смертности сельского населения Республики Башкортостан. Тем самым уточняются масштабы концентрации рисков среди сельских мужчин молодого и трудоспособного возраста и конкретизируется понятие «двойной дифференциации» применительно к региону с развитым сельским сектором.

В практическом плане результаты подчеркивают необходимость переориентации демографической и здравоохранительной политики региона на приоритизацию сельских территорий и целевую работу с сельскими мужчинами трудоспособного возраста. Без сокращения предотвратимой смертности в данной группе, улучшения доступности первичной и экстренной медицинской помощи, укрепления профилактических программ (в том числе антиалкогольных и антитравматических) и повышения качества регистрации причин смерти выравнивание сельско-городских и гендерных различий в смертности представляется маловероятным.

Выводы (заключение)

Проведенный анализ позволил зафиксировать устойчивую конфигурацию сельско-городских различий в смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения Республики Башкортостан. Ключевые результаты исследования заключаются в следующем:

1. Сельско-городской разрыв носит структурный характер. На протяжении 2010–2023 гг. сельское население стабильно отставало от городского: дефицит ожидаемой продолжительности жизни составил 2,5–3 года у мужчин и 1,0–1,5 года у женщин. Пандемийный шок 2020–2021 гг. усугубил эту диспропорцию, а восстановление показателей среди сельских мужчин происходило замедленными темпами.

2. Выявлена «двойная дифференциация» рисков. Максимальная концентрация преждевременной смертности зафиксирована в группе сельских мужчин трудоспособного возраста (15–64 года). В молодежной группе (15–39 лет) мужская смертность превышает женскую в 3 раза, что обусловлено доминированием внешних причин. В возрасте 40–64 года разрыв сохраняется за счет хронических заболеваний.

3. Структура причин смерти требует дифференцированных мер. Смертность сельского населения имеет «кардиоваскулярно-внешний» профиль. Если у жен-

щин преобладают болезни системы кровообращения и новообразования (возрастная смертность), то у мужчин непропорционально высока доля предотвратимых потерь от внешних причин (16,9% против 6,8% у женщин).

Практическое значение исследования состоит в обосновании приоритетов региональной демографической и здравоохранительной политики. На основе полученных данных рекомендуются нижеперечисленные меры:

- приоритизация сельских территорий при планировании программ снижения предотвратимой смертности и распределении ресурсов здравоохранения;
- целевая работа с группой риска: переориентация профилактических мер на мужчин молодого и среднего трудоспособного возраста (скрининг, диспансеризация, программы по снижению алкоголизации);
- развитие инфраструктуры: укрепление первичного звена медицины на селе, внедрение телемедицины, совершенствование маршрутизации пациентов и обеспечение доступности экстренной помощи;
- совершенствование учета: повышение качества регистрации и кодирования причин смерти в отдаленных районах для мониторинга эффективности вмешательств.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом внутримunicipальных различий в смертности и оценкой результативности реализуемых мер демографической политики, что позволит перейти от констатации неравенства к моделированию эффекта целевых вмешательств.

Список литературы

1. Вишневский, А. Г. Время демографических перемен: избранные статьи. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 516 с. ISBN 978-5-7598-1264-7.
2. Шур, А. Е. Смертность трудоспособного населения России в начале XXI века: есть ли повод для оптимизма? / А. Е. Шур, В. В. Соколова, С. А. Тимонин // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 4. С. 4–51. DOI [10.17323/demreview.v10i4.18807](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18807). EDN [NIUBUB](https://nii.vniiv.ru/doi/10.17323/demreview.v10i4.18807).
3. Андреев, Е. М. Демографическая история России: 1927–1959 / Е. М. Андреев, Е. А. Кваша, Т. Л. Харькова. Москва : Информатика, 1998. 187 с. ISBN 5-89476-021-6.
4. Shkolnikov, V. M. Patterns in the Relationship between Life Expectancy and Gross Domestic Product in Russia in 2005–15: A Cross-Sectional Analysis / V. M. Shkolnikov, E. M. Andreev, R. Tursun-Zade, D. A. Leon // The Lancet Public Health. 2019. Vol. 4, № 4. Pp. e181–e188. DOI [10.1016/S2468-2667\(19\)30036-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30036-2). EDN [DRTCDs](https://nii.vniiv.ru/doi/10.1016/S2468-2667(19)30036-2).
5. Bamba, C. The COVID-19 Pandemic and Health Inequalities / C. Bamba, R. Riordan, J. Ford, F. Matthews // Journal of Epidemiology and Community Health. 2020. Vol. 74, № 11. Pp. 964–968. DOI [10.1136/jech-2020-214401](https://doi.org/10.1136/jech-2020-214401).
6. Gebhard, C. Impact of Sex and Gender on COVID-19 Outcomes in Europe / C. Gebhard, V. Regitz-Zagrosek, H. K. Neuhauser, R. Morgan, S. L. Klein // Biology of Sex Differences. 2020. Vol. 11, № 1. P. 29. DOI [10.1186/s13293-020-00304-9](https://doi.org/10.1186/s13293-020-00304-9).
7. Смирнов, А. В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). EDN [SLFPOW](https://nii.vniiv.ru/doi/10.19181/demis.2025.5.2.2).
8. Хабриев, Р. У. Медико-демографические показатели и здоровьесбережение сельского населения Российской Федерации / Р. У. Хабриев, А. А. Калининская, В. О. Щенин [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № 6. С. 1307–1312. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312). EDN [FRWMVM](https://nii.vniiv.ru/doi/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312).
9. Калининская, А. А. Анализ медико-демографических показателей сельского населения / А. А. Калининская, А. В. Лазарев, А. А. Смирнов, С. И. Шляфер // Проблемы социальной гигиены,

здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № 6. С. 1227–1233. DOI [10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233). EDN [ENAXCC](https://www.edn.ru/ENAXCC).

10. Калининская, А. А. Оценка предотвратимых потерь здоровья сельского населения / А. А. Калининская, Н. А. Баянова, М. В. Кизеев, Л. А. Бальзамова // Менеджер здравоохранения. 2022. № 3. С. 30–36. DOI [10.21045/1811-0185-2022-3-30-36](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2022-3-30-36). EDN [YPSJCZ](https://www.edn.ru/YPSJCZ).

11. Демографическое самочувствие регионов России : Национальный демографический доклад – 2023 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, А. Р. Абдульязнов [и др.]. Вологда : Вологодский научный центр, 2024. 336 с. ISBN 978-5-89697-427-7. DOI [10.19181/monogr:978-5-89697-427-7.2024](https://doi.org/10.19181/monogr:978-5-89697-427-7.2024). EDN [ECFVNB](https://www.edn.ru/ECFVNB).

12. Утяшева, И. Б. Глава 1.3. Смертность и заболеваемость / И. Б. Утяшева, С. Р. Хазипова // Республика Башкортостан : Демографический доклад. Уфа : Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 43–55. EDN [BONKOW](https://www.edn.ru/BONKOW).

13. Валиахметов, Р. М. Сравнительный анализ демографической динамики в контексте развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане (1959–2021 гг.) / Р. М. Валиахметов, А. К. Ломанова, С. И. Абылкаликов // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 360–376. DOI [10.25178/nit.2024.4.23](https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.23). EDN [HKQBBK](https://www.edn.ru/HKQBBK).

14. Хакимова, А. М. Общие и специальные показатели смертности населения в Республике Башкортостан в период с 2018 по 2020 г. / А. М. Хакимова, Н. Х. Шарафутдинова, О. Р. Мухамадеева [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68, № 3. С. 9. DOI [10.21045/2071-5021-2022-68-3-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-3-9). EDN [DTRVJY](https://www.edn.ru/DTRVJY).

15. Ахметова, Г. Ф. Основные тенденции демографических процессов в Башкортостане в конце XX – начале XXI века / Г. Ф. Ахметова, И. Б. Утяшева, Я. А. Скрябина [и др.] // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 1(17). С. 263–279. DOI [10.47309/2713-2358-2024-1-263-279](https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-1-263-279). EDN [DTWKXM](https://www.edn.ru/DTWKXM).

16. Горошко, Н. В. Социальные факторы смертности мужского населения: Россия на мировом фоне / Н. В. Горошко, С. В. Пацала // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 81–96. DOI [10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96). EDN [XWDBTG](https://www.edn.ru/XWDBTG).

17. Вишневский, А. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России / А. Вишневский, Е. Андреев, С. Тимонин // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 1. С. 6–34. EDN [WFEIZF](https://www.edn.ru/WFEIZF).

18. Кваша, Е. А. Смертность от внешних причин в России за полвека / Е. А. Кваша, Т. Л. Харькова, В. В. Юмагузин // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 68–95. EDN [TTGXUH](https://www.edn.ru/TTGXUH).

19. Марычев, Г. А. Пространственно-временная сопоставимость структуры смертности по причинам смерти в России: роль региональных практик кодирования причин смерти / Г. А. Марычев, А. Е. Шур, С. А. Тимонин // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 3. С. 59–105. DOI [10.17323/demreview.v12i3.28497](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28497). EDN [ZSLXVA](https://www.edn.ru/ZSLXVA).

Сведения об авторе

Хазипова Сюембика Рашидовна, ведущий специалист, младший научный сотрудник, Научная лаборатория социальных и демографических исследований; старший преподаватель, кафедра социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: www.suembika@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-2191-0471](https://orcid.org/0000-0002-2191-0471); РИНЦ SPIN-код: [4688-6461](https://www.rinccod.ru/4688-6461).

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

RURAL-URBAN DISPARITIES IN MORTALITY AND LIFE EXPECTANCY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Syuembika R. Khazipova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: www.suembika@mail.ru

For citation: Khazipova, S. R. Rural-Urban Disparities in Mortality and Life Expectancy in the Republic of Bashkortostan. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 80–96. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.5). (In Russ.)

Abstract. This article analyzes the patterns of mortality and life expectancy in the rural population of Bashkortostan between 2010 and 2023 using official statistical data. The dynamics of life expectancy are examined by gender and type of settlement, the structure of the causes of death is reconstructed, and gender differences in mortality rates are evaluated. It is shown that during the 2010s the rural population showed a steady increase in life expectancy. However, a persistent rural-urban divide and pronounced gender inequality persist: rural men continue to be the most vulnerable group and are significantly inferior to urban men and women in terms of life expectancy and death rates. The COVID-19 pandemic from 2020 to 2021 caused a short-term decrease in life expectancy for all population groups. However, the recovery was asymmetric and faster among women. The structure of causes of death among the rural population is characterized by a predominance of cardiovascular diseases, a significant contribution from neoplasms, and pronounced gender differences in external causes, indicating a complex interplay of behavioral, socio-cultural, and infrastructure-related risk factors. An analysis of age-specific mortality rates reveals a dual pattern of differentiation – simultaneously age- and gender-based disadvantage – which creates the greatest risk for young and middle-aged rural men.

Keywords: rural population, mortality, life expectancy, structure of causes of death, age-specific mortality, gender differences, Republic of Bashkortostan

References

1. Vishnevsky, A. G. *Vremya demograficheskikh peremen [Time of Demographic Changes]: selected articles*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2015. 516 p. ISBN 978-5-7598-1264-7. (In Russ.).
2. Shchur, A., Sokolova, V., Timonin, S. Midlife Mortality in Russia at the Beginning of the 21st Century: Is There Any Reason for Optimism? *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 4. Pp. 4–51. DOI [10.17323/demreview.v10i4.18807](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18807). (In Russ.).
3. Andreev, E. M., Kvasha, E. A., Kharkova, T. L. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic History of Russia: 1927–1959]*. Moscow: Informatika, 1998. 187 p. ISBN 5-89476-021-6. (In Russ.).
4. Shkolnikov, V. M., Andreev, E. M., Tursun-Zade, R., Leon, D. A. Patterns in the Relationship between Life Expectancy and Gross Domestic Product in Russia in 2005–15: A Cross-Sectional Analysis. *The Lancet Public Health*. 2019. Vol. 4, No. 4. Pp. e181–e188. DOI [10.1016/S2468-2667\(19\)30036-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30036-2).
5. Bamba, C., Riordan, R., Ford, J., Matthews, F. The COVID-19 Pandemic and Health In-equalities. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2020. Vol. 74, No. 11. Pp. 964–968. DOI [10.1136/jech-2020-214401](https://doi.org/10.1136/jech-2020-214401).
6. Gebhard, C., Regitz-Zagrosek, V., Neuhauser, H. K., et al. Impact of Sex and Gender on COVID-19 Outcomes in Europe. *Biology of Sex Differences*. 2020. Vol. 11, No. 1. Pp. 29. DOI [10.1186/s13293-020-00304-9](https://doi.org/10.1186/s13293-020-00304-9).
7. Smirnov, A. V. Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). (In Russ.).
8. Khabriev, R. U., Kalininskaya, A. A., Schepin, V. O., et al. The Medical Demographic Indicators and Health Preservation of Rural Population of the Russian Federation. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2023. Vol. 31, No. 6. Pp. 1307–1312. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312). (In Russ.).

9. Kalinskaya, A. A., Lazarev, A. V., Smirnov, A. A., Shlyifer, S. I. The Analysis of Medical Demographic Indicators of Rural Population. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2024. Vol. 32, No. 6. Pp. 1227–1233. DOI [10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-6-1227-1233). (In Russ.).
10. Kalininskaya, A. A., Bayanova, N. A., Kizeev, M. V., Balzamova, L. A. Assessment of Preventable Health Losses in the Rural Population. *Manager Zdravoochranenia*. 2022. No. 3. Pp. 30–36. DOI [10.21045/1811-0185-2022-3-30-36](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2022-3-30-36). (In Russ.).
11. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Abdulzyanov, A. R., et al. *Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii: Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2023 [Demographic Well-Being of the Regions of Russia: National Demographic Report – 2023]*. Vologda: Vologda Scientific Center Publishing, 2024. 336 p. ISBN 978-5-89697-427-7. DOI [10.19181/monogr:978-5-89697-427-7.2024](https://doi.org/10.19181/monogr:978-5-89697-427-7.2024). (In Russ.).
12. Utyasheva, I. B., Khazipova, S. R. Glava 1.3. Smertnost' i zabolevayemost' [Mortality and morbidity]. In: *Respublika Bashkortostan: Demograficheskiy doklad [epublic of Bashkortostan: Demographic Report]*. Ufa: Ufa University of Science and Technology Publishing, 2023. Pp. 43–55. (In Russ.).
13. Valiakhmetov, R. M., Lomanova, A. K., Abylkalikov, S. I. Comparative Analysis of Demographic Dynamics in the Context of Human Development in Bashkortostan and Tatarstan (1959–2021). *The New Research of Tuva*. 2024. No. 4. Pp. 360–376. DOI [10.25178/nit.2024.4.23](https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.23). (In Russ.).
14. Khakimova, A., Sharafutdinova, N., Mukhamadeeva, O., Et Al. Crude and Cause-Specific Mortality Rates in the Republic of Bashkortostan in the Period from 2018 to 2020. *Social Aspects of Population Health*. 2022. Vol. 68, No. 3. Pp. 9. DOI [10.21045/2071-5021-2022-68-3-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-3-9). (In Russ.).
15. Akhmetova, G. F., Utyasheva, I. B., Skryabina, Ya. A., et al. Main Trends in Demographic Processes in Bashkortostan at the End of the XX – Beginning of the XXI Century. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2024. No. 1(17). Pp. 263–279. DOI [10.47309/2713-2358-2024-1-263-279](https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-1-263-279). (In Russ.).
16. Goroshko, N. V., Patsala, S. V. Social Factors of Male Mortality: Russia at the World Background. *Social & Labor Research*. 2023. No. 4(53). Pp. 81–96. DOI [10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96). (In Russ.).
17. Vishnevsky, A., Andreev, E., Timonin, S. Mortality from Cardiovascular Diseases and Life Expectancy in Russia. *Demographic Review*. 2016. Vol. 3, No. 1. Pp. 6–34. (In Russ.).
18. Kvasha, E., Kharkova, T., Yumaguzin, V. Mortality from External Causes of Death in Russia over the Past Half-Century. *Demographic Review*. 2014. Vol. 1, No. 4. Pp. 68–95. (In Russ.).
19. Marychev, G., Shchur, A., Timonin, S. Spatial-Temporal Comparability of Mortality Structure by Cause of Death in Russia: The Role of Regional Cause-of-Death Coding Practices. *Demographic Review*. 2025. Vol. 12, No. 3. Pp. 59–105. DOI [10.17323/demreview.v12i3.28497](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28497). (In Russ.).

Bio note

Syuembika R. Khazipova, Leading Specialist, Junior Researcher, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research; Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.
Contact information: e-mail: www.suembika@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-2191-0471](https://orcid.org/0000-0002-2191-0471); RSCI SPIN-code: [4688-6461](https://www.rsci.spin-code.org/4688-6461).

Received on 16.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.
 The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.6)EDN [DQATLK](https://edn.dqatlk.ru)

Научная статья

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКИХ И УДАЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Волкова О. А.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: volkovaoo@rambler.ru***Исакова Д. А.***НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента**Департамента здравоохранения г. Москвы, Москва, Россия**E-mail: 23042012@mail.ru*

Для цитирования: Волкова, О. А. Концептуализация телемедицинского обеспечения социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий России / О. А. Волкова, Д. А. Исакова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 97–111. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.6). EDN [DQATLK](https://edn.dqatlk.ru).

Аннотация. В статье представлена концептуализация обоснования телемедицинского обеспечения социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий Российской Федерации. Актуальность научной работы обусловлена структурными ограничениями традиционной модели организации социально-медицинской помощи, где дефицит кадровых ресурсов, низкая территориальная доступность специализированной помощи и разрыв преемственности между уровнями медицинских и социальных организаций создают устойчивые барьеры для сохранения здоровья населения. Эмпирическую базу составили материалы полевого социологического исследования, проведенного авторами методом интервью компетентных экспертов из различных регионов страны, включая представителей труднодоступных и арктических территорий, дополненные официальными статистическими данными Росстата и Минздрава России. В результате были обоснованы три ключевых принципа, на которых базируется концепция: интеграция телемедицинских технологий на всех уровнях оказания медицинской помощи и социальных услуг (от фельдшерско-акушерских пунктов до региональных центров); доступность, понимаемая как единство территориальной, социально-экономической и технологической составляющих; превентивность, ориентированная на раннее выявление заболеваний и сохранение трудового потенциала населения. Разработана трехуровневая модель телемедицинской системы, институционально обосновано введение «телемедицинских координаторов» для преодоления цифрового неравенства, предложены специальные индикаторы социально-демографической эффективности (динамика снижения преждевременной смертности от управляемых причин, сокращение разрыва в ожидаемой продолжительности жизни между городским и сельским населением). Новизна работы заключается в обосновании телемедицинских технологий как системообразующего элемента социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий, а не вспомогательного инструмента. Практическая значимость состоит в возможности использования разработанной концепции при формировании региональных программ развития здравоохранения и актуализации мер социально-демографической политики в субъектах Российской Федерации. Ограничения исследования связаны с региональной спецификой экспертных оценок и необходимостью дальнейшей апробации предложенной модели в сельских и удаленных пилотных регионах.

Ключевые слова: телемедицинские технологии, демографическая устойчивость, социально-демографическая устойчивость, сельские территории, удаленные территории, социальное обслуживание

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью пересмотра существующих на сегодняшний день подходов к сохранению населения на сельских и удаленных территориях [1; 2]. В таких населенных пунктах традиционные модели организации социально-медицинской помощи сталкиваются с объективными ограничениями.

Социально-демографическая и инфраструктурная характеристика российских сельских территорий состоит в следующем. По сведениям Росстата, сельское население РФ составляет примерно 36–37 млн человек (или около 25 % населения страны)¹. В России насчитывается более 150 тыс. сельских населенных пунктов, значительная часть которых малочисленна и территориально удалена от межрайонных медицинских центров.

Минздравом России утверждены требования к размещению медицинских пунктов и организаций на селе². Однако низкая плотность населения и территориальная удаленность формируют устойчивые барьеры в обеспечении доступности медицинской помощи³. Согласно официальным данным, в сельской местности РФ заняты 8–9 % врачей и 16–18 % среднего медперсонала⁴. Сложившаяся ситуация требует разработки новых подходов к достижению социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий.

Научная проблема исследования заключается в концептуальной неопределенности и недостаточной методологической разработанности подходов к обеспечению социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий России в условиях структурных ограничений традиционной модели организации медицинской и социальной помощи. В научной и управленческой практике отсутствует целостная концепция, которая рассматривала бы телемедицинские технологии не как вспомогательный инструмент, а как системообразующий элемент, способный трансформировать логистику медицинской помощи и обеспечить достижение социально-демографической устойчивости сельских регионов.

Цель исследования заключается в концептуализации телемедицинского обеспечения социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий страны через разработку и обоснование теоретико-методологических положений, определяющих интеграцию телемедицинских технологий в систему медицинской помощи как системообразующего фактора, обеспечивающего доступность, преемственность и превентивность медицинских услуг. Достижение поставленной цели предполагает решение таких задач как: уточнение понятийного аппа-

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.03.2026).

² Минздравом России утверждены требования к размещению медицинских пунктов и организаций на селе // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. 29.06.2015. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2015/06/29/2416-minzdravom-rossii-utverzheny-trebovaniya-k-razmeshcheniyu-meditsinskih-punktov-i-organizatsiy-na-sele> (дата обращения: 01.03.2026).

³ В сельских районах Коми на одного врача приходится до 550 пациентов // Комсомольская правда : [сайт]. 01.08.2025. URL: <https://www.komi.kp.ru/online/news/6499948> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴ Здравоохранение в России. 2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooxran_2023.htm (дата обращения: 01.03.2026).

рата, в частности содержательное разграничение категорий «демографическая устойчивость» и «социально-демографическая устойчивость» применительно к сельским и удаленным территориям; выявление ключевых барьеров доступности медицинской помощи на основе анализа экспертных оценок; обоснование принципов (интеграции, доступности, превентивности) как методологической основы концепции; разработка трехуровневой модели телемедицинской системы с определением функционального содержания каждого уровня; институциональное обоснование введения «телемедицинских координаторов» на уровне сельских и удаленных территорий; выработка рекомендаций по регионально-дифференцированному внедрению концепции с учетом природно-климатических, инфраструктурных и этнокультурных особенностей.

Методология исследования

Ключевым методологическим подходом в данной научной работе выступила стратегия взаимного дополнения количественных и качественных показателей. Во-первых, применены методы математической статистики. Во-вторых, официальные статистические данные дополнены качественным анализом экспертного интервью, восполненного процедурой количественной оценки согласованности экспертных мнений через расчет коэффициента конкордации Кендалла. Так, в исследовании использованы статданные Федеральной службы государственной статистики и Министерства здравоохранения Российской Федерации. Кроме того, в январе-феврале 2026 г. авторами статьи было проведено полевое социологическое исследование. В его рамках с помощью метода экспертного интервью были опрошены 15 компетентных экспертов из различных регионов страны, включая представителей труднодоступных и арктических территорий. В выборку исследования вошли главные врачи районных больниц (5 человек), руководители территориальных фондов ОМС (3 человека), заместители министров здравоохранения регионов (3 человека), научные сотрудники профильных НИИ (2 человека), представители региональных центров телемедицины (2 человека). Эксперты представляли Архангельскую, Мурманскую, Новосибирскую области, Красноярский край, Республику Коми, Ямало-Ненецкий АО.

При обработке и анализе интервью экспертов рассчитывался коэффициент конкордации по Кендаллу (коэффициент Кендалла W) – непараметрический статистический показатель, успешно использующийся для количественной оценки общности экспертных позиций (качественных данных), согласованности мнений опрошенных экспертов. При расчете предусмотрено: $W = 0$ – полное отсутствие согласованности экспертных мнений; $W = 1$ – полная их согласованность, единство экспертной позиции; $W \leq 0,3$ – согласованность слабая; $W \geq 0,7$ – согласованность экспертов сильная.

Исследовательский дизайн позволил не только зафиксировать общероссийские тенденции, но и учесть специфику локальных систем здравоохранения и социального обслуживания, где удаленность, крайне низкая плотность населения и климатические барьеры выступают ключевыми факторами, определяющими реальную доступность социально-медицинской помощи.

Полученные экспертные оценки легли в основу предлагаемой концепции, которая рассматривает телемедицинские технологии не как вспомогательный, а как системообразующий элемент современной модели демографической устойчивости в России.

Обзор научной литературы

Концептуализация телемедицинского обеспечения социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий требует обращения к накопленному в научной литературе знанию о специфике социально-демографических процессов, состоянии здоровья и доступности медицинской помощи и социальных услуг в этих локациях. В работах С. В. Рязанцева представлен анализ миграционных и демографических трендов на постсоветском пространстве, включая оценку вклада денежных переводов мигрантов в устойчивое развитие территорий исхода [3], что актуализирует проблему сохранения человеческого капитала в регионах с оттоком населения. Исследования В. А. Сарайкина, Ю. Н. Никулиной, Р. Г. Янбых, выполненные на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, выявили доминирующее влияние фактора удовлетворенности работой на субъективное благополучие сельских жителей, что указывает на необходимость учета не только медицинских, но и социально-трудовых аспектов при формировании политики устойчивого развития села. Авторы также подтвердили нелинейность влияния материального положения на удовлетворенность жизнью [4], что позволяет говорить о сложной структуре факторов, определяющих социальное самочувствие сельского населения.

Анализ состояния здоровья сельского населения представлен в работах Р. У. Хабриева, А. А. Калининской, В. О. Щепина и соавторов, в которых показано, что смертность сельчан устойчиво превышает смертность горожан, а разница в показателях общей заболеваемости между федеральными округами и субъектами Российской Федерации достигает кратных значений [5], что свидетельствует о глубокой региональной дифференциации. Особое внимание исследователи уделяют кадровому дефициту. Проблема усугубляется низкой территориальной доступностью специализированной помощи, разрывом преемственности между фельдшерско-акушерскими пунктами, районными и региональными центрами. Т. В. Блинова, А. А. Вялышина, В. А. Русановский на основе данных выборочного наблюдения Росстата выявили, что сельские жители, несмотря на более низкую самооценку здоровья, обращаются за медицинской помощью реже горожан, и основные причины этого – отсутствие специалистов и оборудования в местных поликлиниках, большие очереди, отдаленность организаций, где помощь оказывается бесплатно [6]. Причем удовлетворенность сельчан работой медицинских учреждений парадоксальным образом оказывается выше, чем у горожан, что объясняется более низкими ожиданиями и адаптацией к существующим условиям.

Пространственный анализ доступности медицинских учреждений для населения северных территорий проведен Н. В. Шартовой, М. Ю. Грищенко, Т. В. Ватлиной. Исследователи выявили, что в Архангельской, Мурманской областях и Ямало-Ненецком автономном округе крупные города достаточно обеспечены медицинской помощью с точки зрения территориальной доступности, однако сельское насе-

ление остается наиболее уязвимой категорией. Авторы особо подчеркивают, что концентрация специализированной помощи в отдельных центрах без учета транспортной доступности создает дополнительные риски для населения и требует развития телемедицинской сети [7]. Проблемы доступности для малочисленных и труднодоступных населенных пунктов детально проанализированы И. А. Деевым, А. В. Поликарповым, Н. А. Голубевым, О. С. Кобяковой и соавторами, которые систематизировали критерии размещения медицинских организаций, включая возрастную структуру населения, удаленность до аналогичного учреждения, наличие дорог общего пользования и общественного транспорта, климатические условия, наличие медицинских работников, постоянно проживающих в населенном пункте. Авторы обосновывают необходимость комплексного подхода к территориальному планированию, учитывающему как отраслевые, так и внешние по отношению к здравоохранению факторы [8].

В работах А. А. Латышовой представлен ретроспективный анализ инфраструктуры сельского здравоохранения. Ее исследования показали, что при сокращении числа самостоятельных медицинских организаций на 16,2% активно внедрялись передвижные и мобильные формы работы: количество передвижных фельдшерско-акушерских пунктов увеличилось практически в 10 раз, а мобильных медицинских бригад – на 15,5%. Однако одновременно снизилась обеспеченность койками на 9,7% и возросла доля зданий, находящихся в аварийном состоянии. Эти тенденции указывают на трансформацию модели оказания помощи, при которой стационарные учреждения замещаются мобильными и дистанционными формами, что актуализирует развитие телемедицинских технологий [9].

Теоретическое осмысление категории демографической устойчивости представлено в работах О. М. Рой, который трактует ее как стабильность демографических показателей, отражающую высокую адаптируемость населения к условиям проживания и низкую степень намерения сменить место жительства [10]. В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер разработали методический инструментарий оценки демографической устойчивости северных регионов, включив в него показатели воспроизводства населения, миграции, половозрастной структуры и качества жизни [11]. О. О. Рыковская в своей работе подчеркивает, что демографическая устойчивость не сводится к количественным параметрам, а предполагает способность общества предвидеть демографические изменения, управлять ими и использовать возникающие возможности. При этом исследователь выделяет ключевые инструменты обеспечения устойчивости: анализ текущей демографической ситуации, демографическое прогнозирование, национальные трансфертные счета и характеристики демографических дивидендов [12]. В работах Т. К. Ростовской обосновывается целесообразность перехода от концепции демографической политики к стратегии демографического развития, ориентированной на долгосрочное соответствие целевых ориентиров и возможностей их достижения [13].

Сравнительный аналитический обзор научных публикаций свидетельствует о том, что проблема доступности медицинской помощи для сельского населения является комплексной и междисциплинарной, а ее решение требует интеграции демографического, социально-экономического и пространственного подходов, что создает методологическую основу для концептуализации телемедицинского обес-

печения как системообразующего фактора социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий.

Анализ материалов, представленных в современной научной литературе, подтверждает значимость максимального учета социальных условий, в которых протекают процессы рождаемости, смертности, миграции, самосохранения. Так, социально-демографическую устойчивость региона целесообразно рассматривать не просто как способность сохранять численность и состав населения, но и как его способность к воспроизводству и адаптации. Такой взгляд напрямую коррелирует с качеством и доступностью социально-медицинских услуг, которые оказываются или могут предоставляться местному населению сельских и удаленных территорий.

Существующая система здравоохранения на селе характеризуется устойчивым дефицитом кадровых ресурсов, низкой территориальной доступностью специализированной помощи, разрывом преемственности между фельдшерско-акушерскими пунктами, районными и региональными медицинскими центрами. Эти барьеры обусловлены объективными факторами: низкой плотностью населения, значительной удаленностью населенных пунктов от межрайонных центров, климатическими ограничениями, слабым развитием транспортной инфраструктуры [14].

Современные ученые в своих работах проводят анализ социально-демографической ситуации и акцентируют внимание на том, что для сельских и удаленных территорий России характерна более низкая самооценка здоровья населением, высокие показатели смертности и оттока населения, особенно в трудоспособном возрасте. Исследователи указывают также на то, что серьезным барьером здесь является не столько отсутствие медицинских и социальных организаций, сколько их территориальная недоступность в сочетании с дефицитом врачей-специалистов узкого профиля [15].

В этой связи классическая модель «приближения пациента к врачу» [16] вступает в противоречие с экономической эффективностью и логистическими возможностями региона, в котором находится наибольшее количество сельских и удаленных от центров населенных пунктов. Новизна данного исследования состоит в том, что предлагаемая концепция меняет подобную парадигму, утверждая принцип «приближения врача к пациенту» через развитие телемедицинских сетей, интегрированных в единую российскую цифровую среду здравоохранения.

Результаты

Понятие социально-демографической устойчивости представляется более широким, чем термин демографической устойчивости. Социально-демографическая устойчивость включает в себя демографические характеристики вместе с социальными условиями жизни, тогда как демографическая устойчивость относится именно к воспроизводству населения и его структурам.

Демографическая устойчивость рассматривается как состояние демографической системы, при котором обеспечивается непрерывное воспроизводство населения и относительная стабильность его количественных и структурных характеристик (численность, рождаемость, смертность, миграция, половозрастная структура) [17]. В центре внимания таких исследований находятся собственно демографические процессы: рождаемость, смертность, миграция, брачность, разводимость, их баланс

и долгосрочная сбалансированность в различные исторические периоды и в прогнозных разработках.

Социально-демографическая устойчивость понимается как состояние территории или сообщества, при котором демографические процессы устойчивы, и одновременно поддерживаются приемлемое качество жизни и социальная стабильность (доступ к образованию, здравоохранению, жилью, культурным услугам, рабочим местам, экологическим условиям и т. п.).

В индикаторы включается не только демографический потенциал (рождаемость, смертность, миграция, численность населения), но и социально-бытовое обслуживание, уровень образования, здравоохранение, экология, покупательная способность и инфраструктура (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые особенности понятий демографической устойчивости и социально-демографической устойчивости

Table 1

Key features of the concepts of demographic sustainability and socio-demographic sustainability

Характеристика	Демографическая устойчивость	Социально-демографическая устойчивость
Основной объект	Воспроизводство населения и его структура	Воспроизводство населения в связи с условиями жизни и социальной средой
Тип показателей	Рождаемость, смертность, миграция, самосохранение	Те же демографические процессы во взаимосвязи с доступностью услуг, качеством жизни и др.
Уровень анализа	Демографическая система как таковая	Социально-демографическое развитие территории / группы / сообщества
Фокус	Стабильность воспроизводства населения	Стабильность воспроизводства при учете социальных факторов и условий

Источник: составлено авторами по результатам анализа научной литературы

Концептуализация телемедицинского обеспечения демографической устойчивости сельских и удаленных территорий России видится целесообразной при соблюдении трех основных принципов: интеграции, доступности, превентивности.

Центральным элементом концепции, разрабатываемой в ходе данного исследования, выступает *принцип интеграции* телемедицинских технологий на всех уровнях оказания медицинской помощи – от первичного звена до специализированной и высокотехнологичной. Как свидетельствуют факты, именно разрыв в преемственности между фельдшерско-акушерскими пунктами, районными больницами, региональными медицинскими центрами и организациями социального обслуживания становится одной из главных причин несвоевременной диагностики и, как следствие, высокой преждевременной смертности людей от управляемых причин.

Принцип интеграции в разрабатываемой концепции предполагает создание *трехуровневой телемедицинской системы*. На первом уровне (фельдшерский пункт, врачебная амбулатория) осуществляется сбор данных и проведение первичных консультаций с поддержкой компетентных региональных центров. На втором уровне (центральные районные больницы) происходит углубленная диагностика и формирование маршрутизации пациента. Третий уровень (региональные и федеральные центры) обеспечивает проведение сложных консилиумов и мониторинг эффектив-

ности лечения и сопровождающих социальных услуг. Такая социально-медицинская архитектура, по мнению опрошенных экспертов, позволяет преодолеть структурную фрагментарность сельского здравоохранения и социального обслуживания и создать позитивные условия для непрерывного наблюдения за пациентом независимо от его места проживания ($W = 6$).

При этом *принцип доступности* социально-медицинской помощи в рамках предлагаемой концепции трактуется не только как территориальная (физическая) или временная возможность получения медицинской и социальной услуги, но и как ее социально-экономическая и технологическая доступность для жителей сельских и удаленных территорий страны.

Данные проведенных экспертных интервью говорят о том, что для жителей сельских и удаленных территорий критически значимым является не только наличие телемедицинского оборудования и соответствующих специалистов в их населенных пунктах, но и устойчивая интернет-связь и цифровая грамотность местного населения ($W = 6$). Особое внимание в настоящем исследовании уделяется возрастным группам населения. Россияне, относящиеся к группе старше трудоспособного возраста, составляют значительную долю сельских жителей и часто испытывают немалые трудности с использованием различных цифровых сервисов, без которых получение телемедицинской консультации является невозможным.

В связи с чем разрабатываемая авторами статьи концепция предусматривает внедрение института «телемедицинских координаторов» на уровне сельских поселений. Речь идет о потенциальной работе специально обученных специалистов (возможно, из числа среднего медперсонала и в особенности социальных работников). Они могли бы обеспечивать техническое сопровождение сеансов связи, помогать пациентам старшего возраста в телекоммуникационной навигации и поддержке обратной связи с лечащими врачами. Такой подход, как показало исследование, способствует снижению барьеров доступности социально-медицинской помощи и повышает фактическое использование современных телемедицинских сервисов, превращая их из декларативной возможности в реально востребованный современный инструмент работы с пациентами, проживающими на сельских и удаленных территориях ($W = 0,7$).

Несмотря на инфраструктурные и кадровые барьеры, телемедицинские технологии и технологии искусственного интеллекта уже демонстрируют первые масштабируемые эффекты в российском здравоохранении. Согласно информации в 2025 г. в фельдшерско-акушерских пунктах сельских населенных пунктов Московской области проведено более 170 тыс. телемедицинских консультаций, что свидетельствует о росте востребованности дистанционных форм взаимодействия⁵.

В этой связи приведем ключевые показатели внедрения ИИ в России (по состоянию на начало 2026 г.): 85 регионов используют медицинские изделия с ИИ для анализа медицинских изображений; 60 регионов – для анализа медицинских карт; три региона – для поддержки фармакотерапии; три региона – для анализа ЭКГ;

⁵ Более 170 тыс. телемедицинских консультаций провели пациентам в ФАПах в 2025 году // Администрация городского округа Красногорск Московской области: [сайт]. 23.01.2026. URL: <https://krasnogorsk-adm.ru/news/bolee-170-tys-telemeditsinskih-konsultatsiy-proveli-patsientam-v-fapah-v-2025-godu.html> (дата обращения: 01.03.2026).

66 регионов применяют не менее пяти МИ с ИИ; 19 регионов – четыре МИ с ИИ; четыре региона не участвуют в мониторинге; 75 регионов и более 2 100 медицинских организаций получили доступ к платформе «МосМедИИ»; более 10,5 млн исследований обработано; выявлено более 5 млн патологий сервисами платформы⁶. Итак, российская практика демонстрирует переход от пилотных проектов к системному внедрению ИИ в большинстве субъектов Российской Федерации. При всем том подавляющая часть пилотных проектов тестируется в центральных регионах страны. Но в контексте сельских и удаленных территорий развитие телекоммуникационных технологий имеет принципиальное значение.

В настоящее время принцип превентивности оказывается чуть ли не решающим в контексте социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий. Именно профилактика и раннее выявление заболеваний и факторов, вызывающих или усугубляющих их, позволяют снизить смертность в трудоспособном возрасте и сохранить трудовой потенциал сельских и удаленных регионов. Вместе с тем заметим, что научная литература, посвященная *самосохранительному поведению* сельского населения, свидетельствует о том, что низкая обращаемость за социально-медицинской помощью часто связана не только с недоступностью, но и с низкой медицинской активностью и недооценкой рисков для здоровья и жизни [18].

Телемедицинские технологии открывают здесь новые возможности: от автоматизированного скрининга и дистанционного мониторинга пациентов с хроническими заболеваниями до проведения первичных профилактических консультаций и формирования приверженности здоровому образу жизни. Эксперты в ходе исследования в своих интервью особо подчеркивали значимость онлайн-наблюдения за пациентами с сердечно-сосудистыми и эндокринными заболеваниями, которые лидируют в структуре смертности населения сельских и удаленных регионов ($W = 0,7$). Развитие систем дистанционного мониторинга жизненно важных показателей с передачей данных в единый центр, по их мнению, способно снизить частоту экстренных госпитализаций и увеличить продолжительность активной жизни населения сельских и удаленных территорий.

Отдельный аспект разрабатываемой концепции – это кадровое обеспечение телемедицинской системы. Как показывает экспертный опрос, дефицит медицинских кадров в сельской местности носит структурный характер и не может быть решен лишь за счет мер материального стимулирования молодых врачей (выпускников медицинских вузов), работающих на сельских и удаленных территориях ($W = 0,7$).

В России функционирует около 33–35 тыс. фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП). Сегодня ФАП остаются ключевым элементом первичного звена. Их модернизация проводится в рамках национального проекта «Новые технологии сбережения

⁶ Сервисы искусственного интеллекта в лучевой диагностике // Центр диагностики и телемедицины : [сайт]. URL:<https://mosmed.ai> (дата обращения: 01.03.2026).

здоровья»⁷. Но в условиях кадрового дефицита развитие ФАП требует цифровой поддержки.

Предлагаемая концепция предоставляет возможность рассматривать телемедицину как инструмент, позволяющий перераспределить нагрузку между медицинскими и социальными работниками разных уровней. В первую очередь врачи узких специальностей, сосредоточенные в региональных центрах, получают возможность проводить консультации пациентов из удаленных населенных пунктов без необходимости выезда на место, что повысит их пропускную способность и снизит профессиональное выгорание ($W = 0,6$). Тем более что из-за климатических или инфраструктурных условий такие выезды могут быть максимально затруднительными или вообще невозможными.

Средний медицинский персонал на местах при этом наделяется расширенными полномочиями по проведению диагностических исследований под строгим и дистанционным контролем врача-специалиста. Такая модель, как считают опрошенные эксперты, не только повышает доступность к специализированной помощи, но и способствует повышению статуса фельдшерской службы, что принципиально важно для удержания кадров на селе ($W = 0,6$).

В ходе экспертного опроса была выявлена еще одна немаловажная проблема, требующая концептуального решения в рамках социологической и медицинской науки. Речь идет об отсутствии единой методологии оценки эффективности телемедицинских вмешательств с точки зрения их влияния на социально-демографические показатели ($W = 0,6$). Существующие подходы к такой оценке являются пока еще не вполне разработанными. Они проводятся лишь в единичных случаях (если телемедицинские технологии применяются) и чаще всего ограничиваются показателями количества проведенных консультаций или удовлетворенности пациентов ($W = 0,5$). А этого недостаточно для обоснования долгосрочных инвестиций в развитие телемедицинской инфраструктуры сельских и удаленных территорий России ($W = 0,4$).

В данном контексте предлагаемая нами концепция предполагает введение специальных индикаторов социально-демографической эффективности, включающих:

- 1) динамику снижения преждевременной смертности от управляемых причин в сельских и удаленных регионах;
- 2) сокращение разрыва в ожидаемой продолжительности жизни между городским и сельским населением;
- 3) снижение числа экстренных госпитализаций по поводу декомпенсации хронических заболеваний у жителей сельских и удаленных территорий.

Подобная система оценки, как полагают опрошенные эксперты, позволит более точно определять приоритеты развития телемедицинских сервисов и обосновать их вклад в достижение целей социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий России ($W = 0,5$).

⁷ Национальный проект «Новые технологии сохранения здоровья» / Национальные проекты России // Правительство России : [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/tekhnologii-zdorovya/> (дата обращения: 01.03.2026).

Особого внимания заслуживает дифференциация российских регионов при внедрении предлагаемой концепции. Анализ материалов подтверждает, что при применении телемедицинских технологий на сельских и удаленных территориях России должна учитываться региональная специфика. Дело в том, что субъекты Российской Федерации крайне неоднородны по климатическим условиям, плотности населения, состоянию транспортной и цифровой инфраструктуры ($W = 1$).

Поэтому универсальные решения, эффективные для пригородных районов, оказываются неработоспособными в арктических или труднодоступных местностях. Эксперты, участвовавшие в исследовании, указали на необходимость гибкого подхода, при котором формирование телемедицинской сети осуществляется на основе районирования территорий по степени доступности и с учетом локальных особенностей – как природно-климатических, так и этнокультурных ($W = 0,7$). Для российских удаленных территорий с хорошей транспортной доступностью приоритетом становятся интеграция телемедицины в работу поликлинического звена и создание условий для дистанционного наблюдения пациентов. А для отдаленных и труднодоступных районов приоритетом является обязательное обеспечение круглосуточной телемедицинской поддержки фельдшерских пунктов и организация регулярных выездных бригад с возможностью дистанционного управления ими из регионального центра ($W = 0,7$).

Следует отметить, что телемедицинское обеспечение социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий России не может быть сведено к простому внедрению и развитию цифровых технологий. Ситуация требует развития создаваемой сегодня сложной социально-экономической и организационной системы, предполагающей перестройку логистики социально-медицинской помощи, изменение ролей и функций медицинского и социального персонала, формирование новой культуры здоровья у сельского населения, цифровая грамотность жителей и создание устойчивых обратных связей между уровнями медицинских и социальных организаций.

Подразумевается реализация трех взаимосвязанных принципов, следование которым позволит не только стабилизировать социально-демографическую ситуацию в сельских и удаленных населенных пунктах, но и создать условия для их устойчивого социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. Важно следовать всем трем принципам: интеграция телемедицинских решений в единую цифровую среду; обеспечение их реальной доступности для всех категорий населения сельских и удаленных территорий; смещение акцента на превентивные мероприятия. Проведенное исследование подтвердило, что такая модель воспринимается ключевыми экспертами и стейкхолдерами как необходимая и своевременная. Ее практическая реализация нуждается в консолидации усилий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях при активном участии медицинского, социозащитного сообщества и населения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что телемедицинское обеспечение социально-демографической устойчивости сельских и удаленных территорий России требует перехода от фрагментарного использования дистанционных

технологий к системной концепции, интегрирующей их в единую цифровую среду здравоохранения и социального обслуживания. На основе анализа данных официальной статистики, полученных в ходе полевого исследования (экспертных оценок), и изучения научной литературы обоснованы три ключевых принципа, которые следует соблюдать при реализации концепции. Это такие принципы как: интеграция, обеспечивающая преодоление разрыва между уровнями медицинской помощи; доступность, понимаемая как единство территориальной, социально-экономической и технологической составляющих; превентивность, ориентированная на сохранение трудового потенциала населения сельских и удаленных регионов через раннее выявление и мониторинг хронических заболеваний.

Разработанная трехуровневая модификация телемедицинской системы позволяет структурировать взаимодействие между фельдшерско-акушерскими пунктами, районными и региональными медицинскими и социальными центрами. Введение «телемедицинских координаторов» призвано преодолеть цифровое неравенство и обеспечить реальное использование дистанционных сервисов маломобильными группами жителей сельских и удаленных территорий. Региональная дифференциация подходов к внедрению концепции, учитывающая природно-климатические, инфраструктурные и этнокультурные особенности, дает возможность адаптировать общие принципы к специфике конкретных территорий. Практическая реализация предложенной концепции требует консолидации усилий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, медицинского и социального сообщества, а также самого населения, заинтересованного в сохранении своего здоровья и благополучия независимо от места проживания.

Список литературы

1. Capdevila, P. Towards a Comparative Framework of Demographic Resilience / P. Capdevila, I. Stott, M. Beger, R. Salguero-Gómez // *Trends in Ecology & Evolution*. 2020. Vol. 35, № 9. Pp. 776–786. DOI [10.1016/j.tree.2020.05.001](https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.05.001).
2. Colantoni, A. Demographic Resilience in Local Systems: An Empirical Approach with Census Data / A. Colantoni, R. Halbac-Cotoara-Zamfir, C. Halbac-Cotoara-Zamfir, P. Cudlin, L. Salvati, A. Gimenez Morera // *Systems*. 2020. Vol. 8, № 34. DOI [10.3390/systems8030034](https://doi.org/10.3390/systems8030034).
3. Рязанцев, С. В. Вклад денежных переводов мигрантов и диаспоры в устойчивое развитие Кыргызстана. Москва : Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2025. 240 с. ISBN 978-5-16-114047-5. DOI [10.12737/2222651](https://doi.org/10.12737/2222651). EDN [BEGJEN](https://www.edn.ru/BEGJEN).
4. Сарайкин, В. А. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость / В. А. Сарайкин, Ю. Н. Никулина, Р. Г. Янбых // *Экономическая социология*. 2023. Т. 24, № 1. С. 71–105. DOI [10.17323/1726-3247-2023-1-71-105](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-71-105). EDN [LHPYZO](https://www.edn.ru/LHPYZO).
5. Хабриев, Р. У. Медико-демографические показатели и здоровьесбережение сельского населения Российской Федерации / Р. У. Хабриев, А. А. Калининская, В. О. Щепин [и др.] // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31, № 6. С. 1307–1312. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312). EDN [FRWMVM](https://www.edn.ru/FRWMVM).
6. Блинова, Т. В. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи / Т. В. Блинова, А. А. Вяльшина, В. А. Русановский // *Экология человека*. 2020. № 12. С. 52–58. DOI [10.33396/1728-0869-2020-12-52-58](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58). EDN [XJZSEC](https://www.edn.ru/XJZSEC).
7. Шартова, Н. В. Территориальная доступность медицинских учреждений для жителей севера России / Н. В. Шартова, М. Ю. Грищенко, Т. В. Ватлина // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2023. Т. 78, № 5. С. 104–114. DOI [10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.10](https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.10). EDN [XPHAUS](https://www.edn.ru/XPHAUS).

8. Деев, И. А. Оценка критериев, влияющих на размещение медицинских организаций в малочисленных и труднодоступных населенных пунктах / И. А. Деев, А. В. Поликарпов, Н. А. Голубев [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № S9. С. 29–36. DOI [10.15829/1728-8800-2023-3832](#). EDN [DBDXQH](#).

9. Латышова, А. А. Медицинские организации и их структурные подразделения, расположенные в сельской местности // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70, № 1. DOI [10.21045/2071-5021-2024-70-1-6](#). EDN [VNMJOF](#).

10. Рой, О. М. Демографическая устойчивость территории: методология оценки // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах, Екатеринбург, 08–09 июня 2018 года. Том 1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. С. 38–51. EDN [GHOMYS](#).

11. Фаузер, В. В. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 2. С. 552–569. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-2-14](#). EDN [PKCYLK](#).

12. Рыковская, О. О. Демографическая устойчивость: концептуальное содержание и особенности проявления // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 4-1. С. 217–225. EDN [HKDLTW](#).

13. Ростовская, Т. К. Сравнительный анализ стран организации тюркских государств: численность населения и рождаемость как показатели демографической устойчивости / Т. К. Ростовская, А. Сагынбаева, А. Сулейманлы // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 407–420. DOI [10.25178/nit.2025.3.24](#). EDN [KMNCBH](#).

14. Шабанов, В. Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 4–19. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-4-19](#). EDN [MMPATA](#).

15. Архипов, Ю. Р. Анализ доступности первичной медицинской помощи для сельского населения Чувашской Республики / Ю. Р. Архипов, И. В. Никонорова, А. Ю. Харитонов, А. Ю. Харитонов // Региональные геосистемы. 2024. Т. 48, № 4. С. 481–493. DOI [10.52575/2712-7443-2024-48-4-481-493](#). EDN [KLTSNA](#).

16. Шеметова, Г. Н. Оценка кадровой обеспеченности медицинским персоналом и доступности первичной медико-санитарной помощи (ПМСП): региональный аспект / Г. Н. Шеметова, Г. В. Губанова, Т. В. Милашевская [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69, № 4. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-4-16](#). EDN [IHDKDB](#).

17. Савичева, Т. С. Демографическая устойчивость региона // Инновационное развитие предпринимательской деятельности региона : Сборник статей научно-практической конференции, Брянск, 29 ноября 2024 года. Брянск: Брянский институт управления и бизнеса, 2024. С. 88–93. EDN [HKESNX](#).

18. Трапицын, С. Ю. Здоровье как индикатор качества жизни и субъективного благополучия детей и молодежи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ / С. Ю. Трапицын, О. А. Граничина, Е. Н. Агапова, М. В. Жарова // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 211–233. DOI [10.37482/issn2221-2698.2023.50.211](#). EDN [AWHTTM](#).

Сведения об авторах

Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: volkovaoo@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](#); РИНЦ SPIN-код: [1780-5071](#); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](#); Scopus Author ID: [55962445600](#).

Исакова Дарья Александровна, аспирант, кафедра организации здравоохранения и общественного здоровья, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 23042012@mail.ru; ORCID ID: [0009-0006-3536-9766](#).

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; принята в печать 20.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CONCEPTUALIZING TELEMEDICINE SUPPORT FOR SOCIO-DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY IN RURAL AND REMOTE AREAS OF RUSSIA

Olga A. Volkova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: volkova_oa@rambler.ru

Darya A. Isakova

Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow

Healthcare Department, Moscow, Russia

E-mail: 23042012@mail.ru

For citation: Volkova, O. A., Isakova, D. A. Conceptualizing Telemedicine Support for Socio-Demographic Sustainability in Rural and Remote Areas of Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 97–111. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.6). (In Russ.)

Abstract. This article presents a conceptual framework for a rationale for telemedicine support to promote socio-demographic sustainability in the rural and remote regions of the Russian Federation. The relevance of the research is due to the structural limitations of the traditional model for organizing social and medical services, where a lack of human resources, poor territorial accessibility to specialized care, and gaps in continuity between levels of medical and social services create persistent obstacles to maintaining public health. The empirical base was formed from the materials of field sociological research conducted by the authors through interviews with experts from different regions of the country. These included representatives from hard-to-access and Arctic areas, as well as official statistics from Rosstat (Federal State Statistics Service) and the Ministry of Health of Russia. As a result, three key principles have been substantiated that underpin the concept of integrating telemedicine technologies into all levels of healthcare and social services, from medical and health posts to regional centres. Accessibility is understood as a unity of territorial, socio-economic, and technological components. Preventive measures are aimed at early detection of disease and preservation of labour potential in the population. A three-tiered model of a telemedicine system was developed, the institutionalization of "telemedicine coordinators" was justified to overcome the digital divide, and special socio-demographic indicators were proposed (dynamics of the reduction of premature mortality from preventable causes, narrowing the gap in life expectancy between urban and rural areas). The novelty of this work lies in substantiating telemedicine technologies as a systemic element of socio-demographic stability in rural and remote areas rather than a supplementary tool. The practical significance lies in the possibility of using the developed concept to form regional healthcare development programmes and update socio-demographic policies in the constituent entities of Russia. The limitations of the study relate to the regional specifics of expert assessments, and the need to further test the proposed model in pilot regions in rural and remote areas.

Keywords: telemedicine technologies, demographic sustainability, socio-demographic sustainability, rural areas, remote areas, social services

References

1. Capdevila, P., Stott, I., Beguer, M., Salgero-Gomez, R. Towards a Comparative Framework of Demographic Resilience. *Trends in Ecology & Evolution*. 2020. Vol. 35, No. 9. Pp. 776–786. DOI [10.1016/j.tree.2020.05.001](https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.05.001).
2. Colantoni, A., Halbac-Cotoara-Zamfir, R., Halbac-Cotoara-Zamfir, C., Cudlin, P., Salvati, L., Gimenez Morera, A. Demographic Resilience in Local Systems: An Empirical Approach with Census Data. *Systems*. 2020. Vol. 8, No. 34. DOI [10.3390/systems8030034](https://doi.org/10.3390/systems8030034).
3. Rjazantsev, S. *Contribution of Migrant and Diaspora Remittances to Sustainable Development of Kyrgyzstan*. Moscow : Scientific Publishing Center INFRA-M, 2025. 240 p. ISBN 978-5-16-114047-5. DOI [10.12737/2222651](https://doi.org/10.12737/2222651). (In Russ.).
4. Saraikin, V., Nikulina, Yu., Yanbykh, R. Subjective Well-Being of Rural Dwellers in Russia: Factors and Their Significance. *Journal of Economic Sociology*. 2023. Vol. 24, No. 1. Pp. 71–105. DOI [10.17323/1726-3247-2023-1-71-105](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-71-105). (In Russ.).
5. Khabriev, R. U., Kalininskaya, A. A., Schepin, V. O., Lazarev, A. V., Shlyafer, S. I. The Medical Demographic Indicators and Health Preservation of Rural Population of the Russian Federation. *Problems of Social*

Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2023. Vol. 31, No. 6. Pp. 1307–1312. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-6-1307-1312). (In Russ.).

6. Blinova, T. V., Vyalshina, A. A., Rusanovskiy, V. A. Self-Perceived Health, Availability of Medical Care and Health Attitudes among Rural Population in Russia. *Human Ecology*. 2020. No. 12. Pp. 52–58. DOI [10.33396/1728-0869-2020-12-52-58](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58). (In Russ.).

7. Shartova, N. V., Grishchenko, M. Yu., Vatlina, T. V. Territorial Accessibility of Medical Institutions for the Residents of the North of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2023. Vol. 78, No. 5. Pp. 104–114. DOI [10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.10](https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.10). (In Russ.).

8. Deev, I. A., Polikarpov, A. V., Golubev, N. A., Moravskaya, S. V., Kobaykova, O. S. Assessment of Criteria Influencing the Location of Healthcare Facilities in Small and Hard-To-Reach Areas. *Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2023. Vol. 22, No. S9. Pp. 29–36. DOI [10.15829/1728-8800-2023-3832](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3832). (In Russ.).

9. Latyshova, A. Medical Organizations and Their Structural Subdivisions Located in Rural Areas. *Social Aspects of Population Health*. 2024. Vol. 70, No. 1. DOI [10.21045/2071-5021-2024-70-1-6](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-1-6). (In Russ.).

10. Roy, O. M. Demographic Sustainability of the Territory: Methodology of Evaluation. In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya [Demographic and Family Policy in the Context of Sustainable Development Goals]* : Collection of articles from the IX Ural Demographic Forum: in 2 volumes, Yekaterinburg, June 8–9, 2018. Vol. 1. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 38–51. (In Russ.).

11. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Fauzer, G. N. Demographic Assessment of the Sustainability of Small and Medium-Sized Cities in the Russian North. *Economy of Regions*. 2021. Vol. 17, No. 2. Pp. 552–569. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-2-14](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14). (In Russ.).

12. Rykovskaya, O. O. Demographic Sustainability: Conceptual Content and Features of Its Manifestation. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2024. Vol. 14, No. 4-1. Pp. 217–225. (In Russ.).

13. Rostovskaya, T. K., Sagynbayeva, A., Suleymanli, E. A Comparative Analysis of the Organization of Turkic States: Population Size and Birth Rate as Indicators of Demographic Sustainability. *New Research of Tuva*. 2025. No. 3. Pp. 407–420. DOI [10.25178/nit.2025.3.24](https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.24). (In Russ.).

14. Shabanov, V. L. Quality of Life of the Rural Population in Russia: Integral Assessment and Regional Differentiation. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 1. Pp. 4–19. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-4-19](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-4-19). (In Russ.).

15. Arkhipov, Yu. R., Nikonorova, I. V., Kharitonov, A. Y., Kharitonov, A. Y. Analysis of Primary Health Care Availability for the Rural Population of the Chuvash Republic. *Regional Geosystems*. 2024. Vol. 48, No. 4. Pp. 481–493. DOI [10.52575/2712-7443-2024-48-4-481-493](https://doi.org/10.52575/2712-7443-2024-48-4-481-493). (In Russ.).

16. Shemetova, G., Gubanova, G., Milashevskaya, T., Moskvina, A., Karetnikova, A. Assessment of Staffing with Medical Personnel and Accessibility of Primary Health Care: A Regional Aspect. *Social Aspects of Population Health*. 2023. Vol. 69, No. 4. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-4-16](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-4-16). (In Russ.).

17. Savicheva, T. S. Demographic Stability of the Region. In: *Innovatsionnoye razvitiye predprinimatel'skoy deyatel'nosti regiona [Innovative Development of Entrepreneurial Activity in the Region]* : Collection of articles from the scientific and practical conference, Bryansk, November 29, 2024. Bryansk: Bryansk Institute of Management and Business, 2024. Pp. 88–93. (In Russ.).

18. Trapitsin, S. Yu., Granichina, O. A., Agapova, E. N., Zharova, M. V. Health as an Indicator of the Quality of Life and Subjective Well-Being of Children and Youth of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. *Arctic and North*. 2023. No. 50. Pp. 211–233. DOI [10.37482/issn2221-2698.2023.50.211](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.211). (In Russ.).

Bio notes

Olga A. Volkova, Doctor of Social Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: volkovaoo@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); RSCI SPIN-code: [1780-5071](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=55962445600); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730).

Darya A. Isakova, Postgraduate Student, Department of Health Organization and Public Health, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 23042012@mail.ru; ORCID ID: [0009-0006-3536-9766](https://orcid.org/0009-0006-3536-9766).

Received on 20.02.2026; accepted for publication on 20.04.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.7)

EDN [HGOKZC](https://edn.ru/HGOKZC)

Научная статья

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Чернышева Н. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: natiche84@mail.ru

Нагапетян Н. Х.

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия*

E-mail: nagapet00@bk.ru

Для цитирования: Чернышева, Н. В. Охрана здоровья сельского населения в современной России: основные подходы к изучению / Н. В. Чернышева, Н. Х. Нагапетян // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 112–127. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.7). EDN [HGOKZC](https://edn.ru/HGOKZC).

Аннотация. Работа посвящена аналитическому обзору научных исследований, рассматривающих проблематику охраны здоровья в современной России, в том числе с акцентом на специфику сельского населения. Актуальность темы обусловлена многообразием интерпретаций охраны здоровья в научной литературе и одновременно ограниченным количеством исследований, специально ориентированных на сельское население как самостоятельный объект анализа. В условиях демографических трансформаций, территориальной дифференциации и неоднородности инфраструктурного развития сельские территории формируют особые условия воспроизводства здоровья, что требует систематизированного осмысления существующих научно-теоретических подходов. Предметом исследования выступают аналитические рамки и исследовательские точки зрения, в рамках которых интерпретируется охрана здоровья, способы отражения сельской специфики в соответствующих работах. Цель статьи состоит в проведении аналитического обзора публикаций и выявлении формирующихся плоскостей анализа проблематики охраны здоровья с учетом особенностей сельского контекста. Методологическую основу составили анализ документов (научных публикаций), их систематизация и теоретическое обобщение, а также элементы сравнительного анализа. В результате выделены три взаимосвязанные группы подходов: институционально-организационный, поведенческий (включающий культурно-нормативный аспект) и социально-структурный. Показано, что в большинстве работ сельская специфика рассматривается фрагментарно – через вопросы территориальной доступности медицинской помощи, особенности самосохранительных практик и демографические характеристики сельских сообществ. Предложенная аналитическая схема позволяет интегрировать разрозненные интерпретации и рассматривать охрану здоровья сельского населения как многомерный социальный феномен. Научная новизна настоящей статьи связана с концептуальным упорядочиванием существующих исследований и формированием целостной аналитической рамки анализа сельского контекста.

Ключевые слова: сельское население, охрана здоровья, самосохранительное поведение, территориальная доступность, медицинская помощь, здравоохранение

Введение

Проблематика охраны здоровья сельского населения занимает устойчивое место в современном исследовательском поле. Сельская местность представляет собой специфическое социальное пространство, в рамках которого механизмы сохранения и поддержания здоровья приобретают особые характеристики. В отече-

ственной научной литературе данная проблематика получила развитие в постсоветский период, где вопросы охраны здоровья населения рассматривались не только в рамках государственной системы здравоохранения¹, но и в более широком контексте. В связи с этим вопросы охраны здоровья изучаются с точки зрения функционирования системы здравоохранения и инфраструктурной обеспеченности, социально-экономических условий жизни, поведенческих стратегий и нормативных регуляторов отношения к здоровью. Можно говорить о многослойности рассматриваемого феномена, что формирует необходимость его аналитической систематизации.

Проводимый в работе обзор литературы позволяет не только представить спектр существующих научных позиций, но и выявить логические основания, на которых строится интерпретация охраны здоровья. Однако стоит заметить, что исследования, специально ориентированные на анализ особенностей охраны здоровья сельского населения как самостоятельного объекта научных изысканий, представлены в ограниченном количестве работ, в связи с чем сохраняется высокая актуальность в изучении данной проблематики в селах.

Поскольку исследование носит обзорный характер, категории «сельское население» и «охрана здоровья» рассматриваются не как заранее фиксированные дефиниции, а как понятия, интерпретация которых варьируется в научной литературе. Различия в их трактовке отражают дисциплинарную специфику и исследовательские задачи авторов и, следовательно, сами по себе являются предметом анализа.

Цель работы – проведение аналитического обзора научных исследований, посвященных охране здоровья сельского населения России, и определение формирующихся исследовательских плоскостей интерпретации данной проблематики.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать направления исследований, посвященных охране здоровья сельского населения;
- выявить основные подходы к интерпретации данного феномена в научной литературе;
- определить относительно устойчивые или формирующиеся плоскости анализа исследований проблематики охраны здоровья сельского населения.

Контекст исследования определяется необходимостью очертить современную концептуальную рамку изучаемой проблематики в условиях трансформации социально-демографической структуры общества. В советский период охрана здоровья институционально закреплялась как государственная функция и реализовывалась в рамках централизованной системы здравоохранения, основанной на принципах патерналистской модели социальной политики. В текущих реалиях охрана здоровья включает в том числе и меры, принимаемые гражданами в целях профилактики

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). Статья 42 // Конституция РФ : [сайт]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 01.02.2026).

заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья². Таким образом, возникает необходимость уточнения аналитических подходов, позволяющих проследить особенности изучения охраны здоровья в современных условиях.

Предпринятая в статье попытка концептуального упорядочивания существующих исследований и их систематизации в рамках взаимосвязанных аналитических плоскостей может рассматриваться как элемент научной новизны, связанный с интеграцией разных интерпретаций в единую рамку, ориентированную на сельское население как специфический социально-демографический контекст.

Материалы и методы

Теоретической базой в рамках обзора литературы выступают опубликованные научные работы, материалы научных журналов и сборников, посвященные вопросам организации здравоохранения, медико-демографическим характеристикам населения, поведенческим аспектам сохранения здоровья и социокультурным основаниям медицинского поведения. В обзор включены преимущественно публикации, относящиеся к периоду 2000–2020-х гг., что обусловлено развитием исследовательской повестки в данной сфере в указанный временной интервал. Исторический контекст выбора периода связан с тем, что в советский период охрана здоровья рассматривалась как элемент социальной политики государства. В 1990-е гг. проблематика сместилась в сторону институциональных преобразований системы здравоохранения [1, с. 325]. Начиная с 2000-х гг. в научной литературе усилился комплексный подход, где охрана здоровья трактуется как результат взаимодействия разных факторов, что и обуславливает обращение в данной статье к исследованиям современного периода.

Отбор публикаций осуществлялся по таким критериям, как: тематическая релевантность (исследование посвящено вопросам здоровья населения либо анализирует факторы, влияющие на его сохранение и поддержание); концептуальная содержательность (в работе представлены аналитические выводы или теоретическая интерпретация, позволяющая отнести ее к определенному исследовательскому подходу); территориальная определенность (в публикациях учитывались как общероссийские исследования, так и региональные).

Методологическую основу работы образуют общенаучные и социологические методы. Применен метод анализа документов, в качестве которых выступили научные публикации. Анализ документальных источников помог раскрыть исследовательские направления, используемые авторами понятийные рамки и интерпретационные модели. Метод теоретического обобщения позволил выявить формирующиеся аналитические плоскости изучения охраны здоровья. В результате применения данных методов можно отметить, что в большинстве работ элементы различных исследовательских подходов нередко сочетаются, однако при этом прослеживаются устойчивые направления интерпретации проблематики. Выделенные под-

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения: 03.01.2025).

ходы отражают преобладающие исследовательские акценты и методологическую ориентацию авторов.

Основные результаты

Анализ корпуса научных исследований позволяет говорить о том, что проблематика охраны здоровья развивается в рамках нескольких исследовательских направлений. Для аналитического упорядочивания материала и более системного представления результатов обзора представляется целесообразным выделить три группы исследовательских подходов.

Первая группа исследований интерпретирует охрану здоровья через призму институциональной организации системы здравоохранения. В центре внимания находятся инфраструктурные параметры, кадровое обеспечение, нормативно-правовое регулирование и обеспечение территориальной доступности медицинской помощи, в том числе рассматриваются отдельные государственные программы по поддержанию сельского населения.

Вторая группа работ сосредоточена на поведенческих и культурно-нормативных аспектах охраны здоровья. В данном контексте охрана здоровья рассматривается как совокупность культурных особенностей, ценностных установок, моделей самосохранительного поведения и традиционных практик, влияющих на обращение за медицинской помощью.

Третья группа исследований акцентирует внимание на социально-структурных характеристиках сельских территорий. В рамках такого подхода состояние здоровья и возможности его сохранения анализируются в связи с демографической структурой, уровнем социально-экономического развития, особенностями занятости и расселения. В дальнейшем каждая из обозначенных групп будет рассмотрена последовательно.

При этом данное разделение исследовательских подходов носит условный характер и направлено, прежде всего, на более системное представление существующих направлений изучения охраны здоровья сельского населения в отечественной научной литературе. Следует учитывать, что отдельные исследования могут сочетать в себе элементы нескольких подходов, а сама проблематика охраны здоровья остается многогранной и допускает иные варианты исследовательской интерпретации.

Институционально-организационный подход

В рамках институционально-организационного подхода ключевой объект анализа смещается с индивидуальных практик жителей села на параметры доступности и организации медицинских услуг, на институциональные ограничения, возникающие в условиях рассредоточенного расселения и территориальной удаленности населенных пунктов.

Довольно отчетливо данная исследовательская позиция проявляется в работах, где анализируются организационные и нормативно-правовые основы оказания медицинской помощи жителям сел: подчеркивается многоуровневость системы, принципы этапности и роль нормативного регулирования, при одновременной фиксации ресурсных ограничений (материальных, финансовых, кадровых), влияющих на доступность медицинской помощи [2, с. 86].

В рамках подхода значимое место занимает проблематика пространственной доступности. Так, К. Н. Калашников и И. В. Артамонов предлагают рассматривать доступность как пространственно-временную категорию, указывая на наличие «медицинских пустот» и территорий со сниженной достижимостью помощи [3, с. 122]. Линию дополняют исследования транспортных барьеров и их отражение в документах стратегического планирования [4, с. 120], а также работы, направленные на анализ потенциала региональных транспортных систем как предпосылку мобильных форм организации помощи [5].

Отдельный пласт институционально-организационной интерпретации связан с изменениями сети медицинских учреждений и обеспеченности ресурсами сельского здравоохранения. Например, в отдельных регионах фиксируется сокращение сельских медицинских учреждений и изменений в обеспеченности койками и медицинским персоналом [6, с. 5]. На уровне микроинфраструктуры особо подчеркивается дисбаланс между числом фельдшерско-акушерских пунктов и обеспеченностью фельдшерами, что выступает аргументом в пользу рассмотрения кадрового компонента как структурного ограничения организации помощи [7, с. 240]. В одном из отечественных исследований отмечается, что для сельских жителей характерны более низкие показатели субъективной оценки состояния здоровья, одновременно и меньшая обращаемость за медицинской помощью. Выявленные исследователями различия от городского населения обусловлены совокупностью территориальных и социально-экономических факторов: удаленностью медицинских организаций, дефицитом специалистов и диагностического оборудования, ограниченной транспортной и экономической доступностью медицинских услуг [8, с. 55].

Близкую аналитическую позицию развивают А. А. Калининская, Н. А. Баянова, А. В. Муфтахова, которые обращают внимание на проблему недостаточной выявляемости заболеваний в сельской местности и указывают на риск формирования так называемой скрытой заболеваемости, связанной с ограничениями диагностических возможностей и недостаточной интенсивностью профилактического наблюдения. Отмечается, что низкий уровень ранней диагностики и диспансеризации вызван не только индивидуальными поведенческими особенностями населения, но и структурными параметрами организации медицинской помощи, включая недостаточную оснащенность первичного звена [9, с. 1250].

Важным элементом теоретического обзора проблематики охраны здоровья являются работы, ориентированные на институциональную модернизацию сельского здравоохранения в контексте национального проекта, включая экономико-организационную постановку проблемы [10, с. 97] и исследования организационных проблем первичной медико-санитарной помощи [11, с. 147]. Кроме того, институционально-организационный подход включает более общий уровень анализа, в рамках которого охрана здоровья сельского населения рассматривается в контексте управления системой здравоохранения и координации различных уровней оказания медицинской помощи. Внимание исследователей сосредоточено на вопросах интеграции первичного и специализированного звена, распределения кадровых и финансовых ресурсов, на совершенствовании региональных моделей управления сельским здравоохранением. В этом ключе примечательны работы, в которых развитие сельского здравоохранения анализируется в контексте федеральной проект-

ной политики, механизмов ресурсного перераспределения и внедрения программ модернизации первичного звена [12, с. 17; 13, с. 5], и работы, в которых охрана здоровья интерпретируется через призму стратегического планирования и институциональных преобразований системы медицинской помощи на селе [14, с. 154].

Анализ институционального подхода к охране здоровья населения требует учета организационных аспектов функционирования системы здравоохранения. Стратегическое и территориальное планирование позволяет более точно оценивать потребности населения, прогнозировать востребованность медицинских технологий и оптимизировать размещение медицинской инфраструктуры с учетом демографических, транспортных и социально-экономических особенностей регионов. К примеру, исследование в Архангельской области позволило сделать вывод о том, что четверть населения проживает в зоне риска по времени доступа к медицинской помощи (более 50 км от ближайшего медицинского пункта) [15, с. 18]. Прикладной характер вопроса и потребность в территориальном планировании здравоохранения прослеживается и в других трудах. Кроме того, некоторые авторы предлагают способы реорганизации системы здравоохранения с целью повышения эффективности и охвата оказания медицинской помощи [16, с. 23].

В целом институционально-организационный подход к интерпретации охраны здоровья сельского населения выстраивается вокруг представления о здоровье как о результате функционирования и управления системы медицинской помощи. В центре внимания оказываются параметры нормативного регулирования, пространственной организации сети учреждений, кадровой обеспеченности и механизмов интеграции различных уровней оказания помощи. Существенное значение придается проблематике территориальной доступности, понимаемой как системная характеристика, зависящая от инфраструктурных и управленческих решений. В рамках данного подхода здоровье сельского населения изучается в тесной связи с институциональной емкостью системы здравоохранения и ее способностью адаптироваться к особенностям сельских территорий.

Поведенческий и культурно-нормативный подход

В рамках теоретического обзора публикаций по вопросам охраны здоровья можно выделить исследовательскую линию, трактующую охрану здоровья сельского населения через поведенческую плоскость, то есть как совокупность практик, установок и индивидуальных решений, которые опосредуют воздействие условий жизни и институциональной среды на состояние здоровья. В этой перспективе охрана здоровья описывается как режим самосохранительного поведения, который формируется под влиянием ресурсов домохозяйства и особенностей социальной среды. Внутри поведенческой рамки можно выделить два взаимодополняющих вопроса.

Первый вопрос задается подходами, где здоровье понимается как накапливаемый и расходуемый ресурс (капитал здоровья), а поведение – как механизм его поддержания и воспроизводства. На уровне понятийного обеспечения подобная логика поддерживается постановкой вопроса о здоровье как объекте измерения и управления [16; 17], а также исследованиями самооценки здоровья, где социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты рассматриваются в едином аналитическом контуре [18, с. 159–160].

Второй вопрос связан с тем, что поведенческие практики в научном сообществе нередко интерпретируются как социально стратифицированные: они различаются по группам населения вследствие неравенства ресурсов, жизненных шансов и доступности услуг. Акцент переносится на социально-экономическое неравенство в состоянии здоровья и на то, как материальные и психосоциальные факторы сопрягаются с поведенческими паттернами и различиями в доступе к медицинской помощи. Показательно, что в некоторых работах поведение включается в более широкую рамку социальных детерминант здоровья, где различия в заболеваемости, смертности и факторах риска связываются с доходами, образованием, характеристиками физической и социальной среды, а также контекстом социально-экономической политики [19, с. 9; 20, с. 14].

Е. А. Николаюк в своей работе фиксирует распространенность самолечения, несвоевременного обращения за медицинской помощью, устойчивых вредных привычек и заниженных критериев оценки собственного здоровья среди сельских жителей. Характерной особенностью выступает ориентация на симптоматическое реагирование, недоверие к институциональным механизмам здравоохранения и перенос ответственности за состояние здоровья на внешние обстоятельства. Вместе с тем выявлена тенденция роста самосохранительной культуры среди молодежи, проявляющаяся в сознательном отказе от вредных привычек и включении спортивной активности в повседневные практики, что свидетельствует о трансформации поведенческих установок новых поколений в сельской местности [21, с. 7].

Близкую линию развивают исследования, в которых неравенство в способах поддержания здоровья рассматривается через призму субъективных оценок и установок. Так, в работах, посвященных изменению самооценки здоровья и социологическому анализу неравенства, подчеркивается, что различия в состоянии здоровья сопровождаются разным восприятием собственного здоровья, уровнем ответственности за него и готовности к профилактическим действиям [22, с. 4–5; 23, с. 74]. В исследованиях социально-экономических детерминант здоровья также отмечается, что поведенческие стратегии формируются в контексте культурных норм, жизненных ожиданий и представлений о допустимых практиках заботы о себе [24, с. 47–48].

Если перенести эту проблематику в плоскость сельского населения, то поведенческий подход дает возможность описывать специфику охраны здоровья через механизмы формирования самосохранительных практик в условиях ограничений ресурсов и инфраструктуры. В материалах, которыми мы располагаем, соответствующая постановка вопроса представлена, во-первых, через эмпирически ориентированное обсуждение факторов самосохранительного поведения на региональном уровне [25]. Во-вторых, через фиксацию роли образования как одного из базовых ресурсов, ассоциируемых с дифференциацией здоровья: непосредственно выделяются сюжеты о влиянии образовательного фактора как элемента, который может быть связан с различиями в установках в отношении к здоровью [26].

Отдельную ветвь внутри поведенческой плоскости образуют исследования, которые сфокусированы не только на практиках населения, но и на профессиональных нормах и установках, влияющих на коммуникацию и содержание профилактической повестки. Что представлено, в частности, в работе А. В. Зубко,

Т. П. Сабгайда, К. Э. Хоманова, Ю. В. Дзюба, где обсуждается мнение медицинских работников об ответственном потреблении, то есть о нормативных и поведенческих аспектах, которые могут транслироваться населению через профессиональное сообщество [27, с. 19]. Здесь важно подчеркнуть, что подобные работы расширяют поведенческую перспективу: она начинает включать не только индивидуальный выбор человека, но и контекст формирования поведенческих ожиданий со стороны системы здравоохранения, что может быть сопоставлено с институционально-организационным подходом как с другой плоскостью интерпретации.

Важным составляющим культурно-нормативного подхода являются религиозные нормы. Данный аспект в ряде исследований подлежит рассмотрению как элемент культурной среды, влияющий на поведенческие стратегии охраны здоровья. В работе К. А. Багаевой и Д. Ш. Цырендоржиевой религия описывается как институт, формирующий нормативные ориентиры и модели допустимого поведения, в том числе в сфере отношения к болезни и лечению [28, с. 23].

Нравственно-правовые аспекты традиционных лечебных практик анализируются И. О. Сопиным, рассматривающим народную медицину как систему, укорененную в религиозных и этических представлениях и требующую соотнесения с правовыми и институциональными нормами современной медицины [29, с. 102]. В культурно-антропологической перспективе О. А. Гончарова показывает, что в традиционных сообществах здоровье воспринимается как целостное состояние, связанное с духовным и природным порядком, что формирует специфические модели интерпретации болезни и выбора способов лечения [30, с. 173]. В совокупности эти работы позволяют оценивать религиозные нормы как значимый культурно-нормативный фактор, способный влиять на модели самосохранительного поведения сельского населения.

Итак, в рамках поведенческой интерпретации охрана здоровья сельского населения – это прежде всего результат индивидуальных практик и ценностных установок, формирующихся в конкретной социальной среде. Существенную роль в формировании этих практик играют культурные и религиозные нормы, задающие представления о допустимых способах лечения и границах ответственности человека за собственное здоровье. Тем самым данный подход позволяет рассматривать охрану здоровья не только как функцию организации медицинской помощи, но и как социально и нормативно обусловленную форму поведения, встроенную в структуру повседневной жизни сельского населения.

Социально-структурный подход

Третья группа исследований формирует социально-структурную интерпретацию, в рамках которой здоровье оценивается как характеристика, укорененная в структуре сельского населения и обусловленная демографическими, экономическими и территориальными параметрами. В центре внимания оказываются возрастная структура населения, миграционные процессы, уровень занятости и доходов, развитие социальной инфраструктуры и особенности расселения. Охрана здоровья понимается как элемент воспроизводства населения и социального развития сельских территорий.

Важной точкой для подобной интерпретации выступает демографический анализ, где здоровье выступает критерием состояния социальной структуры. В работах

А. Е. Ивановой и Т. П. Сабгайда, посвященных проблематике смертности и структуре причин смерти, медико-демографические показатели анализируются через призму возрастного состава населения, особенностей статистического учета и интерпретации причин смерти [31]. Здесь же можно проследить региональные различия в смертности, это означает, что медико-демографические характеристики могут выступать индикатором территориальной дифференциации условий жизни и социального благополучия.

Развивая данную мысль, исследования социально-демографической устойчивости села переводят анализ на уровень территориальной системы в целом. В работе Е. В. Реутова и С. А. Вангородской демографические параметры – численность, возрастная структура, миграционные тенденции – рассматриваются как элементы устойчивости сельского сообщества [32, с. 291]. В этом контексте состояние здоровья оказывается встроенным в более широкую проблематику воспроизводства населения: ухудшение демографических характеристик интерпретируется как фактор риска при развитии территории.

В рамках социально-структурного подхода значимое место занимает разработка демографического измерения здоровья, представленная в работах Т. К. Ростовской. В коллективной монографии «Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности» (2021 г.) показатели смертности, ожидаемой продолжительности жизни и общего состояния здоровья населения трактуются как структурные параметры демографической устойчивости и элементы системы народосбережения. В такой интерпретации здоровье включается в контур демографической политики и стратегического планирования, выступая макроуровневым индикатором воспроизводства населения и социальной стабильности. Несмотря на наличие элементов с фокусом на поведенческие аспекты, в подходе показано, что установки на сохранение здоровья, распространенность профилактических практик и самооценка состояния здоровья существенно варьируются в зависимости от социально-демографических характеристик населения [33, с. 70–73]. Тем самым самосохранительное поведение интерпретируется как социально дифференцированное явление, обусловленное структурными параметрами – возрастом, уровнем образования и материального благополучия.

В свою очередь, С. А. Вангородская подчеркивает, что установки на сохранение здоровья и практики обращения за медицинской помощью варьируются в зависимости от социально-демографических характеристик населения – возраста, уровня образования, материального положения и условий проживания. Иными словами, различия в поведении не являются исключительно индивидуальным выбором, а соотносятся с доступными ресурсами и положением человека в социальной структуре [25, с. 17].

Важным аспектом рассматриваемого подхода является медицинский, связанный с оценкой состояния здоровья сельского населения. Например, А. В. Короленко и О. Н. Калачикова подмечают, что по параметрам здоровья сохраняется выраженная дихотомия «город – село». Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения ниже городской, а смертность выше по болезням системы кровообращения и органов дыхания [34, с. 6]. Распространенность социально значимых заболеваний, инвалидности также выше в селах, что связано с трансформацией системы

здравоохранения (сокращение количества больниц, ФАПов, коечного фонда, кадровый дефицит и т. д.) [35, с. 104].

Некоторые специалисты более подробно изучали состояние здоровья школьников на селе в сравнении с городскими. В результате было установлено, что различия касаются как физических аспектов здоровья, так и ментальных, проявляющихся в более низком уровне адаптации к социальным и образовательным условиям среды [36, с. 35].

В рамках социально-структурного подхода охрана здоровья сельского населения рассматривается как производная от демографических, социально-экономических и территориальных характеристик сельских сообществ. Здоровье в данной перспективе выступает не только медико-демографическим показателем, но и индикатором состояния социальной структуры и устойчивости территории. В отличие от институционального и поведенческого подходов, фокус здесь смещается на макроуровневые условия воспроизводства населения. Тем самым охрана здоровья интерпретируется как элемент социально-демографического развития сельских территорий и как компонент их структурной устойчивости.

Заключение

Проведенный обзор показывает, что проблематика охраны здоровья в российской научной традиции представлена широким спектром исследований, отражающих разные подходы. Вместе с тем специфика сельского населения как самостоятельного объекта исследования обладает значительным аналитическим потенциалом. Сельские территории характеризуются особой демографической структурой, пространственной организацией, уровнем инфраструктурной обеспеченности и социальной динамикой, что формирует специфические условия воспроизводства здоровья и требует систематизированного рассмотрения.

В рамках статьи предпринята попытка концептуально упорядочить существующие исследования через выделение трех аналитических плоскостей интерпретации охраны здоровья сельского населения: институционально-организационную, которая акцентирует внимание на структуре системы здравоохранения, механизмах управления, доступности медицинской помощи и нормативно-правовых основаниях ее функционирования.; поведенческую и культурно-нормативную, которая оценивает здоровье через призму самосохранительных практик, ценностных установок и социально дифференцированных моделей отношения к болезни и лечению; социально-структурную, которая связывает состояние здоровья с демографическими и социально-экономическими особенностями населения.

Соотнесение результатов проведенного обзора с заявленной целью позволяет отметить, что осуществлен анализ направлений исследований, посвященных охране здоровья сельского населения, и предложены подходы, в рамках которых интерпретируется данный феномен. Однако представляется целесообразным рассматривать указанные аналитические плоскости в их взаимосвязи, поскольку каждая из них фиксирует различные уровни и аспекты анализа охраны здоровья сельского населения. Их комплексное рассмотрение позволяет учитывать как организационные и демографические условия, так и культурные и поведенческие особенно-

сти, что соответствует междисциплинарному характеру исследований в сфере охраны здоровья.

Следует также отметить, что дальнейшее изучение охраны здоровья сельского населения представляется значимым направлением исследований, способным внести вклад в понимание процессов социального воспроизводства и территориального развития.

Список литературы

1. Экономика России. Оксфордский сборник. Книга 1. Москва : Институт Гайдара, 2015. 776 с. ISBN 978-5-93255-408-1. EDN [VXKHML](#).
2. Глуценко, В. А. Организационная и нормативно-правовая основа оказания медицинской помощи жителям сельской местности / В. А. Глуценко, Ю. С. Александрович, И. А. Божков [и др.] // Менеджер здравоохранения. 2025. № 8. С. 85–92. DOI [10.21045/1811-0185-2025-8-85-92](#). EDN [DDAUAW](#).
3. Калашников, К. Н. Здравоохранение сельских территорий: пространственно-временные аспекты доступности / К. Н. Калашников, И. В. Артамонов // Проблемы развития территории. 2020. № 2(106). С. 120–132. DOI [10.15838/ptd.2020.2.106.9](#). EDN [LZJUOC](#).
4. Янков, К. В. Проблема транспортной доступности населенных пунктов в федеральных документах стратегического планирования // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 6. С. 118–130. DOI [10.15838/ptd.2021.6.116.7](#). EDN [UMYZRO](#).
5. Бабаев, А. В. Транспортный комплекс Сибири и его потенциал // Научный Лидер. 2022. № 12(57). С. 69–72. EDN [ВННАТН](#).
6. Вьялышина, А. А. Влияние уровня образования на состояние здоровья сельского населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66, № 1. С. 6. DOI [10.21045/2071-5021-2020-66-1-6](#). EDN [EUCTSY](#).
7. Медведева, О. В. Территориальная доступность медицинской помощи в зоне ответственности межрайонных центров Рязанской области / О. В. Медведева, Т. В. Большова, И. Н. Большов // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 4. С. 235–243. DOI [10.24411/2312-2935-2019-10093](#). EDN [XCAUDL](#).
8. Блинова, Т. В. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи / Т. В. Блинова, А. А. Вьялышина, В. А. Русановский // Экология человека. 2020. № 12. С. 52–58. DOI [10.33396/1728-0869-2020-12-52-58](#). EDN [XJZSEC](#).
9. Калининская, А. А. Медико-демографические проблемы сельского населения России / А. А. Калининская, Н. А. Баянова, А. В. Муфтахова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 6. С. 1247–1251. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-6-1247-1251](#). EDN [JBSGOH](#).
10. Полухина, М. Г. Перспективы развития сельского здравоохранения в условиях реализации Национального проекта «Здравоохранение» // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 10. С. 93–99. DOI [10.32651/2010-93](#). EDN [RLXHOV](#).
11. Бекешова, Э. Н. Проблемы организации первичной медико-санитарной помощи сельскому населению на современном этапе // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 1. С. 145–154. DOI [10.33619/2414-2948/50/16](#). EDN [VWRWFJ](#).
12. Еремина, М. Г. Анализ интеграционных процессов при оказании медицинской помощи в сельском здравоохранении региона (на материале Саратовской области) / М. Г. Еремина, И. Л. Кром, М. В. Еругина, В. Г. Субботина // Национальное здравоохранение. 2022. Т. 3, № 4. С. 14–18. DOI [10.47093/2713-069X.2022.3.4.14-18](#). EDN [NVBTMW](#).
13. Воропинова, О. А. Современные проблемы сельского здравоохранения // Исследование проблем экономики и финансов. 2022. № 2. DOI [10.31279/2782-6414-2022-2-2-1-10](#). EDN [UJVVR](#).
14. Калининская, А. А. Проблемы и перспективы развития сельского здравоохранения / А. А. Калининская, И. М. Сон, С. И. Шляфер // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27, № 2. С. 152–157. DOI [10.32687/0869-866X-2019-27-2-152-157](#). EDN [FJLUOA](#).

15. Шартова, Н. В. Оценка территориальной доступности медицинских учреждений по открытым данным на примере Архангельской области / Н. В. Шартова, М. Ю. Грищенко, Б. А. Ревич // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65, № 6. С. 1. EDN [CEGYRH](#).
16. Бабенко, А. И. Разработка элементов стратегического планирования в здравоохранении / А. И. Бабенко, Е. А. Бабенко // Медицина в Кузбассе. 2021. Т. 20, № 3. С. 18–25. DOI [10.24412/2687-0053-2021-3-18-25](#). EDN [GGLLLZ](#).
17. Карпова, Г. В. Капитал здоровья и его измерение / Г. В. Карпова, Т. Л. Судова, М. С. Шишкина // Проблемы современной экономики. 2023. № 2(86). С. 36–41. EDN [MYLOLU](#).
18. Канева, М. А. Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 6(339). С. 158–171. EDN [TVSCHL](#).
19. Кислицына, О. А. Социально-экономическое неравенство в состоянии здоровья: тенденции и гипотезы // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 2(54). С. 1. EDN [YRHKJR](#).
20. Кислицына, О. А. Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69, № 3. С. 2–33. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-3-7](#). EDN [OZQMBI](#).
21. Николаюк, Е. А. Самооценка здоровья и самосохранительное поведение сельских жителей и дачников Костромской области // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 3(43). С. 6. EDN [UBIPZR](#).
22. Ковальжина, Л. С. Неравенство в отношении здоровья: социологический дискурс // Социодинамика. 2019. № 6. С. 1–6. DOI [10.25136/2409-7144.2019.6.29868](#). EDN [VHVNKC](#).
23. Козырева, П. М. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81. DOI [10.31857/S013216250009116-0](#). EDN [MLJZHL](#).
24. Моисеева, Д. Ю. Социально-экономические детерминанты здоровья / Д. Ю. Моисеева, И. А. Троицкая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5, № 3. С. 42–59. DOI [10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59](#). EDN [ZTLPIW](#).
25. Вангородская, С. А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 2. С. 13–26. DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2](#). EDN [LXVFFJ](#).
26. Иванова, А. Е. Влияние уровня образования детей и их родителей на отдельные аспекты самосохранительного поведения с учетом возрастной динамики / А. Е. Иванова, С. А. Вангородская // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 185–202. DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1](#). EDN [AEFUGC](#).
27. Зубко, А. В. Мнение медицинских работников о проблеме ответственного потребления / А. В. Зубко, Т. П. Сабгайда, К. Э. Хоманов, Ю. В. Дзюба // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69, № 5. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-5-10](#). EDN [BDZTVY](#).
28. Багаева, К. А. Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности / К. А. Багаева, Д. Ш. Цырендоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. № 1. С. 18–30. DOI [10.18101/1994-0866-2023-1-18-30](#). EDN [JCBHEE](#).
29. Сопин, И. О. Нравственно-правовые основы народной медицины // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 20, № 4. С. 101–104. DOI [10.24147/1990-5173.2023.20\(4\).101-104](#). EDN [TUPBZU](#).
30. Гончарова, О. А. Представление о человеке и здоровье в системе традиционной культуры алтайцев // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 3. С. 169–174. EDN [JVTMIJ](#).
31. Иванова, А. Е. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4(32). С. 1. EDN [RBTQQZ](#).
32. Реутов, Е. В. Обеспечение социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья (экспертная оценка) / Е. В. Реутов, С. А. Вангородская // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : Сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 289–296. DOI [10.17059/udf-2024-2-13](#). EDN [QZLBWY](#).

33. Ростовская, Т. К. Практики самосохранительного поведения россиян (результаты всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России») / Т. К. Ростовская, А. Е. Иванова, Е. А. Князькова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 1. С. 66–75. DOI [10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75). EDN [BBBKQI](https://www.edn.ru/BBBKQI).

34. Короленко, А. В. Физическое здоровье в субъективных оценках населения Вологодской области: территориальный аспект / А. В. Короленко, О. Н. Калачикова // Социальное пространство. 2017. № 1(8). С. 4. EDN [YHZWUV](https://www.edn.ru/YHZWUV).

35. Белова, Н. И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3(395). С. 97–105. EDN [YMFZSP](https://www.edn.ru/YMFZSP).

36. Глебов, В. В. Состояние здоровья школьников в условиях мегаполиса и села / В. В. Глебов, Е. А. Сошников, Н. Ю. Сидельникова [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2011. № 2. С. 27–38. EDN [NTBPUL](https://www.edn.ru/NTBPUL).

Сведения об авторах

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natiche84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1492-5368](https://orcid.org/0000-0002-1492-5368); РИНЦ SPIN-код: [5179-4022](https://elibrary.ru/authors/5179-4022); Web of Science Researcher ID: [Q-4804-2016](https://orcid.org/Q-4804-2016); Scopus Author ID: [57194700785](https://orcid.org/57194700785).

Нагапетян Нагапет Ханикович, аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nagapet00@bk.ru; ORCID ID: [0009-0005-2839-7059](https://orcid.org/0009-0005-2839-7059); Web of Science Research ID: [NKQ-5141-2025](https://orcid.org/NKQ-5141-2025).

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; принята в печать 30.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RURAL HEALTH IN CONTEMPORARY RUSSIA: KEY APPROACHES TO STUDY

Natalya V. Chernysheva

Institute of Social Demography of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: natiche84@mail.ru

Nagapet Kh. Nagapetian

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: nagapet00@bk.ru

For citation: Chernysheva, N. V., Nagapetian N. Kh. Rural Health in Contemporary Russia: Key Approaches to Study. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 112–127. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.7). (In Russ.)

Abstract. This paper provides an analytical review of scientific studies on health issues in modern Russia, including studies focusing on specific characteristics of rural populations. The relevance of this topic arises from the diversity of interpretations of health within scientific literature, and the limited number of studies that specifically focus on the rural population as a separate object of analysis. In the context of demographic changes, territorial differentiation and heterogeneous infrastructure development, rural areas provide unique conditions for the reproduction of health, requiring a systematic analysis of current scientific and theoretical approaches. The subject of this study is analytical framework and perspectives within which the interpretation of health protection, as well as ways in which specific rural features are reflected in related studies. The purpose of this article is to conduct an analytical review of published materials and identify emerging trends in health protection, taking into consideration the specific characteristics of the rural environment. The methodological framework is based on the analysis of documents (scientific publications) and their systematisation, as

well as theoretical synthesis and elements of comparative analysis. As a result, three interrelated groups of approaches have been identified: institutional-organizational, behavioural (including cultural and normative aspects) and socio-structural approaches. It is shown that most studies examined rural specifics in a fragmented way – through issues such as territorial access to medical care, self-preserving practices, and demographic characteristics of rural communities. The proposed analytical framework allows for integration of disparate interpretations, and consideration of rural healthcare as a multidimensional social phenomenon. The scientific novelty of this article is in the conceptualization of existing research, and the creation of a holistic analytic framework for analyzing rural contexts.

Keywords: rural population, health care, self-preservation behavior, territorial accessibility, medical care, healthcare

References

1. *Ekonomika Rossii: Oksfordskiy sbornik [Economics of Russia: Oxford Collection]*. Book 1. Moscow: Gaidar Institute, 2015. 776 p. ISBN 978-5-93255-408-1. (In Russ.).
2. Glushchenko, V. A., Aleksandrovich, Yu. S., Bozhkov, I. A., et al. Organizational and Regulatory Basis for Providing Medical Care to Residents of Rural Areas. *Manager Zdravoochranenia*. 2025. No. 8. Pp. 85-92. DOI [10.21045/1811-0185-2025-8-85-92](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2025-8-85-92). (In Russ.).
3. Kalashnikov, K. N., Artamonov, I. V. Health Care in Rural Areas: Spatial and Temporal Aspects of Accessibility. *Problems of Territory's Development*. 2020. No. 2(106). Pp. 120–132. DOI [10.15838/ptd.2020.2.106.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2020.2.106.9). (In Russ.).
4. Yankov, K. V. Transport Accessibility Issue of Settlements in Federal Strategic Planning Documents. *Problems of Territory's Development*. 2021. Vol. 25, No. 6. Pp. 118–130. DOI [10.15838/ptd.2021.6.116.7](https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.7). (In Russ.).
5. Babaev, A. V. Transport Complex of Siberia and Its Potential. *Scientific Leader*. 2022. No. 12(57). Pp. 69–72. (In Russ.).
6. Vyalshina, A. Impact of Education on Health Status of Rural Population. *Social Aspects of Population Health*. 2020. Vol. 66, No. 1. Pp. 6. DOI [10.21045/2071-5021-2020-66-1-6](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-1-6). (In Russ.).
7. Medvedeva, O. V., Bolshova, T. V., Bolshov, I. N. Territorial Accessibility of Medical Care in the Responsibility Area of the Interdistrict Centers of the Ryazan Region. *Current Problems of Health Care and Medical Statistics*. 2019. No. 4. Pp. 235–243. DOI [10.24411/2312-2935-2019-10093](https://doi.org/10.24411/2312-2935-2019-10093). (In Russ.).
8. Blinova, T. V., Vyalshina, A. A., Rusanovskiy, V. A. Self-Perceived Health, Availability of Medical Care and Health Attitudes among Rural Population in Russia. *Human Ecology*. 2020. No. 12. Pp. 52–58. DOI [10.33396/1728-0869-2020-12-52-58](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58). (In Russ.).
9. Kalininskaya, A. A., Bayanova, N. A., Muftahova, A. V., et al. The Medical Demographic Problems of Rural Population. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2020. Vol. 28, No. 6. Pp. 1247–1251. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-6-1247-1251](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1247-1251). (In Russ.).
10. Polukhina, M. G. The Prospects of Development of Rural Health Care in the Conditions of Implementation of the National Project “Healthcare”. *Economics of Agriculture of Russia*. 2020. No. 10. Pp. 93–99. DOI [10.32651/2010-93](https://doi.org/10.32651/2010-93). (In Russ.).
11. Bekeshova, E. Problems in the Organization of Primary Health Care for the Rural Population at the Current Stage. *Bulletin of Science and Practice*. 2020. Vol. 6, No. 1. Pp. 145–154. DOI [10.33619/2414-2948/50/16](https://doi.org/10.33619/2414-2948/50/16). (In Russ.).
12. Eremina, M. G., Krom, I. L., Erugina, M. V., Subbotina, V. G. Analysis of Integration Processes in Provision of Medical Care in Rural Health Care of the Region (On the Material of Saratov Region). *National Health Care (Russia)*. 2022. Vol. 3, No. 4. Pp. 14–18. DOI [10.47093/2713-069X.2022.3.4.14-18](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2022.3.4.14-18). (In Russ.).
13. Voropinova, O. A. Modern Issues of Rural Health Care. *Research in Economic and Financial Problems*. 2022. No. 2. DOI [10.31279/2782-6414-2022-2-2-1-10](https://doi.org/10.31279/2782-6414-2022-2-2-1-10). (In Russ.).
14. Kalininskaia, A. A., Son, I. M., Shliafer, S. I. The Problems and Perspectives of Development of Rural Health Care. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2019. Vol. 27, No. 2. Pp. 152–157. DOI [10.32687/0869-866X-2019-27-2-152-157](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-2-152-157). (In Russ.).
15. Shartova, N., Grischenko, M., Revich, B. Geographical Accessibility of Health Services Based on Open Data in Arkhangelsk Region. *Social Aspects of Population Health*. 2019. Vol. 65, No. 6. P. 1. (In Russ.).
16. Babenko, A. I., Babenko, E. A. Development of Strategic Planning Elements in Healthcare. *Medicine in Kuzbass*. 2021. Vol. 20, No. 3. Pp. 18–25. DOI [10.24412/2687-0053-2021-3-18-25](https://doi.org/10.24412/2687-0053-2021-3-18-25). (In Russ.).

17. Karpova, G. V., Sudova, T. L., Shirshikova, M. S. Health Capital and Its Measurement (Russia, St. Petersburg). *Problems of Modern Economics*. 2023. No. 2(86). Pp. 36–41. (In Russ.).
18. Kaneva, M. A. Socio-Economic, Behavioral and Psychological Determinants of the Russian Population's Self-Reported Health Assessment. *National Interests: Priorities and Security*. 2016. Vol. 12, No. 6(339). Pp. 158–171. (In Russ.).
19. Kislitsyna, O. Socio-Economic Inequality in Health: Trends and Hypotheses. *Social Aspects of Population Health*. 2017. No. 2(54). P. 1. (In Russ.).
20. Kislitsyna, O. Social Inequality in the Health Status of Russians: The Role of Material, Psychosocial and Behavioral Factors. *Social Aspects of Population Health*. 2023. Vol. 69, No. 3. Pp. 2–33. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-3-7](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-3-7). (In Russ.).
21. Nikolayuk, E. Self-Assessment of Health and Self-Protective Behavior of Rural Dwellers and Summer Residents in Kostroma Region. *Social Aspects of Population Health*. 2015. No. 3(43). P. 6. (In Russ.).
22. Koval'zhina, L. S. Inequality with Regards to Health: Sociological Discourse. *Sociodynamics*. 2019. No. 6. Pp. 1–6. DOI [10.25136/2409-7144.2019.6.29868](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.29868). (In Russ.).
23. Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. Russian Citizens' Health Self-Assessment Dynamics: Relevant Trends of the Post-Soviet Era. *Sociological Studies*. 2020. No. 4. Pp. 70–81. DOI [10.31857/S013216250009116-0](https://doi.org/10.31857/S013216250009116-0). (In Russ.).
24. Moiseeva, D. Yu., Troitskaya, I. A. Socio-Economic Determinants of Health. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2019. Vol. 5, No. 3. Pp. 42–59. DOI [10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59). (In Russ.).
25. Vangorodskaya, S. A. The Factors of Self-Preservation Behavior of the Population in the Region (Based on Empirical Studies). *Research Result. Sociology and Management*. 2018. Vol. 4, No. 2. Pp. 13–26. DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2). (In Russ.).
26. Ivanova, A. E., Vangorodskaya, S. A. The Influence of the Level of Education of Children and Their Parents on Individual Aspects of Self-Preservation Behavior, Taking into Account Age Dynamics. *Research Result. Sociology and Management*. 2025. Vol. 11, No. 3. Pp. 185–202. DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1). (In Russ.).
27. Zubko, A., Sabgayda, T., Khomanov, K., Dzyuba, Yu. Attitude of Health Professionals towards Reasonable Consumption. *Social Aspects of Population Health*. 2023. Vol. 69, No. 5. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-5-10](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-5-10). (In Russ.).
28. Bagaeva, K. A., Tsyrendorzhieva, D. Sh. Social Functions of Religion and the Specificity of Their Implementation in Modern Conditions. *BSU Bulletin. Philosophy*. 2023. No. 1. Pp. 18–30. DOI [10.18101/1994-0866-2023-1-18-30](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-1-18-30). (In Russ.).
29. Sopin, I. Moral and Legal Foundations of Traditional Medicine. *Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2023. Vol. 20, No. 4. Pp. 101–104. DOI [10.24147/1990-5173.2023.20\(4\).101-104](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(4).101-104). (In Russ.).
30. Goncharova, O. A. Ideas of the Man and Health in the System of Traditional Altaic Culture. *Siberian Pedagogical Journal*. 2006. No. 3. Pp. 169–174. (In Russ.).
31. Ivanova, A., Sabgayda, T., Semenova, V., et al. Factors Distorting Death Causes Structure in Working Population in Russia. *Social Aspects of Population Health*. 2013. No. 4(32). P. 1. (In Russ.).
32. Reutov, E. V., Vangorodskaya, S. A. Ensuring Socio-Demographic Security of Rural Areas of the Central Chernozem Region (Expert Assessment). *Ustoychivost' demograficheskogo razvitiya: determinanty I resursy [Sustainability of Demographic Development: Determinants and Resources]*: Collection of scientific articles. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 289–296. DOI [10.17059/udf-2024-2-13](https://doi.org/10.17059/udf-2024-2-13). (In Russ.).
33. Rostovskaya, T. K., Ivanova, A. E., Kniazkova, E. A. The Practice of Self-Preserving Behavior of the Citizen of the Russian Federation: The Results of the All-Russian Sociological Study "The Demographic Self-Feeling of Russia". *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2021. Vol. 29, No. 1. Pp. 66–75. DOI [10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75). (In Russ.).
34. Korolenko, A. V., Kalachikova, O. N. Physical Health in Subjective Assessments of the Population of the Vologda Oblast: Territorial Aspect. *Social Area*. 2017. No. 1(8). P. 4. (In Russ.).
35. Belova, N. I. Healthcare in Rural Areas: Condition, Tendencies and Challenges. *Sociological Studies*. 2017. No. 3(395). Pp. 97–105. (In Russ.).

36. Glebov, V. V., Soshnikov, E. A., Sidelnikova, N. Yu. State of Health of Schoolboys in the Conditions of the Megacity and Village. *RUDN Journal of Ecology and Life Safety*. 2011. No. 2. Pp. 27–38. (In Russ.).

Bio notes

Natalya V. Chernysheva, Doctor of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: natich84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1492-5368](https://orcid.org/0000-0002-1492-5368); RSCI SPIN-code: [5179-4022](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5179-4022); Web of Science Researcher ID: [Q-4804-2016](https://orcid.org/Q-4804-2016); Scopus Author ID: [57194700785](https://orcid.org/57194700785).

Nagapet Kh. Nagapetian, Postgraduate Student, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nagapet00@bk.ru; ORCID ID: [0009-0005-2839-7059](https://orcid.org/0009-0005-2839-7059); Web of Science Research ID: [NKQ-5141-2025](https://orcid.org/NKQ-5141-2025).

Received on 26.01.2026; accepted for publication on 26.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.8)

EDN [DTYAMX](https://edn.dtyamx.ru)

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рязанцев С. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Вартанова М. Л.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Формирование трудовых ресурсов в контексте демографического развития сельских регионов России / С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 128–143. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.8). EDN [DTYAMX](https://edn.dtyamx.ru).

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определяется нарастающими процессами депопуляционного кризиса, миграционного оттока из сельских районов и демографического старения населения России, которые в совокупности усугубляют дефицит квалифицированных специалистов в сельской местности и агропромышленном комплексе (АПК), достигая снижения предложения труда на 15–20%. В данной работе представлен всесторонний анализ демографических тенденций формирования трудовых ресурсов в сельских районах РФ на основе статистических данных Росстата за 2010–2024 гг., с применением регрессионного анализа по 85 субъектам федерации. Исследование фокусируется на ключевых демографических факторах трансформации трудовых ресурсов: миграционной убыли (особенно в центральных и северных регионах), высоких темпах старения населения (средний возраст сельских работников старше 45 лет) и стабилизации ресурсов в южных регионах Российской Федерации за счет притока трудовых мигрантов из СНГ. В статье детально рассматриваются новые социальные и трудовые практики (гибкие формы занятости, неформальный сектор), оценивается воздействие технологического прогресса (цифровизация, точное земледелие) и государственной экономической политики (нацпроекты по АПК, субсидии на модернизацию) на уровень занятости в аграрном секторе. Обосновывается необходимость разработки новых подходов к кадровой политике, при этом подчеркивается важность перехода к высокотехнологичному сельскому труду через интеграцию цифровых инструментов с поддержкой кадров и социальной сферы (жилье, образование, здравоохранение). Результатами исследования являются научно обоснованные социально-экономические решения для повышения эффективности управления занятостью в сельских местностях, включая модели сценариев развития рынка труда до 2030 г. Авторами предлагается конкретный комплекс мер: модернизация аграрного образования с фокусом на цифровые компетенции, государственные субсидии на удержание молодежи и специалистов, развитие региональных программ по миграции и цифровизации АПК. Реализация этих мер позволит сбалансировать спрос и предложение на сельском рынке труда, повысить его устойчивость, конкурентоспособность и вклад в продовольственную безопасность России в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: аграрная сфера, аграрный сектор, агропромышленный комплекс, демографические тенденции, занятость населения, производительность труда, Россия, регионы Российской Федерации, рынок труда, сельские местности, сельское хозяйство, трудовые ресурсы, цифровизация

Введение

Трудовые ресурсы сельских территорий представляют собой совокупность жителей трудоспособного возраста, объединенных социально-экономическими связями, которые участвуют в механизмах предложения и спроса на рабочую силу в сельском хозяйстве и населенных пунктах сельского типа. Проблема неполного использования значительного экономического потенциала сельских территорий продолжает оставаться актуальной как для научного сообщества, так и для государственных структур [1].

В настоящее время рынку труда Российской Федерации присущ ряд ключевых демографических тенденций, которые оказывают существенное влияние на его функционирование [2]. Сельские рынки труда характеризуются взаимодействием спроса и предложения труда в аграрном секторе производства, включающем в себя особенности трудоустройства, динамику безработицы и тенденции миграционного движения населения.

Исследование посвящено анализу трансформации поведения участников рынка труда и выявлению тенденций развития агропромышленного комплекса в контексте демографии, цифровой экономики и рыночной конкуренции. Методологическая основа научной работы опирается на системно-институциональный подход, дополненный статистическими методами анализа и теорией человеческого капитала.

Важнейший аспект анализа – выявление основных демографических факторов (численность и структура населения, рождаемость и смертность, миграционные процессы) и оценка их воздействия на динамику трудовых ресурсов, демографическую ситуацию и распределение рабочей силы [3]. Особое внимание уделяется выявлению ключевых проблемных аспектов демографической трансформации сельских территорий и анализируется их влияние на воспроизводство рабочей силы в аграрном секторе.

В ходе исследования проанализированы состояние и тенденции развития рынка труда в сельском хозяйстве России; рассмотрены демографические особенности формирования трудового потенциала в аграрном секторе [4], оказывающие влияние на занятость и трудовые практики в аграрной сфере; оценены воздействие технологических и институциональных преобразований на рынок труда в сельских регионах; определены реальные вызовы и угрозы для рынка труда в аграрной сфере, в том числе вопросы обеспечения кадрами и адаптации рабочей силы; разработан прогноз развития рынка труда и сформулированы рекомендации по оптимизации кадровой политики в аграрном секторе.

Исходная гипотеза исследования – преодоление демографических вызовов в сельских районах, направленных на стабилизацию и наращивание кадрового потенциала аграрного сектора [5]. Предполагается, что модернизация, рыночная экономика и технологические изменения развивают новые формы и методы государственного управления развитием аграрного сектора, включая внедрение программно-целевого планирования [6], формируют современные модели трудовой занятости, трансформируют социальную структуру сельского населения и меняют соотношение формального и неформального секторов. Данные процессы приводят к переменам в традиционных трудовых практиках и порождают проблемы, связан-

ные с кадровым обеспечением, миграцией и адаптацией работников к новым условиям агропроизводства. Изучение таких процессов является первостепенным для понимания динамики и трендов развития сельских рынков труда как важнейшей составляющей части демографической политики России [7].

Методология исследования, краткий обзор литературы

Демографические показатели играют ключевую роль в формировании долгосрочных стратегических целей развития Российской Федерации, особенно в контексте обостряющейся международной конкуренции между государствами и их многообразными союзами [8]. Формирование трудовых ресурсов в сельских местностях регионов России связано со значительной дифференциацией, обусловленной комплексным воздействием территориальных, экономических и демографических факторов. В каждом регионе формируется система взаимозависимых локальных рынков труда, объединенных общими тенденциями миграции рабочей силы и спецификой отраслевой структуры местной экономики [9].

Настоящее исследование проводилось на основе теоретико-методологических подходов, разработанных как отечественными, так и зарубежными учеными в сфере формирования, оценки развития и эффективности функционирования регионального рынка труда в аграрном секторе.

Анализ существующего состояния и тенденций рынка труда позволяет провести комплексную оценку и выявить основные направления формирования трудовых ресурсов в сельских районах России [10].

Среди наиболее важных для нашего исследования научных трудов следует выделить работы таких ведущих российских ученых-специалистов, как А. И. Агеев, С. Г. Абдулманапов, С. В. Алексеев, А. Р. Бахтизин, М. Л. Вартанова, В. А. Гневашева, Т. И. Гуляева, С. В. Зенченко, А. Л. Иванов, В. И. Кирюшин, Ш. К. Кутаев, Е. Л. Логинов, А. В. Петриков, Б. Н. Порфирьев, С. В. Рязанцев, В. И. Староверов, А. А. Тер-Григорьянц, А. В. Топилин, Т. В. Ускова, И. Г. Ушачев, О. К. Цапиева, А. А. Широ и др.

Исследования демонстрируют тенденции к сокращению занятости в сельском хозяйстве, что приводит к уменьшению рабочих мест и ухудшению качества жизни. В то же время наблюдается формирование новой социальной стратификации, основанной на трудовой деятельности и уровне достатка. В последние десятилетия наблюдается обострение ряда демографических и социально-экономических проблем:

- увеличение численности населения пожилого возраста приводит к усилению давления на пенсионную и социальные системы;

- миграционный отток молодежи из сельских территорий в города, обусловленный более высокой заработной платой и лучшими условиями для получения образования и трудоустройства;

- несбалансированная структура производства и нерациональное использование ресурсов территории [11];

- низкий уровень развития социальной инфраструктуры в сельской местности (медицина, транспорт, связь) способствует миграционному оттоку трудоспособного населения в города.

Между регионами РФ наблюдаются значительные различия в уровне занятости: трудоизбыточные регионы (Юг, Северный Кавказ) контрастируют с трудодефицитными [12]. Данное явление оказывает существенное влияние на миграционные потоки и политику регулирования занятости. Традиционная географическая поляризация «север – юг» и «центр – периферия» сохраняется и усиливается в периоды экономических кризисов [13]. Сельские рынки труда характеризуются региональной дифференциацией, вызванной территориальными, экономическими и демографическими особенностями субъектов федерации. В каждом регионе страны формируется система взаимосвязанных локальных рынков труда, объединенных общими тенденциями миграции рабочей силы и спецификой местного хозяйственного комплекса [14]. В период с 2015 по 2021 г. наблюдалось уменьшение количества жителей сельской местности. Такое явление обусловлено как отрицательным сальдо рождаемости и смертности, так и миграционным оттоком из сельской среды в городские центры [15].

Результаты исследования

Основные изменения и тенденции на рынке труда сельских территорий России связаны с глубокими трансформациями под воздействием социально-экономических, в том числе демографических и технологических факторов. В настоящее время сельское хозяйство России сталкивается с рядом серьезных проблем, требующих комплексного решения [16].

Современные вызовы и проблемные зоны российского рынка труда в сельском хозяйстве следующие:

1. *Демографическое старение населения РФ* – это ярко выраженная демографическая тенденция, которая характеризуется увеличением доли пожилых людей. На начало 2025 г. доля людей в возрасте 65 лет и старше составляла почти 18% населения, к середине века данный показатель может вырасти примерно до 24%. Средний возраст повысился до 41 года и продолжает расти. Доля лиц старше трудоспособного возраста в сельском населении варьируется в разных регионах от 16,7% в Северо-Кавказском федеральном округе до 29,6% в Центральном федеральном округе. Глубина старения особенно заметна среди женщин: для лиц 80 лет и старше в структуре пожилого сельского населения достигает 22,0% (для мужчин – 12,2%)¹, что свидетельствует о значительной феминизации процесса старения. Демографический сдвиг приводит к дефициту молодых квалифицированных работников, преимущественно в линейных и операционных профессиях, что усугубляется общим оттоком молодежи из сельских территорий. Отмечается рост удельного веса личных подсобных хозяйств с заброшенными земельными участками и пустующими домами в областях Центрального федерального округа [17].

2. *Проблема «старения» специалистов в сельском хозяйстве России* по причине негативных демографических изменений. Нехватка молодых специалистов в аграрном секторе становится серьезной проблемой для российской экономики. Доля работников моложе 35 лет в сельском хозяйстве равна лишь 9%, что свидетельствует о зна-

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.10.2025).

чительном дефиците молодой рабочей силы. К 2030 г. прогнозируется, что более четверти населения России (25,4%) будет старше 60 лет. Это обусловлено увеличением продолжительности жизни и уменьшением численности трудоспособного населения. Старение персонала приводит к снижению инновационной активности и ограничивает внедрение современных технологий, требующих высокой квалификации. Подобная демографическая тенденция создает нагрузку на пенсионную и социальные системы, заставляя государство повышать пенсионный возраст. Сокращение доли молодежи негативно сказывается на внутреннем спросе и уменьшает долгосрочный экономический потенциал страны.

3. *Кадровый дефицит в аграрном секторе.* В аграрной отрасли налицо острая нехватка кадров, прежде всего, линейного персонала (овощеводы, животноводы, рабочие на фермах) и специалистов младше 35 лет. Их доля составляет менее 9% от общего числа работников. Высокая текучесть кадров (каждый пятый работник уходит в течение года, особенно на сезонных работах) только усугубляет проблему. Ожидается, что такая ситуация сохранится и в среднесрочной перспективе. Для решения проблемы дефицита кадров реализуются меры поддержки:

- государственные программы по трансформации аграрного образования;
- расширение аграрных специальностей в высших учебных заведениях;
- субсидирование трудоустройства молодежи;
- создание агротехнологических классов в школах;
- модернизация среднего профессионального образования;
- специальные жилищные программы.

Внедрение новых технологий (роботы для уборки урожая, программное обеспечение для управления ресурсами, системы прогнозирования погоды), повышающих производительность труда, требует квалифицированного персонала, что в свою очередь усугубляет кадровый кризис.

4. *Перемены в социальной структуре села: от советской модели к современной российской структуре.*

В настоящее время трансформируются трудовое поведение и социальная структура сельского населения: традиционный найм меняется, молодежь избегает переезда в село даже при росте зарплат из-за новых социальных и предпринимательских слоев. Что требует адаптации программ поддержки и кадровых политик, особенно на фоне сдерживания зарплат и растущего разрыва с другими секторами, усугубляющего дефицит кадров. Для решения А. В. Петриков предлагает усовершенствовать политику комплексного развития сел, диверсификации производства и малого бизнеса, дополнив профессиональное образование и инфраструктуру [18]. Взаимодействие государства, бизнеса и вузов создаст устойчивый рынок труда в АПК, хотя эффект проявится в среднесрочной перспективе по причине долгосрочности демографических изменений.

Динамика производительности труда в агропромышленном комплексе

На текущий момент в аграрном секторе задействовано 6 012 300 млн человек, при этом сохраняется значительный кадровый дефицит (около 10%), более всего ощутимый в категориях сезонных работников и специалистов рабочих профессий. До 2024 г. наблюдалось медленное увеличение трудоустройства при одновременном росте кадровой текучести, что подчеркивает необходимость принятия мер

по удержанию персонала. По данным за период с 2018 по 2024 г., производительность труда в агропромышленном комплексе выросла на 22%. Такой рост был вызван активным внедрением цифровых технологий: систем точного земледелия, роботизации, использования дронов и беспилотной техники, аналитики больших данных и искусственного интеллекта. Сотрудники младше 35 лет составляют менее 9%, что говорит о недостаточном притоке молодежи в сельскую трудовую сферу (табл. 1). Повышение спроса на студентов (+45%) свидетельствует о предпринимаемых усилиях по привлечению молодежи в аграрный сектор, однако эффект от этих мер будет ощутим не сразу.

Таблица 1

Динамика занятости рынка труда в аграрном секторе в 2024–2025 гг.

Table 1

Labor market employment dynamics in the agricultural sector in 2024–2025

Показатель	Значение
Численность занятых в аграрном секторе	6 012 300 человек (Росстат, 2025 г.)
Сокращение сельского населения	298 700 в 2025 г. (до 36, 3 млн)
Текущая текучесть кадров	215 400 (Минсельхоз, 2025 г.)
Доля выпускников, работающих по специальности	13, 2 (Минобрнауки, 2024 г.)
Доля молодых работников (молоче 35 лет)	менее 9% в 2024 г. (недостаточный приток молодежи)
Доля сезонных работников в дефиците	высокая в 2024 г. (миграционная подвижность)
Кадровый дефицит	около 10% в 2025 г. (особенно остро среди сезонных рабочих)
Зарплатный разрыв	существенный в 2025 г. (низкая привлекательность отрасли)
Трудоустройство	28 000 человек в 2024 г. (из 32 000 обратившихся, по данным службы занятости РФ)

Источники: составлено авторами по данным Росстата²

Ситуация на рынке труда в агросекторе характеризуется острой нехваткой квалифицированных специалистов. Данная проблема усугубляется демографическими факторами, такими как сокращение численности трудоспособного населения, несоответствие места проживания и доступных вакансий, а также недостаточной привлекательностью сельского образа жизни, несмотря на меры государственной поддержки, включая льготную ипотеку и выплаты. Малые сельхозпредприятия испытывают дефицит специалистов, частично компенсируемый цифровизацией, но требующий госфинансирования для доступа к технологиям и привлечения городских кадров [19].

Диверсификация сельской экономики: демографические эффекты

Диверсификация сельского хозяйства оказывает прямое воздействие на демографические процессы в регионах. Создание стабильных рабочих мест, рост доходов и минимизация оттока населения из сельской местности способствуют компенсации естественной убыли населения и старения его структуры. Внедрение диверсифицированных направлений (агротуризм, переработка продукции, личное под-

² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.10.2025); Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 11.10.2025); Образование // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 11.10.2025).

собное хозяйство) должно привести к формированию порядка 1,2–1,5 млн новых рабочих мест в период с 2020 по 2025 г., что позволит снизить уровень безработицы среди молодежи с 8,2% до 5,9%, удерживая трудоспособное население на селе. В 12 регионах (Южный и Приволжский федеральные округа) прогнозируется рост численности сельского населения (+6,4% к 2030 г.).

Диверсификация экономики села мультиплицирует эффект от мер по образованию и субсидиям. Ожидается рост валового регионального продукта на душу населения на 14%, а благодаря гибким формам занятости (кооперативы, малый бизнес) – снижение текучести кадров на 12–15%. Это будет способствовать укреплению возрастной структуры трудовых ресурсов и повышению привлекательности села для молодых специалистов. А такие программы, как «Комплексное развитие сельских территорий»³ интегрируют диверсификацию, повышая ВРП на душу на 14% в целевых районах.

По данным Минсельхоза РФ, на одну вакансию агронома приходится всего 3,3 резюме при норме в 4–8, и несмотря на рост производства (табл. 2), кадры в агро-секторе в целом сокращаются. Одновременно сокращение численности молодежи усиливает проблему текучести кадров и снижает социальную устойчивость сельских сообществ.

Таблица 2

Динамика роста вакансий в аграрном секторе в регионах Российской Федерации
(за 10 месяцев 2025 г.)

Table 2

The dynamics of job growth in the agricultural sector in the regions of the Russian Federation (for 10 months of 2025)

Федеральный округ	Рост вакансий (%)	Средняя зарплата (руб./мес.)	Особенности
Приволжский федеральный округ (ПФО)	+24	70 000 – 78 000	Лидер по приросту вакансий, высокая потребность в агрономах и техперсонале
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	+21	85 000 – 90 000	Значительное увеличение вакансий, рост зарплат
Южно-федеральный округ (ЮФО)	+16	65 000 – 70 000	Расширение производства, особенно в растениеводстве
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	+16	60 000 – 65 000	Рост вакансий в растениеводстве и животноводстве
Сибирский федеральный округ (СФО)	до +90 в сегментах	75 000 – 96 000	Высокий спрос на агрономов и специалистов по цифровым технологиям
Уральский федеральный округ (УрФО)	высокий (+48% зарплат)	80 000 – 85 000	Основной фокус на цифровизацию и механизацию
Центральный федеральный округ (ЦФО)	значительный	85 000–100 000	Активный найм студентов и молодых специалистов
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	умеренный	70 000 – 75 000	Особенности климатических условий, сезонный спрос

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/122219/> (дата обращения: 14.03.2026).

Источник: систематизировано авторами на основе данных Росстата и ФГБУ «Центр Агроаналитики»⁴

Технологические инновации и цифровизация АПК трансформируют занятость, повышая квалификационные требования и создавая новые вызовы. Российский аграрный сектор растет по производительности, преодолевая кадровый дефицит и старение за счет модернизации и поддержки молодежи. Рынок труда активен, однако страдает от текучести кадров и низкой привлекательности из-за зарплат и условий. По прогнозам Минсельхоза и НИУ ВШЭ по АПК⁵, к 2030 г. производительность труда вырастет на 15–50% за счет цифровизации, снизив себестоимость на 5–20% и повысив эффективность. Внедрение цифровых технологий открывает реальные возможности для повышения эффективности и конкурентоспособности агропромышленного комплекса.

Выводы

Настоящее исследование показывает влияние институциональной и демографической трансформации при модернизации аграрного сектора на социальную структуру сел и рынок труда. Анализ конкурентоспособности выявляет сдвиг от традиционных факторов к новым конкурентным преимуществам [20]. Проводимые измерения динамики изменений трудовых ресурсов России позволили разработать ряд важных практических рекомендаций по преодолению демографических вызовов в сельских районах, направленных на стабилизацию и наращивание кадрового потенциала аграрного сектора [21].

1. Модернизация аграрного образования, включая расширение аграрных специальностей, повышение качества подготовки кадров и внедрение программ непрерывного профессионального образования с ориентацией на цифровые компетенции и инновации.

Аграрный сектор России сталкивается с демографическими проблемами: депопуляцией, старением и миграцией, сокращающими трудовые ресурсы. Дефицит кадров в АПК, в т. ч. квалифицированных специалистов (30–50% в технологиях, потери до 160 тыс. ежегодно), превышает 200 тыс. человек, вызывая скрытую безработицу и снижение человеческого капитала. Лишь 13% выпускников аграрных вузов работают по специальности из-за устаревшего ныне полученного ими ранее образования [22].

Стратегия аграрного образования до 2030 г. расширяет специальности и внедряет цифровые компетенции («цифровые кафедры», более 5 тыс. студентов в «Приоритет-2030»). Проект «Кадры в АПК» открывает перспективы для непрерывный

⁴ Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 14.03.2026); Число вакансий в сельском хозяйстве РФ за год выросло на 135% // ФГБУ «Центр Агроаналитики» : [сайт]. 26.11.2025. URL: <https://specagro.ru/news/202511/chislo-vakansiy-v-selskom-khozyaystve-rf-za-god-vyroslo-na-135> (дата обращения: 14.03.2026).

⁵ Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/264/264dfabe7e526b6a79ffe5697c34ed4f.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).

подготовки (от 1000+ Агроклассов – до 18 тыс. к 2030 г.), компенсируя демографические потери ростом эффективности.

Для повышения эффективности подготовки кадров аграрного бизнеса предлагается:

- интегрированная инновационная система АПК;
- синхронизация программ среднего профессионального и высшего аграрного образования со сквозными траекториями;
- взаимодействие с бизнесом (эксперты в программах, агротехнологические классы);
- повышение квалификации преподавателей по современным методикам; модернизация аграрных колледжей.

2. *Государственная поддержка сельхозпроизводителей через льготное кредитование, субсидии и развитие инфраструктуры, что создаст условия для расширения рабочих мест и повышения производительности труда.*

Российская Федерация поддерживает АПК льготным кредитованием, субсидиями и инфраструктурой. Для участников специальной военной операции (СВО) реализуется программа «Агромотиватор», предоставляющая помощь в размере до 7 млн рублей на реализацию сельскохозяйственных проектов⁶. Регионы увеличивают выплаты, поддерживают агроагрегаторов и фермеров, тем самым повышая их конкурентоспособность. Все реализуемые меры направлены на повышение конкурентоспособности и устойчивости отечественных производителей сельскохозяйственной продукции в условиях современных экономических вызовов [23].

3. *Стимулирование занятости молодежи и молодых специалистов путем программ субсидирования трудоустройства, грантов и социальных пакетов, создания комфортных условий жизни в сельских территориях (жилье, социальная инфраструктура).*

В 2025 г. сельское население РФ сократилось на 300 тыс. чел. (до 36,3 млн), ускоряя процесс депопуляции вследствие отрицательного прироста, миграции молодежи, старения и урбанизации, деформирующих возрастную структуру АПК [24]. Отток молодежи вызван отсутствием карьерных перспектив, низкими зарплатами и слабо развитой инфраструктурой, создавая дефицит кадров до 40%; прирост населения наблюдается только в 12 регионах (преимущественно в СКФО). В 2025 г. занятость молодежи в селах поддерживалась через субсидии, гранты и социальные пакеты. Пример – конкурс «Лидеры села – 2025», формирующий кадровый резерв лидеров через образование, наставничество и стажировки. Правительство России создает комфортные условия проживания, социальные гарантии и поддержку семей, закрепляя молодежь в селах для устойчивого развития территорий и снижения оттока населения. К 2030 г. реализация подобных мер может привести к приросту сельского населения на 6,4% в ключевых регионах, что усилит продовольственную безопасность страны за счет импортозамещения и внедрения новейших технологий. Данные меры напрямую решают демографические вызовы, повышая занятость молодежи на 10–15% в рамках целевых программ. Программы субсидий, грантов

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.12.2024 № 1893 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412270098> (дата обращения: 14.03.2026).

(сельская ипотека), агломераций и КРСТ (жилье, инфраструктура) стимулируют миграцию в село, рост рождаемости и удержание специалистов.

4. *Внедрение современных технологий и цифровизация сельского хозяйства с одновременным повышением квалификации работников для эффективного использования новых инструментов, что снизит нагрузку на дефицит кадров.*

В российских регионах цифровые технологии активно внедряются в сельское хозяйство, решая проблему нехватки квалифицированных кадров посредством автоматизации процессов и создания единой цифровой платформы. Применение точного земледелия, основанного на спутниковых данных, использование беспилотных летательных аппаратов, искусственного интеллекта для прогнозирования урожайности и заболеваний растений способствуют увеличению объемов сельскохозяйственной продукции на 15–20% у 60% агрохолдингов при одновременном снижении затрат. Обучение персонала эффективному использованию цифровых инструментов повышает конкурентоспособность аграрного сектора.

5. *Государственная поддержка развития малых фермерских хозяйств и кооперативов как гибких и адаптивных форм хозяйствования, что повышает устойчивость аграрного рынка труда.*

Государственная политика РФ направлена на укрепление устойчивости рынка труда в сельскохозяйственной сфере, что будет достигнуто посредством комплекса мер поддержки малых фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов. К таким мерам относятся предоставление грантов (до 30 млн рублей для семейных ферм), субсидий, льготное кредитование и модернизация материально-технической базы. Реализация этих мер позволит повысить производительность труда в аграрном секторе, создать дополнительные рабочие места и сохранить занятость в сельской местности. В результате малые фермерские хозяйства и кооперативы станут ключевыми элементами обеспечения стабильности и развития агропромышленного комплекса.

6. *Развитие региональных программ поддержки и территориально-дифференцированных моделей занятости, учитывающих демографические и экономические особенности разных сельских территорий.*

С 2025 г. в России внедряются региональные программы поддержки сельских территорий, учитывающие демографические, экономические и климатические особенности. Они обеспечивают дифференцированный подход по регионам. Госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий»⁷ включает финансовую помощь и инфраструктурные проекты для создания рабочих мест и повышения качества жизни. Регионы сами определяют приоритеты субсидий по специфике отраслей (оленоводство на Севере, льноводство в центре). Основной фокус: поддержка МСП, социальная инфраструктура, доступное жилье, условия для сельского хозяйства и агротуризма. Ожидаемый эффект: сохранение/рост сельского населения, устойчивый аграрный рынок труда.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/122219/> (дата обращения: 14.03.2026).

7. *Повышение роли социальной поддержки и улучшение условий труда для снижения текучести кадров и укрепления устойчивых трудовых отношений в аграрном секторе.*

Государственная политика в аграрном секторе фокусируется на социальной поддержке работников и улучшении условий труда в целях снижения текучести кадров и формирования стабильных отношений. Госпрограмма развития сельского хозяйства поддерживает создание рабочих мест в малых/семейных фермах с гарантией занятости на пять лет. Предоставляются льготное страхование, социальные пакеты, программы квалификации. Оптимизация труда: модернизация оборудования, цифровизация для снижения физической нагрузки. Комфортная среда в селе: доступное жилье, социальная инфраструктура (здравоохранение, образование, досуг), обеспечение продуктами для повышения уровня жизни [25].

В совокупности все эти меры направлены на снижение текучести кадров, привлечение и удержание квалифицированных специалистов. Это способствует укреплению стабильности аграрного рынка труда и стимулирует развитие сельских территорий. Важно также адаптировать меры государственной и региональной политики под конкретные вызовы отрасли, создавая более гибкую, современную научную и практико-ориентированную систему аграрного образования.

Заключение

Проведенное исследование выявило существенное снижение численности рабочей силы в сельской местности (на 2,6%) с ростом в городах (на 1,6%) за период 2014–2023 гг. Данная тенденция сопровождается сокращением числа безработных на 582 тыс. человек по причине острого дефицита кадров. Особое внимание уделено проблеме старения населения: доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась до 25,4%.

В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на общих демографических показателях, авторы данной научной работы связывают демографическую ситуацию с кадровым обеспечением агропромышленного комплекса с признанием существенной роли диверсификации как мультипликатора занятости (создание 30–40% новых рабочих мест в селах), что позволит в дальнейшем учесть ее в моделях прогнозирования, усиливая практическую ценность анализа.

В статье предложены практические рекомендации по модернизации аграрного образования с включением цифровых компетенций, программам субсидий для молодежи, направленным на обеспечение жильем и стимулирование занятости в сельском хозяйстве. Эти рекомендации, основанные на анализе государственных программ (например, «Комплексное развитие сельских территорий»), могут повысить уровень занятости на 10–15%, будут способствовать устойчивому развитию сельских территорий и создадут условия для реализации национальных проектов «Демография» и «АПК».

Настоящее исследование имеет существенное научное значение, поскольку оно направлено на разработку современных теоретических подходов к оценке роли агропромышленного комплекса в регионах с учетом трансформации трудовых ресурсов сельских местностей в регионах Российской Федерации [26]. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы для разработки эффектив-

ных стратегий кадровой политики и формализации занятости, что позволит улучшить ситуацию на региональном рынке труда в аграрном секторе.

Список литературы

1. Ускова, Т. В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2(42). С. 1. DOI [10.15838/tdi.2018.2.42.1](https://doi.org/10.15838/tdi.2018.2.42.1). EDN [YWRGAV](https://www.edn.ru/YWRGAV).
2. Гневашева, В. А. Рынок труда современной России. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2025. 136 с. ISBN 978-5-907830-66-0. DOI [10.31483/a-10647](https://doi.org/10.31483/a-10647). EDN [NLWEVZ](https://www.edn.ru/NLWEVZ).
3. Зенченко, С. В. Взаимосвязь и взаимодействие миграции населения и трудового потенциала / С. В. Зенченко, М. Л. Вартанова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2(36). С. 293–299. EDN [RAGTWZ](https://www.edn.ru/RAGTWZ).
4. Топилин, А. В. Демографические особенности формирования и использования трудовых ресурсов в крупнейших городах России в 2019–2021 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). EDN [CZSKEV](https://www.edn.ru/CZSKEV).
5. Капелюк, З. А. Сельский рынок труда Новосибирской области: состояние и проблемы развития / З. А. Капелюк, Т. О. Васильева // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 5. С. 457–470. DOI [10.18334/et.7.5.106677](https://doi.org/10.18334/et.7.5.106677). EDN [PBWXXK](https://www.edn.ru/PBWXXK).
6. Заманова, Г. Н. Основные направления совершенствования государственной поддержки развития сельского хозяйства в регионе / Г. Н. Заманова, С. Г. Абдулманапов // Экономические науки. 2011. № 84. С. 75–78. EDN [OYUNQX](https://www.edn.ru/OYUNQX).
7. Староверов, В. И. Продовольственная безопасность России – важнейшая составляющая демографической политики страны / В. И. Староверов, М. Л. Вартанова // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 4. С. 2851–2862. DOI [10.18334/eo.9.4.41461](https://doi.org/10.18334/eo.9.4.41461). EDN [FUAWTK](https://www.edn.ru/FUAWTK).
8. Агеев, А. И. Стратегические перспективы демографической составляющей национальной силы России / А. И. Агеев, А. Р. Бахтизин, Е. Л. Логинов, М. Ю. Сидоренко // Экономические стратегии. 2023. Т. 25, № 5(191). С. 38–53. DOI [10.33917/es-5.191.2023.38-53](https://doi.org/10.33917/es-5.191.2023.38-53). EDN [JGBBIH](https://www.edn.ru/JGBBIH).
9. Вартанова, М. Л. Сравнительный анализ дифференцированной социально-демографической политики регионов: международный опыт сквозь призму истории // Развитие экономических систем: теория, методология, практика : монография / Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка» [и др.] ; под. ред. Б. Н. Герасимова. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 28–42. ISBN 978-5-00196-398-1.
10. Кутаев, Ш. К. Характеристика состояния рынка труда и экономического развития регионов Юга России // Экономика и предпринимательство. 2023. № 8(157). С. 437–441. DOI [10.34925/EIP.2023.157.8.079](https://doi.org/10.34925/EIP.2023.157.8.079). EDN [RHUYJH](https://www.edn.ru/RHUYJH).
11. Цапиева, О. К. Стратегия обеспечения устойчивого развития сельских территорий в Республике Дагестан // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 130–134. EDN [RVKCYF](https://www.edn.ru/RVKCYF).
12. Рязанцев, С. В. Миграция в сельской местности этнонациональных регионов Российской Федерации: тренды и последствия / С. В. Рязанцев, А. Д. Брагин // Урбанистика. 2023. № 4. С. 62–77. DOI [10.7256/2310-8673.2023.4.69059](https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.4.69059). EDN [MHAAYS](https://www.edn.ru/MHAAYS).
13. Каспарьянц, Н. М. Региональный рынок труда: особенности его формирования и функционирования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 1096–1100. EDN [YPIVIN](https://www.edn.ru/YPIVIN).
14. Есина, Ю. Л. Региональный рынок труда: состояние и перспективы развития / Ю. Л. Есина, П. В. Панькин // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 2. С. 715–724. DOI [10.18334/et.6.2.40789](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40789). EDN [XBWVWX](https://www.edn.ru/XBWVWX).
15. Гуляева, Т. И. Участие сельского населения в составе рабочей силы и его занятость в условиях демографического кризиса / Т. И. Гуляева, Е. В. Такмакова // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 1. С. 72–79. DOI [10.32651/231-72](https://doi.org/10.32651/231-72). EDN [MRMNAZ](https://www.edn.ru/MRMNAZ).

16. Россия 2035: пространство развития : Научный доклад / А. А. Широв, Б. Н. Порфирьев, А. В. Петриков [и др.]. Москва : Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2025. 364 с. ISBN 978-5-605-35923-4. DOI [10.47711/sr1-2025](https://doi.org/10.47711/sr1-2025). EDN [DKVIKY](https://www.edn.ru/entry/DKVIKY).

17. Петриков, А. В. Динамика численности и социальной структуры работников хозяйств различных категорий по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 11. С. 2–7. EDN [YOFUNV](https://www.edn.ru/entry/YOFUNV).

18. Петриков, А. В. Приоритеты и механизмы социально-экономического развития сельского села // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 2. С. 115–123. DOI [10.31857/S0869587324020049](https://doi.org/10.31857/S0869587324020049). EDN [GIECWX](https://www.edn.ru/entry/GIECWX).

19. Ушачев, И. Г. Угрозы экономической безопасности при переходе к цифровой экономике: аграрный аспект / И. Г. Ушачев, А. В. Колесников // Стандарты и качество. 2022. № 7. С. 16–19. DOI [10.35400/0038-9692-2022-7-149-22](https://doi.org/10.35400/0038-9692-2022-7-149-22). EDN [CQZMGD](https://www.edn.ru/entry/CQZMGD).

20. Ростовская, Т. К. Выявление ключевых факторов конкурентоспособности на рынке труда в условиях формирования устойчивого конкурентного преимущества / Т. К. Ростовская, М. Л. Вартанова // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 725–734. DOI [10.18334/et.6.2.40798](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40798). EDN [IWTPUD](https://www.edn.ru/entry/IWTPUD).

21. Рекомендации по развитию агропромышленного комплекса и сельских территорий Нечерноземной зоны Российской Федерации до 2030 года : Версия 2.0 / А. Л. Иванов, А. В. Петриков, В. И. Кирюшин [и др.]. Москва : Почвенный институт имени В. В. Докучаева, 2021. 400 с. ISBN 978-5-6045694-2-9. DOI [10.52479/978-5-6045694-2-9](https://doi.org/10.52479/978-5-6045694-2-9). EDN [ZIEVEG](https://www.edn.ru/entry/ZIEVEG).

22. Алексеев, С. Л. Подготовка эффективных кадров аграрного бизнеса в условиях современных вызовов и рисков через систему институтов ДПО / С. Л. Алексеев, Н. М. Якушкин // Приоритеты научно-технологического развития агропромышленного комплекса в современных условиях : сборник научно-практических материалов Международной научно-практической конференции, Казань, 05–07 июня 2024 года. Казань : ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса», 2024. С. 16–31. EDN [AWGNNU](https://www.edn.ru/entry/AWGNNU).

23. Тер-Григорьянц, А. А. Приоритетные направления управления инновационным развитием АПК региона // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 3-3. С. 187–192. EDN [NCCUXT](https://www.edn.ru/entry/NCCUXT).

24. Рязанцев, С. В. Влияние демографических и социально-экономических факторов на производственный потенциал и продовольственную самообеспеченность регионов Российской Федерации / С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 9 (179). С. 66–82. DOI [10.26726/rppe2025v9tioda](https://doi.org/10.26726/rppe2025v9tioda). EDN [RFRWPQ](https://www.edn.ru/entry/RFRWPQ).

25. Вартанова, М. Л. Продовольственная безопасность регионов России в условиях глобальной нестабильности : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2024. 467 с. EDN [BXWZEG](https://www.edn.ru/entry/BXWZEG).

26. Рязанцев, С. В. Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны / С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 1. С. 202–225. DOI [10.31219/osf.io/4y2jn_v1](https://doi.org/10.31219/osf.io/4y2jn_v1). EDN [SQCVNB](https://www.edn.ru/entry/SQCVNB).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Вартанова Марина Львовна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: m.l.vartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9853-5817](https://orcid.org/0000-0002-9853-5817); РИНЦ SPIN-код: [5056-8858](https://elibrary.ru/5056-8858); Web of Science Researcher ID: [I-7641-2018](https://orcid.org/I-7641-2018); Scopus Author ID: [57224545877](https://orcid.org/57224545877).

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FORMATION OF LABOR RESOURCES IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RURAL REGIONS IN RUSSIA

Sergey V. Ryazantsev

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Marina L. Vartanova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: m.l.vartanova@mail.ru

For citation: Ryazantsev, S. V., Vartanova, M. L. Formation of Labor Resources in the Context of Demographic Development of Rural Regions in Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 128–143. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.8). (In Russ.)

Abstract. The relevance of this study is determined by growing processes of population decline, migration outflows from rural areas, and demographic aging in Russia, which exacerbate the lack of qualified specialists in the countryside and the agricultural industry. This leads to a decrease in the labor supply of 15–20%. This paper presents a comprehensive analysis of demographic trends in the formation of the labor force in the rural areas of Russia based on statistical data from the Federal State Statistical Service for the period 2010–2024. Regression analysis was used for 85 regions of the country. The study focuses on key demographic factors in the transformation of labor force, including migration loss (particularly in central and northern areas), high rates of aging (average age of rural workers over 45), and stabilization of resources due to influx of migrants from CIS in southern regions of Russia. This article examines in detail new social and labour practices (flexible employment, the informal sector), assessing the impact of technological advances (digitalisation, precision farming), and state economic policies (national agricultural programmes, modernisation subsidies), on employment in agriculture. It substantiates the need for developing new approaches to human resource policy, emphasizing the importance of moving towards high-tech agriculture through the integration of digital technologies with support for people and the social sector (housing, education and health care). The study's findings provide scientifically validated socio-economic solutions to improve the efficiency of employment management in rural areas. These include scenario models for the development of the labor market through 2030. The authors propose a specific set of measures, including modernization of agricultural education, with a focus on developing digital competencies; state subsidies to retain young people and professionals; and the development of regional programmes for migration and the digitalization of agriculture. The implementation of these measures will help to balance supply and demand on the rural labor market. This will increase its sustainability and competitiveness and contribute to Russia's food security in the long term.

Keywords: agrarian sphere, agricultural sector, agro-industrial complex, demographic trends, employment, labor productivity, Russia, regions of the Russian Federation, labor market, rural areas, agriculture, labor force, digitalization

References

1. Uskova, T. V. Problems and Prospects of the Socio-Economic Development of Rural Territories. *Territorial Development Issues*. 2018. No. 2(42). Pp. 1. DOI [10.15838/tdi.2018.2.42.1](https://doi.org/10.15838/tdi.2018.2.42.1). (In Russ.).
2. Gnevasheva, V. A. *Rynok truda sovremennoy Rossii [The Labor Market of Modern Russia]*. Cheboksary: Publishing House "Sreda", 2025. 136 p. ISBN 978-5-907830-66-0. DOI [10.31483/a-10647](https://doi.org/10.31483/a-10647). (In Russ.).
3. Zenchenko, S. V., Vartanova, M. L. The Relationship and Interaction of Population Migration and Labor Potential. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2013. No. 2(36). Pp. 293–299. (In Russ.).
4. Topilin, A. V. Demographic Characteristics of Labor Resources Formation and Use in the Largest Cities of Russia in 2019–2021. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). (In Russ.).
5. Kapelyuk, Z. A., Vasileva, T. O. Rural Labour Market of the Novosibirsk Region: Current State and Development Problems. *Russian Journal of Labour Economics*. 2020. Vol. 7, No. 5. Pp. 457–470. DOI [10.18334/et.7.5.106677](https://doi.org/10.18334/et.7.5.106677). (In Russ.).

6. Zamanova, G. N., Abdulmanapov, S. G. Osnovnyye napravleniya sovershenstvovaniya gosudarstvennoy podderzhki razvitiya sel'skogo khozyaystva v regione [Key Areas for Improving State Support for Agricultural Development in the Region]. *Economic Sciences*. 2011. No. 84. Pp. 75–78. (In Russ.).
7. Staroverov, V. I., Vartanova, M. L. Russia's Food Security as an Important Component of the Country's Demographic Policy. *Journal of International Economic Affairs*. 2019. Vol. 9, No. 4. Pp. 2851–2862. DOI [10.18334/eo.9.4.41461](https://doi.org/10.18334/eo.9.4.41461). (In Russ.).
8. Ageev, A. I., Bakhtizin, A. R., Loginov, E. L., Sidorenko, M. Yu. Strategic Prospects for the Demographic Component of Russia's National Strength. *Economic Strategies*. 2023. Vol. 25, No. 5(191). Pp. 38–53. DOI [10.33917/es-5.191.2023.38-53](https://doi.org/10.33917/es-5.191.2023.38-53). (In Russ.).
9. Vartanova, M. L. Sravnitel'nyy analiz differentsirovannoy sotsial'no-demograficheskoy politiki regionov: mezhdunarodnyy opyt skvoz' prizmu istorii [Comparative Analysis of Differentiated Socio-Demographic Policies of Regions: International Experience through the Prism of History]. In: *Razvitiye ekonomicheskikh sistem: teoriya, metodologiya, praktika [Development of Economic Systems: Theory, Methodology, Practice]* : monograph. Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara University of Public Administration "International Market Institute" et al. ; ed. by B. N. Gerasimov. Penza : Penza State Agrarian University Publishing, 2025. Pp. 28–42. ISBN 978-5-00196-398-1. (In Russ.).
10. Kutaev, Sh. K. Characteristics of the State of the Labor Market and Economic Development of the Regions of the South of Russia. *Economics and Entrepreneurship*. 2023. No. 8(157). Pp. 437–441. DOI [10.34925/EIP.2023.157.8.079](https://doi.org/10.34925/EIP.2023.157.8.079). (In Russ.).
11. Tsapieva, O. K. Strategy of Sustainable Development of Rural Areas in the Republic of Dagestan. *Herald of the Dagestan Scientific Center*. 2013. No. 49. Pp. 130–134. (In Russ.).
12. Ryazantsev, S. V., Bragin, A. Migration in Rural Areas of Ethno-National Regions of the Russian Federation: Trends and Consequences. *Urban Studies*. 2023. No. 4. Pp. 62–77. DOI [10.7256/2310-8673.2023.4.69059](https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.4.69059). (In Russ.).
13. Kasparyants, N. M. Regional'nyy rynek truda: osobennosti yego formirovaniya i funktsionirovaniya [Regional Labor Market: Features of Its Formation and Functioning]. *Scientific-Methodological Electronic Journal "Koncept"*. 2017. No. T31. Pp. 1096–1100. (In Russ.).
14. Esina, Yu. L., Pankin, P. V. Regional Labour Market: State and Development Prospects. *Russian Journal of Labour Economics*. 2019. Vol. 6, No. 2. Pp. 715–724. DOI [10.18334/et.6.2.40789](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40789). (In Russ.).
15. Guliaeva, T. I., Takmakova, E. V. Participation of Rural Population in the Labour Force and Its Employment in the Conditions of Demographic Crisis. *Economics of Agriculture of Russia*. 2023. No. 1. Pp. 72–79. DOI [10.32651/231-72](https://doi.org/10.32651/231-72). (In Russ.).
16. Shirov, A. A., Porfiriev, B. N., Petrikov, A. V. et al. *Rossiya 2035: prostranstvo razvitiya [Russia 2035: Development Space]* : Scientific Report. Moscow : Institute of Economic Forecasting RAS, 2025. 364 p. ISBN 978-5-605-35923-4. DOI [10.47711/sr1-2025](https://doi.org/10.47711/sr1-2025). (In Russ.).
17. Petrikov, A. V. Dynamics of the Number and Social Structure of Farm Workers of Different Categories According to the All-Russian Agricultural Census of 2016. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. 2018. No. 11. Pp. 2–7. (In Russ.).
18. Petrikov, A. V. Priorities and Mechanisms of Socio-Economic Development of the Russian Village. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 94. No. 2. Pp. 115–123. DOI [10.31857/S0869587324020049](https://doi.org/10.31857/S0869587324020049). (In Russ.).
19. Ushachev, I. G., Kolesnikov, A. V. The Threats to the Economic Security Caused by Transfer to Digital Economy: Agrarian Aspect. *Standards and Quality*. 2022. No. 7. Pp. 16–19. DOI [10.35400/0038-9692-2022-7-149-22](https://doi.org/10.35400/0038-9692-2022-7-149-22). (In Russ.).
20. Rostovskaya, T. K., Vartanova, M. L. Identification of Key Factors of Competitiveness in the Labor Market in the Conditions of Sustainable Competitive Advantage. *Russian Journal of Labor Economics*. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 725–734. DOI [10.18334/et.6.2.40798](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40798). (In Russ.).
21. Ivanov, A. L., Petrikov, A. V., Kiryushin, V. I. Rekomendatsii po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa i sel'skikh territoriy Nechernozemnoy zony Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda : Versiya 2.0 [Recommendations for the Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Areas of the Non-Black Earth Zone of the Russian Federation until 2030: Version 2.0]. Moscow : Soil Institute named after V.V. Dokuchaev, 2021. 400 p. ISBN 978-5-6045694-2-9. DOI [10.52479/978-5-6045694-2-9](https://doi.org/10.52479/978-5-6045694-2-9). (In Russ.).

22. Alekseev, S. L., Yakushkin, N. Preparation of Effective Personnel for Agricultural Business in the Conditions of Modern Challenges and Risks Through the System of Advanced Vocation Institutions. In: *Prioritety nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa v sovremennykh usloviyakh* [Priorities of Scientific and Technological Development of the Agro-Industrial Complex in Modern Conditions] : collection of scientific and practical materials of the International scientific and practical conference, Kazan, June 5–7, 2024. Kazan : Tatar Institute for Retraining of Agribusiness Personnel, 2024. Pp. 16–31. (In Russ.).

23. Ter-Grigoryants, A. A. Prioritetnyye napravleniya upravleniya innovatsionnym razvitiyem APK regiona [Priority Areas for Managing Innovative Development of the Regional Agro-Industrial Complex]. *Terra Economicus*. 2010. Vol. 8, No. 3-3. Pp. 187–192. (In Russ.).

24. Ryazantsev, S. V., Vartanova, M. L. Influence of Demographic and Socio-Economic Factors Affecting Productive Capacity and Food Security of the Regions of the Russian Federation. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2025. No. 9 (179). Pp. 66–82. DOI [10.26726/rppe2025v9tioda](https://doi.org/10.26726/rppe2025v9tioda). (In Russ.).

25. Vartanova, M. L. *Prodovol'stvennaya bezopasnost' regionov Rossii v usloviyakh global'noy nestabil'nosti* [Food Security of Russian Regions in the Context of Global Instability] : dissertation for the degree of Doctor of Economics. Moscow, 2024. 467 p. (In Russ.).

26. Ryazantsev, S. V., Vartanova, M. L. Dynamics and Key Directions of Sustainable Development of Regional Agriculture in the Context of Ensuring National and Food Security of the Russian Federation. *Russian Peasant Studies*. 2025. Vol. 10, No. 1. Pp. 202–225. DOI [10.31219/osf.io/4y2jn_v1](https://doi.org/10.31219/osf.io/4y2jn_v1). (In Russ.).

Bio notes

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Marina L. Vartanova, Doctor of Economic Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: m.l.vartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9853-5817](https://orcid.org/0000-0002-9853-5817); RSCI SPIN-code: [5056-8858](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=5056-8858); Web of Science Researcher ID: [J-7641-2018](https://orcid.org/J-7641-2018); Scopus Author ID: [57224545877](https://orcid.org/57224545877).

Received on 17.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.9)

EDN [DWTWWE](https://edn.dwtwwe.ru)

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ

Ростовская Т. К.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Рочева Я. С.

ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России, Санкт-Петербург;

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rocheva_yana@mail.ru

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Особенности социального положения и занятости инвалидов в сельской местности России / Т. К. Ростовская, Я. С. Рочева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 144–167. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.9). EDN [DWTWWE](https://edn.dwtwwe.ru).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению положения и социальной интеграции инвалидов, проживающих в сельской местности. Целью работы является анализ социально-экономических условий жизни, занятости, доступа к медицинским и социальным услугам инвалидов в сельских территориях. На материалах данных Комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г., а также всероссийского опроса людей с инвалидностью и законных представителей детей-инвалидов, проведенного в 85 субъектах Российской Федерации в 2024 г., выявлены различия в жилищных условиях, доступности инфраструктуры и характеристиках трудовой занятости инвалидов в зависимости от территории проживания и нарушенных функций организма. Результаты исследования показывают, что инвалиды, проживающие в сельской местности, сталкиваются с более низким уровнем благоустройства жилого фонда, ограниченной доступностью объектов инфраструктуры и транспорта, с менее диверсифицированной структурой занятости по сравнению с инвалидами, проживающих на городских территориях. Выявлено, что наиболее существенны ограничения именно тех, чья жизнедеятельность напрямую зависит от физической доступности пространства, это особенно касается инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата и зрения. Сделан вывод о присутствии двойного неравенства, когда инвалидность задает исходный уровень ограничений, а территориальная среда определяет возможности их социальной компенсации или усиления. Полученные выводы дополняют существующие социологические представления о социальной интеграции инвалидов и могут быть использованы при разработке и оценке мер социальной политики, ориентированных на специфику сельских территорий.

Ключевые слова: инвалидность, сельская местность, социальное неравенство, социальная политика, социальная интеграция, занятость, доступ к услугам

Введение

В условиях демографического старения населения, трансформации социальной структуры российского села и сохраняющегося территориального неравенства особую научную значимость приобретает анализ положения инвалидов, проживающих в сельской местности. Несмотря на устойчивое внимание демографических и социологических исследований к проблемам инвалидности, преобладающая часть работ сосредоточена либо на общероссийских показателях инвалидизации, либо на компонентах комплексной реабилитации без достаточного учета про-

странственного контекста. Между тем сельская местность представляет собой специфическое пространство, где инвалидность приобретает дополнительные формы ограничений, связанные с инфраструктурной разреженностью, сниженной доступностью медицинских, социальных, транспортных и государственных услуг, а также ограниченной диверсификацией занятости. Исследовательская проблема, поставленная авторами, заключается в недостаточной разработанности понимания того, каким образом сельская местность влияет на воспроизводство неравенства среди инвалидов, модифицируя их возможности социальной интеграции, активного образа жизни и доступа к базовым ресурсам.

Целью статьи является выявление особенностей положения инвалидов в сельской местности России через анализ демографических, инфраструктурных и социально-экономических различий между сельскими и городскими территориями, определение роли сельской среды как самостоятельного фактора усиления социальной уязвимости инвалидов.

Методологическая основа статьи строится на применении социальной модели инвалидности, концепции территориального неравенства, разработок социологии села и результатов зарубежных и эмпирических исследований положения инвалидов в сельской местности.

В последние десятилетия в научной литературе усиливается внимание к различиям в положении инвалидов в зависимости от типа поселения, прежде всего, к сопоставлению городских и сельских условий жизни [1, с 28]. Сельская местность в исследованиях описывается как социальное пространство с ограниченной инфраструктурой и сниженной доступностью институтов социальной поддержки [2].

Российские и зарубежные эмпирические исследования фиксируют, что проживание в сельских территориях сопряжено с более низкой доступностью медицинских, социальных и реабилитационных услуг [3]. Эти обстоятельства оказывают прямое влияние на качество жизни инвалидов и возможности социальной интеграции [4]. Несмотря на рост исследовательского интереса, изучение проблем инвалидов в сельской местности остается недостаточно систематизированным, особенно в сравнительном контексте.

Бесценный вклад в развитие социологии села внес Староверов Владимир Иванович, создатель оригинальной научной школы российской социологии деревни, автор фундаментальных монографий и эффективных методов решения, имеющих крупное народнохозяйственное, социальное и культурное значение практических проблем, последовательный борец с политикой ликвидации мелких деревень, воспитатель многочисленных социологических кадров уровня кандидатов и докторов наук, талантливый организатор крупномасштабных исследований и научной жизни [5].

В трудах В. И. Старовойрова комплексно разрабатываются вопросы теории, методологии и методов социологического изучения социальной структуры и стратификации, механизмов, закономерностей и тенденций изменений в ней в советский период и в условиях радикально-либеральной перестройки; методологические проблемы сельской социологии, включающей, социологию деревни, аграрную социологию и др. частные социологические дисциплины. В. И. Староверовым

научно обоснована новая междисциплинарная область социологического познания – крестьяноведение и ее составная часть – социология крестьянства [6].

Причины миграции из села в город, социально-экономическое положение сельских жителей раскрыты в работах: С. А. Андриященко [7], Ю. П. Бондаренко [8], П. П. Великого [9], Т. А. Жуковой [10], О. В. Исаевой [11], Л. В. Намруевой [12], Е. Н. Касаркиной [13] и др.

Исследованию состояния социально-трудовой сферы села, ее роли в становлении устойчивости семьи и взаимосвязи с сельским хозяйством посвящены работы В. И. Гасиева [14], П. М. Ельчанинова [15], О. И. Пантелеевой [16], Г. С. Широкаловой [17] и др. В целом результаты исследований, проведенных данными учеными, свидетельствуют о низкой рентабельности сельского хозяйства и возросшем уровне трудовой миграции населения, особенно среди молодежи.

Современное российское село в научной литературе рассматривается как социально-пространственная система, находящаяся в состоянии глубокой структурной трансформации, сочетающей кризис традиционной аграрной модели, устойчивое территориальное неравенство и формирование новых постаграрных сценариев развития. Исследования последних лет показывают, что сельская местность в России перестает быть исключительно пространством сельскохозяйственного производства и все в большей степени становится территорией демографических, инфраструктурных и институциональных дисбалансов, одновременно сохраняя потенциал локальной устойчивости и диверсификации.

Одним из ключевых направлений анализа современного состояния российского села выступает проблема демографического сокращения и пространственного сжатия. По мнению академика РАН А. В. Петрикова, сохраняющийся разрыв в уровне и качестве жизни между городом и селом способствует усилению миграционного оттока населения, прежде всего молодежи, что ведет к сокращению сельского населения, старению демографической структуры и «социальному опустыниванию» территорий. Автор подчеркивает, что стихийная урбанизация сопровождается выведением сельских территорий из полноценного социально-экономического оборота, ослаблением локальных сообществ и снижением устойчивости сельского пространства [18].

Демографическая деградация тесно связана с инфраструктурным неравенством. Исследование В. Л. Шабанова показывает, что сельское население России системно уступает городскому по интегральным показателям качества жизни, включая доступность социальной инфраструктуры, уровень благоустройства, доходы и территориальную связанность. При этом сельское пространство отличается высокой региональной дифференциацией: наряду с территориями относительной устойчивости сохраняются зоны устойчивой депривации, где низкий уровень развития инфраструктуры сочетается с ограниченным доступом к медицинским, образовательным и транспортным ресурсам [19].

Современная аграрная социология также фиксирует переход от традиционной модели деревни как аграрно-производственного пространства к более сложной постаграрной структуре. П. П. Великий и А. А. Вяльшина подчеркивают, что российская деревня сегодня характеризуется не только аграрным кризисом, но и трансформацией социального жизненного пространства: сокращением трудовых воз-

возможностей в классическом сельском хозяйстве, ростом социальной периферийности, изменением образа жизни и появлением новых моделей выживания. Авторы отмечают, что значительная часть сельских территорий существует в условиях многоуровневой депривации, включающей дефицит рабочих мест, институциональную слабость и ограниченность социальной инфраструктуры [20].

Вместе с тем современная литература подчеркивает, что кризисные процессы не исчерпывают характеристику российского села. А. В. Петриков акцентирует внимание на необходимости диверсификации сельской экономики, развития малого бизнеса, несельскохозяйственной занятости и локальных форм предпринимательства как ключевых механизмов преодоления структурной отсталости. По сути, речь идет о переходе от аграрного к многофункциональному селу, где устойчивость определяется не только сельским хозяйством, но и развитием сервисной, туристической, рекреационной и цифровой экономики [18].

Существенной характеристикой современного состояния российского села остается институциональная неоднородность. Исследования показывают, что эффективность развития сельских территорий в значительной степени зависит от качества государственного управления, региональной политики и уровня включенности локальных сообществ в процессы развития. Недостаточная согласованность программ, слабая управленческая координация и ограниченность местных ресурсов часто препятствуют реализации даже потенциально эффективных стратегий модернизации. В результате часть сельских территорий оказывается в состоянии устойчивого периферийного воспроизводства, данные процессы оказывают влияние, в том числе на инвалидов.

Обзор научной литературы

По данным Росстата, в 2024 г. в Российской Федерации насчитывалось 11 млн 123 тыс. инвалидов. Из них 41,7% это инвалиды 3 группы, 40,5% – инвалиды второй группы, 10,8% – инвалиды первой группы, 7% – дети-инвалиды. В структуре всего населения численность инвалидов составила 7,6%. За последние 5 лет численность инвалидов по сравнению с общей численностью населения уменьшается: в 2020 г. на 0,4%, по сравнению с 2023 г. на 0,1%. Общая численность инвалидов, приходящаяся на 1000 человек населения, также уменьшается с 80,3% в 2020 г. до 76,1% в 2024 г. По группам инвалидности существенных изменений в структуре нет. Большую часть составляют инвалиды со 2 и 3 группой инвалидности. В трудоспособном возрасте инвалидов – 36,5%, в 2024 г. их количество увеличилось на 7,4% по сравнению с 2020 г.¹ Сведения о численности инвалидов в городской и сельской местности отсутствуют, можно руководствоваться только общими сведениями о распределении городского и сельского населения по всему населению, где доля сельского населения на протяжении 5 лет не меняется и составляет около 25%.

В зарубежной социологии устойчиво прослеживается тенденция анализа инвалидности преимущественно в рамках социальной модели, согласно которой ограничения жизнедеятельности формируются под воздействием социальной

¹ Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 25.12.2025).

среды, а не исключительно вследствие состояния здоровья [21]. В сельском контексте данная модель дополняется анализом пространственного неравенства и институциональной разреженности среды [22].

Ряд исследований подчеркивает, что стандартизированные меры социальной политики, ориентированные на городские условия, демонстрируют низкую эффективность в сельских территориях [23]. В результате формируется разрыв между нормативно закрепленными правами инвалидов и практикой их реализации. Качественные исследования сельских сообществ показывают, что инвалидность в данных условиях приобретает комплексный характер, включающий экономические, инфраструктурные и культурные ограничения [24].

В российской социологической традиции анализ инвалидности в сельской местности опирается на концепции социальной эксклюзии и территориальной дифференциации [25]. Исследователи связывают положение инвалидов с общими процессами депопуляции села, старения населения и сокращения социальной инфраструктуры [26].

Систематические зарубежные обзоры показывают, что сельские жители с инвалидностью сталкиваются с дефицитом специалистов, значительными транспортными затратами и ограниченным набором реабилитационных услуг [27]. Эти факторы приводят к росту неудовлетворенных медицинских потребностей [4].

В научных публикациях отмечается и выраженная региональная дифференциация в реализации государственных программ социальной поддержки, связанная с неравномерным распределением ресурсов и административных возможностей [28].

Социально-экономическое положение инвалидов в сельской местности характеризуется повышенной уязвимостью. Зарубежные количественные исследования показывают, что уровень бедности среди сельских домохозяйств с инвалидами выше по сравнению с городскими территориями [29]. Дополнительные расходы, связанные с лечением и уходом, усугубляют экономическую нестабильность [30].

В зарубежных исследованиях подчеркивается, что сельская среда может усиливать социальную изоляцию инвалидов [31]. Небольшие размеры поселений и устойчивые социальные нормы формируют специфические формы стигматизации, что отражается на участии инвалидов в общественной жизни [32].

Эмпирические данные из исследования взрослых людей с инвалидностью в сельском контексте ЮАР указывают на комплекс физических, социально-эмоциональных и институциональных препятствий, ограничивающих участие в социальной, культурной и экономической жизни общества. Отмечается, что отсутствие инфраструктуры, ограниченный доступ к социальным услугам и устойчивые предубеждения в отношении инвалидности препятствуют эффективной интеграции этих лиц в местные сообщества [33].

Результаты российских исследований демонстрируют схожие тенденции. В сельских районах фиксируется сокращение сети медицинских учреждений и специализированных социальных служб, что снижает уровень институциональной поддержки инвалидов [28, с. 24]. В результате возрастает роль семей и неформальных практик помощи, что усиливает социально-экономическую нагрузку на домохозяйства [29].

Результаты исследований показывают ограниченные возможности трудовой занятости инвалидов в сельских районах [34, с. 110]. Данные российской историографии хорошо актуализируют проблемы государственной социальной политики в отношении инвалидов в сельской местности, где их рассматривали через социальный статус нетрудоспособных крестьян, а государственная социальная политика 1920–1930-х гг. оценивалась как неэффективная. Однако, по данным А. С. Ковалева, преимуществами применения труда инвалидов в сельском хозяйстве при наличии соответствующей квалификации и желания самих инвалидов была возможность решения таких сложных проблем, как подбор производства, обучение и переобучение, поиск надлежащего оборудования, содержание помещений [35, с. 99–100].

Специалисты также фиксируют более высокую зависимость сельских инвалидов от социальных выплат при одновременной недостаточности их компенсационного эффекта [36].

Отечественные исследователи семей, воспитывающих детей с инвалидностью в сельской местности, выявляют ограниченность социальных контактов и недостаточную информированность о мерах государственной поддержки [37]. Социальные связи в сельских сообществах могут выполнять компенсаторную функцию, но они не всегда обеспечивают полноценную институциональную защиту.

Обзор российских и зарубежных научных публикаций показывает, что особенности положения инвалидов в сельской местности формируется под воздействием совокупности территориальных, социально-экономических и институциональных факторов. Сельский контекст усиливает ограничения, связанные с инвалидностью, и снижает доступность социальных ресурсов.

Исследования, посвященные изучению положения людей с инвалидностью в сельской местности, демонстрируют совокупность структурно обусловленных ограничений, которые влияют на их доступ к социальным ресурсам, услугам и общественной активности. Обозначенные барьеры влияют на уровень социального участия данной категории населения и степени реализации их прав на равное участие и социальную интеграцию. В частности, в систематическом обзоре качественных исследований семей с детьми и молодыми людьми с инвалидностью, проживающими в сельской местности, выделены такие проблемы, как трудности доступа к медицинскому обслуживанию, образовательным возможностям и общественным сервисам, факторы социальной стигматизации и изоляции, которые затрудняют включение в повседневную жизнь сообщества [38].

Особенности социальной интеграции инвалидов также выявляются в исследованиях доступности ухода и услуг, ориентированных на нахождение людей с ограниченными возможностями в домашней и общинной среде. Эти исследования подчеркивают многомерность барьеров, включая физические, организационные и институциональные факторы, которые особенно ощутимы в сельских районах с низкой плотностью населения и недостаточно развитой социальной инфраструктурой [39].

В российской социологической литературе в настоящее время актуализируется обсуждение социальной интеграции инвалидов через призму реабилитационных практик, которые предполагают взаимосвязанное рассмотрение медицинских, психологических, образовательных и социально-реабилитационных мероприя-

тий. Такие подходы ориентированы на поддержание социальной активности инвалидов и обеспечение их участия в общественных процессах с помощью комплексных программ социальной и социально-профессиональной реабилитации [40].

Таким образом, анализ современных эмпирических и теоретических исследований свидетельствует о том, что положение людей с инвалидностью в сельской местности сопровождается значительными структурными и институциональными трудностями, отражающимися на уровне их социальной интеграции. Успешная интеграция требует учета социальных, экономических и культурных условий сельских сообществ, что позволит обеспечить равный доступ к получению медицинских и социальных услуг, укрепление социальной поддержки и устранение дискриминационных практик в отношении инвалидов сельской местности.

Методология и методы исследования, источники информации

Методика исследования строится на анализе отдельных направлений, характеризующих положение инвалидов в сельской местности: жилищных условий, оценки доступности объектов инфраструктуры и услуг, особенностей трудоустройства. Дальнейшее изучение вопроса даст возможность раскрыть и другие аспекты жизнедеятельности инвалидов в сельской местности, которые позволят определить особенности их социальной интеграции.

Источниками информации выступают данные комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) 2024 г., проведенного Росстатом. Основу выборочной совокупности мониторинга составили домохозяйства, их включение осуществлено на основе принципов случайного отбора отдельно по городскому и сельскому населению в каждом из субъектов Российской Федерации. За единицу отбора принято жилое помещение с постоянно проживающим населением. Единицами наблюдения являются домохозяйство и члены домохозяйства, в том числе дети. Общий охват составил 60 тыс. респондентов². Сведения о количестве опрошенных инвалидов в описании методики не указываются.

Изучение мнений инвалидов проведено ФГБУ ФНОЦ МСЭ И Р имени Г. А. Альбрехта Минтруда России в рамках мониторинга соблюдения прав инвалидов и реализации положений Конвенции о правах инвалидов [41]. Методика исследования построена на всероссийском социологическом опросе людей с инвалидностью и законных представителей детей-инвалидов. Время проведения – июнь 2024 г. Всего было опрошено 9108 респондентов по стратифицированной, не пропорциональной модели выборке по следующим критериям: место проживания (город, сельские территории); возраст – взрослое население (старше 18 лет), дети (от 0 до 17 лет); пол (мужчины, женщины, мальчики, девочки); наличие стойких нарушений функций организма (опорно-двигательного аппарата, слуха, зрения, психических функций, прочие нарушения). Региональный охват – 85 субъектов Российской Федерации. Полученные ответы респондентов обработаны методом описательной статистики и анализа двумерных распределений по месту проживания. Для нужд настоящего

² Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

исследования были отобраны 30,4% респондентов, проживающих в сельской местности, включая поселки городского типа, и сформирована подвыборка в размере 2777 человек.

Результаты

Данные комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г. фиксируют различия в уровне обеспеченности домохозяйств, имеющих в своем составе инвалидов, в зависимости от типа территории проживания. Опрошенные респонденты, проживающие в городской местности, отмечают более высокий уровень благоустройства места проживания по сравнению с сельскими жителями. Наиболее выраженные различия выявлены по показателям обеспеченности централизованным отоплением, горячим водоснабжением и канализацией. В сельской местности централизованное отопление имеют 14,6% домохозяйств, тогда как в городской местности этот показатель достигает 82,2%.³ Горячее водоснабжение в сельских домохозяйствах преимущественно обеспечивается за счет местных и индивидуальных водонагревателей, что отмечено респондентами в 72,2 % случаев⁴. Центральной канализацией в сельской местности располагают лишь 27,0% домохозяйств⁵. Данные показатели характеризуют в целом место проживания для всех опрошенных вне наличия инвалидности.

Несмотря на объективно более низкие показатели благоустройства, субъективная оценка условий проживания домохозяйств с инвалидами в сельской местности остается относительно высокой. Удовлетворенность жилищными условиями выражают 76,3% опрошенных, что свидетельствует о положительном и субъективном восприятии места своего проживания по населению в целом.

Дальнейший анализ результатов КОУЖ позволяет выявить выраженную территориальную дифференциацию проблем инвалидов в зависимости от типа населенного пункта.

Ключевой проблемой сельских инвалидов является не столько социальная дезорганизация, сколько структурное исключение из системы повседневной доступности. Ограничения касаются базовых жизненных функций: приобретения лекарств (большая отдаленность аптек отмечена 48,7%), лечения (недоступность медицинских услуг – 27,6%), мобильности (плохая организация общественного транспорта – 40,2%), досуга (большая отдаленность мест отдыха и досуга – 40,7%, объектов физкультуры и спорта – 39,0%), административного взаимодействия (недоступность услуг по оформлению документов – 28,3%), торговли (большая отдаленность торговых точек – 25,4%).

Для инвалидов, проживающих в городской местности, больше характерны проблемы социального неблагополучия: алкоголизм – 35,5% (против 17,5% в сель-

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ской местности); вандализм – 19,9% (против 6,8%) и проблемы с экологией (загрязненность окружающей среды – 41,7% (против 14,1%)⁶.

Анализ самооценок инвалидов по результатам КОУЖ 2024 г. относительно возможностей вести активный образ жизни демонстрирует отсутствие территориальных различий в этой сфере и не сводится исключительно к инфраструктурной обеспеченности. Несмотря на более ограниченную ресурсную базу территорий, сельские инвалиды в ряде случаев демонстрируют более высокую субъективную готовность к активному образу жизни, однако реальные практики активности оказываются значительно менее развитыми.

Среди инвалидов, проживающих в сельской местности, доля считающих себя способными вести активный образ жизни составляет 8,9%, тогда как среди городских жителей – 6,3%. Одновременно в сельской местности ниже доля тех, кто связывает невозможность активной жизни с состоянием здоровья и возрастом (80,5% против 85,9%).

Невзирая на более высокую субъективную оценку способности к активности, среди сельских инвалидов фактическое участие в активных формах досуга значительно ниже: занимались какими-либо видами активного отдыха – 16,6% (в городе – 31,8%), не занимались никакими видами активного отдыха – 83,4% (в городе – 68,2%), что говорит об отличии возможностей реализации установок вести активный образ жизни.

Среди причин отказа от активного образа жизни у сельских инвалидов наиболее выражены: нехватка времени – 38,6% (в городе – 17,9%) и отсутствие поблизости мест для занятий – 9,7% (в городе – 6,3%).⁷

Оценка доступности инфраструктуры в сельской местности в основном носит умеренно положительный характер. По данным опроса, 82,6% инвалидов пользовались магазинами шаговой доступности⁸. Вместе с тем транспортная доступность вызывает беспокойство: услугами общественного транспорта в сельской местности пользуются лишь 31,9% инвалидов в возрасте 15 лет и старше⁹.

Промежуточный анализ результатов КОУЖ 2024 г. позволяет сделать вывод о том, что положение инвалидов в сельской местности характеризуется сочетанием относительно позитивной субъективной адаптации с объективно выраженными территориально-инфраструктурными ограничениями. Сельская местность усиливает ограничения, связанные со статусом инвалидности, за счет слабой развитости среды проживания, удаленности базовых ресурсов и ограниченного доступа к услугам.

Первоочередными выступают проблемы доступности аптек, медицинских услуг, транспорта, административных сервисов, торговли, досуга и физической активности. Это позволяет говорить об инвалидности на селе, где для жизнеобеспечения требуются большие затраты времени, мобильности и социальных ресурсов.

⁶ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

В отличие от городских инвалидов, сталкивающихся преимущественно с социально-экологическими рисками (алкоголизм, вандализм, загрязнение среды), сельские инвалиды чаще оказываются в ситуации инфраструктурного исключения.

Положение инвалидов в сельской местности можно охарактеризовать как состояние двойного неравенства: с одной стороны, инвалидность как статус ограничивает ресурсы жизнедеятельности, с другой – сельская среда снижает возможности компенсации таких ограничений. Это позволяет рассматривать сельскую инвалидность как особую форму социальной интеграции в условиях ограниченного доступа к инфраструктуре, услугам и пространственным ресурсам.

Дополнением сведений КОУЖ 2024 г. является итоги социологического исследования инвалидов и родителей детей-инвалидов, которые позволяют расширить представления по изучаемому вопросу и провести сравнительный анализ. Опрос был проведен ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им Г.А. Альбрехта Минтруда России в июне 2024 г. в 85 субъектах Российской Федерации. В число опрошенных попали респонденты со следующими социально-демографическими характеристиками. По полу опрошенные представлены практически поровну: 50,8% мужчин и 49,2% женщин. Детей-инвалидов в возрасте до 18 лет в выборочной совокупности – 24,2%. Взрослые опрошенные распределились следующим образом: 29,1% в возрасте 50–69 лет, 17,3% старше 70 лет, 16,7% в возрасте 30–49 лет, 6,1% в возрасте 18–29 лет. Оценка жилищных условий инвалидов в сельской местности по результатам опроса характеризуется как благополучная, так как более 80% проживают в своем жилье из них: 51,5% – в частном доме, 32,1% – в квартире.

Среди взрослых инвалидов 23% имеют первую группу, 43% – вторую группу, 34% – третью группу инвалидности. По типу нарушений функций организма опрошенные распределены достаточно равномерно, так как это было основой формирования стратифицированной выборки: инвалиды с нарушениями слуха – 18,8%, зрения – 19,4%, с нарушениями опорно-двигательного аппарата – 22,2%, нарушениями психического здоровья – 18,6%, иное заболевание – 20,0%.

Результаты всероссийского социологического опроса говорят о низком уровне адаптации объектов инфраструктуры для нужд инвалидов в сельской местности. Более половины респондентов указали на отсутствие специальных устройств в жилых домах (54,5 %), подъездах, лифтах и лестничных клетках (53,9 %), а также на тротуарах (54,5 %). Схожие оценки были получены и среди респондентов-горожан, однако в городах показатели оснащенности жилых домов несколько выше. В целом оценки состояния адаптации инфраструктуры, полученные в ходе опроса, согласуются с данными комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г. и дополняют их (табл. 1).

Сравнительный анализ отдельных объектов инфраструктуры показывает, что наиболее доступными для инвалидов, проживающих в сельской местности, являются магазины, которые 50,4% респондентов оценивают как оборудованные. Объекты культуры, включая театры, кинотеатры и дома культуры, признаны оборудованными в 42,0% случаев. Наименее адаптированным остается общественный транспорт, уровень оснащенности которого, по оценкам сельских респондентов, составляет 20,8%. Для городских территорий характерны наиболее высокие пока-

затели доступности транспортной инфраструктуры, однако и здесь они не превышают трети положительных оценок.

Таблица 1

Оценка состояния некоторых объектов инфраструктуры, оборудованной специальными устройствами для инвалидов (пандусы, подъемники и др.) (%)

Table 1

Assessment of the condition of certain infrastructure facilities equipped with specialized devices for people with disabilities (ramps, elevators, etc.) (%)

Наименование	Оценка	Городские территории	Сельские территории
Тротуары	оборудованы	33,9	25,4
	не оборудованы	44,0	54,5
	затрудняюсь ответить	22,1	20,1
Жилые дома	оборудованы	27,0	18,5
	не оборудованы	50,5	57,4
	затрудняюсь ответить	22,5	24,0
Подъезды, лифты, лестничные клетки	оборудованы	24,9	18,3
	не оборудованы	52,2	53,9
	затрудняюсь ответить	22,9	27,8
Театры, кинотеатры, концертные залы, дома культуры	оборудованы	42,8	42,0
	не оборудованы	16,9	19,9
	затрудняюсь ответить	40,3	38,1
Магазины	оборудованы	51,2	50,4
	не оборудованы	24,5	28,3
	затрудняюсь ответить	24,3	21,3
Общественный транспорт	оборудованы	30,5	20,8
	не оборудованы	38,4	41,8
	затрудняюсь ответить	31,1	37,5

Источник: всероссийский опрос инвалидов и законных представителей детей-инвалидов 2024 г. (n = 2 777)

По мнению инвалидов, проживающих на сельских территориях, наиболее низкие показатели оборудованности фиксируются в отношении тротуаров, жилых домов, подъездов, лифтов и общественного транспорта, то есть именно тех объектов, которые обеспечивают базовую автономию и независимости повседневной жизни.

Среди сельских инвалидов с нарушениями зрения и опорно-двигательной системы наиболее остро отмечена зависимость от состояния физической среды, поскольку их ограничения непосредственно связаны с необходимостью безопасного перемещения.

Необорудованность тротуаров наиболее критично оценивают инвалиды по зрению (59,1%) и лица с нарушениями опорно-двигательной системы (57,5%). В жилом фонде максимальные ограничения отмечают инвалиды с нарушениями опорно-двигательной системы (64,4%) и зрения (60,5%). Общественный транспорт считают необорудованным 44,9% инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы.

В сравнении с базовой инфраструктурой, магазины, театры, кинотеатры и дома культуры демонстрируют более высокий уровень адаптации. В оценке магазинов сельские инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата чаще

других сталкиваются с барьерами (31,2%). В оценке досуговых учреждений не выявлено каких-либо зависимостей от нарушений функций организма.

В оценке доступности среды для сельских инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы и зрения недостаточная оборудованность среды превращает инвалидность из медицинского статуса в состояние устойчивой социальной зависимости. Доступная среда в ее нынешнем состоянии носит селективный характер и воспроизводит неравенство между различными категориями инвалидов, наиболее существенно ограничивая именно тех, чья жизнедеятельность напрямую зависит от физической доступности пространства.

Согласно результатам КОУЖ 2024 г., 55,5% инвалидов в возрасте 15 лет и старше, проживающих в сельской местности и участвующих в трудовой деятельности, имеют профессию или специальность, подтвержденную документом об образовании. В городской местности доля таких респондентов составляет 74,0%. У 44,1% сельских инвалидов, занятых в экономике, работа соответствует полученной специальности, еще у 13,2% она близка к профилю образования¹⁰. По сравнению с результатами предыдущих статистических наблюдений, данные показатели демонстрируют положительную динамику.

По результатам социологического опроса принципиальных различий в уровне занятости между городскими и сельскими инвалидами не выявлено. В сельской местности работают 14,3% опрошенных, в городской – 17,4%. Доля неработающих составляет 52,2% среди сельских инвалидов и 49,9% среди городских. Характер занятости также имеет сходные черты: на постоянной основе с полным рабочим днем работают 37,0% инвалидов, проживающих в сельской местности, что сопоставимо с показателями городских территорий. Существенных различий по формам занятости между территориальными группами не зафиксировано (табл. 2).

Таблица 2

Характер занятости опрошенных инвалидов (%)

Table 2

The nature of employment of respondents with disabilities (%)

Оценка места работы	Городские территории	Сельские территории
Работают на предприятии, в организации на постоянной основе полный рабочий день	37,9	37,0
Работают на предприятии, в организации на постоянной основе не полный рабочий день	23,0	20,4
Работают на предприятии, в организации на постоянной основе временно полный рабочий день	3,0	3,4
Работают на предприятии, в организации временно неполный рабочий день	4,6	4,3
Работают на дому, полная занятость	4,1	3,1
Работают на дому, неполная занятость	6,9	6,3
Имеют собственное дело	3,8	3,1
Другое	16,7	22,4

Источник: всероссийский опрос инвалидов 2024 г. (n = 2 777)

¹⁰ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

Распределение опрошенных инвалидов по занимаемым должностям с учетом территориального фактора демонстрирует выраженные различия между городскими и сельскими территориями. В сельской местности структура занятости инвалидов характеризуется иными пропорциями, нежели в городской. Наиболее многочисленной категорией выступают рабочие, доля которых достигает 33,3%, что превышает аналогичный показатель инвалидов, проживающих на городских территориях. Существенно ниже представлена группа специалистов – 15,5%, а доля служащих составляет 12,9%. Руководящие должности занимают лишь 4,1% опрошенных инвалидов, что указывает на ограниченные возможности профессионального продвижения и участия в управленческой деятельности в сельских условиях. Категория технических исполнителей имеет одинаковое значение для обеих территорий и составляет 8,3%. Значительная доля ответов относится к категории «другое» – 26,0%, что может отражать нестандартные формы занятости, самозанятость либо эпизодическую трудовую деятельность, более характерную для сельских территорий.

В целом полученные данные показывают, что занятость инвалидов в сельской местности в большей степени сосредоточена в сегменте рабочих профессий и нестабильных форм занятости, тогда как городские территории демонстрируют более диверсифицированную структуру должностей, включая управленческие и квалифицированные позиции. Это различие указывает на влияние территориальных условий на характер трудовой интеграции инвалидов и их положение в системе социально-профессиональных отношений (табл. 3).

Таблица 3

Должность, занимаемая опрошенными инвалидами

Table 3

Position held by respondents with disabilities

Оценка места работы	Городские территории	Сельские территории
Руководитель (высшего, среднего, низшего уровня)	9,4	4,1
Специалист (инженер)	19,6	15,5
Служащий	15,3	12,9
Технический исполнитель	8,3	8,3
Рабочий	28,2	33,3
Другое	19,2	26,0

Источник: всероссийский опрос инвалидов 2024 г. (n = 2 777)

Обсуждение

Современные исследования инвалидности демонстрируют, что различия в положении инвалидов формируются под воздействием двух взаимосвязанных уровней детерминации: индивидуального (статус инвалидности, тип и тяжесть нарушений) и структурного (тип местности, инфраструктура, пространственное распределение ресурсов). Международная и российская литература в принципе сходятся в том, что инвалидность определяет исходную степень функциональных ограничений, тогда как территориальный контекст – прежде всего сельская/городская локализация и региональное развитие – задает условия социальной реализации этих ограничений. Иными словами, статус инвалидности формирует базовую уязви-

мость, а тип местности выступает модификатором масштаба социальной эксклюзии.

Зарубежные исследования наиболее последовательно раскрывают данный вопрос через модели rural – urban disparities. Так, анализ работы R. Sage и соавторов показал, что сельские жители имеют более высокую вероятность устойчивой инвалидности даже после статистического контроля возраста, дохода и демографических характеристик, что свидетельствует о самостоятельном влиянии сельской среды на воспроизводство ограничений жизнедеятельности. При этом значительная часть различий объясняется структурными факторами – бедностью, доступом к медицинской помощи, транспорту и инфраструктуре, а не исключительно состоянием здоровья. Авторы делают вывод о том, что сельская местность не столько производит инвалидность, сколько усиливает ее долговременные последствия через дефицит ресурсов и институциональной поддержки [42].

Исследования распространенности инвалидности в США и странах ОЭСР также подтверждают, что сельские территории характеризуются более высокой долей множественных ограничений, однако после учета социально-экономических переменных ключевым становится именно различие в доступности медицинских и реабилитационных услуг. Следовательно, тип местности сильнее влияет на доступ к компенсационным механизмам, чем на сам факт инвалидности. В международной литературе это трактуется как “environmental amplification effect” – эффект усиления инвалидности средой. Особенно показательно то, что для лиц с тяжелыми формами инвалидности, когда пространственные различия оказываются значительно сильнее, чем для лиц с умеренными ограничениями, что указывает на взаимодействие, а не конкуренцию факторов [43]. Сходные выводы содержатся в исследованиях социальной эксклюзии людей с интеллектуальными нарушениями, где установлено, что тип нарушений функций организма задает базовый риск изоляции, но сельский контекст усиливает его за счет меньшего количества сервисов, транспортной недоступности и более выраженной стигматизации. Таким образом, зарубежная традиция преимущественно рассматривает инвалидность как первичный статус, а сельскую местность (rurality) – как фактор вторичной стратификации [44].

Российские исследователи развивают аналогичную логику, но в большей степени акцентируют внимание на институциональной и региональной неоднородности. Работы Е. В. Кулагиной показывают, что доступность социальной защиты, занятости и поддержки инвалидов трудоспособного возраста существенно варьируется по регионам Российской Федерации. Причем территориальные различия нередко оказываются более значимыми, чем формальный статус инвалидности. На материалах региональной статистики автор демонстрирует, что ограничения инвалидов усиливаются в условиях слабой инфраструктуры, низкой экономической емкости региона и ограниченности социальной политики, особенно в периферийных и сельских территориях [28].

В российскую социологию инвалидности важный вклад внесли П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова, показавшие, что ограничения жизнедеятельности во многом формируются социальной организацией среды, а не только медицинским диагнозом. Исследования доступности образования, занятости и городской

инфраструктуры подтверждают, что пространственная организация общества способна либо компенсировать, либо усиливать ограничения, связанные со здоровьем. Особенно значим тезис о том, что «инвалидизирующим» фактором нередко выступает не состояние человека, а отсутствие доступной среды и универсального дизайна [45].

Работы Л. Н. Нацун, посвященные социальной уязвимости инвалидов в региональных сообществах, показывают, что в России территориальный фактор наиболее отчетливо проявляется в сфере занятости, качества жизни и социальной интеграции. При этом статус инвалидности определяет вероятность исключения из рынка труда, тогда как тип местности влияет на формы такого исключения – от открытой дискриминации до структурной недоступности рабочих мест. Это позволяет говорить о различии между статусной и территориальной уязвимостью инвалидов [46].

Итак, анализ результатов исследований позволяет сделать вывод о том, что тип местности определяет доступность транспорта, качество жилищной среды, инфраструктурную адаптацию, региональные возможности занятости, наличие возможностей для комплексной реабилитации и доступности социальной политики.

Статус инвалидности определяет: уровень самообслуживания; тяжесть инвалидности, потребность в специальных условиях; степень ограничений в образовании и труде, риск индивидуальной стигматизации.

Выходит, что различия в жизнедеятельности инвалидов не могут быть адекватно объяснены исключительно ни типом местности, ни статусом инвалидности. Наиболее продуктивной является модель двойной стратификации (double stratification) или чаще ее называют double disadvantage (двойное неравенство) [47], в рамках которой инвалидность задает исходный уровень ограничений, а территориальная среда определяет возможности их социальной компенсации или усиления. Для сельских и периферийных территорий характерен кумулятивный эффект: инвалидность здесь чаще трансформируется из индивидуального ограничения в устойчивое структурное неравенство.

Таким образом, и зарубежные, и российские исследования подтверждают, что тип местности следует рассматривать в первую очередь как структурный модификатор инвалидности, а не как альтернативное объяснение различий. Статус инвалидности формирует первичную уязвимость, тогда как пространственный контекст определяет степень ее институционального смягчения либо углубления. Это означает, что эффективная политика в отношении инвалидов должна учитывать не только медицинские и статусные параметры, но и пространственную организацию социальной среды, переходя от универсальных мер поддержки к территориально дифференцированным стратегиям социальной интеграции.

Результаты всероссийского опроса инвалидов сельской местности в целом согласуются с выводами российских и зарубежных исследований, посвященных анализу инвалидности в контексте территориального неравенства и социальной стратификации. Зафиксированные различия в уровне благоустройства домохозяйств, имеющих в своем составе инвалидов, подтверждают тезис о структурной уязвимости сельских территорий, которая неоднократно подчеркивалась в научной литературе. Низкая обеспеченность централизованными коммунальными услугами

в сельской местности, выявленная по данным комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г., соотносится с результатами исследований, указывающих на институциональную разреженность и ограниченность социальной инфраструктуры вне городских агломераций.

Вместе с тем обращает на себя внимание высокая субъективная оценка удовлетворенности жилищными условиями среди сельских домохозяйств с инвалидами. Такой результат перекликается с выводами работ, в которых подчеркивается адаптивный характер оценок качества жизни в условиях ограниченных ресурсов. В рамках дискуссии это может интерпретироваться как проявление снижения нормативных ожиданий либо как результат укорененности в локальном социальном пространстве, где сравнительная перспектива формируется преимущественно внутри сельского сообщества.

Результаты опроса подтверждают положения социальной модели инвалидности, согласно которой ограничения жизнедеятельности во многом формируются характеристиками среды. Низкий уровень оснащенности жилых домов, подъездов, тротуаров и транспортной инфраструктуры специальными устройствами для инвалидов согласуется с выводами отечественных и зарубежных авторов о недостаточной адаптации пространственной среды, особенно в сельских районах. Схожесть оценок городских и сельских респондентов указывает на системный характер проблемы, выходящий за рамки исключительно сельского контекста, однако именно в сельской местности данные ограничения проявляются более остро вследствие меньшего выбора альтернативных маршрутов и сервисов.

Анализ трудовой занятости инвалидов позволяет уточнить дискуссию о социально-экономической интеграции этой группы. Отсутствие существенных различий в уровне занятости между городскими и сельскими инвалидами на фоне различий в профессиональной структуре занятости свидетельствует о специфике сельского рынка труда. Более высокая концентрация инвалидов в рабочих профессиях и нестандартизированных формах занятости в сельской местности подтверждает выводы исследователей, рассматривающих трудовую интеграцию инвалидов как ограниченную рамками локальной экономической структуры. При этом выявленная учеными положительная динамика соответствия работы полученной специальности может рассматриваться как результат развития программ профессиональной реабилитации, однако ее эффект в сельских территориях остается ограниченным.

По большому счету полученные эмпирические данные дополняют существующие научные представления, демонстрируя, что формально сопоставимые показатели занятости и удовлетворенности условиями жизни скрывают глубинные различия в качестве среды, уровне институциональной поддержки и возможностях социальной мобильности инвалидов в зависимости от типа территории проживания.

Выводы (заключение)

Проведенное научное исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов о специфике жизнедеятельности и социальной интеграции инвалидов в сельской местности. Анализ статистических данных и результатов всероссийского социологического опроса показал, что сельские домохозяйства с инвалидами характеризуются более низким уровнем благоустройства и доступности инфраструктуры

по сравнению с городскими, что подтверждает наличие устойчивого территориального неравенства.

Установлено, что объективные ограничения жилищных условий и инфраструктурной среды в сельской местности сочетаются с относительно высокой субъективной оценкой удовлетворенности условиями жизни. Это расхождение указывает на адаптационные механизмы восприятия качества жизни и требует дальнейшего анализа в рамках социологии повседневности и исследований социального благополучия.

Результаты исследования свидетельствуют о низком уровне адаптации жилых и общественных пространств к потребностям инвалидов, что ограничивает их мобильность и участие в социальной жизни. Наиболее проблемной сферой остается транспортная доступность, дефицит которой существенно снижает возможности социальной интеграции в сельских территориях.

В сфере трудовой занятости выявлено, что, несмотря на близкие показатели участия в экономической деятельности городских и сельских инвалидов, структура занятости в сельской местности отличается меньшей диверсификацией и ограниченными возможностями профессионального роста. Это отражает влияние территориальных факторов на характер трудовой интеграции и социально-профессиональное положение инвалидов.

Полученные результаты имеют значение для дальнейших научных исследований, направленных на углубленный анализ региональной дифференциации, механизмов социальной адаптации и эффективности мер социальной политики в отношении инвалидов в сельских территориях. Перспективным направлением представляется развитие сравнительных исследований, а также оценка влияния программ комплексной реабилитации и доступной среды с учетом специфики сельского социального пространства.

Список литературы

1. *World Health Organization*. World Report on Disability 2011. Malta : WHO, 2011. 325 p. ISBN 978-92-4-068521-5.
2. Philip, L. J. Conceptualizing Social Exclusion in Rural Britain / L. J. Philip, M. Shucksmith // *European Planning Studies*. 2003. Vol. 11, № 4. Pp. 461–480. DOI [10.1080/09654310303646](https://doi.org/10.1080/09654310303646).
3. Neille, J. Beyond Physical Access: A Qualitative Analysis into the Barriers to Policy Implementation and Service Provision Experienced by Persons with Disabilities Living in a Rural Context / J. Neille, C. Penn // *Rural and Remote Health*. 2015. Vol. 15, № 3. Pp. 149–162. DOI [10.22605/RRH3332](https://doi.org/10.22605/RRH3332).
4. Iezzoni, L. I. Rural Residents with Disabilities Confront Substantial Barriers to Obtaining Primary Care / L. I. Iezzoni, M. B. Killeen, B. L. O'Day // *Health Services Research*. 2006. Vol. 41, № 4. Pp. 1258–1275. DOI [10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x).
5. Староверов, В. И. Роль деревни в национальной жизни и в социальных переворотах в дореволюционной России // *Продовольственная политика и безопасность*. 2018. Т. 5, № 2. С. 107–115. DOI [10.18334/ppib.5.2.40112](https://doi.org/10.18334/ppib.5.2.40112). EDN [VAPYQJ](https://www.edn.ru/VAPYQJ).
6. Староверов, В. И. К истории возрождения российской сельской социологии / В. И. Староверов // *Социологические исследования*. 2008. № 10(294). С. 40–52. EDN [ITBUMI](https://www.edn.ru/ITBUMI).
7. Андрющенко С. А. Социально-экономические проблемы развития фермерского уклада в России / С. А. Андрющенко, Ю. П. Бондаренко, В. Б. Бурлаков, О. Я. Виноградская // *Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России : материалы Второго Всероссийского конгресса экономистов-аграрников: в 2 частях, Москва, 13–15 февраля 2006 г. Часть 1*. Москва : Российский научно-исследовательский институт информа-

ции и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2006. С. 21–25. ISBN 5-7367-0597-4. EDN [QRQYNX](#).

8. Бондаренко, Ю. П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 1. С. 12. EDN [VSAWET](#).

9. Великий, П. П. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 48–60. DOI [10.31857/S013216250007734-0](#). EDN [ASCELK](#).

10. Жукова, Т. А. Проблемы развития крестьянских(фермерских) хозяйств на Кубани // Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий : Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 25 ноября 2019 г. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019. С. 89–97. EDN [TMWWES](#).

11. Исаева, О. В. Многоукладность сельского хозяйства России: современные тенденции и перспективы развития // Экономика и экология территориальных образований. 2019. Т. 3, № 3. С. 20–30. DOI [10.23947/2413-1474-2019-3-3-20-30](#). EDN [CAJUOC](#).

12. Намруева, Л. В. Взаимодействие коллективного и семейного укладов в южнороссийских селах (по материалам исследования 2018 г.) // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 2. С. 134–142. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12](#). EDN [XIERPC](#).

13. Касаркина, Е. Н. Субкультура семейно-родственной помощи мордовской молодой семьи на селе // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 1. С. 45–55. DOI [10.15507/2076-2577.011.2019.01.045-055](#). EDN [ZHXFEA](#).

14. Гасиев, В. И. Становление и функционирование молодой сельской семьи (на примере Республики Северная Осетия-Алания) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2006. 19 с. EDN [ZNQPGJ](#).

15. Ельчанинов, П. М. Женская безработица на селе // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 133–135.

16. Пантелеева, О. И. Молодая семья как институциональный фактор устойчивого развития сельских территорий / О. И. Пантелеева, Н. М. Беляева // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2011. № 2(22). С. 249–254. EDN [NWAXLP](#).

17. Широкалова, Г. С. Специалисты для села и село для специалистов / Г. С. Широкалова, О. Н. Дерябина // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 26–38. EDN [MULYVB](#).

18. Петриков, А. В. Приоритеты и механизмы социально-экономического развития российского села // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 2. С. 115–123. DOI [10.31857/S0869587324020049](#). EDN [GIECWX](#).

19. Шабанов, В. Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 4–19. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-4-19](#). EDN [MMPATA](#).

20. Великий, П. П. Современная российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии / П. П. Великий, А. А. Вальшина // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](#). EDN [ICIJDC](#).

21. Oliver, M. The Politics of Disablement – New Social Movements // The Politics of Disablement. Critical Texts in Social Work and the Welfare State. London : Palgrave, 1990. Pp. 112–131. DOI [10.1007/978-1-349-20895-1_8](#).

22. Shakespeare, T. Disability: The Basics. London : Routledge, 2017. 196 p. ISBN 9781315624839. DOI [10.4324/9781315624839](#).

23. Mitra, S. Disability and Poverty in Developing Countries: A Multidimensional Study / S. Mitra, A. Posarac, B. Vick // World Development. 2013. Vol. 41. Pp. 1–18. DOI [10.1016/j.worlddev.2012.05.024](#).

24. Soldatic, K. Disability and Rurality / K. Soldatic, K. Johnson. London : Routledge, 2017. 274 p. ISBN 9781315577340. DOI [10.4324/9781315624839](#).

25. Романов, П. В. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. 2005. № 2(250). С. 43–55. EDN [OPFFEL](#).

26. Зубаревич, Н. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12–14. EDN [VXLVBY](#).

27. Gulliford, M. What does 'access to health care' mean? / M. Gulliford, J. Figueroa-Munoz, M. Hudson, et al. // Journal of Health Services Research and Policy. 2002. Vol. 7. № 3. Pp. 186–188. DOI [10.1258/135581902760082517](https://doi.org/10.1258/135581902760082517).

28. Кулагина, Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4(40). С. 8–27. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9280](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9280). EDN [YKZUFE](https://www.edn.ru/ykzufe).

29. Корогодова, Н. П. Эффективность социальных служб в реализации психолого-педагогических и социокультурных услуг в процессе инклюзии детей-инвалидов в общество / Н. П. Корогодова, Д. В. Зайцев, О. В. Зайцева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 1. С. 29–36. DOI [10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36). EDN [TSIXEX](https://www.edn.ru/tsixex).

30. Гурина, М. А. Исследование некоторых аспектов реализации социальной политики в отношении инвалидов на региональном уровне / М. А. Гурина, Т. И. Сокольская, А. С. Шурупова [и др.] // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 3. С. 397–412. DOI [10.18334/et.10.3.117531](https://doi.org/10.18334/et.10.3.117531). EDN [MHRQAV](https://www.edn.ru/mhrqav).

31. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Disability and Development Report: Realizing the Sustainable Development Goals by, for and with Persons with Disabilities 2018. New York : UN DESA, 2019. 340 p. ISBN 9789210479035.

32. Hall, E. Alternative Spaces of 'Work' and Inclusion for Disabled People / E. Hall, R. Wilton // Disability & Society. 2011. Vol. 26, № 7. Pp. 867–880. DOI [10.1080/09687599.2011.618742](https://doi.org/10.1080/09687599.2011.618742).

33. Neille, J. A Qualitative Inquiry into the Ways in Which Space and Place Influence the Lived Experiences of Adults with Disabilities in Rural South Africa // Rural and Remote Health. 2021. Vol. 21, № 1. Article 6241. DOI [10.22605/RRH6241](https://doi.org/10.22605/RRH6241).

34. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / А. Я. Бурдяк, С. А. Васин, А. О. Макаренцева [и др.]. Москва : Издательство Дело, 2017. 256 с. ISBN 978-5-7749-1213-1. EDN [ZIZELV](https://www.edn.ru/zizelv).

35. Ковалев, А. С. Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 1. С. 77–103. EDN [JXVRCE](https://www.edn.ru/jxvrce).

36. Проклова, Т. Н. Стойкая нетрудоспособность населения Российской Федерации: анализ и оценка региональных особенностей / Т. Н. Проклова, В. О. Щепин, Л. П. Чичерин [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 4. С. 555–559. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559). EDN [AKICFD](https://www.edn.ru/akicfd).

37. Пустовойт, Н. В. Проблема социальной изоляции семей с детьми-инвалидами (на материале Республики Хакасия) / Н. В. Пустовойт, Е. Н. Власова, О. П. Гурова, Н. С. Сафьянова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 12. С. 57–64. DOI [10.23672/SAE.2023.32.91.025](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.32.91.025). EDN [PQIGPV](https://www.edn.ru/pqigpv).

38. Lindsay, S. Disability and Rurality: A Systematic Review of Qualitative Studies of Experiences with Disability among Families with Children and Youth with Disabilities / S. Lindsay, N. Abdeahad, S. Leo, J. Phonepraseuth // Disability and Rehabilitation. 2025. Т. 47. № 26. Pp. 6781–6804. DOI: [10.1080/09638288.2025.2525545](https://doi.org/10.1080/09638288.2025.2525545).

39. Wang, Y. Multi-Dimensional Accessibility Barriers in Care Services for the Rural Elderly with Disabilities: A Qualitative Study in China / Y. Wang, C. Qi // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, № 12. Article 6373. DOI [10.3390/ijerph18126373](https://doi.org/10.3390/ijerph18126373).

40. Старшинова, А. В. Реабилитация людей с инвалидностью и оценка ее результативности: социологическое обоснование и практика / А. В. Старшинова, Т. В. Рогачева, Е. В. Шестакова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 1. С. 94–104. DOI [10.29039/1998-6785/2025-1/94-104](https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104). EDN [GGREZH](https://www.edn.ru/ggrezh).

41. Рочева, Я. С. Теоретико-методологические основы социологического мониторинга соблюдения прав инвалидов / Я. С. Рочева, А. В. Чечулин, Г. Н. Пономаренко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 2. С. 50–67. DOI [10.15593/2224-9354/2025.2.4](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2025.2.4). EDN [LJQYQY](https://www.edn.ru/ljqyqy).

42. Sage, R. Transitory and Enduring Disability Among Urban and Rural People / R. Sage, B. Ward, A. Myers, C. Ravesloot // The Journal of Rural Health. 2019. Vol. 35, № 4. Pp. 460–470. DOI [10.1111/jrh.12338](https://doi.org/10.1111/jrh.12338).

43. Zhao, G. Prevalence of Disability and Disability Types by Urban-Rural County Classification-U.S., 2016 / G. Zhao, C. A. Okoro, J. Hsia, W. S. Garvin, M. Town // *American Journal of Preventive Medicine*. 2019. Vol. 57, № 6. Pp. 749–756. DOI [10.1016/j.amepre.2019.07.022](https://doi.org/10.1016/j.amepre.2019.07.022).

44. Nicholson, L. The Relationship between Area Deprivation and Contact with Community Intellectual Disability Psychiatry / L. Nicholson, H. Hotchin // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2015. Vol. 59, № 5. Pp. 487–492. DOI [10.1111/jir.12149](https://doi.org/10.1111/jir.12149).

45. Ярская-Смирнова, Е. Р. Доступность высшего образования для инвалидов / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2005. № 1. С. 89–99. EDN [PISYBX](https://www.edn.ru/PISYBX).

46. Нацун, Л. Н. Дискриминация инвалидов на рынке труда как проявление социальной эксклюзии // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018. № 3(35). С. 463–473. DOI [10.17072/2078-7898/2018-3-463-473](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-3-463-473), EDN [VBEVZC](https://www.edn.ru/VBEVZC).

47. Gething, L. Sources of Double Disadvantage for People with Disabilities Living in Remote and Rural Areas of New South Wales, Australia // *Disability & Society*. 1997. Vol. 12, № 4. Pp. 513–531. DOI [10.1080/09687599727100](https://doi.org/10.1080/09687599727100).

Сведения об авторах

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); РИНЦ SPIN-код: [1129-8400](https://elibrary.ru/1129-8400); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Рочева Яна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, руководитель отдела мониторинга соблюдения прав инвалидов, ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России (Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г. А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации), Санкт-Петербург; стажер, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rocheva_yana@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7162-8917](https://orcid.org/0000-0002-7162-8917); РИНЦ SPIN-код: [3093-5092](https://elibrary.ru/3093-5092); Web of Science Researcher ID: [ABC-5906-2021](https://orcid.org/ABC-5906-2021); Scopus Author ID: [57223703463](https://orcid.org/57223703463).

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; принята в печать 20.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SOCIAL STATUS AND EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RURAL RUSSIA

Tamara K. Rostovskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Yana S. Rocheva

Albrecht Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation, Ministry of Labor of Russia, St. Petersburg;

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rocheva_yana@mail.ru

For citation: Rostovskaya, T. K., Rocheva, Y. S. Social Status and Employment of People with Disabilities in Rural Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 144–167. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.9). (In Russ.)

Abstract. This article examines the status and social inclusion of people with disabilities living in rural areas. The aim of the study is to analyze socioeconomic conditions, living conditions, employment opportunities, and access to health and social services in rural areas for people with disabilities. Using data from the Comprehensive Survey of 2014 Living Conditions of Population and a national survey of people with disabilities and representatives of disabled children conducted in 25 regions of the Russian Federation, differences in living conditions, accessibility of infrastructure, and employment of people with disability are identified depending on the area of residence and type of disability. The study results show that people with disabilities living in rural areas have lower standards of housing, limited access to transportation and infrastructure, and a more limited employment structure than people with disabilities in urban areas. It was found that those whose life activities depend directly on physical accessibility experience the most significant limitations, especially people with musculoskeletal or visual impairments. A conclusion is drawn regarding the existence of double inequality, where disability sets the initial level of limitation, and the spatial environment defines the possibilities for social compensation or enhancement. These findings complement existing sociological understandings of the social inclusion of people with disabilities and can be used to develop and evaluate social policy measures that are tailored to the needs of rural communities.

Keywords: disability, rural areas, social inequality, social policy, social integration, employment, access to services

References

1. World Health Organization. *World Report on Disability 2011*. Malta: WHO, 2011. 325 p. ISBN 978-92-4-068521-5.
2. Philip, L. J., M. Shucksmith. Conceptualizing Social Exclusion in Rural Britain. *European Planning Studies*. 2003. Vol. 11, No. 4. Pp. 461–480. DOI [10.1080/09654310303646](https://doi.org/10.1080/09654310303646).
3. Neille, J., Penn, C. Beyond Physical Access: A Qualitative Analysis into the Barriers to Policy Implementation and Service Provision Experienced by Persons with Disabilities Living in a Rural Context. *Rural and Remote Health*. 2015. Vol. 15, No. 3. Pp. 149–162. DOI [10.22605/RRH3332](https://doi.org/10.22605/RRH3332).
4. Iezzoni, L. I., Killeen, M. B., O'Day B. L. Rural Residents with Disabilities Confront Substantial Barriers to Obtaining Primary Care. *Health Services Research*. 2006. Vol. 41. No. 4. Pp. 1258–1275. DOI [10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x).
5. Staroverov, V. I. The Role of the Village in the National Life and Social Upheavals in Pre-Revolutionary Russia. *Food Policy and Security*. 2018. Vol. 5, No. 2. Pp. 107–115. DOI [10.18334/ppib.5.2.40112](https://doi.org/10.18334/ppib.5.2.40112). (In Russ.).
6. Staroverov, V. I. Russian Rural Sociology Rebirth (A Witness' Notes). *Sociological Studies*. 2008. No. 10(294). Pp. 40–52. (In Russ.).
7. Andryushchenko, S. A., Bondarenko, Yu. P., Burlakov, V. B., Vinogradskaya, O. Ya. Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy razvitiya fermerskogo uklada v Rossii [Socio-Economic Problems of Development of Farming System in Russia]. *Ustoychivoye razvitiye agroproduktov'stvennogo sektora kak vazhneyshiy faktor sotsial'no-ekonomicheskoy stabil'nosti Rossii* [Sustainable Development of Agri-Food Sector as the Most Important Factor of Socio-Economic Stability of Russia]: materials of the Second All-Russian Congress of Agricultural Economists: in 2 parts, Moscow, February 13–15, 2006. Part 1. Moscow: Russian Research Institute of Information and Technical and Economic Research on Engineering and Technical Support of the Agro-Industrial Complex, 2006. Pp. 21–25. ISBN 5-7367-0597-4. (In Russ.).
8. Bondarenko, Y. Prospects for Multifunctionality of the Russian Agrarian Sector. *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*. 2016. No. 1. Pp. 12. (In Russ.).
9. Velikiy, P. P. Owners of Private Farmsteads: Differentiation, Problems, Outlook. *Sociological Studies*. 2019. No. 12. Pp. 48–60. DOI [10.31857/S013216250007734-0](https://doi.org/10.31857/S013216250007734-0). (In Russ.).
10. Zhukova, T. A. Problems of Development of Peasant (Farm) Farms in the Kuban. *Aktual'nyye problemy ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy* [Current Issues of Sustainable Development of Rural Areas]: Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, November 25, 2019. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2019. Pp. 89–97. (In Russ.).
11. Isaeva, O. V. Mixed Forms of Management in Agriculture of Russia: Modern Tendencies and Prospects of Development. *Economy and Ecology of Territorial Formations*. 2019. Vol. 3, No. 3. Pp. 20–30. DOI [10.23947/2413-1474-2019-3-3-20-30](https://doi.org/10.23947/2413-1474-2019-3-3-20-30). (In Russ.).
12. Namrueva, L. V. Interaction of Community and Family Patterns of Life in Southern Villages (Based on Research Materials of 2018). *Logos et Praxis*. 2019. Vol. 18, No. 2. Pp. 134–142. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12). (In Russ.).

13. Kasarkina, E. N. Subculture of Family-Related Assistance to the Mordovian Young Family in the Countryside. *Finno-Ugric World*. 2019. Vol. 11, No. 1. Pp. 45–55. DOI [10.15507/2076-2577.011.2019.01.045-055](https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.01.045-055). (In Russ.).
14. Gasiev, V. I. *Stanovleniye i funktsionirovaniye molodoy sel'skoy sem'i (na primere Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya) [Formation and Functioning of a Young Rural Family (On the Example of the Republic of North Ossetia-Alania)]*: abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow, 2006. 19 p. (In Russ.).
15. Elchaninov, P. M. Zhenskaya bezrabotitsa na sele [Female Unemployment in Rural Areas]. *Sociological Studies*. 2001. No. 12. Pp. 133–135. (In Russ.).
16. Panteleeva, O. I., Belyaeva, N. M. Molodaya sem'ya kak institutsional'nyy faktor ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy [Young Family as an Institutional Factor in Sustainable Development of Rural Areas]. *Proceedings of Nizhnevolzskiy Agrouniversity Complex: Science and Higher Vocational Education*. 2011. No. 2(22). Pp. 249–254. (In Russ.).
17. Shirokalova, G. S., Deryabina, O. N. Spetsialisty dlya sela i selo dlya spetsialistov [Specialists for the Village and the Village for Specialists]. *Sociological Studies*. 2010. No. 9(317). Pp. 26–38. (In Russ.).
18. Petrikov, A. V. Priorities and Mechanisms of Socio-Economic Development of the Russian Village. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 94, No. 2. Pp. 115–123. DOI [10.31857/S0869587324020049](https://doi.org/10.31857/S0869587324020049). (In Russ.).
19. Shabanov, V. L. Quality of Life of the Rural Population in Russia: Integral Assessment and Regional Differentiation. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 1. Pp. 4–19. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-4-19](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-4-19). (In Russ.).
20. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sociological Studies*. 2025. No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). (In Russ.).
21. Oliver, M. The Politics of Disablement – New Social Movements. In: *The Politics of Disablement. Critical Texts in Social Work and the Welfare State*. London: Palgrave, 1990. Pp. 112–131. DOI [10.1007/978-1-349-20895-1_8](https://doi.org/10.1007/978-1-349-20895-1_8).
22. Shakespeare, T. *Disability: The Basics*. London: Routledge, 2017. 196 p. ISBN 9781315624839. DOI [10.4324/9781315624839](https://doi.org/10.4324/9781315624839).
23. Mitra, S., Posarac, A., Vick, B. Disability and Poverty in Developing Countries: A Multidimensional Study. *World Development*. 2013. Vol. 41. Pp. 1–18. DOI [10.1016/j.worlddev.2012.05.024](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.05.024).
24. Soldatic, K., Johnson, K. *Disability and Rurality*. London: Routledge, 2017. 274 p. ISBN 9781315577340. DOI [10.4324/9781315624839](https://doi.org/10.4324/9781315624839).
25. Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. Policies of Disability: Issues of Accessible Environment and Employment. *Sociological Studies*. 2005. No. 2(250). Pp. 43–55. (In Russ.).
26. Zubarevich, N. Razvitiye sel'skikh territoriy Rossii, sotsial'nyye i gendernyye problemy [Development of Rural Areas of Russia, Social and Gender Issues]. *International Agricultural Journal*. 2017. No. 2. Pp. 12–14. (In Russ.).
27. Gulliford, M., Figueroa-Munoz, J., Hudson, M., et al. What does 'access to health care' mean? *Journal of Health Services Research and Policy*. 2002. Vol. 7, No. 3. Pp. 186–188. DOI [10.1258/135581902760082517](https://doi.org/10.1258/135581902760082517).
28. Kulagina, E. V. Social Security of Persons with Disabilities: Accessibility for Working-Age Population. Part II. *Sociological Science and Social Practice*. 2022. Vol. 10, No. 4(40). Pp. 8–27. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9280](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9280). (In Russ.).
29. Korogodova, N. P., Zaitsev, D. V., Zaitseva, O. V. The Effectiveness of Social Services in the Implementation of Psychological, Pedagogical and Socio-Cultural Services in the Process of Disabled Children's Inclusion into Society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2021. Vol. 21, No. 1. Pp. 29–36. DOI [10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36). (In Russ.).
30. Gurina, M. A., Sokolskaya, T. I., Shurupova, A. S., et al. Research on Some Aspects of Social Policy Related to People with Disabilities at the Regional Level. *Russian Journal of Labor Economics*. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 397–412. DOI [10.18334/et.10.3.117531](https://doi.org/10.18334/et.10.3.117531). (In Russ.).

31. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *Disability and Development Report: Realizing the Sustainable Development Goals by, for and with Persons with Disabilities* 2018. New York: UN DESA, 2019. 340 p. ISBN 9789210479035.
32. Hall, E., Wilton, R. Alternative Spaces of 'Work' and Inclusion for Disabled People. *Disability & Society*. 2011. Vol. 26, No. 7. Pp. 867–880. DOI [10.1080/09687599.2011.618742](https://doi.org/10.1080/09687599.2011.618742).
33. Neille, J. A Qualitative Inquiry into the Ways in Which Space and Place Influence the Lived Experiences of Adults with Disabilities in Rural South Africa. *Rural and Remote Health*. 2021. Vol. 21, No. 1. Article 6241. DOI [10.22605/RRH6241](https://doi.org/10.22605/RRH6241).
34. Burdyak, A. Ya., Vasin, S. A., Makarentseva, A. O., et al. *Invalidnost' i sotsial'noye polozheniye invalidov v Rossii [Disability and Social Status of Disabled People in Russia]*. Moscow: Delo Publishing House, 2017. 256 p. ISBN 978-5-7749-1213-1. (In Russ.).
35. Kovalev, A. S. State Social Policy Towards the Disabled and Elderly in Rural Areas of the RSFSR in the 1920s–1930s: Ideas and Everyday Practices. *Russian Peasant Studies*. 2025. Vol. 10, No. 1. Pp. 77–103. (In Russ.).
36. Proklova, T. N., Schepin, V. O., Chicherin, L. P., et al. The Persistent Disability of Population in the Russian Federation: Analysis and Assessment of Regional Characteristics. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2020. Vol. 28, No. 4. Pp. 555–559. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559). (In Russ.).
37. Pustovoit, N. V., Vlasova, E. N., Gurova, O. P., Safyanova, N. S. The Problem of Social Isolation of Families with Disabled Children (Based on the Material of the Republic of Khakassia). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2023. No. 12. Pp. 57–64. DOI [10.23672/SAE.2023.32.91.025](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.32.91.025). (In Russ.).
38. Lindsay, S., Abdeahad, N., Leo, S., Phonepraseuth, J. Disability and Rurality: A Systematic Review of Qualitative Studies of Experiences with Disability among Families with Children and Youth with Disabilities. *Disability and Rehabilitation*. 2025. Vol. 47, No. 26. P. 6781–6804. [10.1080/09638288.2025.2525545](https://doi.org/10.1080/09638288.2025.2525545).
39. Wang, Y., Qi, C. Multi-Dimensional Accessibility Barriers in Care Services for the Rural Elderly with Disabilities: A Qualitative Study in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, No. 12. Article 6373. DOI [10.3390/ijerph18126373](https://doi.org/10.3390/ijerph18126373).
40. Starshinova, A. V., Rogacheva, T. V., Shestakova, E. V. Rehabilitation of People with Disabilities and Assessment of Its Effectiveness: Sociological Justification and Practice. *Ojkumena. Regional Researches*. 2025. Vol. 19, No. 1. Pp. 94–104. DOI [10.29039/1998-6785/2025-1/94-104](https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104). (In Russ.).
41. Rocheva, Ya. S., Chechulin, A. V., Ponomarenko, G. N. Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Monitoring of the Observance of the Rights of Persons with Disabilities. *Bulletin PNRPU. Social and Economic Sciences*. 2025. No. 2. Pp. 50–67. DOI [10.15593/2224-9354/2025.2.4](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2025.2.4). (In Russ.).
42. Sage, R., Ward, B., Myers, A., Ravesloot, C. Transitory and Enduring Disability Among Urban and Rural People. *The Journal of Rural Health*. 2019. Vol. 35, No. 4. Pp. 460–470. DOI [10.1111/jrh.12338](https://doi.org/10.1111/jrh.12338).
43. Zhao, G., Okoro, C. A., Hsia, J., et al. Prevalence of Disability and Disability Types by Urban-Rural County Classification-U.S., 2016. *American Journal of Preventive Medicine*. 2019. Vol. 57, No. 6. Pp. 749–756. DOI [10.1016/j.amepre.2019.07.022](https://doi.org/10.1016/j.amepre.2019.07.022).
44. Nicholson, L., Hotchin, H. The Relationship between Area Deprivation and Contact with Community Intellectual Disability Psychiatry. *Journal of Intellectual Disability Research*. 2015. Vol. 59, No. 5. Pp. 487–492. DOI [10.1111/jir.12149](https://doi.org/10.1111/jir.12149).
45. Yarskaya-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. Accessibility of Higher Education for Disabled. *University Management: Practice and Analysis*. 2005. No. 1. Pp. 89–99. (In Russ.).
46. Natsun, L. N. Discrimination of People with Disabilities in the Labor Market as a Source of Social Vulnerability. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018. No. 3(35). Pp. 463–473. DOI [10.17072/2078-7898/2018-3-463-473](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-3-463-473). (In Russ.).
47. Gething, L. Sources of Double Disadvantage for People with Disabilities Living in Remote and Rural Areas of New South Wales, Australia. *Disability & Society*. 1997. Vol. 12, No. 4. Pp. 513–531. DOI [10.1080/09687599727100](https://doi.org/10.1080/09687599727100).

Bio notes

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI SPIN-code: [1129-8400](https://elibrary.ru/1129-8400); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Yana S. Rocheva, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department for Monitoring the Rights of Persons with Disabilities, Albrecht Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation, Ministry of Labor of Russia (Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation named after G. A. Albrecht of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation), St. Petersburg; Trainee, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rocheva_yana@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7162-8917](https://orcid.org/0000-0002-7162-8917); RSCI SPIN-code: [3093-5092](https://elibrary.ru/3093-5092); Web of Science Researcher ID: [ABC-5906-2021](https://orcid.org/ABC-5906-2021); Scopus Author ID: [57223703463](https://orcid.org/57223703463).

Received on 12.02.2026; accepted for publication on 20.04.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.10)

EDN [MEBUXR](https://edn.mebuxr.ru)

Научная статья

СОЦИОСТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: РЕСУРСЫ ЗАНЯТОСТИ И ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Вяльшина А. А.

Институт аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН, Саратов, Россия

E-mail: anvyal@mail.ru

Для цитирования: Вяльшина, А. А. Социоструктурная дифференциация сельского населения России: ресурсы занятости и факторы жизненного благополучия // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6. № 2. С. 168–187. [10.19181/demis.2026.6.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.10). EDN [MEBUXR](https://edn.mebuxr.ru).

Аннотация. Работа посвящена исследованию актуальных социохозяйственных аспектов повседневной жизни типичных социальных групп сельского населения. На базе эмпирического изучения публикаций российских социологов проведен анализ и выявлены характерные социоструктурные черты основных социальных групп сельского населения. Представлены результаты прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. Объектом анализа являлись жители сельских поселений Саратовской области ($n=1215$), выборка целевая, квотная, пропорциональная социоструктурным критериям, связанным с наличием занятости и ее типом. Главной целью исследования были поиск и обоснование механизмов позитивного влияния социокультурных ресурсов локальных сообществ на аграрное производство и жизнеустройство сельских территорий. Проанализированы объективные различия в уровне и качестве жизни разных групп сельского населения в зависимости от наличия и типа занятости. Выявлены субъективные основания и предпосылки жизнедеятельности, обуславливающие успешность достижения жизненного благополучия. Результаты исследования позволяют предположить наличие специфической комбинации социоструктурных критериев для каждой социальной группы современного села, вызванных локальными особенностями жизнедеятельности на сельских территориях России. Охарактеризованы особенности социально-экономического положения и социального самочувствия типичных групп села (фермеров, владельцев товарного ЛПХ, наемных работников сельского хозяйства, работников бюджетных отраслей, сельчан, не имеющих официальной занятости, сельских пенсионеров). Рассмотрены объективные и субъективные предпосылки достижения жизненных целей в местах проживания и возможности расширения индивидуальной активности. Сделан вывод о социоструктурной детерминации адаптационных возможностей и ресурсов саморазвития типичных социальных групп сельского населения. Полученные результаты будут способствовать поиску и активизации социокультурных оснований расширения внутреннего потенциала сельских сообществ для стимулирования устойчивого развития сельских территорий России.

Ключевые слова: типичные социальные группы, сельские сообщества, социоструктурные особенности, сельские территории, социологическое исследование

Введение

В социально-экономическом развитии сельских территорий России длительное время фиксируется ряд системных проблем – от слабо развитой экономики и социальной сферы, депопуляции, проблем безработицы и значительного оттока населения до низкого уровня развития инженерной и социальной инфраструктуры. Отсутствуют предпосылки для диверсификации сельской экономики, создания новых рабочих мест, формирования благоприятной институциональной среды, снижения уровня социально-экономических, инфраструктурных диспропорций между городом и селом, согласования стратегических целей их устойчи-

вого взаимоувязанного развития. Во многом благодаря этому в сельском сообществе воспроизводится неравномерность как по уровню имеющихся ресурсов и возможностей, так и по перспективам развития сельского населения. Разные социальные группы отличаются друг от друга не только уровнем доходов, качеством жизни, имеющимися возможностями или лишениями, но и ощущением социального благополучия, восприятием индивидуальной успешности, защищенности от житейских невзгод, готовностью активизировать свой внутренний потенциал.

В период реформ в сельской местности появились такие новые формы жизнеустройства сельского населения как фермерство, самозанятость на базе ЛПХ, ориентированные на частное предпринимательство, в то время как коллективные социохозяйственные уклады были слабо развиты (артели, колхозы, кооперативы). По мнению П. П. Великого и его соавтора, «пребывание в течение тридцатилетнего пореформенного периода в относительно неизменном жизнеустройстве <...> обусловило формирование протореальных статусоподобных групп, адаптировавшихся к своему положению и зачастую осознающих неравенство и даже ущербность своего положения среди других групп» [1, с. 61]. Основной предпосылкой этого стала неравная доступность трудовой занятости для населения сельских территорий.

Социальная реальность современного российского села не позволяет выделить некий общий критерий разграничения социальных групп, ведь социальное положение детерминировано зачастую разными и совершенно несхожими критериями. Анализ типичных подгрупп внутри сельского сообщества свидетельствует о том, что признаки каждой группы индивидуальны, отличаются от признаков других групп и подходят для идентификации только данной группы [2, с. 106]. Каждая типичная группа современного села определяется в социоструктурном смысле специфическим набором признаков, во многом обусловленных спецификой сельской реальности. Работник сельхозорганизации и тот, кто уже вышел на пенсию и стал заниматься товарным ЛПХ, с виду выполняют схожие трудовые функции, однако являются представителями разных социальных групп. Первый – это наемный работник, полностью лишенный права участия в принятии решений организации, зависящий от работодателя и отстраненный от самостоятельного внедрения инноваций в трудовые процессы. Второй является хозяином своего положения, его трудовые, хозяйственно-экономические и социальные функции близки к фермерам. Вместе с тем иные признаки (наличие и состав имущества, имеющиеся ресурсы и возможности, доступность благ) у представителей различных групп могут быть схожими и слабо отличающимися, но они не имеют значимого веса при идентификации социальных групп.

Обзор научной литературы

В отечественной науке сосуществуют разные подходы к изучению особенностей трансформации социальной структуры российского общества и формирования основных социальных групп сельского населения. Представители Новосибирской экономико-социологической школы исследовали трансформационные процессы в постсоветской России, делая особый упор на институциональных, социоструктурных и воспроизводственных аспектах происходящих изменений. Важным направлением социоструктурных исследований является концепция жизнен-

ных шансов, основанная на неовеберианских подходах и последовательно развиваемая коллективом ученых под руководством Н. Е. Тихоновой. Основные постулаты следующие. Жизненные шансы, взятые как со знаком плюс, так и со знаком минус, могут выступать самостоятельным основанием для выделения элементов социальной структуры [3]. Многомерная стратификация россиян с учетом их места в системе неравенств в предложенных жизненных сферах позволяет глубже понять предпосылки формирования факторов благополучия и/или уязвимости жизнедеятельности различных групп населения.

О. И. Шкаратан разработал подход к социальной стратификации постсоветского общества, объясняющий причины масштабного неравенства в стране на основе переплетения доминирующих сословно-слоевых групп с протоклассами, возникающими на основе разделения занятого населения по разным социально-экономическим нишам рынка труда [4]. Преобладающий технико-технологический уклад порождает профессионально-квалификационное разделение труда, детерминируя социально-профессиональную стратификацию и опосредованное рынком труда и системой реального неравенства формирование социальных классов.

Научная школа социологии Республики Татарстан внесла вклад в разработку методологии исследования ресурсного потенциала модернизации села, основанной на сочетании системно-структурного, ресурсного и деятельностного подходов. В исследованиях Ч. И. Ильдархановой ресурсный потенциал социального пространства села выступает комплексным условием расширения модернизационных процессов на сельских территориях. На основе разработки теоретической модели и индикаторов комплексного исследования ресурсного потенциала модернизации села выявлены специфические характеристики основных акторов модернизационных процессов (здоровое социальное самочувствие, ориентации на жизнестойкость и креативность жителей села), ведомственный, кадровый и солидаристский ресурсы, ресурс контролинга, а также межпоколенческий человеческий капитал, коммуникативную и информационную базу домохозяйства, уровень социального благополучия, инновационные ориентации и установки домохозяйств) [5].

Историки полагают, что при анализе трансформации классов современной деревни необходимо руководствоваться сочетанием разных факторов. М. А. Безнин и Т. М. Димони предложили авторский подход к выделению пяти социальных классов в советской деревне, коренным образом отличавшихся между собой по месту в отношениях собственности, объемно-правовому положению, ментально-поведенческим характеристикам. Они выделили пять социальных классов, позволяющих глубже понять направления изменения социальной структуры села после 1991 г. и выявить предпосылки трансформации общественных отношений пореформенного тридцатилетия [6].

Весьма интересный взгляд на социальную структуру локальных сообществ предлагает Ю. М. Плюснин, беря за основу собственные многолетние эмпирические наблюдения, определяющие объективное отражение реальной ситуации. Им разработан подход трехосевой бинарной социальной структуры локального сообщества, предлагающий описывать ее на основании трех координат: 1) степень включенности человека в сообщество; 2) его социальный статус; 3) степень экономической зависимости или независимости от государства [7, с.58–64].

Представленные подходы акцентируют внимание как на поддающихся статистической оценке индикаторах, связанных с занятостью и уровнем доходов, так и на поддающихся эмпирическому изучению субъективных оценок своего материального и социального благополучия в разрезе включенности в локальные сообщества и преобладающих типов отношений в них.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются результаты прикладного социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. Его главная цель состояла в изучении актуальных социокультурных аспектов повседневной жизни типичных социальных групп сельского населения, обосновании механизмов позитивного влияния традиционных духовно-нравственных ценностей на аграрное производство и жизнеустройство сельских территорий. Объектом исследования стали жители сельских поселений Саратовской области ($n=1\,215$). Выборка – целевая, квотная, пропорциональная социоструктурным критериям, связанным с наличием занятости и ее типом (фермеры (78 чел., 6,4%); наемные работники сельского хозяйства (189 чел., 15,9%); работники бюджетной сферы (430 чел., 35,8%); неформально занятые в сельском хозяйстве – ведут товарное ЛПХ на продажу и/или для собственного потребления (108 чел., 9,0%); домохозяйки (98 чел., 8,2%); пенсионеры (199 чел., 16,6%); лица трудоспособного возраста, не имеющие оплачиваемой занятости (86 чел., 7,2%)). В составе опрошенных находились 495 мужчин (40,9%) и 715 женщин (59,1%). Среди респондентов – 191 человек в возрасте до 35 лет (16,1%), 303 человека 36–45 лет (25,5%), 468 в возрасте 46–60 лет (39,5%), остальные 224 человека – старше 60 лет (18,9%).

Итак, основной задачей данного исследования являлось изучение социального положения типичных групп современного села на основе объективных критериев (уровень образования, наличие оплачиваемой занятости, тип занятости, уровень среднедушевых денежных доходов). Были проанализированы барьеры для достижения благополучия (имеющиеся материальные затруднения, экономическая депривация). Выявлены субъективные оценки материального благополучия, удовлетворенность различными аспектами собственной жизни и своим социальным положением.

Результаты исследования способствуют расширению понимания социально-экономических, ценностно-нормативных, социокультурных и поведенческих характеристик типичных социальных групп сельского социума, позволяют составить социальный портрет современных сельчан с разными особенностями жизнеустройства в текущих реалиях регионального пространства. Авторский коллектив планирует проведение подобной работы и в будущем с целью получения углубленного анализа и возможности прогнозирования дальнейшего развития систем во взаимосвязи изучаемых параметров.

Результаты исследования

Саратовская область представляет собой типичный аграрный регион Поволжья, имеющий, с одной стороны, сильные позиции по сельскохозяйственному производству, а с другой – невысокий уровень воспроизводства социального потенциала сельских территорий. В 2024 г. в регионе насчитывалось 1 778 сельских поселений, доля обезлюдивших населенных пунктов была ниже, чем в среднем по Приволжскому федеральному округу, и составила около 5,3%. За последние годы структура населенных пунктов сдвинулась в сторону укрупнения (около 59,5% населенных пунктов имели число жителей более 100). Численность сельского населения Саратовской области на начало 2025 г. составляла 549 111 чел. или 23,0% от общей численности населения области. За последние шесть лет население сельских территорий Саратовской области сократилось на 34 590 человек (или на 6,0%).

Длительное время в регионе наблюдается депопуляция: по данным за 2024 г., число умерших в сельской местности (15,6 на 1 000 человек населения) в 2,5 раза превысило число родившихся (5,8 на 1 000 человек). В регионе нарастает естественная убыль сельского населения: если в 2014 г. она равнялась 2,4 ‰, увеличившись в период пандемии COVID-19 до 10,4‰ в 2020 г. и до 13,5‰ в 2021 г., то в 2025 г. была уже на уровне 9,8‰. Миграционная убыль в 2024 г. составила 2 722 человека. Основываясь на материалах прогнозных расчетов, эксперты утверждают, что снижение численности сельского населения Саратовской области продолжится до 2050 г. в течение всего прогнозного периода [8, с. 10].

Сельское хозяйство – одна из основных отраслей экономики региона. Агропромышленный комплекс Саратовской области специализируется на производстве зерновых культур, технических кормовых культур, овощей и картофеля, молочном и мясном скотоводстве, свиноводстве, овцеводстве, птицеводстве. По объемам произведенной сельскохозяйственной продукции в 2024 г. область заняла 7-е место в целом по РФ, в частности шестое место по валовому сбору зерна, первое – по подсолнечнику, девятое – по сбору овощей закрытого грунта. По данным АККОР в Саратовской области, на начало 2023 г. действовали 3 842 крестьянских (фермерских) хозяйства и 724 сельскохозяйственные организации. На начало 2025 г. в сельском хозяйстве области были заняты 90,2 тыс. человек, т. е. с 2018 г. численность занятых в отрасли сократилась на 30,2%. Уровень занятости сельского населения области составляет 57,3%, что выше среднего по ПФО, а уровень официально зарегистрированной безработицы – 2,8%, что ниже среднероссийского уровня. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве региона, по информации Саратовстата, в 2024 г. была равна 56 835 рублей (40 278 рублей в 2020 г.), в производстве пищевых продуктов – 50 823 рубля. Тем не менее, по данным официальной статистики, около 10,6% населения области относятся к малоимущим, это предпоследнее место в ПФО. В 2025 г. среднедушевые денежные доходы жителей области составляли 41 677 рублей (54 671 в среднем по ПФО).

Социальная сфера сельских территорий Саратовской области характеризуется типичными для села проблемами: низкой доступностью и качеством услуг здравоохранения и образования, нехваткой врачей и учителей, работников культуры и спорта, малой эффективностью социальных программ по закреплению молодых специалистов в социальной сфере села. Система сельского здравоохранения обла-

сти включает 8 медицинских организаций (имеющих 24 структурных подразделений в сельской местности), 759 ФАПов. Средняя обеспеченность врачами на 10 000 сельского населения почти наименьшая в ПФО – 5,8 (при средней в ПФО 14,8), обеспеченность средним медицинским персоналом – 34,1 (55,6 в среднем по ПФО), укомплектованность кадрами – 71,8% (при средней 80,4% по ПФО). Обеспеченность койками составляет 8,9 на 10 000 сельского населения (29,4 в среднем по ПФО), уровень госпитализаций – 2,3 (5,5 в среднем по ПФО). В 2024 г. в рамках государственных и региональных программ в селах области трудоустроены 47 врачей и 24 средних медработника. Однако в 2024 г. после окончания пятилетнего срока отработки в сельских медучреждениях Саратовской области остался работать 31 медик (из 401, подписавших контракт с 2018 г.). Около 23,0% медицинских работников – участников программы «Земский врач», «Земский фельдшер» – уволились раньше окончания срока отработки, 28% не вернули полученные от государства денежные средства в полном объеме. На начало 2025–2026 учебного года система сельского образования Саратовской области была представлена 245 сельскими школами, в которых обучались 39 489 учащихся. Однако главной проблемой является малокомплектность сельских школ, из-за чего за последние два года в регионе закрылись более 100 учреждений. Таким образом, большинство социально-экономических проблем сельских территорий Саратовской области типичны для сельской местности современной России и связаны в основном с отсутствием свободных рабочих мест, неразвитостью неаграрных видов деятельности, низким уровнем жизни, слаборазвитой социальной инфраструктурой.

В современном сельском социуме позиции занятости сельских жителей с точки зрения сегментации рынка труда хорошо заметны, хотя и с присущей сельской спецификой. Очевидно, что занятость в бюджетном секторе работников сферы образования, здравоохранения, муниципального управления и культуры относится к первичному сектору и характеризуется высокой квалификацией сотрудников, хорошими условиями труда, возможностями для профессионального роста, социальной значимостью для местного сообщества, более высокой оплатой труда и стабильностью занятости целом. Индивидуальные предприниматели и фермеры в принципе в связи с самостоятельностью экономической деятельности являются частью первичного сегмента рынка труда. Они сами создают рабочие места и ведут бизнес, используя собственные ресурсы и имущество, что отличает их от вторичного сегмента, где работники продают свой труд, используемый в других организациях.

Широко распространенный на селе сектор самозанятости/неформальной экономики охватывает лиц, которые самостоятельно производят товары или услуги, но не всегда вступают в формальные трудовые отношения с другими работодателями или работниками. Именно факт отсутствия формальных отношений занятости и соблюдения трудового законодательства отличает работников неформального сектора, идентифицируя их с вторичным рынком труда, менее защищенным и регулируемым. Сельских самозанятых нельзя однозначно отнести ни к первичному, ни ко вторичному сегментам рынка труда, поскольку этот статус характеризует форму занятости, а не ее место в иерархии рынка. Самозанятые являются независимыми поставщиками услуг, а не работниками в традиционном понимании, и мо-

гут выступать как в качестве самостоятельных предпринимателей (ближе к первичному сегменту), так и в качестве фрилансеров-исполнителей по гражданско-правовым договорам (когда выполняют разовые заказы). В то же время регулярная нестабильность получения заказов в условиях невысокого платежеспособного спроса на селе может «отбрасывать» самозанятых во вторичный сегмент рынка труда. В целом, сельская самозанятость – это форма занятости, которая может существовать в разных сегментах рынка труда, и ее нельзя четко отнести ни к одному из них. Деятельность владельцев личных подсобных хозяйств в основном попадает под определение самозанятости, так как они работают на себя, а не по найму. Однако они не относятся ни к первичному, ни ко вторичному сегментам рынка труда в связи с отсутствием статуса наемных работников или работодателей, производя продукцию для своих нужд или для продажи.

Иными словами, сама сущность социохозяйственного устройства сельской жизни порождает различия в социальной структуре сельского населения с позиций не просто факта наличия занятости, но и ее типа и характера включенности в трудовые отношения. Вид профессиональной деятельности, содержание труда и владение дополнительными навыками (работа на ПК, водительские права, навыки пользования Интернетом, иностранные языки и прочие) обуславливают не только успешность встраивания в хозяйственно-бытовую систему локального сообщества, но и определяют более высокие места в социальной иерархии.

Фермеры

П. П. Великий, сравнивая доходы и стиль жизни фермеров с другими группами сельского социума, делает вывод о том, что нынешние фермеры являются единственной социальной группой села, полноправно претендующей на статус особого класса в социоструктурном измерении на основе критерия владения частной собственностью в масштабах, несоизмеримых со всеми иными группами сельского населения [9]. Важно отметить специфический социально-демографический состав фермеров: во-первых, их представители старше по возрасту по сравнению с другими группами работников аграрного сектора, а, во-вторых, они обладают более высокими характеристиками человеческого капитала. Среди них 60,5% лиц старше 46 лет; удельный вес молодежи до 35 лет минимален – 9,2% при средней величине по выборке 16,1%. Фермеры характеризуются высоким уровнем образования – в их составе около 51,9% лиц с высшим образованием (при среднем значении по выборке 25,7%) и еще 32,5% имеют среднее профессиональное образование; фактический срок обучения из всех рассматриваемых групп у них также максимальный (13,9 при средней величине 12,42).

Материальное положение фермеров отличается от других групп сельчан, во-первых, по причине различий в типе занятости (предпринимательская деятельность в сравнении с наемным трудом и неформальной занятостью), а во-вторых, из-за независимости и самостоятельности в выборе специализации деятельности, интенсивности, режима труда, детерминирующих уровень доходов от занятости. В составе фермеров около 42,9% имеют высокие по меркам современного села доходы (более 29 000 рублей в месяц или двух величин прожиточного минимума на человека при среднем значении по выборке 15,8%), среди них минимальная доля малообеспеченных (с доходами ниже величины прожиточного минимума – 9,1%

при средней величине 36,6%) (см. табл. 1). Около 41,6% фермеров указывают на то, что материально живут комфортно (при среднем значении по выборке 18,2%). В их составе почти треть тех, кто заявил об отсутствии экономической депривации, рассматриваемой как невозможность удовлетворения тех или иных потребностей по финансовым причинам (33,8% при средней величине 22,7%) (см. рис. 1). Из наиболее значимых «лишений» 61,5% фермеров указали на невозможность провести свой досуг так, как им хочется, хотя здесь особое значение имеют специфические предпочтения относительно «желаемого» досуга (см. табл. 3). Социально-экономическое неравенство среди представителей сельских сообществ проходит не только по линии материального положения, но и потребительских практик, которые у фермеров отличаются разнообразием, вариативностью, импульсивностью покупок и изменчивостью предпочтений во времени, что значительно отличает их от остальных групп сельчан.

Таблица 1

Уровень доходов сельского населения по отношению к величине прожиточного минимума на момент исследования (% от соответствующей группы)

Table 1

Income level of the rural population in relation to the subsistence minimum at the time of the study (% of the corresponding group)

Уровень доходов	Фермеры	Ведут товарное ЛПХ	Домохозяйки	Не имеют официальной занятости	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Наемные работники сельского хозяйства	Среднее по выборке
до 1 ВПМ (до 15 000 руб./месяц)	9,1	42,1	59,4	53,6	48,5	27,9	32,4	36,6
1–1,5 ВПМ (15 000–21 500 руб./месяц)	20,8	32,7	21,9	29,8	37,8	33,5	31,4	31,7
1,5–2 ВПМ (21 500–29 000 руб./месяц)	27,3	7,5	8,3	10,7	8,2	21,5	17,6	15,8
2–2,5 ВПМ (29 000–36 000 руб./месяц)	16,9	6,5	4,2	3,6	4,1	9,6	9	8,0
более 2,5 ВПМ (более 36 000 руб./месяц)	26,0	11,2	6,3	2,4	1,5	7,5	9,6	7,8

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

Среди фермеров – максимальные доли имеющих разнообразное имущество, технику, оборудование. Земельные паи имеют 48,0% из них (при среднем значении 21,7%), легковые (82,7% при средней величине 54,9%) и грузовые автомобили (37,3% при среднем значении 4,6%), тракторы и другую сельхозтехнику (45,3% при средней величине 9,5%). Около 65,7% фермеров используют имеющуюся землю для производства и продажи сельхозпродукции (при среднем значении по выборке 13,8%), еще 20,0% сдают ее в аренду сельхозпредприятиям, остальные 14,3% используют землю исключительно для семейных нужд.

Сельские фермеры отличаются от других социальных групп сельчан высокой эмоционально-психической стабильностью и характеризуются наивысшим уровнем удовлетворенности всеми аспектами своей жизни, особенно отношениями в семье, собственными достижениями, материальным положением и жизнью в целом (см. табл.2). Иными словами, фермеры обладают наивысшим потенциалом

благополучия и успешности на селе. Совокупность имеющихся ресурсов и возможностей, сложившийся социальный статус в локальном сообществе позволяют им чувствовать себя довольно комфортно. Фермеры ориентированы на личные достижения, успех и самостоятельность в хозяйствовании, которые в совокупности с инициативностью, склонностью к риску и умению договариваться позволили им «сформироваться» в специфический класс сельского социума.

Таблица 2

Уровень удовлетворенности сельских жителей различными аспектами своей жизни, среднее значение по 10-бальной шкале

Table 2

Level of satisfaction of rural residents with various aspects of their lives, average value on a 10-point scale

Аспекты удовлетворенности	Фермеры	Ведут товарное ЛПХ	Домохозяйки	Не имеют официальной занятости	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Наемные работники сельского хозяйства	Среднее по выборке
работой	7,86	6,41	4,92	4	5,86	7,1	6,75	6,65
отношениями в семье	9,03	8,19	8,77	7,44	8,16	8,7	8,33	8,43
материальным положением	7,45	5,91	5,24	5,01	4,96	5,83	5,7	5,67
отношениями с окружающими	7,74	7,7	7,84	7,07	7,3	8,06	7,61	7,73
своим местом в жизни и достижениями	7,97	6,76	6,8	6,16	6,73	7,39	6,92	7,03
жизнью в целом	8,33	7,21	7,54	6,86	7,1	7,81	7,24	7,48
проведением досуга	7,79	6,39	6,61	6,16	6,75	6,52	6,32	6,57

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

Самозанятые аграрные работники

В условиях отсутствия свободных рабочих мест сельчане находят в наличии личного хозяйства больше преимуществ. Сравнивая выгоды и издержки трудового отходничества, маятниковой миграции в города на основе занятости на промышленных предприятиях, в строительной и транспортной отраслях, они выбирают товарное ЛПХ. Эта работа близка с детства, понятна, относительно надежна, поэтому имеет перспективу воспроизводства в условиях сельской местности. Эксперты отмечают, что домохозяйства, успешное жизнеустройство которых обусловлено активизацией своего человеческого потенциала – трудового прилежания, настойчивости, полипрофессионализма и крестьянской смекалки – являются примером для подражания местным жителям [10].

Представители группы занятых товарным ЛПХ значительную часть продукции продают, что обеспечивает им относительно регулярный доход, нередко более высокий, чем у занятых в фермерском хозяйстве и ООО. В их составе около 59,4% мужчин и 40,6% женщин. Около 27,8% из них имеют высшее образование, еще 30,6% – среднее профессиональное, 16,7% – начальное профессиональное. Каждый четвертый (25,0%) профессии не имеет. Большинство из них люди старшего возраста

(50,0% составляют 46–60-летние и 3,8% – старше 60 лет), около 37,5% в возрасте от 31 до 45 лет.

В их составе выше среднего по выборке удельный вес малоимущих (42,1% при средней 36,6%), еще 32,7% имеют среднедушевые денежные доходы чуть выше величины прожиточного минимума (см. табл. 1). Лишь 11,2% из них получают относительно высокие доходы (более 36 000 руб.), позволяющие условно отнести samozанятых к группе успешных хозяев. Около 14,0% из них указали на то, что имеют доходы от 1,5 до 2,5 величин прожиточного минимума на члена семьи в месяц. Субъективная самооценка собственного материального благополучия комфортная лишь для 18,7%, 58,9% в целом со своими расходами справляются, в то время как 22,4% живут материально трудно и очень трудно.

Степень экономической депривации оценивалась через ответ на вопрос: «Была ли у вас ситуация за последние 12 месяцев, когда из-за нехватки денег вы не могли себе позволить удовлетворить какие-либо первоочередные нужды?». Количество ответов суммировалось, на основании чего выделялись группы по количеству лишений.

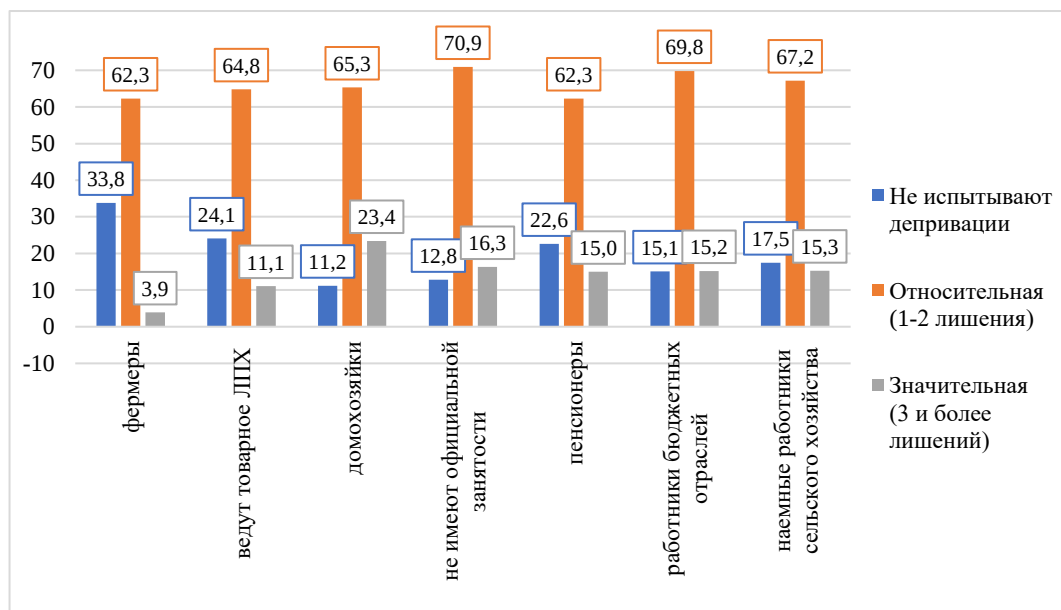

Рис. 1. Экономическая уязвимость сельских домохозяйств, измеряемая через степень экономической депривации (% от соответствующей группы)

Fig. 1. Economic vulnerability of rural households measured by the degree of economic deprivation (% of the corresponding group)

При этом только 24,1% заявили, что не испытывали трудностей и лишений из-за нехватки денег (при средней величине 18,3%) (см. рис. 1); 33,7% представителей данной группы периодически задерживают оплату услуг ЖКХ, еще 46,1% не могут провести свой досуг так, как хотели бы (см. табл. 3). Около 52,8% признались в том, что все время на чем-то экономят, причем чаще остальных групп односельчан. Их практики повседневного потребления отличаются более низкостатусным потреб-

лением, характеризующимся типичностью, устойчивостью во времени и привычным однообразием.

Таблица 3

Характер депривации сельских жителей (% от соответствующей группы)

Table 3

The nature of deprivation of rural residents (% of the corresponding group)

Аспекты	Фермеры	Ведут товарное ЛПХ	Домохозяйки	Не имеют официальной занятости	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Наемные работники сельского хозяйства	Среднее по выборке
не имели две пары прочной обуви по сезону	4,6	12,2	16,5	15,2	10,8	13,7	15,9	13,1
не могли позволить есть мясо или рыбу через день	3,1	7,8	7,7	16,5	14,8	12,4	11,0	11,5
не имели необходимой одежды по сезону	3,1	4,4	12,1	11,4	8,0	9,3	11,6	8,9
не могли обеспечить достаточное тепло в доме	1,5	7,9	3,3	6,3	5,7	4,4	3,7	4,7
не могли покупать подарки близким хотя бы раз в год	9,2	14,6	25,3	15,2	25,0	21,9	25,0	21,4
задерживали оплату услуг ЖКХ, выплаты по кредитам	9,2	33,7	41,8	34,2	23,3	27,3	39,0	29,9
не могли встретиться и посидеть с родственниками, друзьями	1,5	4,5	9,9	7,6	12,0	11,6	6,7	9,1
не имели достаточно еды, чтобы наесться	0	0	3,3	6,3	2,3	0,3	1,8	1,5
не могли купить нужных лекарств, получить лечение	1,5	6,7	4,4	2,5	16,0	5,7	6,7	7,1
не могли удовлетворить основные потребности, не влезая в долги	1,5	10,1	23,1	8,9	16,0	18,3	9,8	14,5
не могли провести свободное время как хотели бы	61,5	46,1	34,1	34,2	34,9	38,4	36,6	39,0

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

По наличию и составу имеющегося имущества владельцы товарного ЛПХ близки к фермерам, хотя меньшего по размеру. Около 46,7% из них держат коров (в среднем 5 голов), 41,9% – мелкий скот, 58,7% – птицу (в среднем 27 голов). Земельный пай имеют 22,0%, средний размер которого составляет 16 га. Каждый пятый имеет трактор (21,0%), 31,4% – различную сельхозтехнику, 5,7% – грузовую машину.

Около 59,1% из имеющих пай сдают его в аренду (в основном фермерам, малую часть сельхозпредприятиям), при этом 31,8% из них используют землю для нужд семьи и только 9,1% для производства и продажи сельхозпродукции.

Таким образом, являясь по сути своей деятельностью фермерами-предпринимателями, хозяева сельских подворий не спешат приобрести соответствующий официальный статус. Подобная позиция владельцев товарного ЛПХ уходит своими корнями в менталитет крестьянства, которые работают не для богатства, а для самообеспечения. Им чужды ценности погони за прибылью, риска и конкуренции, а их потребности замыкаются на собственные семьи, локальное окружение и благополучие сельского социума в целом. Тяжесть физического труда и высокие временные издержки служат причиной низкой удовлетворенности собственной работой. Сельчане, занятые товарным ЛПХ, больше остальных довольны своими отношениями с окружающими, а меньше – работой и местом в жизни (см. табл.2).

Наемные работники сельского хозяйства

Наемные работники сельского хозяйства являются достаточно разнородной группой. При общей схожести с сельскими работниками бюджетных отраслей в виде наличия официального трудоустройства они все же отличаются от работников «умственного» труда по многим характеристикам: уровню накопленного человеческого капитала, профессионально-квалификационным параметрам, возможностям саморазвития, степени вовлеченности в принятие решений по месту занятости. Образ наемного работника в глазах сельских жителей имеет достаточно негативный оттенок. З. И. Калугина отмечала, что сельские жители характеризуют наемный труд как подневольный: «Пашешь как батрак», «Батрачим на чужого дядю, хозяина, испытывая при этом унижение и тягость» [11, с. 109]. Формирование негативного образа наемного работника связано с ухудшением самочувствия и неудовлетворенностью собственным положением значительной доли сельских жителей, которые привыкли работать в коллективных хозяйствах, где ощущали себя равноправными членами коллектива

Современная реальность такова, что оплачиваемая занятость для этой категории сельчан является безальтернативной, они держатся за нее, сознавая, что иные возможности занятости в местах проживания попросту отсутствуют. Потеря работы для них станет фактором снижения жизненного благополучия и перехода домохозяйства в категорию социально уязвимых. С другой стороны, они ощущают себя «безвластными» в местном сообществе, зависимыми от работодателя (чаще всего фермера) и не имеют возможности для улучшения своего материального благополучия за пределами сельского хозяйства.

Представители данной группы более молодые по возрасту, в их составе 18,8% лиц в возрасте до 35 лет и 34,9% – от 36 до 45 лет. Они характеризуются высокой долей лиц с начальным профессиональным образованием (21,7% при среднем значении 16,8%), а также работников без профессионального образования (25,9% при средней величине 22,5%). Отстраненность наемных работников от процесса управления напрямую определяет характер показателей материального положения и ресурсной обеспеченности. Около 32,4% представителей этой когорты имеют среднедушевые доходы, близкие к величине прожиточного минимума, еще 31,4% – от одного до полутора прожиточных минимумов (15 000–21 500 руб. в месяц) (см. табл.1). Вы-

сокодоходных представителей в рассматриваемой группе немного: доход более двух прожиточных минимумов на человека в месяц получают 18,6%; лишь 8,5% сообщили о том, что живут материально комфортно (при среднем значении 18,2%), в то время как 26,5% считают, что живут материально трудно. Около 44,4% из них были вынуждены экономить на текущих расходах за последнее время.

Наемные работники отрасли характеризуются более низкими показателями наличия и состава личного подсобного хозяйства, играющего второстепенную роль в условиях получения регулярного дохода, потребительского характера производства и отсутствия свободного времени. Они содержат свое ЛПХ, скорее мелкое по размеру, ориентированное на выращивание овощей и фруктов, только 29,6% держат коров (в среднем 2 головы), около 26,9% – мелкий скот. В их составе всего 22,9% имеют земельный пай, из которых 72,1% сдают его в аренду (53,5% сельхозорганизациям и 18,6% фермерам), еще 25,6% используют землю для нужд семьи и только 2,3% – для продажи произведенной продукции. Основные стратегии улучшения их материального благополучия связаны с дополнительной нагрузкой по работе: около 33,9% из них используют любые возможности разовых или случайных подработок, 13,4% работают сверхурочно на основной работе, еще 10,2% по совместительству в разных местах.

Значительная часть представителей данной группы подвержена экономической депривации, связанной в основном с задержкой оплаты услуг ЖКХ (39,0%), с покупкой подарков близким (25,0%), с приобретением необходимой обуви (15,9%) и одежды по сезону (11,6%) (см. табл. 3). Около 11,0% из них указали на нехватку денег для полноценного питания (при средней величине 8,5%). Потребление наемных работников отрасли характеризуется типичностью, устойчивостью во времени и привычным однообразием, главным образом из-за низких материальных возможностей, что является маркером их невысокого социального статуса.

Наемные работники сельского хозяйства отличаются низкой удовлетворенностью собственным материальным положением, своими достижениями и местом в жизни, возможностями проведения досуга (см. табл. 2). Абсолютное большинство из них в своих ответах указывает на опасения потери работы и дохода, около 86,2% волнует нестабильность доходов; рост цен и тарифов на услуги ЖКХ беспокоят 91,3% представителей этой группы, 69,4% опасаются потерять свое хозяйство. Для них характерен высокий уровень тревожности, эмоционально-психологический дискомфорт, слабая уверенность в завтрашнем дне (точнее неопределенность будущего). При этом 62,0% из них полагают, что не смогут повлиять на принятие решений в своей организации.

Итак, группа наемных работников сельского хозяйства, являясь по формальным критериям успешной на селе по причине наличия официальной занятости, по субъективным ощущениям характеризуется признаками индивидуальной уязвимости. Они считают свое материальное положение нестабильным, а возможности и перспективы – неясными и противоречивыми. Глубинная причина этого связана с утратой в сельскохозяйственном производстве института восходящей мобильности.

Сельские работники бюджетной сферы

В структуре сельской занятости важнейшую роль играет сфера бюджетных услуг, в которой примерно заняты от 6 до 26% в зависимости от того, какой набор учреждений расположен в пределах сельского поселения [12, с. 78]. Ю. М. Плюснин на материалах своих наблюдений доказывает, что доля «бюджетников» в составе занятого трудоспособного населения составляет от одной пятой до одной третьей всего экономически активного населения сельского общества [7, с. 375].

Основную группу сельских бюджетников представляют работники всех государственных и муниципальных учреждений (образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения, культуры и спорта), включая местную администрацию и территориальные органы государственной власти. Они получают фиксированную зарплату, поощрения и вычеты мало зависят от трудового усилия работника. Однако работа в бюджетной сфере – самая желанная для сельских жителей, поскольку дает стабильную занятость и оплату труда без сезонных колебаний. Между тем эксперты констатируют, что «бюджетники» на рынке труда сталкиваются с системой внешних структурных ограничений, связанных с местом проживания, в результате чего профессионалы в сельской местности составляют свыше половины находящихся за чертой бедности представителей данной группы (на конец 2021 г. – около 47,0%) [13, с. 291]. Причина тому – высокая дифференциация зарплат по типам поселений.

Согласно полученным нами данным, большинство сельских бюджетников представлено женщинами (73,2%), многие из них имеют высокий уровень образования (43,3% высшее и 40,3% среднее профессиональное), более половины можно отнести к старшим возрастным группам (48,6% в возрасте 46–60 лет и 7,3% старше 60 лет). Молодежи до 30 лет в их составе всего 8,3%, лиц в возрасте 31–45 лет – 35,8%.

Материальное положение этой группы весьма устойчиво, среди ее представителей низка доля малоимущих по сравнению с иными группами. Около 17,1% имеют высокие доходы (более 2 ВПМ или 29 000 руб. в месяц), еще 21,5% – от 1,5 до 2 ВПМ (21 500–29 000 руб. в месяц) (см. табл. 1). Примерно 60,1% сообщили, что финансово с текущими расходами справляются, еще 11,6% считают, что живут материально хорошо, обеспеченно. Тем не менее в составе бюджетников 69,8% испытывают относительную депривацию (см. рис. 1), которая в основном связана с невозможностью встретиться друзьями, родственниками по праздникам и иметь желаемый досуг (см. табл. 3).

Владеют своим подсобным хозяйством, состоящим из приусадебного участка для выращивания овощей и фруктов, около 71,4% сельских работников бюджетной сферы. Их ключевое отличие от остальных групп – в том, что они почти не держат скотину, а если и имеют, например, птицу, то в количестве двух-трех десятков, и только для себя. Почти каждый пятый из сельских бюджетников сохранил земельный пай, который 37,8% сдают в аренду фермерам, 35,4% – сельхозпредприятиям, остальные 26,8% используют для нужд собственной семьи.

Представители данной группы характеризуются достаточно высоким социальным положением в локальном сообществе по сравнению с другими группами сельчан, во многом обусловленным стабильностью их занятости и доходов. Все группы сельчан считают уровень достатка работников бюджетных отраслей максимальным

среди остальных (кроме фермеров). Кроме того, работники бюджетной сферы обладают высоким уровнем удовлетворенности различными аспектами своей жизни: работой, отношениями с окружающими, достижениями, жизнью в целом (см. табл.2). Исходя из сказанного, констатируем: сельские бюджетники являются материально и социально успешными по меркам локального сообщества, они авторитетны и высоко мотивированы. Их представители – наиболее активные участники общественной деятельности на благо своего поселения и демонстрируют высокую готовность ее расширения, что объясняется как ценностно-смысловой значимостью благополучия ближайшего окружения, так и индивидуальной мотивацией изменить жизнь к лучшему.

Сельские жители, не имеющие официальной занятости

Эта группа сельских жителей представлена двумя подгруппами: во-первых, сельчанами, которые занимаются ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей и уходом за другими членами семьи (в основном женщины-домохозяйки); во-вторых, лицами, которые, не имея официальной оплачиваемой занятости, выживают за счет нерегулярных подработок и своего подсобного хозяйства. Главное отличие их от других групп – отсутствие официального трудоустройства и, соответственно, социальных гарантий и выплат.

Группа домохозяек на 88,8% состоит из женщин, 69,4% из них в возрасте до 45 лет. У многих высокий уровень образования (20,6% – высшее и 42,3% – среднее профессиональное), еще у 13,4% – начальное профессиональное, оставшиеся 22,8% не имеют профессии. Одного несовершеннолетнего ребенка растят 33,7%, 24,5% – двоих детей, 13,3% – троих и более детей; остальные 28,6% имеют детей старше 18 лет. В составе группы максимальная доля малоимущих (59,4% при средней величине 36,6%), что обусловлено как отсутствием оплачиваемой занятости, так и высокой иждивенческой нагрузкой. Еще 21,9% получают доходы немного выше прожиточного минимума (от 15 000 до 21 500 руб. на человека в месяц), лиц со средними доходами в 2 раза меньше, чем в среднем по выборке (8,3% при среднем показателе 15,8%) (см. табл. 1). При этом около 57,1% из опрошенных указали на то, что при таких доходах в целом справляются с обеспечением своей семьи, но 28,6% живут трудно.

Представители данной группы сильно депривированы: для 65,3% свойственно 1–2 лишения, 23,4% – 3 и более лишений (см. рис. 1). Около 16,5% из них не могут обеспечить себя обувью по сезону; 12,1% – позволить себе необходимой одежды. Около 23,1% не могли удовлетворить основные потребности без долгов; 41,8% задерживали оплату услуг ЖКХ (см. табл. 3). 43,9% из них заявили, что за последние 2–3 года стали больше экономить, хотя 44,9% и так все время на чем-то экономили. Подобные факты значимы, ибо эти женщины занимаются воспитанием детей, формированием человеческого капитала современного села, и в то же время являются одной из наиболее экономически депривированных групп сельского сообщества. Основные стратегии улучшения материального благополучия сосредоточены вокруг своего ЛПХ: 46,9% обеспечивают себя собственными продуктами питания, 12,5% продают излишки продукции, 16,7% имеют долги, еще 15,6% получают помощь от родственников. Напрашивается вывод о том, что сельские женщины-домохозяйки представляют собой одну из самых социально уязвимых категорий на селе, однако они характеризуются сильными семейными ценностями и идеалами патри-

отизма, гражданственности, высокой социальной ответственностью, что обусловлено отсутствием сферы индивидуальной и профессиональной самореализации (кроме родительской).

Отдельно следует выделить социальную группу неработающих сельчан, состоящих как из тех, кто временно не работал и не планировал работать (46,3%), так и тех, кто находился в поисках работы (53,7%). В их составе значительна доля молодежи до 30 лет – 18,8% (при средней величине по выборке 8,4%), мужчин и женщин приблизительно поровну (51,2% – мужчин и 48,8% – женщин). Среди них весомая доля лиц с высоким уровнем образования (18,6% – с высшим и 24,4% – со средним профессиональным), 31,4% вообще не имеют профессии, а только среднее общее образование и ниже (при среднем показателе по выборке 19,5%).

Важно отметить, что в составе исследуемой группы сельчан есть те, кто работает неформально. Сюда относятся сельские жители, по сути являющиеся самозанятыми, но без официального оформления, выживающие за счет выполнения разных, часто разовых, работ/услуг для односельчан. Это широкий круг неформальной занятости сельского населения, являющейся адаптационной стратегией жизнеустройства в условиях тотального отсутствия свободных рабочих мест и узости сфер приложения труда (ремонт техники и оборудования, частный извоз, строительство, сельскохозяйственные работы и прочие). Остальная часть представителей данной группы – типичные экономически неактивные граждане – самая обездоленная и уязвимая социальная группа на селе, и в то же время наиболее социально пассивная.

В составе неработающих сельчан удельный вес малоимущих гораздо выше среднего по выборке (53,6% и 36,6% соответственно), еще 29,8% имеют среднедушевые ежемесячные денежные доходы немного выше величины прожиточного минимума (см. табл. 1). Однако даже в таком нелегком положении 40,7% респондентов заявили о том, что они справляются с ежедневными расходами, еще 43,0% материально живут трудно (при средней величине 24,9%), 7,0% – очень трудно (4,6%). Примерно у 70,9% представителей данной группы высокий уровень депривации (от 2 до 4 лишений): около 15,2% из них не имеют необходимой обуви по сезону, 11,4% – нужной одежды, 16,5% не могут позволить себе употреблять мясо, рыбу по медицинским нормативам (см. табл. 3). Еще 6,3% из них неспособны обеспечить в достаточной мере тепло в доме, а 6,8% не имеют достаточно еды, чтобы утолить голод. Основными путями выхода из своего материального неблагополучия они считают временные и разовые приработки (38,1%), долги и кредиты (17,9%), помощь родственников (14,3%). Каждый девятый из них полагает, что ничего не может сделать для улучшения собственного благополучия (10,7%). В целом главной особенностью группы неработающих сельчан является то, что это совокупность неустroенных лиц, по разным причинам не нашедших свое место в жизни. Они характеризуются как минимальными показателями индивидуального человеческого капитала (уровнем образования, стажем работы, эпизодами оплачиваемой занятости), так и слабыми социальными установками и положением в обществе. Они апатичны, пессимистичны, не сильно мотивированы, обладают невысоким адаптационным потенциалом.

Сельские пенсионеры

В составе пенсионеров около 73,2% женщин, 84,3% лиц старше 60 лет, 54,1% имеют высокий уровень образования, 18,0% – начальное профессиональное, остальные 27,8% – не имеют профессии вообще. Среди них высок удельный вес малоимущих (48,5% при среднем показателе 36,6%), еще 37,8% имеют среднедушевые денежные доходы до 1,5 ВПМ (от 15 000 до 21 500 руб. в месяц) (табл. 1). Только 58,6% указали на то, что материально справляются с текущими расходами, а более 31,3% отметили, что живут трудно (при средней величине 24,9%). Важно уточнить, что 14,8% из них не удовлетворены набором продуктов, которые они могут включить в рацион питания, 16,0% не могут себе позволить покупать нужные лекарства (при среднем показателе 7,1%), 25,0% не имеют средств, чтобы покупать подарки близким, а еще 12,0% – встречаться с родственниками или друзьями по праздникам. Около 41,2% заявили, что стали экономить в последние 2–3 года, при том, что 42,6% вынуждены постоянно на чем-то экономить. Пути улучшения такого материального положения, по мнению сельских пенсионеров, весьма ограничены: 20,4% считают, что ничего не могут сделать для его улучшения (при средней величине 7,5%), около 13,3% вынуждены регулярно занимать деньги (при среднем показателе 11,4%). Таким образом, сельские пенсионеры представляют собой социальную группу людей, серьезно ощущающих индивидуальную уязвимость, обусловленную как реально низким уровнем жизни и слабыми возможностями улучшения своего материального положения, так и невысоким социальным самочувствием, плохим здоровьем, низкой социальной активностью. Для них характерна низкая удовлетворенность всеми аспектами жизни, особенно собственным материальным положением (см. табл.2). Специфические возрастные особенности здоровья и жизнедеятельности требуют от пенсионеров пересмотра структуры расходов (на питание, лекарства, средства по уходу), при этом структура их доходов остается неизменной.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что воспроизводственный потенциал сельских сообществ хотя и ослаблен, но еще существует. Разные социальные группы села формируются, развиваются и репродуцируются в зависимости не только от объективных условий своего существования (реальных экономических и социальных условий в местах проживания), но во многом и благодаря субъективным, внутренне детерминированным характеристикам. Решающее значение для выбора вариантов жизнеустройства имеют индивидуальные смысловые ориентиры, социальные потребности, предпочтения и установки, особенности мотивационно-достиженческих и активно-деятельностных оснований современных сельчан.

Каждая социальная группа, выделенная по критерию наличия занятости и ее типу, неоднородна и включает несколько подгрупп с разными показателями адаптационных возможностей и ресурсов саморазвития. Здесь есть и представители, успешно встроившиеся в современные условия и сумевшие найти индивидуальные ниши для эффективной жизнедеятельности, и оказавшиеся в сложных условиях уязвимости и балансирования на грани выживания. Дефицит ресурсов и отсутствие альтернативных возможностей обеспечения жизненного благополучия кон-

сервируют установки тревожности, обуславливают низкую стрессоустойчивость и беспокойное отношение к рискам и угрозам. Значительная часть сельских сообществ, не сумевших найти в локальном социуме «ниши» для самореализации и достижения индивидуальных целей благополучия, ориентирована на пассивное приспособление к жизненным обстоятельствам, минимизацию потребностей, упрощение реальности как способ преодоления жизненных трудностей. Формирование такой прослойки сельчан, социально пассивных и низко мотивированных на коллективные действия по улучшению среды обитания, является серьезным социальным ограничением устойчивого развития сельских территорий. Для преодоления подобных противоречий необходим комплексный подход, связанный, с одной стороны, с формированием экономических и институциональных условий для повышения уровня и качества жизни сельского населения, а с другой – с расширением механизмов стимулирования участия населения в реализации возможностей в соуправлении.

Полученные результаты по итогам научного анализа способствуют поиску направлений и резервов устойчивого развития сельских территорий России. Особое значение здесь имеют не только традиционные социально-демографические, образовательные, профессионально-квалификационные критерии, но и индивидуальные, субъективно обусловленные социокультурные, ценностно-смысловые и мотивационно-достиженческие особенности типичных социальных групп села. Эти результаты будут способствовать реализации механизмов согласования индивидуальных целей развития различных групп сельского населения с интересами устойчивого развития АПК и сельских территорий, что позволит выявить факторы и резервы экономического роста нашей страны.

Список литературы

1. Великий, П. П. Современная российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии / П. П. Великий, А. А. Вьялышина // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). EDN [ICJDC](https://www.edn.ru/ICJDC).
2. Шкаратан, О. И. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты / О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов // Прикладная эконометрика. 2007. № 3 (7). С. 95–118. EDN [IANGPD](https://www.edn.ru/IANGPD).
3. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.]. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. 422 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). EDN [XJGBFE](https://www.edn.ru/XJGBFE).
4. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. 526 с. ISBN 978-5-7598-0913-5. EDN [VRKUDD](https://www.edn.ru/VRKUDD).
5. Ильдарханова, Ч. И. Модернизация российского села как социокультурный феномен: методологические основы анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 2. С. 132–140. EDN [ZCJTVN](https://www.edn.ru/ZCJTVN).
6. Безнин, М. А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов : монография / М. А. Безнин, Т. М. Димони. Москва : Ленанд, 2014. 608 с. EDN [YFHXLТ](https://www.edn.ru/YFHXLТ).
7. Плюснин, Ю. М. Социальная структура провинциального общества. Москва : Common Place, 2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3. EDN [EJVYHA](https://www.edn.ru/EJVYHA).
8. Блинова, Т. В. Сценарное прогнозирование численности сельского населения Саратовской области / Т. В. Блинова, С. Г. Былина // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 3. DOI [10.15838/sa.2021.3.30.5](https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.5). EDN [ZDSMCL](https://www.edn.ru/ZDSMCL).

9. Великий, П. П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 79–88. DOI [10.31857/S0132162524050064](https://doi.org/10.31857/S0132162524050064). EDN [KKCACA](https://www.edn.ru/10.31857/S0132162524050064).

10. Великий, П. П. Повседневность российского села в начале XXI века. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2020. 307 с. ISBN 978-5-6044120-7-7. EDN [QFLCVU](https://www.edn.ru/10.31857/S0132162524050064).

11. Калугина, З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России : Социологический дискурс. Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2015. 342 с. ISBN 978-5-89665-290-8. EDN [TTXCNX](https://www.edn.ru/10.31857/S0132162524050064).

12. Аверкиева, К. В. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье / К. В. Аверкиева, Д. Ю. Землянский // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 75–81. EDN [WJDAJV](https://www.edn.ru/10.31857/S0132162524050064).

13. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.]. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. 488 с. ISBN 978-5-89697-420-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023). EDN [XFSFHH](https://www.edn.ru/10.31857/S0132162524050064).

Сведения об авторе

Вяльшина Анна Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем ФИЦ СЦ РАН (Федеральный исследовательский центр «Саратовский научный центр Российской академии наук»), Саратов, Россия.

Контактная информация: email: anvyal@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6723-5961](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961); РИНЦ SPIN-код: [1069-0031](https://www.rincc.ru/spin/1069-0031); Web of Science Researcher ID: [V-5999-2018](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961).

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIOSTRUCTURAL DIFFERENTIATION OF RURAL POPULATION IN RUSSIA: EMPLOYMENT OPPORTUNITIES AND FACTORS AFFECTING WELL-BEING

Anna A. Vyalshina

Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center “Saratov Scientific Center RAS”, Saratov, Russia

E-mail: anvyal@mail.ru

For citation: Vyalshina, A. A. Sociostructural Differentiation of Rural Population in Russia: Employment Opportunities and Factors Affecting Well-Being. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 168–187. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.10). (In Russ.)

Abstract. This paper examines the current social and economic aspects of the daily lives of typical social groups in rural areas. Based on empirical research and publications by Russian sociologists, this paper analyzes and identifies the characteristic social and structural features of the main social groups in rural areas. It also presents the results of an applied sociological study conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in 2023. The study involved residents of rural areas in the Saratov Region (n=1,215). The sample was targeted, quota-based, and proportional to social and structural criteria related to the presence and type of employment. The primary objective of the study was to identify and substantiate mechanisms for the positive impact of local communities' social and cultural resources on agricultural production and rural life. Objective differences in the living standard and life quality for different rural groups, depending on the presence and type of employment, are analyzed, and subjective foundations and prerequisites for life activity that determine the successful achievement of well-being are identified. The study's results suggest

the existence of a specific combination of social and structural criteria for each social group in the modern village, conditioned by the local characteristics of life in rural areas of Russia. The social and economic status and social well-being of typical rural groups (farmers, owners of commercial private farms, agricultural workers, public sector employees, villagers without official employment, and rural pensioners) are characterized. The objective and subjective prerequisites for achieving life goals in their communities and opportunities for expanding individual activity are analyzed. A conclusion is drawn regarding the social and structural determination of the adaptive capacities and resources for self-development of typical social groups in the rural population. The obtained results will contribute to the identification and activation of social and cultural foundations for expanding the internal potential of rural communities to stimulate the sustainable development of rural areas in Russia.

Key words: typical social groups, rural communities, social and structural features, rural areas, sociological research

References

1. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sociological Studies*. 2025. No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). (In Russ.).
2. Shkaratan, O., Yastrebov, G. Discovering Real (Homogenous) Social Groups in the Russian Society: Methods and Results. *Applied Econometrics*. 2007. No. 3 (7). Pp. 95–118. (In Russ.).
3. Tikhonova, N. E., Mareeva, S. V., Anikin, V. A., et al. *Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*. Moscow: Ves' Mir Publishing House, 2022. 422 p. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). (In Russ.).
4. Shkaratan, O. I. *Sociology of Inequality. Theory and Reality*. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2012. 526 c. ISBN 978-5-7598-0913-5. (In Russ.).
5. Ildarkhanova, Ch. I. Modernization of Russian Rural Area as a Social and Cultural Phenomenon: Methodological Bases of Analysis. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. 2017. Vol. 1, No. 2. Pp. 132–140. (In Russ.).
6. Beznin, M. A., Dimoni, T. M. *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov [Agrarian System of Russia in the 1930s–1980s]: monograph*. Moscow: Lenand, 2014. 608 p. (In Russ.).
7. Plyusnin, Yu. M. *Sotsial'naya struktura provintsial'nogo obshchestva [Social Structure of Provincial Society]*. Moscow: Common Place Publishing House, 2022. 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3. (In Russ.).
8. Blinova, T. V., Bylina, S. G. Scenario Forecasting of the Saratov Oblast Rural Population. *Social Area*. 2021. Vol. 7, No. 3. DOI [10.15838/sa.2021.3.30.5](https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.5). (In Russ.).
9. Velikiy, P. P. Farming is an (Un)Rooted Social Group: Problem Statement. *Sociological Studies*. 2024. No. 5. Pp. 79–88. DOI [10.31857/S0132162524050064](https://doi.org/10.31857/S0132162524050064). (In Russ.).
10. Velikiy, P. P. *Povsednevnost' rossiyskogo sela v nachale XXI veka [Everyday Life of the Russian Village at the Beginning of the 21st Century]*. Saratov: Saratovskiy Istochnik Publishing House, 2020. 307 p. ISBN 978-5-6044120-7-7. (In Russ.).
11. Kalugina, Z. I. *Rynoch'naya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii : Sotsiologi-cheskiy diskurs [Market Transformation of the Agricultural Sector of Russia: Sociological Discourse]*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 342 p. ISBN 978-5-89665-290-8. (In Russ.).
12. Averkieva, K. V., Zemlyansky, D. Yu. Employment Pattern of Rural Population in the Central Chernozem Area. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. 2016. No. 2. Pp. 75–81. (In Russ.).
13. Tikhonova, N. E., Latov, Y. V., Latova, N. V., et al. *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh professionalov: sostoyaniye, dinamika, faktory [Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors]*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, 2023. 488 p. ISBN 978-5-89697-420-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023). (In Russ.).

Bio note

Anna A. Vyalshina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center "Saratov Scientific Center RAS", Saratov, Russia.

Contact information: email: anvval@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6723-5961](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961); RSCI SPIN-code: [1069-0031](https://www.elibrary.ru/1069-0031); Web of Science Researcher ID: [V-5999-2018](https://orcid.org/V-5999-2018).

Received on 19.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.11)

EDN [MKBVMI](https://edn.mkbvmi.ru)

Научная статья

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ЕСТЬ ЛИ РЕСУРСЫ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ?

Гужавина Т. А.

ВолНЦ РАН, Вологда, Россия

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Для цитирования: Гужавина, Т. А. Социальный капитал сельских территорий: есть ли ресурсы для интеграции? // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 188–205. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.11). EDN [MKBVMI](https://edn.mkbvmi.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и потенциала социального капитала сельских территорий в контексте их социально-демографического и социально-экономического развития. Целью научной работы является выявление особенностей накопления и функционирования социального капитала сельского населения, оценка его роли как ресурса устойчивости и развития территорий. Теоретическую основу исследования составляют базовые положения концепции социального капитала, разработанные в трудах Р. Патнэма, П. Бурдьё, Дж. Коулмана. Его эмпирической основой служат результаты мониторинга социального капитала населения Вологодской области, проводимого Вологодским научным центром РАН (ВолНЦ РАН) с 2016 г. Исследование носит уникальный характер. Анализ данных проводился на основе авторской методики по измерению индикаторной модели социального капитала, применение которой позволило структурировать население сельских территорий региона и выявить устойчивые различия в уровне социального капитала между группами. Результаты исследования показывают, что для значительной части жителей сельских территорий характерен низкий уровень накопленного социального капитала, сопровождающийся дефицитом доверия, ограниченной вовлеченностью в коллективные действия и слабой интеграцией в локальные социальные сети. Вместе с тем установлено, что даже при неблагоприятных социально-экономических условиях социальный капитал может выполнять компенсаторную функцию, способствуя поддержанию социальной устойчивости, снижению уровня социальной напряженности, ослабляя миграционные установки населения. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов при разработке программ развития сельских территорий, ориентированных на укрепление социальных связей, расширение участия населения в местных инициативах и повышение институционального доверия.

Ключевые слова: сельские территории, социальный капитал, территориальное развитие, социальные сети, доверие, социальное самочувствие, социальная устойчивость

Введение

Сельские территории Российской Федерации в условиях демографических и социально-экономических трансформаций сталкиваются с комплексом устойчивых проблем, включая депопуляцию, миграционный отток, снижение уровня экономической активности и ослабление социальных связей. В то же время они продолжают оставаться важнейшим источником ресурсов как материального, так и человеческого характера. Сельский уклад жизни традиционно связывают с определенным типом ведения хозяйства, образом жизни людей. Несмотря на это, ученые многих индустриально развитых стран отмечают наличие фактов, свидетельствующих

щих об утрате в значительной мере традиций именно сельского образа жизни, заменой их ценностями индивидуализации, прежде всего, утилитарного характера, практиками массовой культуры. Наблюдается и изменение характера социальных отношений как результат трансформации социальной структуры населения сельских территорий [1].

Достаточно ярко в современной России дают о себе знать процессы дифференциации в уровнях развития промышленного и аграрного секторов. На уровне Правительства РФ отмечаются такие проблемы, как существенное отставание уровня жизни населения сельских территорий от уровня жизни жителей городов, низкая степень предпринимательской активности, в том числе на сельских территориях, преобладание малопроизводительных и низкотехнологичных производств, которые попадают в категорию основных проблем пространственного развития. Негативные последствия этих процессов дают о себе знать, прежде всего, в падении межличностного и институционального доверия, в росте настроений отчужденности, снижении уровня солидарности и в ряде других последствий социального характера. Что в совокупности ведет к снижению социального капитала территориального сообщества.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных социальному капиталу, его роль в развитии сельских территорий остается дискуссионной. С одной стороны, он рассматривается как фактор повышения устойчивости локальных сообществ, с другой – как ресурс, подверженной эрозии в условиях социального расслоения и институциональной нестабильности. Все вышесказанное определяет необходимость эмпирического анализа состояния социального капитала сельского населения и оценки его потенциала в современных условиях.

Обзор научной литературы

Изучение социального капитала тесно связано с исследованиями ситуации в региональных сообществах. Изучая территориальные особенности регионов Италии, Р. Патнем и Дж. Хелливел включили в свой анализ социальный контекст, что позволило им сформулировать вывод о роли социальных связей, поскольку единственным отличием регионов было участие их жителей в общественной жизни [2]. Позднее Р. Патнем определил социальный капитал как «связи между индивидами, социальными сетями и нормами взаимности и доверия, которые вытекают из них» [3]. Таким образом, Р. Патнем и Дж. Хелливел заложили основы изучения социального капитала.

В дальнейшем исследование социального капитала в отдельных сообществах и отдельных группах стало мейнстримом в науке [4; 5; 6]. Частью этого тренда стало исследование сельских сообществ. Внимание при этом уделяется самым разным аспектам социальной жизни, которые могут свидетельствовать о наличии или отсутствии социального капитала. Это практики самофинансирования, работа малых предприятий по переработке сельхозпродукции, семейных ферм, формы кооперации при использовании природных ресурсов, таких как пастбища или водопой и т. д. [7; 8; 9]. Аналитики подметили специфику проявления социального капитала в сельской местности в связи с типом социальных отношений [10].

Важное значение для исследователей социального капитала имеет включенность в социальные связи. Данный аспект активно изучается учеными. Одно из последних исследований, проведенных в США, показало, что обширные социальные связи уверенно способствуют вовлеченности граждан в общественную жизнь. Но чем меньше радиус контактов, тем ниже уровень активности [11]. Понимая общественную активность как многогранное явление, эксперты обращают внимание на вовлеченность в коллективные действия. В частности, была подтверждена связь волонтерства и социального капитала [12; 13].

Российские ученые вносят значительный вклад в развитие концепции социального капитала, и это несмотря на то, что в нашей стране исследования начались несколько позже, чем за рубежом [14; 15; 16; 17].

Соответственно, изучается и социальный капитал жителей сельских поселений, условия его формирования и воспроизводства. По мнению белгородских исследователей, «социальный капитал сельских жителей формируется как отражение возможностей, возникающих в результате межличностного и межгруппового взаимодействия» [18, с. 50]. Состояние социального капитала селян исследуется российскими учеными как в контексте его комплексной оценки [19; 20], так и на примере конкретных сообществ [21]. По-прежнему внимательны аналитики социального капитала к его базовой составляющей – доверию. Важно понимать, что именно происходит с доверием в российском обществе, можно ли говорить о его росте, или, наоборот, оно падает [22]. Как оказалось, россияне, демонстрирующие более высокое институциональное доверие, чаще совершали социальные действия, способствующие сохранению стабильности в стране. Российские ученые расширяют предметную сферу исследований социального капитала. В зону внимания попал социальный капитал этничности, который, как выяснилось, открывает доступ к дополнительным экономическим возможностям [23]. Как видим, тематика исследования социального капитала расширяется, данная концепция может оцениваться как зонтичная. Но следует отметить, что изучение социального капитала населения, живущего на сельских территориях, требует большего внимания.

Для дальнейшего изучения социального капитала мы будем интерпретировать его как, во-первых, наличие сетей социальных отношений, основанных на доверии и обладающих общими нормами и ценностями, с учетом уровня вовлеченности в них людей, во-вторых, как внешние эффекты и результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках этих сетей и полезные для общества и социальных групп (в нашем контексте – для жителей сельских территорий).

Оценку состояния социального капитала населения сельских территорий целесообразно производить на основании выявленных структурных составляющих. В связи с чем в качестве индикатора измерения когнитивной составляющей анализируется доверие, в качестве измерения структурной основы социального капитала рассматривается включенность в сетевое взаимодействие. В дальнейшем анализе мы основываемся на следующих тезисах:

– социальный капитал воплощен в социальных отношениях, возникающих в процессе взаимодействия субъектов;

– признание доверия в качестве базового элемента социального капитала и основы прочных социальных отношений, что способствует созданию общих ценностей и норм;

– включенность в структуру отношений на определенном социальном уровне позволяет актору (индивиду или сообществу) использовать ресурсы этой сети для достижения своих целей, в частности для решения экономических проблем;

– социальный капитал благоприятствует солидарному объединению индивидов в сплоченную группу, тем самым способствуя социальной координации и социальному порядку, в этом заключены функциональные характеристики социального капитала;

– реализация социального капитала наблюдается через определение индивидом своей зоны ответственности за состояние дел в месте проживания.

На основании сформулированных теоретических принципов и будут анализироваться эмпирические данные с целью получить представление о состоянии социального капитала сельского сообщества.

Еще одним значимым теоретико-методологическим аспектом исследования является вопрос о критериях выделения сельских территорий. Данный вопрос имеет ключевое значение для пространственного анализа, региональной политики и социологических исследований. На данный момент можно утверждать, что отсутствует единое консенсусное определение, что обусловлено многомерностью самого феномена «сельскости», включающего в себя не только экономико-географические, но и демографические, функциональные, социокультурные и ландшафтно-экологические аспекты. В нашем случае мы опираемся на компромиссный вариант, позволяющий считать сельскими территориями локации, где есть муниципальные образования с долей сельского населения более 50%. Этот методологический выбор отсылает нас к трудам М. Брецци, Л. Дейкстра, В. Руиса [24], что наилучшим образом соответствует работам социологического характера. Здесь возможно использование статистики как муниципального или регионального уровня, так и международных данных. Такой подход наилучшим образом соответствует целям и методологии нашего исследования.

Методология и методы исследования

Мониторинг состояния социального капитала на территории Вологодской области ведется, начиная с 2016 г.¹ В ходе исследований учеными ВолНЦ РАН была разработана и апробирована методика измерения социального капитала регионального сообщества [25]. Ею стала индикаторная модель измерения возможного уровня накопления социального капитала. Сформулированный авторский подход позволил выявить и изучить ряд существенных характеристик социального капитала. К их числу стоит отнести выводы, касающиеся динамичности феномена, его

¹ Выборочная совокупность составляет 1500 респондентов в городах. Метод опроса – анкетирование участников по месту жительства. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Учитываются пропорции между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различного типа, половозрастная структура населения. Ошибка выборки не превышает 3%.

территориальной привязки, неравномерности распределения среди носителей, а также возможности структурирования сообщества и диагностики предпочитаемых социальных практик.

В основу модели легла идея возможного накопления социального капитала в формате широты и устойчивости социальных отношений индивидов, входящих в различные социальные группы. Индикаторы были разработаны исходя из теоретической трактовки феномена. При этом социальный капитал рассматривался как индикатор интегрального типа [26]. Расчеты индекса производились относительно каждого респондента, в дальнейшем, используя метод группировки, были выделены группы, различающиеся по индексному показателю. В итоге обладатели социального капитала ранжировались в пять групп – от низкого уровня, где преобладали позиции недоверия, неучастия и закрытости к высокому уровню с широкими связями и контактами, основанными на межличностном, институциональном и обобщенном доверии [27].

Результаты и обсуждение

Проводимые в мониторинговом режиме наблюдения социального капитала (далее – СК) позволяют сделать вывод о структурной устойчивости его распределения (рис. 1) среди населения. Несмотря на имеющиеся колебания в численном ставе групп, они стабильно выделяются на протяжении почти десяти лет исследований.

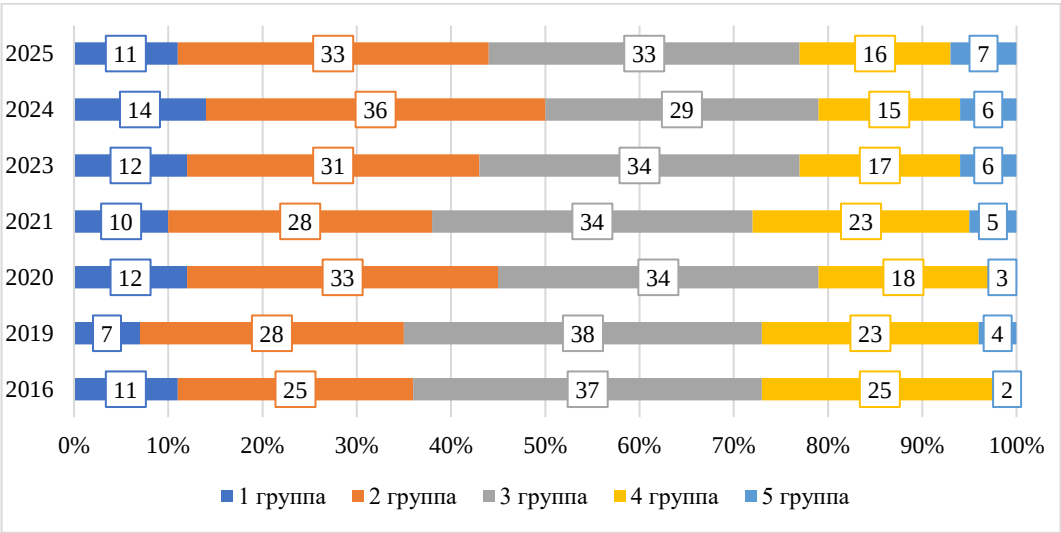

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2016–2025 гг. (%)

Fig. 1. Distribution of respondents by the level of accumulated social capital in the Vologda Region in 2016–2025 (%)

Источник: составлено автором по данным мониторинга общественного мнения
ВолНЦ РАН

По сведениям Вологдастата, на 1 января 2025 г. в области проживали 1 115 371 человек, из них 303 075 – в сельской местности². Принимая во внимание данные, указывающие на то, что колебания в распределении СК населения региона не столь масштабны, рассмотрим подробнее ситуацию с сельскими территориями на примере последнего замера, проведенного в апреле 2025 г. (рис. 2).

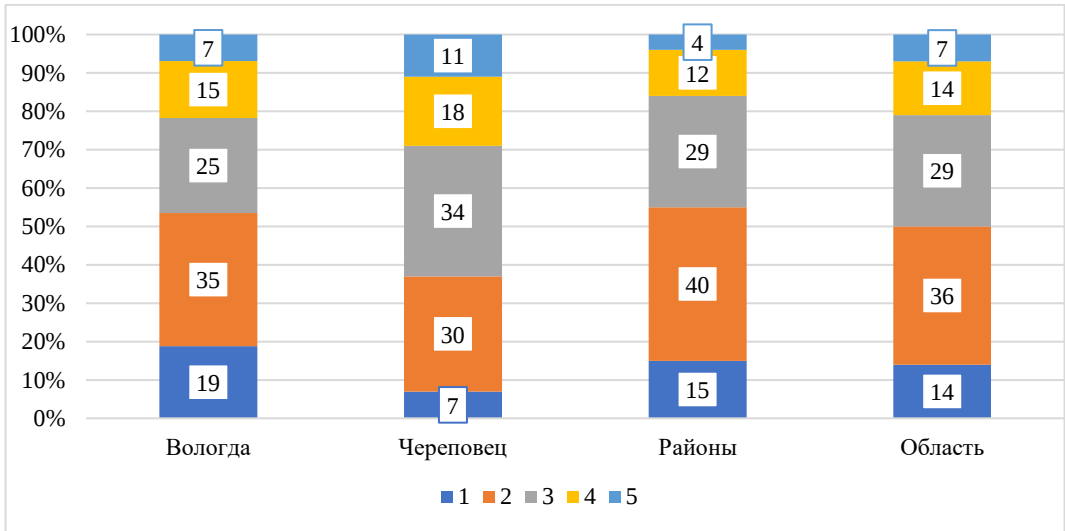

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области на 2025 г.

Fig. 2. Distribution of respondents by the level of accumulated social capital in the Vologda Region in 2025

Источник: составлено автором по данным мониторинга общественного мнения ВолНИЦ РАН, апрель 2025 г.

Полученные результаты характеризуют ситуацию с накоплением СК в сельском сообществе Вологодской области следующим образом: среди жителей сельских территорий области преобладают носители СК относительно низкого и среднего уровня его накопления или 2 и 3 группы. При этом достаточно много жителей попадает в группу с минимальным СК или 1 группу. Кроме того, обращает на себя внимание очевидность того, что обладателей относительно высокого и высокого уровня СК среди сельских жителей меньше, чем в городских сообществах области (рис. 2). Статистически значимых различий гендерного характера при анализе данных не выявлено. В каждой группе носителей социального капитала мужчины и женщины присутствуют примерно в равном количестве. Что касается возрастных характеристик, то более высоким уровнем социального капитала обладают более молодые респонденты. С переходом в пенсионный возраст связи с коллегами и контрагентами по профессиональной деятельности ослабевают – их становится

² Оценка численности постоянного населения Вологодской области на 1 января 2025 года и в среднем за 2024 год и компоненты ее измерения (человек) // Вологдастат : [сайт] URL: <https://35.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оценка%20численности%20на%2001.01.2025%20года.pdf> (дата обращения: 09.01.2026.).

меньше, что приводит к снижению уровня социального капитала и переходу респондентов в группы с более низким индексом. Тот факт, что в сельских поселениях преобладают территориальные и соседские связи между людьми в силу особенностей поселения и рода деятельности, не оказывает существенного влияния на выделение групп носителей СК.

Исследование социального капитала позволяет выявлять определенные и существенные по своему характеру различия между его обладателями, что говорит о роли социальных связей и отношений в жизни не только отдельного индивида, но и социума в целом. Принадлежность к той или иной группе носителей социального капитала проявляется во многих показателях, которые могут различаться в значительной степени. В данной статье через призму социального капитала, как уровня вовлеченности в социальные отношения, мы рассмотрим социальные настроения жителей сельских территорий, их вовлеченность в общественную активность, а также такой чувствительный показатель, как самооценка экономического положения.

Социальный капитал как система социальных отношений, в которые включен человек, проявляет себя достаточно сильно в социальных настроениях, отражающих восприятие индивидами благополучия, защищенности, эмоционального напряжения в социуме. Наличие возможности получить поддержку, обстановка доверия и солидарности во многом связаны с тем, к какой группе носителей СК относится индивид. Социальные настроения являются индикатором удовлетворенности индивидами различными сторонами своей жизни, ощущения безопасности или тревожности (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни (дайте один ответ)» (% от числа ответивших)

Table 1

Distribution of responses to the question “What would you say about your mood in recent days (give one answer)” (% of the number of respondents)

Социальное настроение	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Прекрасное настроение	3	10	11	17	33
Нормальное, ровное состояние	47	62	70	61	63
Испытываю напряжение, раздражение	36	20	13	17	0
Испытываю страх, тоску	5	2	1	4	0
Затрудняюсь ответить	10	7	6	1	4

Источник: составлено авторам по данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, апрель 2025 г.

Связь социального капитала и социального настроения основана на ряде механизмов. Во-первых, от СК во многом зависит наличие эмоциональной поддержки, идущей от окружения. Это ослабляет чувство одиночества, открывает возможность поделиться своими переживаниями и таким образом получить эмоциональную разрядку. Во-вторых, СК предоставляет доступ к ресурсам той сети или сетей, в со-

став которых входит индивид. Благодаря включенности в сети отношений он может получить и материальную поддержку, и помощь в решении жизненных проблем, например, содействие в трудоустройстве. В-третьих, СК открывает информационные каналы, через которые можно узнать актуальную и важную информацию о возможностях, получить советы и рекомендации, знания о правах и льготах, сведения о рисках. В-четвертых, через осознание принадлежности к социальной группе СК способствует формированию и поддержке идентичности. Все вышеперечисленные аспекты чрезвычайно важны для сельского социума. Имеющиеся данные показывают наличие определенной связи между социальным капиталом и социальными настроениями населения (табл. 1).

Если социальное настроение отражает восприятие населением окружающей социальной действительности, частью которой является система социальных отношений и связей, то СК отражает степень включенности в нее индивида. Чем ниже уровень СК у его носителя, тем соответственно ниже оценки окружающей действительности. Имеющиеся данные говорят о том, что респонденты с низким уровнем СК демонстрируют минимальный радиус доверия, ограниченность связей и контактов, сложности с коммуникацией, неготовность к совместным действиям. Это выражается в значительной доле негативных ответов и свидетельствует об ограниченном доступе к ресурсам в виде поддержки материального, морального и эмоционального характера, что делает жизнь этих людей менее благополучной. Обращает на себя внимание достаточно высокий уровень напряжения, испытываемого респондентами, относящимися к таким группам. Но напряжение и раздражение практически исчезают в группах с высоким уровнем СК. Растет и показатель выбора альтернативы «Нормальное, ровное состояние». Уменьшается доля затрудняющихся с ответом, что может говорить о стабилизации эмоционального фона. Можно предположить, что СК здесь выступает как мощный компенсатор эмоциональной уязвимости.

Социальное настроение выступает значимым регулятором поведения и может быть выражено в активной или пассивной позиции личности. В случае активной позиции индивид проявляет инициативу в решении проблем, стремится реализовать себя в общественных практиках. Пассивная позиция дает о себе знать через апатию, индивидуализм, снижение уровня доверия к окружающим людям и институтам. От имеющегося социального капитала зависит доступ к ресурсам и возможностям. Чем выше уровень накопленного СК, тем больше перспектив открывается перед индивидом для самореализации. Одним из возможных каналов для самореализации мы считаем участие в общественной жизни. Отправной точкой, стартом размышлений о включенности в общественную деятельность является информированность о ней. Тогда как незнание может трактоваться в качестве барьера, отсекающего неосведомленных от проектов, акций, мероприятий. Более половины участников опроса утверждают, что достаточно хорошо осведомлены о деятельности существующих в регионе общественных организаций. Тем не менее вовлеченность в их деятельность нельзя назвать высокой. Сами респонденты вполне реалистично оценивают степень своей общественной активности (табл. 2).

Таблица 2

Самооценка респондентами своего участия в общественной и политической жизни (% от числа ответивших в зависимости от принадлежности к группе носителей социального капитала)

Table 2

Respondents' self-assessment of their participation in public and political life (% of the number of respondents, depending on belonging to the group of carriers of social capital)

Оценка участия	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Активное и скорее активное	3	17	28	45	60
Пассивное и скорее пассивное	86	64	40	24	7
Затрудняюсь ответить	11	19	32	31	33

Источник: составлено авторам по данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, апрель 2025 г.

Низкий социальный капитал с очевидностью коррелирует с низкой гражданской активностью. С ростом СК разрыв между активными и пассивными респондентами сокращается, и у 4 группы доля активных существенно превышает долю пассивных. Показатель становится статистически значимым. Именно здесь обозначает себя некий переломный момент, когда при определенном уровне СК активность становится нормой. Это позитивное наблюдение, поскольку оно говорит о необходимости создания условий для роста СК до данного уровня. Только в этом случае начинается рост гражданской активности. Интересна динамика среди тех, кто затрудняется с выбором своей позиции. Если в 1 и 2 группах их доля минимальна, что вполне объяснимо достаточно четким осознанием своей позиции как пассивного человека, то в 3–5 группах доля затрудняющихся достаточно высока и практически не снижается с ростом СК. Возможно, рост доли респондентов, заявивших этот выбор, является отражением некой переходной фазы осознания собственной позиции. Это скорее всего те, кто не имеет четкого понимания своей роли в обществе и собственных возможностей для осознания и оценки своего участия. Тем более важна работа с данной группой неопределившихся с целью перевода их в категорию осознанных участников.

Что же касается связи низкого уровня СК и пассивности, то очевидно, что ограниченный радиус доверия, отсутствие связей снижают готовность включаться в общественные процессы. В связи с чем возникает вопрос о наличии институциональных возможностей для самореализации жителей региона с точки зрения их вовлеченности в общественную жизнь. На сегодняшний день на территории области имеется широкий спектр общественных организаций. В области представлены региональные организации всех парламентских политических партий, действуют профсоюзные, молодежные, женские, ветеранские, религиозные, благотворительные и другие организации. Это дает возможность жителям региона реализовать себя в той или иной форме (табл. 3). Таким образом, существует достаточное количество конвенциональных форм для самореализации и накопления социального капитала.

Таблица 3

Доля респондентов, участвующих в деятельности общественных организаций или являющихся членом какой-либо из них (% от числа ответивших в зависимости от принадлежности к группе носителей социального капитала)

Table 3

Share of respondents participating in or being members of public/civic organizations (% of the number of respondents, depending on belonging to the group of social capital carriers)

Участие	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Являюсь членом организации	0	1,8	5,5	12,3	37
Принимаю участие как доброволец, волонтер	0	0,7	11	34,6	51,9
Не состою и не участвую	100	97,4	83,5	53,1	11,1

Источник: составлено автором по данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, апрель 2025 г.

Наиболее популярна на текущий момент волонтерская деятельность. Проживание в сельской местности не становится препятствием для участия в ней. Выбор у жителей сельских территорий действительно есть, и они им пользуются. Респонденты являются членами профсоюзных (3,8%), благотворительных (3,3%), ветеранских (2,9%), экологических (2,3%), женских (1,9%), молодежных (1,8%), религиозных (1,8%) и прочих объединений. Участие в их деятельности представляет собой вовлеченность в формальные практики. Однако имеющаяся доля не состоящих и не участвующих весьма значительна, что указывает на ограниченные возможности накопления СК в условиях сельской местности.

Учитывая то, что СК формируется и поддерживается только в процессе вовлеченности в социальные сети, значимость участия в деятельности различных общественных структур достаточно велика. Соответственно, социальная изоляция в той или иной форме ведет к утрате накопленного социального капитала либо ограничивает возможности его приобретения. И здесь органам местного самоуправления необходимо активно взаимодействовать с населением, искать приемлемые и актуальные формы, не останавливаться на тех, что начинают терять свою привлекательность. Примером может служить практика вовлечения населения в решение общественных задач из области партисипаторного участия: когда люди вовлекаются в принятие значимых решений, влияют на сам процесс и его результат, т. е. могут предлагать идею и участвовать в ее реализации. В Вологодской области – это голосование по выбору общественных территорий для благоустройства. Данная практика существует не один год и дает довольно позитивные результаты. Перед включением проекта в планы финансирования всегда проходит его общественное обсуждение на сходах жителей, в местных СМИ или сетевых сообществах. Это позволяет не только выделить приоритеты на данный временной период, но и определить объекты для последующего обсуждения (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Участвовали Вы в рейтинговом голосовании по выбору общественных территорий для благоустройства?» (% от числа ответивших в зависимости от принадлежности к группе носителей социального капитала)

Table 4

The distribution of responses to the question “Did you participate in the rating vote on the choice of public territories for landscaping?” (% of the number of respondents, depending on belonging to the group of social capital holders)

Участие	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Нет, не участвовал(а)	94	72	58	41	22
Да, участвовал(а) один раз	0	10	18	35	70
Да, участвовал(а) неоднократно	0	6	8	15	4
Затрудняюсь ответить	6	12	16	9	4

Источник: составлено авторам по данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, апрель 2025 г.

Результаты опроса подтверждают сделанный ранее вывод о том, что низкий уровень СК не способствует вовлечению в общественную деятельность даже в весьма ограниченном формате. С ростом СК наблюдаем и рост вовлеченности в наблюдаемую практику. На уровне 4 группы доля участвующих начинает преобладать, сокращается и группа затрудняющихся в ответе, иначе говоря, люди делают выбор в пользу участия. Итак, чем выше уровень СК, тем меньше доля тех, кто не участвовал в голосовании. Тут наблюдается обратная связь между уровнем СК и участием.

Приведенный пример – одна из распространенных форм вовлечения сельского населения в общественную жизнь. Для села это значимая форма, однако она имеет свои ограничения. Фактически это полупассивная форма вовлечения. Нужно лишь проголосовать. Итоги опроса говорят о том, что голосование воспринимается как разовое действие, в котором можно как поучаствовать, так и пропустить. Респонденты с 1 уровнем СК фактически игнорируют участие. Есть и немалая доля тех, кто принадлежит к 5 группе с высоким уровнем СК, но также не проявляет своей активности. Можно утверждать, что подобные практики вовлечения населения, ориентированные на разовое и полупассивное участие, вряд ли будут способствовать формированию социального капитала и повышать общественное доверие, что не позволяет рассматривать их как эффективный способ вовлечения населения в общественную активность.

Участие в подобных проектах, как видим, привлекает далеко не всех. При этом пользоваться благоустроенными территориями, безусловно, будут все жители, независимо от выраженной позиции. В некоторой степени здесь дает о себе знать эффект «безбилетника», когда общественное благо доступно всем, но внести свой, пусть даже минимальный вклад в его создание, намерения нет у немалой доли населения обследуемых территорий, что свидетельствует о его разобщенности.

Если оценивать вовлеченность в неформальные практики, то мы получим несколько иную картину. Здесь уровень вовлеченности выше. К данной категории общественного участия респонденты отнесли: общественные работы по месту жительства (53%), работу в родительском комитете (19%), благотворительность (17%), подписание обращений и петиций в органы власти (13%), волонтерскую деятельность (11%). По-видимому, это участие либо носит разовый характер, либо не осознается респондентами в достаточной мере как форма значимой социальной активности. При неформальном участии вовлечение часто идет через личные контакты. И здесь немаловажную роль играют активисты. Следовательно, вопрос вовлечения населения в общественную деятельность стоит весьма остро. Использование традиционных форм не дает желаемого эффекта и слабо способствует формированию и поддержанию социального капитала среди сельского населения региона, а вовлечение через неформальные структуры нельзя оценить исключительно положительно. Есть и «темная» сторона, которая отражает недостаточный уровень институционального доверия.

Активность представителей 4 и 5 групп достаточно высокая, но численность таких групп в количественном выражении невелика. Именно они в большинстве случаев выполняют важную роль связующего звена между населением и различными общественными и государственными структурами, помогают выявлять проблемы, становятся инициаторами полезных дел, ориентированных на решение насущных проблем места проживания, активны в их реализации. У данной категории людей накоплены определенные ресурсы, прежде всего, социального характера, которые и могут быть использованы для развития сельских территорий. Однако потенциал этой категории населения используется очень ограниченно.

Заключение

Подводя итоги исследованию, необходимо подчеркнуть, что проблематика социального капитала сельских территорий занимает все еще ограниченное место в поле отечественных социологических исследований. И наша научная работа лишь небольшой шаг в этом направлении. В теоретическом отношении СК сельских сообществ не образует особого, принципиально отличного типа. Вместе с тем при его анализе важно учитывать специфические условия, в которых он формируется и получает возможность практической реализации. Оценка состояния социального капитала позволяет судить о степени устойчивости и запасе социальной выносливости местного сообщества, его адаптационном потенциале. При этом существенную роль играют доступные ресурсы, а также наличие либо отсутствие кризисных процессов как на уровне общества в целом, так и в рамках конкретного локального социума.

Полученные в ходе исследования на территории Вологодской области данные о состоянии социального капитала сельских территорий подтверждают его неоднородность и значимую связь с социальным самочувствием, уровнем вовлеченности населения в общественную активность. Их анализ показал, что социальный капитал выступает не только ресурсом адаптации, но и маркером уязвимости групп с низким уровнем доверия и узкими социальными сетями. Они демонстрируют бо-

лее пессимистичные оценки собственного положения и перспектив развития территории. Вместе с тем структурная устойчивость распределения групп (от минимального до высокого уровня накопления) свидетельствует о закреплении моделей социального поведения, что требует адресного подхода к управленческим воздействиям. Причем возможны два взаимосвязанных вектора поддержки и развития социального капитала сельских территорий.

Одно из направлений должно обеспечивать взаимодействие между населением и местной властью. В таком контексте значимым направлением должна стать более эффективная поддержка инфраструктуры гражданского участия со стороны управленческих структур.

Низкая степень участия сельских жителей в общественной жизни существенно ограничивает возможности использования ими сетевых ресурсов. Фактически формальные механизмы реализации карьерных и статусных устремлений оказываются на редкость слабо развитыми. Значительная доля респондентов с низким и относительно низким уровнем социального капитала свидетельствует о суженном радиусе доверия. Несмотря на пространственную близость и регулярное повседневное взаимодействие, жители демонстрируют недоверие по отношению к своему социальному окружению, которое нередко распространяется не только на посторонних, но и на ближайших родственников.

Подобная ситуация создает комплекс проблем. Прежде всего, существенно осложняются процессы коммуникации с данной группой населения, ограничиваются возможности органов местного самоуправления и инициативных групп по вовлечению сельчан в общественно полезную деятельность, что не всегда способствует предупреждению девиантных и противоправных форм поведения.

Обобщая полученные результаты, представляется целесообразным выделить два взаимосвязанных вектора поддержки и развития социального капитала сельских территорий: институциональный и неформальный. Меры институционального характера следует направить на создание устойчивых каналов взаимодействия между населением, местной властью и общественными структурами. Необходимо обратить внимание на наличие «точек входа» для жителей с разным уровнем ресурсов. Одной из них, по нашему мнению, могла бы стать работа ТОСов, которые вполне способны оказаться той институциональной рамкой, внутри которой неформальные связи трансформируются в ресурс коллективного действия. Меры неформального характера могли бы быть направлены на укрепление межличностного доверия и тем самым расширить его радиус. Свою роль здесь могут сыграть эмоционально окрашенные события как первый шаг к преодолению отчужденности в отношениях между людьми. Продвижению ценностей солидарности могут содействовать лидеры общественного мнения. Учителя, работники культуры, старики, руководители предприятий – все они обладают определенным авторитетом и могут транслировать модели социально ориентированного поведения. Их включение в диалог как с местной, так и с региональной властью, общественными организациями усиливает легитимность принимаемых решений, способствует диффузии норм сотрудничества в более широкие слои населения. Свою роль играют и практики взаимопомощи и соседской кооперации. Таким образом, развитие социального капитала сельских территорий требует синхронизации подходов, где

с одной стороны создается институциональный каркас для общественной активности, а с другой – нужна повседневная работа по укреплению горизонтальных связей и доверия.

Анализ социального капитала сельского населения имеет важное прикладное значение для решения целого ряда практических задач, связанных с поиском источников развития и выявлением потенциальных точек его накопления. При этом принципиально важно учитывать базовую характеристику социального капитала: он носит преимущественно характер общественного блага и увеличивается лишь в процессе своего активного использования.

Список литературы

1. Смыслы сельской жизни : (опыт социологического анализа) / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с. ISBN 978-5-906001-51-1. EDN [VMKTCT](#).
2. Helliwell, J. Economic Growth and Social Capital in Italy / J Helliwell, R. Putnam // *Eastern Economic Journal*. 1995. Vol. 105, № 430. Pp. 295–307.
3. Putnam, R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York : Simon & Schuster, 2000. 541 p. ISBN 0743203046.
4. Putnam, R. D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* / R. D. Putnam, R. Leonardi, R. Y. Nonetti. Princeton : Princeton University Press, 1993. 258 p. ISBN 978-1-4008-2074-0. DOI [10.2307/j.ctt7s8r7](#).
5. Blume, L. Patterns of Social Capital in West German Regions / L. Blume, D. Sack // *European Urban and Regional Studies*. 2008. Vol 15, № 3. Pp. 229–248. DOI [10.1177/0969776408090416](#).
6. Bowles, S. Social Capital and Community Governance / S. Bowles, H. Gintis // *Economic Journal*. 2002. Vol. 112, № 483. Pp. 419–436. DOI [10.1111/1468-0297.00077](#).
7. Akram, S. Investigating Causal Relationship Between Social Capital and Microfinance: Implications for Rural Development / S. Akram, J. K. Routray // *International Journal of Social Economics*. 2013. Vol. 40, № 9. Pp. 760–776. DOI [10.1108/IJSE-11-2012-0113](#).
8. Bulkowska, M. State Policy Towards Rural Areas – Targets and Target Implementation / M. Bulkowska, K. Chmurzynska // *Rural Development*. 2011. Vol. 5, № 1. Pp. 84–91. DOI [10.15544/RD.2011.1.013](#).
9. Binswanger, H. P. Empowering Rural People for Their Own Development // *Agricultural Economics*. 2007. Vol. 37, № 1. Pp. 13–27. DOI [10.1111/j.1574-0862.2007.00232.x](#).
10. Reimer, B. Understanding Social Capital: Its Nature and Manifestations in Rural Canada. Paper Prepared for Presentation at the CSAA Annual Conference – 2002, Toronto. 29 p.
11. Lee, Y. Social Media Capital and Civic Engagement: Does Type of Connection Matter? // *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2022. Vol. 19. Pp. 167–189. DOI [10.1007/s12208-021-00300-8](#).
12. Baik, S. Social Capital and Formal Volunteering among Family and Unpaid Caregivers of Older Adults / S. Baik, J. Crittenden, R. Coleman // *Research on Aging*. 2024. Vol. 46, № 2. Pp. 127–138. DOI [10.1177/01640275231202260](#).
13. Larsen, L. Bonding and Bridging: Understanding the Relationship between Social Capital and Civic Action / L. Larsen, S. K. Harlan, B. Bolin et al. // *Journal of Planning Education and Research*. 2004. Vol. 24, No. 1. Pp. 64–77. DOI [10.1177/0739456X04267181](#).
14. Афанасьев, Д. В. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели / Д. В. Афанасьев, Т. А. Гужавина, А. А. Мехова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 6(48). С. 110–125. DOI [10.15838/esc.2016.6.48.6](#). EDN [XRQDEV](#).
15. Беляева, Л. А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 4. С. 154–166. DOI [10.15838/esc.2019.4.64.10](#). EDN [BERTWR](#).

16. Кожина, Т. П. Особенности социального доверия сельских женщин Вологодской области (по материалам социологических опросов) // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Череповец, 16–17 октября 2012 года. Часть 1. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2012. С. 176–186. EDN [UMWKFZ](#).

17. Колпина, Л. В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2(132). С. 138–150. DOI [10.14515/monitoring.2016.2.09](#). EDN [VVXTDH](#).

18. Бражник, Г. В. Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей / Г. В. Бражник, В. П. Бабинцев, Н. В. Шевченко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16(187). С. 49–53. EDN [TEDLHP](#).

19. Гужавина, Т. А. Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. 2018. № 4(96). С. 136–152. DOI [10.15838/ptd.2018.4.96.9](#). EDN [XUFIIX](#).

20. Гужавина, Т. А. Социальный капитал сельских территорий. Есть ли ресурс для развития? // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти : Сборник докладов VII всероссийского социологического конгресса, Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, 12–14 ноября 2025 года. Москва : Российское общество социологов, 2025. С. 1141–1147. EDN [XBNZWZ](#).

21. Гусаков, Т. Ю. Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 156–171. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171](#). EDN [MKHMHK](#).

22. Латов, Ю. В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 59–73. DOI [10.31857/S0132162524110056](#). EDN [FODQRU](#).

23. Рыжова, С. В. Социальный капитал этничности: социологическая перспектива // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 92–102. DOI [10.31857/S0132162525100082](#). EDN [SBYEJF](#).

24. Brezzi, M. OECD Extended Regional Typology: The Economic Performance of Remote Rural Regions / M. Brezzi, L. Dijkstra, V. Ruiz // OECD Regional Development Working Papers, 2011/06. Paris : OECD Publishing, 2011. 21 p. DOI [10.1787/5kg6z83tw7f4-en](#).

25. Региональный социальный капитал в условиях кризиса : монография / Т. А. Гужавина, Д. В. Афанасьев, И. Н. Воробьева [и др.]. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2018. 220 с. ISBN 978-5-85341-845-5. EDN [XDVYHC](#).

26. Гужавина, Т. А. Применение факторного анализа при измерении социального капитала / Т. А. Гужавина, И. Н. Воробьева // Социальное пространство. 2017. № 4(11). С. 4. EDN [ZRPQFB](#).

27. Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе : монография / Т. А. Гужавина, Д. В. Афанасьев, К. Е. Косыгина [и др.]. Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2022. 228 с. ISBN 978-5-93299-562-4. EDN [GRTABL](#).

Сведения об авторе

Гужавина Татьяна Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: tanja_gta@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0636-7690](#); ПИНЦ SPIN-код: [8405-2610](#); Web of Science Researcher ID: [R-4871-2017](#).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания Вологодского научного центра РАН «Социокультурное развитие и социодинамика общественно-государственных отношений в российских регионах» (FMGZ-2025-0015).

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIAL CAPITAL OF RURAL AREAS: ARE THERE RESOURCES FOR INTEGRATION?

Tatyana A. Guzhavina

Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia

E-mail: tanja_gta@mail.ru

For citation: Guzhavina, T. A. Social Capital of Rural Areas: Are There Resources for Integration? *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 188–205. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.11). (In Russ.)

Abstract. This article analyzes the state and potential of social capital in rural areas, in the context of socio-demographic and socioeconomic development. The aim of this research is to identify the characteristics of accumulation and functioning of social capital among the rural population, and to assess its role in territorial sustainability and development as a resource. The theoretical basis of this study is the fundamental principles of the concept of social capital developed by R. Putnam, P. Bourdieu and J. Coleman. Its empirical foundation is based on the results of social capital monitoring in the Vologda Oblast conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences since 2016, which is a unique study in nature. Data analysis was conducted using the author's methodology to measure an indicator model for social capital. The application of this methodology made it possible to structurally analyze the population in rural areas of the region and to identify stable differences between groups in terms of social capital levels. The study's findings demonstrate that a substantial proportion of rural inhabitants exhibit low levels of accrued social capital, coupled with a lack of confidence, limited participation in collective endeavors, and poor integration into local social networks. However, it was found that, even under unfavourable socio-economic conditions, social capital can play a compensatory role, contributing to the maintenance of social stability, reduction of social tensions, and mitigation of migratory trends. The practical significance of this study is in the potential for using these findings to develop rural development programs that aim to strengthen social ties, increase public participation in local initiatives and increase institutional trust.

Keywords: rural areas, social capital, territorial development, social networks, trust, social well-being, social sustainability

References

1. Anisimov, R. I., Belova, N. I., Bulanova, M. B. et al. *Smysly sel'skoy zhizni : (opyt sotsiologicheskogo analiza) [The Meanings of Rural Life: (An Experience of Sociological Analysis)]*. Moscow : Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2016. 368 p. ISBN 978-5-906001-51-1. (In Russ.).
2. Helliwell, J., Putnam, R. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Eastern Economic Journal*. 1995. Vol. 105, No. 430. Pp. 295–307.
3. Putnam, R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York : Simon & Schuster, 2000. 541 p. ISBN 0743203046.
4. Putnam, R. D., Leonardi, R., Nonetti, R. Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton : Princeton University Press, 1993. 258 p. ISBN 978-1-4008-2074-0. DOI [10.2307/j.ctt7s8r7](https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7).
5. Blume, L., Sack, D. Patterns of Social Capital in West German Regions. *European Urban and Regional Studies*. 2008. Vol 15, No. 3. Pp. 229–248. DOI [10.1177/0969776408090416](https://doi.org/10.1177/0969776408090416).
6. Bowles, S., Gintis, H. Social Capital and Community Governance. *Economic Journal*. 2002. Vol. 112, No. 483. Pp. 419–436. DOI [10.1111/1468-0297.00077](https://doi.org/10.1111/1468-0297.00077).
7. Akram, S., Routray, J. K. Investigating Causal Relationship Between Social Capital and Micro-finance: Implications for Rural Development. *International Journal of Social Economics*. 2013. Vol. 40, No. 9. Pp. 760–776. DOI [10.1108/IJSE-11-2012-0113](https://doi.org/10.1108/IJSE-11-2012-0113).
8. Bulkowska, M., Chmurzynska, K. State Policy Towards Rural Areas – Targets and Target Implementation. *Rural Development*. 2011. Vol. 5, No. 1. Pp. 84–91. DOI [10.15544/RD.2011.1.013](https://doi.org/10.15544/RD.2011.1.013).
9. Binswanger, H. P. Empowering Rural People for Their Own Development. *Agricultural Economics*. 2007. Vol. 37, No. 1. Pp. 13–27. DOI [10.1111/j.1574-0862.2007.00232.x](https://doi.org/10.1111/j.1574-0862.2007.00232.x).
10. Reimer, B. *Understanding Social Capital: Its Nature and Manifestations in Rural Canada*. Paper Prepared for Presentation at the CSAA Annual Conference – 2002, Toronto. 29 p.

11. Lee, Y. Social Media Capital and Civic Engagement: Does Type of Connection Matter? *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2022. Vol. 19. Pp. 167–189. DOI [10.1007/s12208-021-00300-8](https://doi.org/10.1007/s12208-021-00300-8).
12. Baik, S., Crittenden, J., Coleman, R. Social Capital and Formal Volunteering among Family and Unpaid Caregivers of Older Adults. *Research on Aging*. 2024. Vol. 46, No. 2. Pp. 127–138. DOI [10.1177/01640275231202260](https://doi.org/10.1177/01640275231202260).
13. Larsen, L., Harlan, S. K., Bolin, B. et al. Bonding and Bridging: Understanding the Relationship between Social Capital and Civic Action. *Journal of Planning Education and Research*. 2004. Vol. 24, No. 1. Pp. 64–77. DOI [10.1177/0739456X04267181](https://doi.org/10.1177/0739456X04267181).
14. Afanas'ev, D. V., Guzhavina, T. A., Mekhova, A. A. Social Capital in a Region: Revisiting the Measurement and Building of an Indicator Model. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016. No. 6(48). Pp. 110–125. DOI [10.15838/esc.2016.6.48.6](https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.6). (In Russ.).
15. Belyaeva, L. A. Social Capital: Problem Field and Empirical Research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. Vol. 12, No. 4. Pp. 154–166. DOI [10.15838/esc.2019.4.64.10](https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.10). (In Russ.).
16. Kozhina, T. P. Osobennosti sotsial'nogo doveriya sel'skikh zhenshchin Vologodskoy oblasti (po materialam sotsiologicheskikh oprosov) [Features of Social Trust of Rural Women in the Vologda Region (Based on Sociological Surveys)]. In: *Sotsial'nyy kapital kak resurs modernizatsii v regione: problemy formirovaniya i izmereniya* [Social Capital as a Resource for Modernization in the Region: Problems of Formation and Measurement] : Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Cherepovets, October 16–17, 2012. Part 1. Cherepovets: Cherepovets State University, 2012. Pp. 176–186. (In Russ.).
17. Kolpina, L. V. Problems in Functioning of the Regional Social Network. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. No. 2(132). Pp. 138–150. DOI [10.14515/monitoring.2016.2.09](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.09). (In Russ.).
18. Brazhnik, G. V., Babintsev, V. P., Shevchenko, N. V. Conditions of Formation and the Reproduction of Social Capital of Rural Residents. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2014. No. 16(187). Pp. 49–53. (In Russ.).
19. Guzhavina, T. A. Social Capital of the Rural Population: Assessment of Condition. *Problems of Territory's Development*. 2018. No. 4(96). Pp. 136–152. DOI [10.15838/ptd.2018.4.96.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.9). (In Russ.).
20. Guzhavina, T. A. Social Capital of Rural Areas. Is There a Resource for Development? In: *Sotsiologiya i obshchestvo: formirovaniye i funktsionirovaniye obshchestvennoy pamyati* [Sociology and Society: Formation and Functioning of Public Memory] : Collection of reports of the VII All-Russian Sociological Congress, Moscow, St. Petersburg, Rostov-on-Don, November 12–14, 2025. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2025. Pp. 1141–1147. (In Russ.).
21. Gusakov, T. Yu. The Development of Social Capital in Rural Areas of the Crimean Peninsula (On the Example of the Village of Novoaleseevka). *RUDN Journal of Sociology*. 2023. Vol. 23, No. 1. Pp. 156–171. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171). (In Russ.).
22. Latov, Yu. V. Trends in Changing in Institutional Trust as Social Capital of Russian Society. *Sociological Studies*. 2024. No. 11. Pp. 59–73. DOI [10.31857/S0132162524110056](https://doi.org/10.31857/S0132162524110056). (In Russ.).
23. Ryzhova, S. V. The Social Capital of Ethnicity: A Sociological Perspective. *Sociological Studies*. 2025. No. 10. Pp. 92–102. DOI [10.31857/S0132162525100082](https://doi.org/10.31857/S0132162525100082). (In Russ.).
24. Brezzi, M., Dijkstra, L., Ruiz, V. OECD Extended Regional Typology: The Economic Performance of Remote Rural Regions. *OECD Regional Development Working Papers*, 2011/06. Paris : OECD Publishing, 2011. 21 p. DOI [10.1787/5kg6z83tw7f4-en](https://doi.org/10.1787/5kg6z83tw7f4-en).
25. Guzhavina, T. A., Afanasyev, D. V., Vorobyova, I. N. [et al.]. *Regional'nyy sotsial'nyy kapital v usloviyakh krizisa* [Regional Social Capital in Times of Crisis] : monograph. Cherepovets : Cherepovets State University, 2018. 220 c. ISBN 978-5-85341-845-5. (In Russ.).
26. Guzhavina, T. A., Vorob'eva, I. N. Application of Factor Analysis in the Measurement of Social Capital. *Social Area*. 2017. No. 4(11). P. 4. (In Russ.).
27. Guzhavina, T. A., Afanasyev, D. V., Kosygina, K. E. *Kollektivnyye deystviya i sotsial'nyy kapital v rossiyskom obshchestve* [Collective Action and Social Capital in Russian Society]: monograph. Vologda: Vologda Research Center RAS, 2022. 228 p. ISBN 978-5-93299-562-4. (In Russ.).

Bio note

Tatyana A. Guzhavina, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Leading Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: tanja_gta@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0636-7690](https://orcid.org/0000-0003-0636-7690); RSCI SPIN-code: [8405-2610](https://www.rsci.ru/spin/8405-2610); Web of Science Researcher ID: [R-4871-2017](https://orcid.org/R-4871-2017).

Acknowledgments and financing

The article was prepared within the framework of the State assignment of the Vologda Research Center RAS "Socio-cultural development and sociodynamics of public-state relations in Russian regions" (FMGZ-2025-0015).

Received on 16.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.12)

EDN [JGCVOC](https://www.edn.ru/JGCVOC)

Научная статья

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Кротов С. Е.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: krotoffserge@gmail.com

Лебедева Т. В.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: shonohova@rambler.ru

Для цитирования: Кротов, С. Е. Современные особенности рождаемости городского и сельского населения в регионах России / С. Е. Кротов, Т. В. Лебедева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 206–223. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.12). EDN [JGCVOC](https://www.edn.ru/JGCVOC).

Аннотация. В статье проанализированы современные особенности динамики суммарного коэффициента рождаемости (СКР) городского и сельского населения России на региональном уровне. Информационной базой работы послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Целью исследования являлось выявление региональных особенностей и тенденций репродуктивной активности населения в городской и сельской местности. В статье рассмотрены различные категории российских регионов, выделенные в зависимости от величины СКР, рассчитанного отдельно для городского и сельского населения. Проанализирована динамика изменения СКР в городской и сельской местности российских регионов с 2014 по 2024 гг. Сделаны прогнозы в отношении ряда регионов. По итогам анализа ситуации на региональном уровне зафиксирована большая вариативность изучаемого показателя в сельской местности по сравнению с городской. Отмечены новые «антирекорды» динамики СКР в отдельных регионах РФ. Выявлены наиболее проблемные территории с точки зрения современных трендов репродуктивной активности. Описан феномен перехода все большего числа российских регионов к относительно новому балансу между городской и сельской рождаемостью, при котором СКР сельского населения становится ниже аналогичного показателя городского населения. С учетом имеющейся тенденции подчеркнута важность государственной поддержки семей с детьми в сельской местности. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки программ социальной помощи населению.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные установки, репродуктивная активность, суммарный коэффициент рождаемости, регионы России, городское население, сельское население, доля городского и сельского населения

Введение

Наметившиеся в последнее десятилетие негативные тренды в сфере репродуктивной активности населения заставляют исследователей, политиков и государственных деятелей уделять повышенное внимание этой теме. Мониторинг статистических показателей является важной составляющей общей работы, направленной на обеспечение демографического благополучия России.

Указом Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1024¹ был утвержден новый перечень показателей для оценки эффективности деятельности

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнитель-

высших должностных лиц и деятельности исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. В группу демографических показателей впервые включен суммарный коэффициент рождаемости (СКР), что подчеркивает важность такого показателя. Поэтому СКР – один из важнейших индикаторов эффективности демографической политики на общегосударственном и региональном уровнях. С его помощью оценивается результативность программ по стимулированию многодетности, действенность поддержки семей с детьми, влияние развития социальной инфраструктуры на принятие решения о рождении детей [1].

Суммарный коэффициент рождаемости обладает несомненными достоинствами: не зависит от половозрастной структуры населения, характеризует режим воспроизводства, позволяет производить межрегиональные сравнения. Вместе с тем показатель имеет и ряд ограничений в применении в качестве инструмента государственной политики. СКР не учитывает продолжительность временного интервала после последнего рождения, а также распределение женщин по количеству рожденных детей. Его главный недостаток – высокая восприимчивость к сдвигам во времени рождения детей, что приводит к росту показателя при рождении детей в более ранних возрастах и к снижению при откладывании деторождений. В связи с чем показатель подвергается серьезной научной критике [2].

В последние годы различные авторы и коллективы ученых исследовали показатели рождаемости на региональном и муниципальном уровнях. Так, немалый научный интерес представляет статья А. Н. Петросяна, в которой отражены особенности рождаемости в 2011–2019 гг. в российских муниципальных районах. Автором использован показатель СКР, скорректированный методом косвенной стандартизации. Ученый пришел к выводу о том, что регионы, где СКР ниже среднего по России, населяют 65% россиян. Лишь 1/10 населения РФ проживает на территориях, где оценочные значения коэффициента превышают уровень простого воспроизводства. Как правило, это небольшие сельские муниципалитеты (менее 10 тыс. жителей) с выраженной этнической спецификой [3].

Учеными Института географии РАН установлено, что за исключением территорий с интенсивным миграционным притоком, практически во всех регионах нашей страны показатели рождаемости в сельской местности превышают показатели рождаемости в городах [4]. Без внимания демографов не остался важный вклад сельского населения в наблюдавшийся в России до середины 2010-х гг. общий рост рождаемости [5].

Исследователи демографических проблем российских регионов отмечают, что сельские территории с высокой рождаемостью сталкиваются с проблемой значительной миграционной убыли населения [6], в большой степени обусловленной низким уровнем оплаты труда. Это создает острую необходимость в стимулировании экономического развития сельской местности, особенно трудоемких отраслей сельского и лесного хозяйства [7].

Учеными Института социальной демографии ФНИСЦ РАН (ИСД ФНИСЦ РАН) замечено, что наиболее крупные городские агломерации в российских регионах

формируют вокруг себя зоны минимальной рождаемости [8]. Причины такого явления лежат как в психологической плоскости (ценностные установки людей), так и в экономической (высокая стоимость жилья в крупных городах) [9].

По мнению ученых ИСД ФНИСЦ РАН Н. Ю. Микрюкова, Т. Р. Мирязова и Е. А. Лукашенко, улучшить демографическую ситуацию в стране можно снижением концентрации населения в крупных агломерациях [10]. Для чего необходим переход от сооружения многоэтажных жилых домов к строительству доступных по цене комфортабельных домов с приусадебными участками и всей необходимой социальной и транспортной инфраструктурой. Деконцентрация населения приведет к росту числа двухдетных и многодетных городских семей. Исследователи также подчеркивают важность расширения доходной базы региональных экономик, что создаст возможности введения дополнительных мер стимулирования рождаемости в регионе и поспособствует росту рождаемости.

В последние годы востребованными становятся исследования эффективности мер финансовой поддержки рождаемости. Эксперты отмечают важность репродуктивных установок населения, поскольку материальная поддержка приводит к большему росту показателей СКР в регионах с изначально высокой рождаемостью [11].

В современных исследованиях большое внимание уделяется изучению рождаемости в городах, где сосредоточена основная часть населения Российской Федерации. При этом традиционно считается, что рождаемость в сельской местности достаточно высокая. *Гипотеза нашего исследования* заключается в том, что количество российских регионов, в которых показатели рождаемости в сельской местности постепенно сокращаются и снижают общие показатели рождаемости в регионе, непрерывно возрастает.

Целью исследования является выявление региональных особенностей, закономерностей и современных тенденций репродуктивной активности городского и сельского населения России. *Научная новизна* состоит в выявлении особенностей рождаемости населения в городской и сельской местности РФ с использованием картографического метода. *А практическая значимость* заключается в возможности использования полученных результатов при разработке программ социально-экономического развития регионов России, для корректировки программ социальной помощи населению.

Источники информации и методы исследования

Исследование выполнено на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), скорректированных по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. (по состоянию на 1 октября 2021 г.). Для анализа были использованы показатели из витрины статданных Росстата:

- суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) городского и сельского населения 2024 г.;

- доля городского населения в общей численности населения на 1 января 2025 г.

Обработка данных для последующего анализа производилась в программе Microsoft Excel. Были составлены ранжированные списки субъектов Российской Федерации (далее по тексту – регионов) по годам в зависимости от величины суммар-

ного коэффициента рождаемости городского и сельского населения. Рассчитана разница между значениями коэффициента в сельской и городской местностях для каждого региона по годам. Проведен расчет прироста (убыли) СКР городского и сельского населения по каждому региону за период 2014–2024 гг. Были сформированы ранжированные списки территорий в зависимости от величины долей городского и сельского населения. Вычислен прирост доли городского населения в каждом регионе России за исследуемый период. В программе Microsoft Excel созданы графики, отображающие динамику исследуемых показателей, а в графическом редакторе Inkscape – карты, иллюстрирующие пространственные особенности изучаемых явлений и процессов.

Исследование проведено с использованием статистического, типологического, описательного, сравнительного, графоаналитического и картографического методов.

Результаты и обсуждение

Для изучения динамики показателей суммарной рождаемости был выбран временной интервал с 2014 по 2024 гг., характеризующий современную демографическую ситуацию и в то же время позволяющий обнаружить имеющиеся тенденции. При анализе и сравнении использовались величины суммарных коэффициентов рождаемости, рассчитанные сотрудниками Росстата отдельно для городского и сельского населения. В этой связи отметим, что по состоянию на 1 января 2025 г. доля городского населения в общей численности населения РФ составила 75,1%². В начале 2015 г. доля городского населения была равна 74,2%, то есть прирост показателя за десять лет составил около 1%.

В России с 2016 г. имеет место непрерывная отрицательная динамика суммарного коэффициента рождаемости, рассчитанного для всего населения. В результате коэффициент снизился с 1,76 ребенка на женщину в 2015 г. до 1,40 в 2024 г.³ Снижение показателя в сельской местности началось годом ранее, после достижения в 2014 г. современного максимума; в 2024 г. СКР сельского населения страны достиг критического исторического минимума. После наступления пика в 2015 г. в среде количественно преобладающего городского населения также началось снижение показателя, тем самым была обозначена общая отрицательная динамика. В сельской местности снижение значений суммарного коэффициента рождаемости было более выраженным, в результате чего величины показателей в городской и сельской местностях существенно сблизились (рис. 1).

Особый интерес в контексте данного исследования представляет динамика разницы между значениями коэффициента в сельской и городской местностях. В 1990-е и в первой половине 2000-х гг. имела место тенденция к сближению показателей. После чего в период общероссийского роста рождаемости тренд изме-

² Доля городского населения в общей численности населения на 1 января // Витрина статистических данных Федеральной службы государственной статистики : [сайт]. URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278932/> (дата обращения: 16.02.2026).

³ Суммарный коэффициент рождаемости // Витрина статистических данных Федеральной службы государственной статистики : [сайт]. URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278974/> (дата обращения: 17.02.2026).

нился на противоположный благодаря более интенсивному приросту коэффициента в сельской местности (в 2014 г. разница составила 0,689). С 2015 г. наметился новый тренд к сближению уровней суммарной рождаемости сельского и городского населения, обусловленный более интенсивным падением рождаемости в сельской местности. В результате в 2024 г. разница между показателями достигла исторического минимума (0,167).

Далее, отдельно рассмотрим показатели СКР в городской и сельской местностях российских регионов⁴.

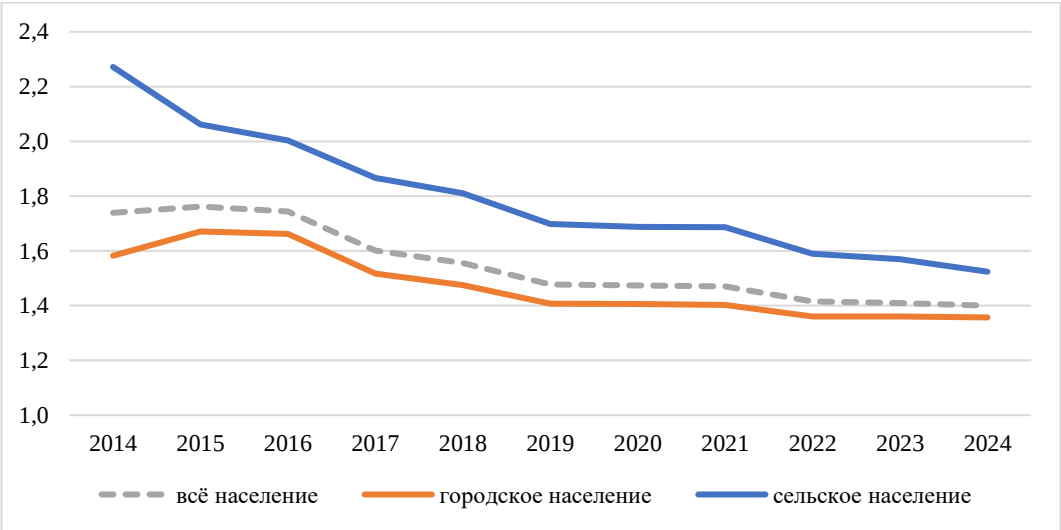

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России с 2014 по 2024 г.

Fig. 1. Dynamics of the total fertility rate in Russia from 2014 to 2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Особенности рождаемости городского населения в регионах России

На основе расчета прироста коэффициента в городской местности каждого региона России выявлено, что за исследуемый период (2014–2024 гг.) увеличение СКР городского населения имело место лишь в двух субъектах страны: на 9,3% в Чеченской Республике и на 7,7% в г. Москве (рис. 2). Следует отметить, что рост рождаемости в г. Москве, должно быть, связан с особенностями статистического учета новорожденных. Они могут оказывать заметное влияние на статистику рождаемости, как в столице, так и в Московской области. Напомним, что рождения могут регистрироваться как по месту жительства родителей, так и по месту рождения ребенка. Сельские женщины имеют возможность рожать в городах и там же регистрировать рождение ребенка. Что будет занижать показатели рождаемости у сельского населения и завышать у городского.

⁴ Официальная статистическая информация, разрабатываемая Росстатом, публикуется без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям.

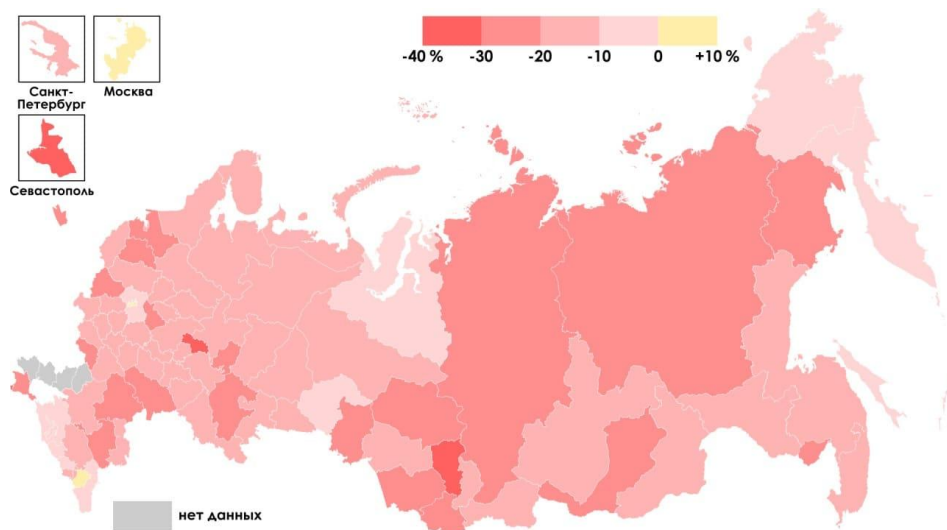

Рис. 2. Изменение значений суммарного коэффициента рождаемости городского населения в российских регионах с 2014 по 2024 гг.

Fig. 2. Changes in the total fertility rate of the urban population in Russian regions from 2014 to 2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

В остальных регионах страны наблюдалось падение значений показателя СКР, при этом в большинстве субъектов снижение составило от 10 до 20%. В Республике Марий Эл и в Кемеровской области значения СКР сократились более чем на 30%.

В результате произошедших за 10 лет изменений к 2024 г. сложилась ситуация с рождаемостью в городской местности российских регионов, которая отражена на рис. 3. Самый высокий показатель рождаемости среди горожан был зафиксирован в Чеченской Республике и в Республике Тыва. В диапазоне значений СКР городского населения от 1,5 до 2,0 находятся следующие регионы, представленные в порядке убывания значений коэффициента: Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область, Тюменская область (без автономных округов), Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Ханты-Мансийский АО, Краснодарский край, Астраханская область, Ненецкий АО, Камчатский край, Иркутская область и Кабардино-Балкарская Республика.

Географическое положение территорий, отличающихся относительно высокой рождаемостью городского населения, весьма разнообразно: юг и северо-восток европейской части РФ, Северный Кавказ, запад и юг Сибири, Дальний Восток. Большинство из них образовано по национальному признаку. Доля городского населения (на 1 января 2025 г.) в данных регионах колеблется в очень широких пределах: от 47,2% в Чеченской Республике до 92,4% в Ханты-Мансийском АО.

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости городского населения в российских регионах в 2024 г.

Fig. 3. Total fertility rate of the urban population in Russian regions in 2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

В изучаемый период два российских субъекта отличались крайне низкими значениями показателя СКР (<1) городского населения. В Ленинградской области коэффициент принимает такие значения с 2021 г., в г. Севастополь – с 2023 г. Непрерывная отрицательная динамика показателя СКР городского населения Томской области, наблюдающаяся с 2016 г., приближает и этот регион к пересечению психологически важной отметки.

В большинстве субъектов Российской Федерации показатель СКР находится в диапазоне от 1,0 до 1,5. Причем наиболее низкие значения (менее 1,1) отмечены в таких регионах, как (перечислены в порядке убывания значений СКР): Волгоградская, Смоленская и Белгородская области, Республика Мордовия, г. Севастополь, Саратовская и Томская области. Самый низкий показатель СКР городского населения отмечен в Ленинградской области (0,909). Все эти регионы, за исключением Томской области, расположены в европейской части России. Доля городского населения в них варьирует от 63,9% в Республике Мордовия до 92,6% в г. Севастополь, регионы с преобладанием сельского населения отсутствуют.

Региональные особенности рождаемости сельского населения России

Показатели рождаемости сельского населения в российских регионах за исследуемый период снижались более интенсивно (рис. 4). В Крыму, Дагестане и Кабардино-Балкарии за этот промежуток времени падение рождаемости было относительно небольшим. В то же время в Тыве, Вологодской, Смоленской и Рязанской областях снижение значений СКР в сельской местности составило более 50%, в Магаданской области – 71,8%. Отметим, что Магаданская область имеет самый низкий удельный вес сельского населения (3,4%) среди всех регионов России. Вместе с тем село традиционно является естественным резервом восстановления численности населения, который в регионе практически отсутствует [12].

Рис. 4. Изменение значений суммарного коэффициента рождаемости сельского населения в регионах России за 2014–2024 гг.

Fig. 4. Changes in the total fertility rate of the rural population in the regions of Russia for 2014–2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

В рассматриваемом десятилетнем временном интервале налицо тенденция к сокращению численности регионов с относительно высоким суммарным коэффициентом рождаемости сельского населения. В 2024 г. самые внушительные значения СКР ($>2,5$) зафиксированы в сельской местности Республики Тыва, в Ненецком и Ямало-Ненецком АО (рис. 5). В диапазоне значений СКР от 2,0 до 2,5 находились следующие регионы (в порядке убывания величины СКР): Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Дагестан, Кировская область, Красноярский край и Республика Коми.

К числу российских регионов с достаточно высокими значениями СКР в сельской местности относятся в основном национальные республики и автономные округа. География их весьма обширна: восток Северного Кавказа, средняя и южная Сибирь, северо-запад Сибири, северо-восток европейской части России. Доля сельского населения здесь колеблется от 14,7% в Ямало-Ненецком АО до 69,6% в Республике Алтай – это наибольший показатель среди всех субъектов Российской Федерации.

В 2024 г. в диапазоне значений СКР от 1,5 до 2,0 – средние показатели по субъектам РФ – находилось 32 региона, расположенных преимущественно на Дальнем Востоке, юго-западе Сибири и Южном Урале. В подавляющем же большинстве регионов страны (в 35), особенно в ее европейской части, значения показателя СКР варьировали от 1,0 до 1,5.

Рис. 5. Суммарный коэффициент рождаемости сельского населения в российских регионах в 2024 г.

Fig. 5. Total fertility rate of the rural population in Russian regions in 2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

К субъектам Российской Федерации с самыми низкими (ниже 1) значениями СКР в сельской местности по итогам 2024 г. относились: Брянская, Московская, Смоленская и Магаданская области, Республика Мордовия и Ленинградская область. За исключением Магаданской области все они расположены в европейской части России. Доля сельского населения в них меняется от 3,4% в Магаданской области до 36,1% в Республике Мордовия, то есть регионов с преобладающим сельским населением среди них нет.

В Московской и Ленинградской областях СКР сельского населения имеет значения ниже 1 с 2018 г., в Республике Мордовия – с 2022 г., в Смоленской области – с 2023 г., а в Брянской и Магаданской областях – с 2024 г. При этом в 2010-х гг. Магаданская область относилась к регионам с наиболее высокими показателями рождаемости в сельской местности, в отдельные годы значения СКР сельского населения в области были выше 3.

При сохранении тенденции к увеличению численности регионов с крайне низкой рождаемостью в сельской местности в ближайшее время в данную категорию ($СКР < 1$) могут попасть Владимирская, Рязанская, Тамбовская и Липецкая области, в которых значения коэффициента по итогам 2024 г. едва превышали 1.

Итак, подытожим количественный анализ динамики показателей суммарного коэффициента рождаемости и пространственного распределения изменений в поселенческом разрезе регионов за 10-летний период. Для повышения наглядности и практической значимости результатов проведенного мониторинга (табл. 1) представлены группы регионов (с полным списком входящих субъектов) в зависимости от тенденций динамики городской и сельской рождаемости.

Таблица 1

Группы регионов в зависимости от динамики СКР в городской и сельской местности

Table 1

Groups of regions depending on the dynamics of the TFR in urban and rural areas

Изменение СКР с 2014 по 2024 г.	Городское население	Сельское население
от 0 до +10%	Чеченская Республика, г. Москва	–
от 0 до -10%	Сахалинская обл., Карачаево-Черкесская Республика, Ямало-Ненецкий АО, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея, Тюменская обл., Чукотский АО, Республика Дагестан, Московская обл., Краснодарский край, Камчатский край	–
от -10% до -20%	Воронежская обл., Республика Карелия, Приморский край, Новосибирская обл., Ростовская обл., Ненецкий АО, Орловская обл., Республика Тыва, Астраханская обл., Тамбовская обл., Калужская обл., Амурская обл., Мурманская обл., Иркутская обл., Ивановская обл., Псковская обл., Брянская обл., Оренбургская обл., Республика Северная Осетия-Алания, Костромская обл., Самарская обл., Забайкальский край, Чувашская Республика, Нижегородская обл., Архангельская обл., Республика Ингушетия, Ставропольский край, г. Санкт-Петербург, Республика Коми, Рязанская обл., Ярославская обл., Ханты-Мансийский АО, Челябинская обл., Тульская обл., Вологодская обл., Республика Татарстан, Ульяновская обл., Хабаровский край, Свердловская обл., Республика Хакасия, Липецкая обл., Курганская обл., Тверская обл., Республика Мордовия, Кировская обл., Пермский край, Курская обл., Пензенская обл.	Республика Крым, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика
от -20% до -30%	Красноярский край, Омская обл., Магаданская обл., Республика Саха (Якутия), Волгоградская обл., Республика Калмыкия, Смоленская обл., Новгородская обл., Калининградская обл., Еврейская АО, Белгородская обл., Республика Крым, Удмуртская Республика, Владимирская обл., Саратовская обл., Ленинградская обл., Алтайский край, Томская обл., Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Башкортостан	Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий АО, Краснодарский край, Московская обл., Чукотский АО, Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Камчатский край, Астраханская обл., Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Хабаровский край, Красноярский край, Иркутская обл., Тюменская обл., Республика Татарстан
от -30% до -40%	Республика Марий Эл, Кемеровская обл., г. Севастополь	Свердловская обл., Республика Башкортостан, Приморский край, Ростовская обл., Новосибирская обл., Воронежская обл., Ханты-Мансийский АО, Ленинградская обл., Республика Марий Эл, Самарская обл., Кировская обл., Нижегородская обл., Тульская обл., Тамбовская обл., Калужская обл., Пензенская обл., Забайкальский край, Пермский край, Томская обл., Костромская обл., Сахалинская обл., Ивановская обл., Республика Калмыкия, Удмуртская Республика, Еврейская АО, Амурская обл., Челябинская обл., Курганская обл., Калининградская обл., Тверская обл., Республика Хакасия, Омская обл.

Продолжение таблицы 1

Изменение СКР с 2014 по 2024 г.	Городское население	Сельское население
от -40% до -50%	-	Ульяновская обл., Белгородская обл., Республика Бурятия, Курская обл., Орловская обл., Республика Мордовия, Республика Карелия, Мурманская обл., Алтайский край, Волгоградская обл., Липецкая обл., Оренбургская обл., Ненецкий АО, Архангельская обл., Владимирская обл., Ярославская обл., Псковская обл., Чувашская Республика, Республика Саха (Якутия), Новгородская обл., Саратовская обл., Республика Алтай, Кемеровская обл., Республика Коми, Брянская обл.
от -50% до -60%	-	Республика Тыва, Вологодская обл., Смоленская обл., Рязанская обл.
от -70% до -80%	-	Магаданская обл., г. Севастополь

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Соотношение показателей суммарной рождаемости городского и сельского населения в субъектах Российской Федерации

На основе проведенных исследований выявлено, что в 54 из 85 субъектов Российской Федерации в 2024 г. суммарный коэффициент рождаемости сельского населения превышал аналогичный показатель городского населения. Наибольшая разница отмечена в Ненецком АО, Республике Алтай, Красноярском крае, Республике Дагестан, Кировской области и Ямало-Ненецком АО.

Причем в 28 российских регионах СКР городского населения был выше аналогичного показателя сельского населения. Наибольшая разница в показателях наблюдалась в Чеченской Республике, Московской и Магаданской областях. В Нижегородской области в 2024 г. значения анализируемого коэффициента в сельской и городской местности оказались равными.

В начале исследуемого периода (2014 г.) в России было лишь 5 регионов, где СКР сельского населения был ниже аналогичного показателя городского населения. Здесь следует сказать, что более высокая рождаемость у сельских жительниц по сравнению с женщинами, живущими в городах, считается традиционной. Она связана с влияющими на репродуктивные установки социально-экономическими и культурными различиями, существовавшими в прошлом и сохранившимися в той или иной мере до настоящего времени. Подобный баланс между уровнями суммарной рождаемости в городской и сельской местностях можно условно назвать традиционным или «классическим».

Согласно данным Росстата, первым регионом, в котором по итогам 1990 г. СКР сельского населения оказался ниже аналогичного показателя городского населения, была Мурманская область. С того времени и до середины 2010-х гг. в данную категорию периодически попадали еще несколько регионов: Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Камчатский край, Сахалинская, Ленинградская и Московская области. Резкое увеличение числа регионов, относящихся к этой категории, произошло в 2015 г. Именно тогда началось общероссийское падение значений суммарного коэффициента рождаемости

в сельской местности, а в городских поселениях продолжился его рост, что привело к значительному сближению уровней рождаемости.

В итоге к концу исследуемого периода число субъектов РФ, в которых имеет место новый или «неклассический» баланс между суммарной рождаемостью городских и сельских жителей, выросло до 28. Хотя изменения в численном соотношении между двумя категориями регионов не было равномерным, тем не менее в рассматриваемом временном интервале (2014–2024 гг.) отчетливо просматривается долговременная тенденция, о чем свидетельствуют линии тренда на рис. 6.

Рис. 6. Изменение числа российских регионов с различным балансом рождаемости в городской и сельской местностях за 2014–2024 гг.
Fig. 6. Change in the number of Russian regions with different fertility balances in urban and rural areas for 2014–2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Научный интерес представляет пространственный аспект происходящих изменений. За рассматриваемые 10 лет существенно расширилась география регионов с новым балансом рождаемости городского и сельского населения (рис. 7). Если в 2014 г., за исключением Московской области, это были регионы, расположенные на крайнем юго-западе европейской части страны (Республика Крым, Краснодарский край и Республика Северная Осетия-Алания), то в 2024 г. в эту категорию вошло значительное число регионов в центре и на западе европейской России.

Однако большая часть территории России по-прежнему отличается более высокой репродуктивной активностью сельского населения по сравнению с городскими жителями. Так, за Уралом в 2024 г. лишь в трех регионах (в Ханты-Мансийском АО, Магаданской и Сахалинской областях) СКР у горожан превысил аналогичный показатель у сельских жителей. В общей сложности за исследуемый период уже в 35 регионах России фиксировалось изменение баланса между показателями рождаемости в сельской и городской местностях.

Рис. 7. Регионы России, в которых СКР городского населения превысил СКР сельского населения
Fig. 7. Regions of Russia in which the urban population's TFR exceeds the rural population's TFR

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Из числа регионов с более значительными показателями СКР городского населения относительно сельского выделяется Чеченская Республика. Она по-прежнему остается одним из наименее урбанизированных регионов страны, хотя в последние годы имеет самые высокие темпы урбанизации. Репродуктивные установки жителей Чечни существенно отличаются от среднероссийских и позволяют сохранять режим расширенного воспроизводства населения и в сельской, и в городской местностях.

Тем самым сложившаяся ситуация с рождаемостью в большинстве регионов России в значительной степени оказывает влияние на демографическую ситуацию в стране, которая на протяжении последних 30 лет (1995–2025 гг.) остается сложной. Такой демографический расклад в немалой мере обусловлен неблагоприятными трансформациями, происходящими с институтом семьи, а также негативными изменениями в демографическом поведении молодых поколений, связанными с выбором западной глобально-либеральной модели демографического развития [13]. Деструктивные качественные изменения, затрагивающие значительную часть населения России, оказывают отрицательное влияние на процессы воспроизводства населения, усиливая уже имеющийся демографический кризис.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что современный кризис рождаемости в Российской Федерации наиболее ярко выражен в сельской местности. Репродуктивная активность в среде сельского населения более восприимчива к происходящим в стране социально-экономическим изменениям. Положительные тренды в социально-экономическом развитии вызывают значитель-

ное увеличение рождаемости в сельской местности по сравнению с городской и наоборот. Наличие подобного социально-демографического эффекта позволяет сделать вывод о большей уязвимости и меньшей социальной защищенности сельских жителей России, которые нуждаются в большем внимании со стороны государства.

При рассмотрении ситуации с рождаемостью на уровне субъектов РФ удалось выявить, что в большинстве регионов страны сельское население отличается наиболее высокими показателями рождаемости. Однако в целом ряде регионов суммарный коэффициент рождаемости сельского населения имеет более низкие значения, чем аналогичный показатель городского населения. К примеру, в Московской области, одном из крупнейших по численности населения регионов России, подобный баланс между уровнями рождаемости горожан и жителей сельской местности фиксируется с 2000 г.

За исследованное десятилетие (2014–2024 гг.) количество российских субъектов с нехарактерным балансом между уровнями городской и сельской рождаемости (СКР в сельской местности ниже, чем в городской) возросло более чем в пять раз. Существенно расширился географический ареал этих регионов, прежде всего за счет областей на западе и в центре европейской части страны, отличающихся крайне низкими значениями показателя СКР в сельской местности. Есть основания полагать, что имеющаяся тенденция сохранится, и число таких регионов продолжит расти.

В целом по России с 2015 г. имеет место тенденция к сближению уровней суммарной рождаемости городского и сельского населения за счет более интенсивного снижения суммарного коэффициента в сельской местности. В настоящее время разница между уровнями рождаемости в городской и сельской местностях достигла исторического минимума. Если эта тенденция сохранится, то в недалеком будущем может произойти переход к новому балансу между городской и сельской рождаемостью уже в масштабе всей страны.

Выполненная нами экспертиза подтвердила гипотезу о том, что количество субъектов Российской Федерации, в которых показатели рождаемости в сельской местности постепенно сокращаются и снижают общие показатели рождаемости в регионе, непрерывно возрастает. Говоря о причинах происходящих изменений, можно предположить, что снижение рождаемости в молодых семьях в сельской местности до значений более низких, чем у горожан, может быть вызвано распространением городского образа жизни и соответствующих репродуктивных установок в сельской местности в сочетании с меньшими финансовыми возможностями сельских жителей. Во многих регионах страны для замедления интенсивной депопуляции необходимы значительные инвестиции в развитие сельской инфраструктуры, пропаганда здорового образа жизни и адресная финансовая помощь, направленная на поддержку семей с детьми.

Касааясь вопроса о мотивирующем эффекте финансовой поддержки рождаемости, необходимо отметить, что довольно благополучные с точки зрения репродуктивной активности населения Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа выделяются наиболее крупными размерами регионального материнского капитала среди всех российских регионов [14]. Относительно высокие показатели рождаемо-

сти в Сахалинской области также могут являться результатом особых региональных мер по поддержке семей с детьми [15]. Очевидно, что семьи с детьми и молодые семьи, особенно в сельской местности, нуждаются в особом внимании государства. Добиться роста рождаемости в сельской местности можно только при условии обеспечения эффективной занятости населения, улучшения медицинского обслуживания и повышения качества жизни.

Список литературы

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2025. 385 с. ISBN 978-5-93299-621-8. EDN [GTPIJV](#).
2. *Sobotka, T. Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? / T. Sobotka, W. Lutz // Comparative Population Studies. 2010. Vol. 35, № 3. Pp. 637–664. DOI <https://doi.org/10.12765/CPoS-2010-15>.*
3. *Петросян, А. Н. Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 3. С. 42–73. DOI [10.17323/demreview.v8i3.13266](#). EDN [SSHBXU](#).*
4. *Бородина, Т. Л. Региональные особенности рождаемости сельского населения России / Т. Л. Бородина, Т. В. Литвиненко // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 19–25. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4](#). EDN [ESAIAV](#).*
5. *Щербакова, Е. М. Демографические итоги первого полугодия 2023 года в России (Часть 1) // Демоскоп Weekly. 2023. № 999–1000. С. 1–20. EDN [HKNLUF](#).*
6. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 220 с. ISBN 978-5-88045-556-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](#). EDN [URJOYC](#).
7. *Микрюков, Н. Ю. Глубинная Россия: современные проблемы и возможные способы их разрешения // Вопросы местного самоуправления. 2024. № 1. С. 30–34.*
8. *Безвербный, В. А. Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы регулирования / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](#). EDN [RLXMVR](#).*
9. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва : Издательство Проспект, 2023. 448 с. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](#). EDN [GKFMMF](#).
10. *Микрюков, Н. Ю. Рождаемость в регионах России: пространственные закономерности на муниципальном уровне / Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](#). EDN [JMOJNG](#).*
11. *Вакуленко, Е. С. Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России / Е. С. Вакуленко, Н. В. Ивашина, Я. О. Свистильник // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 4. С. 1077–1092. DOI [10.17059/ekon.reg.2023-4-10](#). EDN [DTIEAV](#).*
12. *Бескровная, О. В. Состояние демографической безопасности Магаданской области / О. В. Бескровная, Н. А. Чапкина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 4А. С. 122–128. EDN [YUYTZL](#).*
13. *Ионцев, В. А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода / В. А. Ионцев, Ю. А. Узкая // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 4. С. 597–611. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611](#). EDN [KPBLSG](#).*

14. Мусин, Э. Р. Региональный материнский капитал в России: анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 37–48. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3), EDN [JXYMRR](https://www.edn.ru/jxymrr).

15. Архангельский, В. Н. Региональные различия рождаемости на Дальнем Востоке / В. Н. Архангельский, Н. Г. Джанаева, В. В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 41–50. EDN [YQYUAF](https://www.edn.ru/yqyuaf).

Сведения об авторах

Кротов Сергей Егорович, исследователь, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ (Московский государственный университет) имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: krotoffserge@gmail.com; ORCID ID: [0009-0004-3911-4053](https://orcid.org/0009-0004-3911-4053); ПИНЦ SPIN-код: [2059-3105](https://www.spin.ru/2059-3105).

Лебедева Тамара Васильевна, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ (Московский государственный университет) имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: shonohova@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-1817-3685](https://orcid.org/0000-0002-1817-3685); ПИНЦ SPIN-код: [4537-1531](https://www.spin.ru/4537-1531); Web of Science Researcher ID: [U-5422-2018](https://www.researcherid.org/ID/U-5422-2018); Scopus Author ID: [57190430527](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorID=57190430527).

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; принята в печать 12.05.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CURRENT TRENDS IN URBAN AND RURAL FERTILITY IN RUSSIAN REGIONS

Sergey E. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: krotoffserge@gmail.com

Tamara V. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: shonohova@rambler.ru

For citation: Krotov, S. E., Lebedeva, T. V. Current Trends in Urban and Rural Fertility in Russian Regions. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 206–223. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.12). (In Russ.)

Abstract. This article analyzes current trends in total fertility rates (TFR) of urban and rural populations in Russia at the regional level. Data from the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) was used as the basis for the research. The aim of the study was to identify the regional characteristics and trends of reproductive activity in both urban and rural areas. The article examines various categories of Russian regions defined based on TFR values calculated separately for urban and rural populations. The article analyzes TFR dynamics in urban and rural areas in Russian regions from 2014–2024, and forecasts are made for several regions. The analysis of the situation on the regional level showed greater variability in this indicator for rural areas compared with urban areas. New “anti-records” in TFR dynamics are noted in certain regions of the Russian Federation. The most problematic areas are identified in terms of current trends in reproductive activity. This paper describes the phenomenon of a growing number of Russian regions moving towards a relatively new equilibrium between urban and rural birth rates, with the rural total fertility rate becoming lower than the urban population's. Given this trend, emphasis is placed on the importance of government support for families with children living in rural areas. The results of the study can be used to improve social assistance programs for these families.

Keywords: fertility, reproductive attitudes, reproductive activity, total fertility rate, Russian regions, urban population, rural population, share of urban and rural population

References

1. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. et al. *Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2024 [Demographic Well-Being of the Regions of Russia. National Demographic Report – 2024]*. Ed. by T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova. Vologda: Vologda Research Center RAS, 2025. 385 p. ISBN 978-5-93299-621-8. (In Russ.).
2. Sobotka, T., Lutz, W. Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? *Comparative Population Studies*. 2010. Vol. 35, No. 3. Pp. 637–664. DOI <https://doi.org/10.12765/CPoS-2010-15>.
3. Petrosian, A. Fertility at the Municipal Level in Russia, 2011–2019. *Demographic Review*. 2021. Vol. 8, No. 3. Pp. 42–73. DOI [10.17323/demreview.v8i3.13266](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266). (In Russ.).
4. Borodina, T. L., Litvinenko, T. V. Regional Features of Fertility of the Russian Rural Population. *III All-Russian Demographic Forum with International Participation: Forum Proceedings*. Moscow: FCTAS RAS, 2021. Pp. 19–25. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4). (In Russ.).
5. Shcherbakova, E. M. Demograficheskiye itogi pervogo polugodiya 2023 goda v Rossii (Chast' 1) [Demographic Results of the First Half of 2023 in Russia (Part 1)]. *Demoscope Weekly*. 2023. No. 999–1000. Pp. 1–20. (In Russ.).
6. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., et al. *Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2022 [Demographic Well-Being of Russia's Regions. National Demographic Report – 2022]*. Ed. by T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova. Moscow: Perspektiva Publishing House, 2022. 220 p. ISBN 978-5-88045-556-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022). (In Russ.).
7. Mikryukov, N. Yu. Glubinnaya Rossiya: sovremennyye problemy i vozmozhnyye sposoby ikh razresheniya [Deep Russia: Modern Problems and Possible Ways to Solve Them]. *Voprosy mestnogo samoupravleniya [Local Government Issues]*. 2024. No. 1. Pp. 30–34. (In Russ.).
8. Bezverbny, V. A., Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Natural Population Change in Russian Regions: Factors, Dynamics, Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). (In Russ.).
9. Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Arkhangelsky, V. N., et al. *Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian Society and the State in the Context of the Emergence of a New World Order: The Demographic Situation in 2022]*. Moscow: Prospekt Publishing House, 2023. 448 p. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). (In Russ.).
10. Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Birth Rate in Russian Regions: Spatial Patterns at the Municipal Level. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6). (In Russ.).
11. Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V., Svistyl'nik, Ya. O. Regional Maternity Capital Programmes: Impact on Fertility in Russia. *Economy of Regions*. 2023. Vol. 19, No. 4. Pp. 1077–1092. DOI [10.17059/ekon.reg.2023-4-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10). (In Russ.).
12. Beskrovnaya, O. V., Chapkina, N. A. Position of Demographic Security of the Magadan Region. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2024. Vol. 14, No. 4A. Pp. 122–128. (In Russ.).
13. Iontsev, V. A., Uzkaya, Yu. A. The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024. Vol. 20, No. 4. Pp. 597–611. DOI [10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611). (In Russ.).
14. Musin, E. R. Regional Maternity Capital in Russia: Analysis of Differences in Terms of Provision, Size, and Target Direction. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 37–48. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3). (In Russ.).
15. Arkhangel'skiy, V. N., Dzhanyayeva, N. G., Yelizarov, V. V. Regional Differences in Fertility in the Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. No. 2 (204). Pp. 41–50. (In Russ.).

Bio notes:

Sergey E. Krotov, Researcher, Department for Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: krotoffserge@gmail.com; ORCID ID: [0009-0004-3911-4053](https://orcid.org/0009-0004-3911-4053); RSCI SPIN code: [2059-3105](https://www.rsci.spin.org/2059-3105).

Tamara V. Lebedeva, Candidate of Geographical Sciences, Docent, Researcher, Department for Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: shonohova@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-1817-3685](https://orcid.org/0000-0002-1817-3685); RSCI SPIN code: [4537-1531](https://www.scirp.org/journal/view.php?code=4537-1531); Web of Science Researcher ID: [U-5422-2018](https://orcid.org/U-5422-2018); Scopus Author ID: [57190430527](https://orcid.org/57190430527).

Received on 10.03.2026; accepted for publication on 12.05.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.13)

EDN [KHVISH](https://edn.khvish.ru)

Научная статья

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Саютина И. П.

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-mail: irinasauti@rambler.ru

Черепанова М. И.

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,

E-mail: cher_67@mail.ru

Сытых О. Л.

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,

E-mail: sytykh@yandex.ru

Для цитирования: Саютина, И. П. Социальная безопасность как индикатор миграции сельского населения в Алтайском крае / И. П. Саютина, М. И. Черепанова, О. Л. Сытых // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 224–240. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.13). EDN [KHVISH](https://edn.khvish.ru).

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа социального механизма минимизации миграционного оттока сельского населения на основе оптимизации базовых компонентов социальной безопасности жизнедеятельности на селе. В сельских территориях современной России проживают 24,9% населения страны. В статье представлены краткие результаты социологического исследования по проблемам воспроизводства сельского населения в контексте анализа базовых компонентов социальной безопасности. Установлено, что для Алтайского края характерен отъезд жителей за его пределы, основным источником которого выступают сельские жители. Исследование подтверждает высокую готовность селян к переезду. Выявлена прямая значимая связь между желанием уехать, ощущением социальной безопасности, возрастом и уровнем образования. Наиболее мобильными группами оказались молодежь и лица со средним профессиональным образованием, которые в наибольшей степени переживают из-за отсутствия возможностей для улучшения своего материального положения и профессионального роста. Социальная безопасность рассматривается как значимый индикатор интенсивности миграционных процессов в регионе. Сделаны выводы о глубоком системном характере проблемы, требующей реализации комплексных мер по созданию рабочих мест, развитию социальной инфраструктуры и улучшению качества жизни на селе. Социальная безопасность является ключевым аспектом устойчивого развития сельских территорий, особенно в контексте демографических изменений, миграционных процессов и экономических трансформаций. В Алтайском крае, где большое количество населенных пунктов имеет полукризисное состояние, эта проблема становится особенно значимой. Результаты представленной научной работы могут быть использованы при разработке региональных программ социально-экономического развития и мероприятий по сохранению человеческого капитала в сельских территориях исследуемого региона.

Ключевые слова: миграция населения, социальная безопасность, миграционные настроения, человеческий капитал, молодежная миграция

Введение

Актуальность исследования миграционных процессов среди сельского населения обусловлена их прямым воздействием на социально-экономическую и демографическую безопасность регионов Российской Федерации. Проблема миграции

сельского населения остается одной из наиболее значимых в контексте обеспечения устойчивого развития регионов. Интенсивный отток населения, особенно наиболее мобильной и образованной его части из сельской местности, приводит к целому ряду негативных последствий: кризисности развития агропромышленного комплекса, старению и депопуляции территорий, обострению проблем в сфере здравоохранения и образования [1].

Как подчеркивает Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), последствием оттока производительной рабочей силы может стать деградация продовольственных систем, что создаст угрозу для национальной продовольственной безопасности и пространственного развития страны в целом. Эти вызовы связаны с главной проблемой – безопасностью людей и демографической ситуацией. Чтобы справиться с ними, нужен не просто набор действий, а требуются глубокая научная проработка и четкая политика [2]. Чтобы миграция перестала быть вынужденной, международное сообщество предлагает смотреть в корень проблемы. Речь идет о борьбе с бедностью, продовольственной нестабильностью, безработицей и неравенством – теми явлениями, которые лишают людей выбора.

Наиболее остро обозначенная проблема проявляется в регионах, где основу экономики составляет сельское хозяйство. Алтайский край – один из таких примеров. Казалось бы, мощный аграрный потенциал должен удерживать людей на земле, но реальность такова, что край на протяжении многих лет остается в зоне миграционного оттока. Согласно информации Росстата, за последние годы в регионе демонстрируется стабильное отрицательное миграционное сальдо, причем основной вклад в этот процесс вносят именно сельские территории. Данные статистики показывают, что тенденция сокращения сельского населения не только сохраняется, но и усиливается с каждым годом. Общая численность сельского населения Алтайского края имеет тенденцию неуклонно снижаться. По сведениям Алтайкрайстата, на 1 января 2025 г. население сельской местности края уменьшилось на 11,8 тыс. человек по сравнению с аналогичной датой 2024 г.¹

Миграция на селе – своего рода лакмусовая бумажка для оценки социального благополучия. Когда люди массово уезжают из деревень, это сигнализирует о глубинных проблемах. Главные из них – нехватка работы и достойного заработка, плохо развитая инфраструктура (больницы, школы, дороги, культура) и, как следствие, низкий уровень жизни населения [3]. Согласно мнению экспертов, молодое поколение с его высоким уровнем знаний и стремлением к профессиональному росту оказывается самым уязвимым к таким трудностям. Тем не менее для разработки действенных мер управления констатация самого факта миграционного оттока не является достаточным основанием. Крайне важно понимать глубинные мотивы, установки и факторы, которые подталкивают сельских жителей к принятию решения о переезде. Данные вопросы находятся в центре внимания исследователей, на что указывает внушительный список научных публикаций, описывающих под-

¹ Демография // Управление федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай : [сайт]. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/219321> (дата обращения: 09.04.2026).

ходы к оценке социально-демографических процессов, изучающих, как миграция сказывается на занятости населения, анализирующих региональную специфику этих явлений [4].

Таким образом, для выработки адресной и действенной региональной политики остро необходимо глубокое и разностороннее исследование миграционных настроений жителей алтайских сел. Причем оно должно базироваться как на данных статистики, так и на результатах социологических опросов.

Обзор литературы и методологические основы

Под социальной безопасностью понимается такое положение дел, при котором ключевым интересам личности, общества и государства в социальной области ничего не угрожает (имеются в виду как внутренние, так и внешние опасности). Речь идет о многогранной категории, которая подразумевает сохранение устойчивости социальной системы. А именно: о поддержке целостности общества, обеспечении функционирования институтов соцзащиты и работе, по предотвращению конфликтных ситуаций и социального недовольства. Важнейшим нюансом социальной безопасности являются гарантии базовых социальных прав, включая доступность образования и здравоохранения, обеспечение занятости и достойного уровня жизни, а также защита уязвимых групп населения. Наряду с прочим, социальная безопасность генерирует предпосылки для сбалансированного долгосрочного развития. С точки зрения российских социологов, базовым критерием оптимизации социальной безопасности в обществе должно стать уменьшение расслоения населения по уровню и качеству жизни дифференцированных когорт населения [5; 6].

Безопасность – это состояние защищенности от опасностей, угроз и вреда, обеспечивающее возможность нормального функционирования и развития объекта (личности, группы, общества, государства и т. д.). Это отсутствие или минимизация рисков, способных причинить ущерб.

Существует несколько подходов к определению безопасности, каждый из которых акцентирует внимание на разных аспектах.

Объектный подход фокусируется на объекте, для которого безопасность и обеспечивается (человек, общество, государство). Безопасность определяется как состояние защищенности данного объекта от угроз.

Субъектный подход сосредоточивается на субъекте, обеспечивающем безопасность (государство, организация, индивид). Безопасность рассматривается как результат деятельности субъекта по нейтрализации угроз.

Системный подход трактует безопасность как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (субъекты, объекты, угрозы, средства защиты).

Анализ взаимообусловленности миграционного оттока сельских жителей проблемами социальной безопасности, представленный в настоящей статье, проводится с учетом взаимодействия перечисленных выше элементов [7; 8].

Вероятностный подход оценивает безопасность через допустимость возникновения негативных событий и их последствий. Такой подход использует статистические методы и математическое моделирование.

Функциональный подход определяет безопасность через ее функции – защиту от угроз, поддержание стабильности, обеспечение устойчивого развития.

Ценностный подход основан на определении ценностей, которые нужно защитить (жизнь, здоровье, свобода, собственность). Безопасность в данном контексте, рассматривается как состояние, при котором базовые ценности не подвергаются угрозе.

Выбор конкретного подхода зависит от объекта исследования и поставленных задач. В представленной статье задействован комплексный подход, интегрирующий элементы нескольких методологических оснований: вторичный анализ статистических региональных тенденций, использование результатов социологического исследования, оценка ключевых показателей жизнедеятельности населения на селе.

При этом авторам близка позиция Г. Г. Силласте, определяющая социальную безопасность как оптимальный уровень реализации базовых жизненных интересов, прав и свобод, как основу для защищенности от разнообразных угроз [9].

Для оценки социальной безопасности авторами были использованы такие индикаторы, как самооценка чувства безопасности и ее интенсивность. Компонентами социальной безопасности в исследовании стала оценка материального положения в обществе, оценка наличия прав, оценка уважения в обществе, оценка защищенности сельских жителей от разных видов угроз, удовлетворенность трудом и его компонентами, наличие или отсутствие желания выехать из села в поисках лучшей жизни.

Миграционные процессы на селе являются индикатором изменения социальной безопасности, кризисного состояния человеческого потенциала вследствие ухудшения социальной инфраструктуры, провоцирующей отток молодого и образованного населения. Усиливающаяся депопуляция сельского населения за счет естественной убыли населения и постоянного миграционного оттока свидетельствует о диспропорциях между потребностью граждан в социальном благополучии и низким потенциалом региона к его удовлетворению [10]. Кроме того, нарастающий миграционный отток из российских сел инициируется неэффективной социально-экономической политикой по развитию человеческого капитала.

Исследователи сельской миграции отмечают ее двойственный характер. Во-первых, сельская миграция – объективный показатель повсеместного процесса урбанизации, во-вторых, отток сельского населения в города – индикатор деградации сельской территории за счет ухудшения социальной инфраструктуры, снижения уровня социального благополучия, базовых компонентов социальной безопасности [11; 12].

По материалам официальной региональной статистики, в 2024 г. из сел Алтайского края количество уехавших превысило число приехавших на 1 563 человека. Однако, положительное сальдо международной миграции частично компенсировало убыль населения².

² Демография // Управление федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай : [сайт]. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/219321> (дата обращения: 09.04.2026).

Современные российские демографы фиксируют хотя и незначительную, но имеющую позитивный характер возвратную миграцию селян из городов. Чаще всего мигранты приезжают в села для ведения фермерского бизнеса, желания улучшить экологическую обстановку проживания и пр. [13; 14]. Одной из основных причин отъезда населения из сел становится неудовлетворенность рынком труда в территории, что провоцирует низкий уровень доходов, отсутствие перспектив для позитивных изменений в будущем, ощущение жизненного тупика [15; 16].

Депопуляция и интенсивный отток населения из сельской местности представляет собой не только общероссийскую, но и мировую тенденцию. Глубинной причиной подобного явления согласно теории мобильного перехода является модернизация общества, усиливающая интенсивность миграционных потоков в мире в целом. Разрыв в уровне социально-инфраструктурного обеспечения города и села усугубляет миграционную динамику, мотивирует население к поиску более качественных услуг здравоохранения, образования и культуры.

Ряд стран претворяет в жизнь комплексные программы по улучшению жизни на селе. Так, например, в Китае в 2018 г. реализована стратегия сельского возрождения. Ее базовой целью стала оптимизация основных направлений сельской цивилизации за счет развития процветающих отраслей в сельском хозяйстве, нацеленности на приоритет экологичного образа жизни, увеличения вовлеченности сельского хозяйства в экономику страны и др. [17]. Российские ученые акцентируют внимание на росте вызовов и угроз социально-демографической безопасности сельских территорий по всей территории страны [18; 19].

Несмотря на всю гетерогенность и разнообразие регионов РФ отток сельского населения с их территорий детерминирован положением сельского населенного пункта по сравнению с городом, потенциальными возможностями селян использовать рынок труда крупного города, его социальную инфраструктуру. Дифференциация условий жизни в пригородах и на периферии значительна и определяет различия миграционной привлекательности разных территорий.

Согласно данным российских исследований, две трети россиян предпочли бы для жизни не города-миллионники, а средние по величине города [20; 21]. Этот нюанс важен для понимания вероятных векторов миграции и прогнозирования расселения.

Высокий процент сельских жителей, задумывающихся о переезде, может быть индикатором нескольких факторов:

- социально-экономических: недостаток рабочих мест и образовательных возможностей в сельской местности;
- инфраструктурных: неразвитость социальной, бытовой и медицинской инфраструктуры;
- демографических: стремление молодежи, наиболее мобильной части общества, к изменению жизненных условий.

Методы исследования

Цель представленного исследования – выявить специфику отношения селян Алтайского края к различным компонентам социальной безопасности, сопоста-

вить полученные оценки с миграционными настроениями сельских жителей.

Методологическая основа научной работы – структурно-функциональный анализ, теории социальной безопасности, на основе которых были выделены и сгруппированы ее основные компоненты. Ключевыми методами исследования явились анкетирование и статистические методы анализа взаимообусловленности миграционных установок и дисфункций социальной безопасности селян. Для изучения вопросов социально-демографической безопасности сельских территорий Алтайского края был проведен социологический опрос жителей сельских районов края в возрасте от 18 до 65 лет (2023–2025 гг., $n = 601$). В процессе анкетирования проверялась гипотеза о том, что снижение ощущения социальной безопасности, проявляющиеся в объективном и системном ухудшении базовых показателей жизнедеятельности на селе (снижение уровня жизни, материального благополучия, отсутствие позитивных перспектив), стимулируют желание селян поменять место жительства.

Полученные в ходе исследования данные были проанализированы с помощью математико-статистических методов (статистический пакет SPSS 22.0): частотного анализа, анализа таблиц сопряженности с применением статистических критериев.

Основные результаты исследования

Оценка социальной безопасности сельских жителей Алтайского края

Для изучения отношения населения к социальной безопасности респондентам был задан вопрос: «Насколько Вы в целом ощущаете себя в безопасности?». По итогам опроса 9% респондентов «полностью ощущают себя в безопасности». Эта небольшая доля подчеркивает, что абсолютное чувство безопасности на селе встречается редко. Еще 15% жителей «скорее ощущают себя в безопасности». Значительную часть опрошенных составили те, кто испытывает смешанные чувства: 20% жителей сел ответили «и да, и нет». Вероятно, данная группа сталкивается как с факторами, способствующими чувству безопасности, так и с причинами для беспокойства.

Вызывает тревогу высокая доля селян, которые не ощущают себя в безопасности: 22,9% ответили, что «не очень ощущают себя в безопасности», а 5,6% – «совсем не ощущают себя в безопасности». В совокупности последние варианты ответов составили 28,5% респондентов, испытывающих опасения.

Таким образом, можно констатировать, что чувство безопасности на селе не является повсеместным и стабильным. Более четверти опрошенных сельских жителей испытывают недостаток ощущения безопасности, а значительная часть занимает неопределенную позицию, что также требует внимания. Хотя и существует определенный процент тех, кто чувствует себя в безопасности, их доля остается относительно низкой.

Для выявления взаимообусловленности социальной безопасности была проанализирована таблица сопряженности показателей уровней ощущения безопасности с самооценками своего материального положения, наличия прав, наличия уважения в обществе по 10 балльной шкале.

На основе данных, представленных в таблице 1, прослеживается отчетливая тенденция понижения актуальных для сельских жителей позиций, статусов, обусловленная снижением ощущения личной безопасности в современном обществе.

Таблица 1

**Безопасность и самооценки социально-экономического статуса населения сел
(средние оценки по группе)**

Table 1

**Security and self-assessment of the socio-economic status of the rural population
(average estimates for the group)**

Варианты ответов	Самооценка материального положения в обществе	Самооценка наличия прав	Самооценка уважения в обществе
Полностью ощущаю себя в безопасности	5,44	5,21	6,58
Скорее ощущаю себя в безопасности	4,38	4,39	6,09
И да, и нет	4,50	4,28	6,12
Не очень ощущаю себя в безопасности	4, 41	4,09	6,09
Совсем не ощущаю себя в безопасности	3,38	3,28	5,43

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Обобщая имеющиеся тенденции, можно заключить, что для значительной части жителей сел характерно ощущение сниженной безопасности или неопределенности проживания в сельской местности.

Ответы сельских жителей на вопрос «От каких видов угроз Вы чувствуете защищенность?» приведены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка защищенности сельских жителей от разных видов угроз (%)

Table 2

Assessment of rural residents' security from various types of threats (%)

Виды угроз	Совсем не защищен	Не очень защищен	И да, и нет	Скорее защищен	Полностью защищен	Затрудняюсь ответить
Физические угрозы	10,0	24,4	18,8	14,8	5,1	4,0
Нарушения прав человека	13,0	27,4	17,9	10,8	2,2	5,5
Конфликты	14,1	29,9	18,3	8,6	1,7	4,2
Бедность	18,6	28,1	15,9	9,0	1,2	3,8
Различные инфекционные заболевания	16,1	28,2	17,4	9,0	1,0	4,7
Преступность	13,6	29,9	17,6	8,1	2,8	4,5
Наркомания	10,3	21,4	13,0	14,8	13,3	3,8
Экологические проблемы	14,3	28,2	20,4	7,0	1,5	5,1
Неправдивая, ложная информация	21,8	29,2	15,3	4,8	1,2	4,5
Моральные угрозы	16,1	27,4	16,9	7,8	2,7	5,8

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

В соответствии с данными таблицы рейтинг значимости для сельского населения социальных угроз таков: неправдивая, ложная информация – 51%; бедность –

46,7%; конфликты – 44 %; различные инфекционные заболевания – 44,3%; моральные угрозы – 43,5%; преступность – 43,5%; нарушения прав человека – 40,4%; экологические проблемы – 42,5 %; физические угрозы – 34,4%; наркомания – 31,7%.

Полученные результаты свидетельствуют о критической ситуации относительно социальной безопасности на селе. Значительная часть сельского населения не ощущает себя в безопасности перед угрозой бедности.

Профессиональная деятельность, перспективы карьерного роста являются важными компонентами социальной безопасности жителей сельской местности. И чтобы узнать позицию селян на этот счет, им было предложено ответить на вопрос «Оцените, пожалуйста, некоторые высказывания относительно Вашей работы, карьеры?». Итоги представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ответы сельских жителей, касающиеся отношения к работе, карьере (%)

Table 3

Responses of rural residents regarding attitudes toward work and career (%)

Варианты ответов	Никогда	Крайне редко	Редко	Часто	Всегда	Затрудняюсь ответить
Я переживаю из-за того, что зарабатываю не столько, сколько мог бы	6,6	7,3	20,6	32,2	11,6	6,3
Мне бывает обидно, что моя карьера недостаточно успешна	12,0	9,3	25,1	24,1	6,3	8,0
Я чувствую неуверенность в завтрашнем дне	3,7	8,5	23,9	30,1	11,0	3,2
Забота о материальном достатке не дает мне покоя	5,5	8,6	23,6	31,7	11,5	2,7
У меня возникает мысль, что я достоин более высокого социального положения	8,8	7,1	22,8	29,9	9,0	5,0
Я ощущаю большие перегрузки на работе, постоянную усталость	5,8	7,5	21,6	32,2	10,5	5,5
Я полностью удовлетворен своей работой и карьерой	4,3	8,1	24,4	29,1	9,0	8,0

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса

Согласно данным таблицы, чувство недополученной финансовой выгоды – доминирующий эмоциональный фон для значительной части сельского населения. Группа сельских жителей, испытывающая наибольший стресс в различных аспектах, связанных с работой (43,8%), составляет почти половину населения сел. Это ядро неудовлетворенных, для которых разрыв между ожиданиями и реальностью является постоянным или частичным источником психологического дискомфорта. Что может говорить о хроническом стрессе, чувстве несправедливости и ощущении «ловушки» в своей финансовой ситуации.

В результате опроса выявлены статистически достоверные различия в ответах жителей сельских районов в зависимости от возраста на вопрос «Как часто Вы переживаете из-за того, что зарабатываете не столько, сколько могли бы?». Мнения селян представлены на рисунке 1.

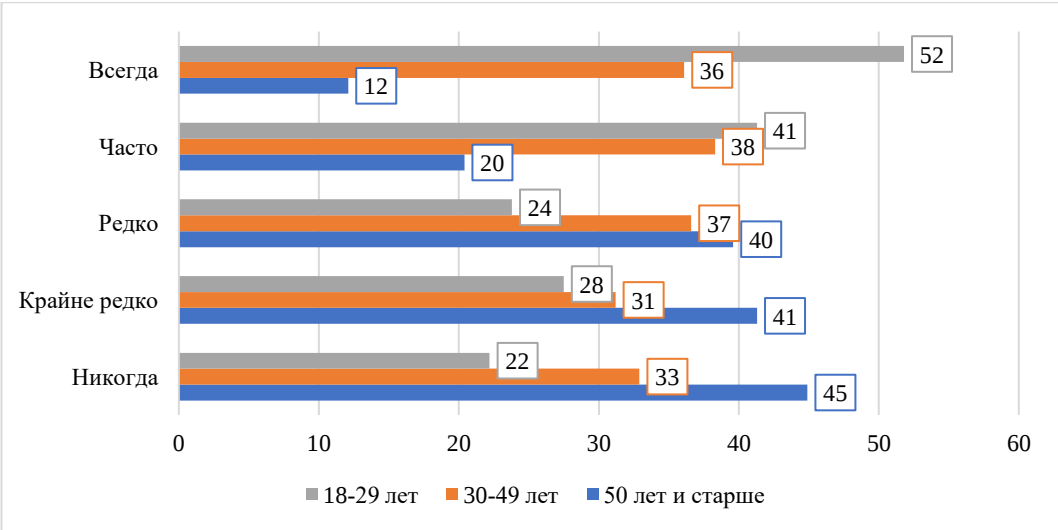

Рис. 1. Распределение ответов сельских жителей на вопрос «Как часто Вы переживаете из-за того, что зарабатываете не столько, сколько могли бы?» в зависимости от возраста (%)

Fig. 1. Distribution of responses of rural residents to the question “How often do you worry about not earning as much as you could?” depending on age (%)

На основании полученных данных установлено: чем моложе жители сел, тем чаще они испытывают значительно большую неудовлетворенность и фрустрацию по поводу своего реального заработка и его несоответствия имеющимся ожиданиям. Выявленный тренд объясняет интенсивную миграцию из сел именно молодых жителей.

Образовательный уровень селян также стал значимым и статистически достоверным критерием (χ^2 , $p < 0,005$) удовлетворенности жизнью на селе. Жители сельских районов, имеющие высшее, неполное высшее и среднее профессиональное образование, чаще беспокоятся об упущенной выгоде в виде достойного заработка (47,1%, 42,8%, 51,4% соответственно). Люди с начальным профессиональным и общим средним образованием менее обеспокоены сложившейся ситуацией (38,5%, 36,9% соответственно).

Итак, статистика наглядно демонстрирует, что уровень образования – важнейший фактор, влияющий на субъективное восприятие экономических возможностей у сельских жителей. Образование повышает осведомленность об альтернативных вариантах заработка и формирует более высокие финансовые притязания, что в условиях ограниченного сельского рынка труда закономерно выливается в беспокойство об упущенной выгоде. Наиболее остро эту проблему переживают граждане со средним профессиональным образованием, что делает их наиболее вероятными кандидатами на миграцию в поисках достойной оплаты своего труда.

Резюмируя описанные тенденции, необходимо констатировать, что основными индикаторами социальной безопасности для жителей сельских районов являются вопросы, связанные с обеспечением материального благополучия, стабильности доходов и доступности базовых социальных услуг (здравоохранение, образо-

вание, жилье). Социальные вызовы, связанные с ростом цен, бедностью, низкими зарплатами и качеством жизни, требуют комплексного решения. Опираясь на эти данные, власти могут точнее выстраивать экономическую и социальную политику с целью оказания помощи сельским территориям и создания условий для их роста.

Оценка миграционной мобильности сельских жителей Алтайского края

Выявленные проблемы социальной безопасности, такие как бедность, рост цен и низкое качество социальных услуг, напрямую влияют на решение сельских жителей покинуть родные места. Именно такие неудовлетворенные потребности и являются одной из главных причин миграции населения из сельских территорий края в города и иные регионы страны.

Для оценки миграционных настроений селян им был задан вопрос «Задумывались ли Вы в последнее время о переезде в другой населенный пункт (в другой регион)?». Согласно полученным результатам, каждый второй сельский житель (51%) на данный момент задумывался о возможности переезда в иные территории Алтайского края или другие регионы Российской Федерации.

Для выявления причин оттока жителей из села респондентам было предложено ответить на вопрос «Каковы на Ваш взгляд основные причины оттока сельского населения из Алтайского края в другие территории и дальше зарубежье?». Явными лидерами среди причин миграции оказались следующие: низкий уровень жизни населения (47,9%) и низкий социально-экономический уровень развития региона проживания (33,11%). Еще треть сельского населения (30,12%) в качестве важнейшей миграционной причины называет отсутствие жизненных перспектив на селе.

Перспектива – это комплексный аспект, включающий не только возможности для карьерного роста и развития, но в первую очередь отсутствие веры в улучшение своего положения в регионе. Высокий уровень безработицы, констатируемый значительной частью селян (17,3%), мотивирует людей к поиску работы за пределами сельской территории края. Отсутствие социальных лифтов для каждого десятого жителя (11,15%) стимулирует интенсивный отток из сел наиболее талантливой и амбициозной молодежи, обеспечивая своеобразную «утечку мозгов», снижая качество человеческого капитала на селе.

Сопоставление ответов участников опроса о наличии желания сменить место жительства с возрастом показало, что наиболее уязвимыми группами, демонстрирующими готовность к оттоку, являются:

- молодежь (18–29 лет), наиболее амбициозная и мобильная часть общества, не видящая для себя перспектив в сельской местности;
- наиболее образованные кадры, особенно со средним профессиональным образованием. Именно они в наибольшей степени испытывают чувство упущенной финансовой выгоды, так как их профессиональные навыки не находят достойной оплаты на локальном рынке труда.

Таким образом, миграционный отток приобретает характер «утечки человеческого капитала», когда регион теряет наиболее перспективные и квалифицированные кадры, необходимые для его собственного развития. Массовое беспокойство о нереализованном карьерном и финансовом потенциале (с которым сталкиваются 71,7% опрошенных), перерастающее у 43,8% в постоянный стресс, создает негатив-

ный социальный фон и свидетельствует о хроническом кризисе экономических возможностей на селе.

Для эффективного решения проблемы оттока сельского населения необходимо сосредоточить усилия на повышении уровня жизни, создании новых рабочих мест, развитии экономики региона и обеспечении реальных социальных лифтов для всех категорий граждан, притом особое внимание уделяя сельским территориям.

Абсолютным лидером среди причин интенсивной миграции из сельской местности выступает низкое качество жизни населения (48,09%). Этот показатель, охватывающий множество аспектов, от уровня доходов до доступности услуг, указывает на общую неудовлетворенность жителей условиями проживания в сельской местности.

Недостаточное развитие социальной инфраструктуры (32,11%) играет существенную роль в стимулировании миграционных настроений селян. Прежде всего, селян волнует доступность медицинских учреждений, культурных центров, спортивных учреждений и других социально значимых объектов, которые более развиты в городах.

Неудовлетворительная организация досуга (25,78%) вносит свой вклад в отток населения. Ограниченные возможности для проведения свободного времени, отсутствие интересных культурных и развлекательных мероприятий могут делать жизнь в селе менее привлекательной, особенно для молодежи.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что основные причины оттока населения из сел в города порождаются комплексными проблемами, связанными с низким качеством жизни, недостаточным развитием социальной инфраструктуры и ограниченными возможностями для образования, карьерного роста и организации досуга на селе. Сельские жители указывают на необходимость повышения качества жизни, развитие инфраструктуры и расширение перспектив для всех возрастных категорий. Выполнение данных условий является ключевым фактором торможения миграционного оттока и достижения устойчивого развития сельских территорий.

Для подтверждения того, что социальная безопасность – значимый фактор миграционных настроений, обратимся к рисунку 2.

Оценка результатов опроса свидетельствует о том, что падение уровня ощущения социальной безопасности усиливает желание сменить место жительства. Для выявления причин возвратной миграции селянам был задан вопрос «Каковы на Ваш взгляд факторы, способствующие возвращению населения из городов в села?». Интерпретация ответов на этот вопрос позволила выделить ключевые мотивы, потенциально стимулирующие данный процесс.

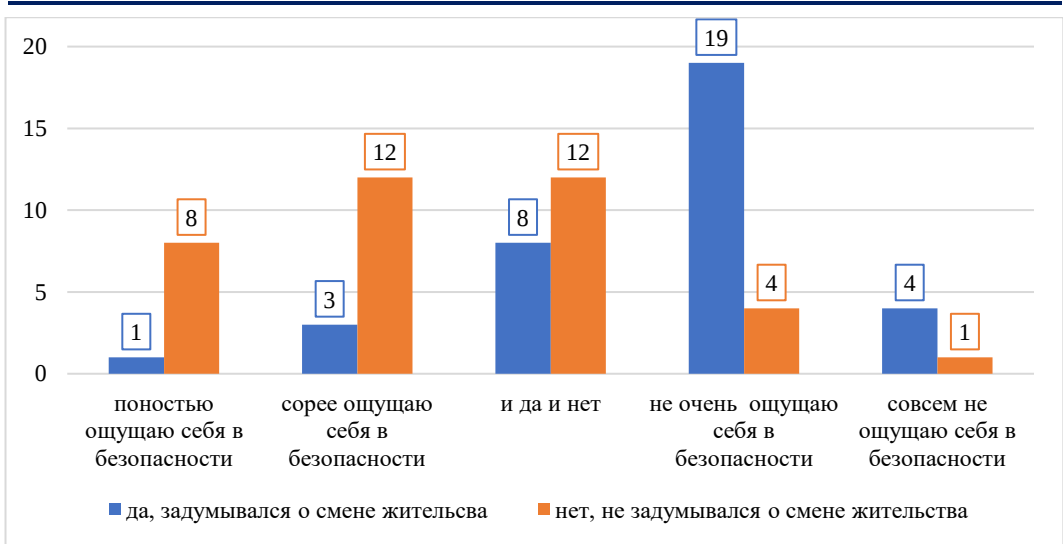

Рис. 2. Распределения ответов сельских жителей на вопрос «Задумывались ли Вы в последний год о смене места жительства?» в зависимости от ощущения социальной безопасности (%)

Fig. 2. Distribution of responses of rural residents to the question “Have you thought about changing your place of residence in the last year?” depending on the feeling of social security (%)

Основные мотивы возвратной миграции из городов в села можно сгруппировать следующим образом:

1. Экономические факторы. Среди всех факторов, побуждающих к возвращению в село, наиболее весомы благоприятные экономические условия. Такую позицию подтвердили 33,94% респондентов. К хорошим экономическим условиям люди относят работу, возможность заниматься своим бизнесом, к примеру, в агросекторе, жилье, которое в селе гораздо дешевле, чем в городе. Конечно, сделать карьеру и самореализоваться в деревне сложнее, однако и данный фактор важен для 15,81% респондентов. В отличие от городов, где все места заняты и конкуренция огромна, на селе появляются ниши для агробизнеса, местных производств, туризма и собственных начинаний. Именно это и может привлекать людей.

2. Социально-психологические факторы. Любовь к сельской жизни – второй по значимости фактор, на который указали 27,45% участников опроса. Что отражает глубокую привязанность к родному краю, спокойному размеренному ритму жизни, близости к природе и традиционным ценностям. Тот факт, что 16,31% опрошенных выделяют возможность способствовать развитию своего села, свидетельствует о наличии запроса на личное участие в возрождении сельских территорий. Данный показатель отражает выраженную гражданскую активность и ответственность жителей.

3. Возможности для развития и решение жилищных проблем. Отсутствие жилья в городе (23,79%) является важным практическим стимулом для возвращения в село. Более доступные цены на недвижимость в сельской местности могут сделать

переезд реальной альтернативой для тех, кто сталкивается с жилищными проблемами в городе.

4. Экологические факторы. Экологическая безопасность (17,80%) также играет важную роль, особенно в контексте растущей озабоченности вопросами экологии и здорового образа жизни. Чистый воздух, близость к природе и отсутствие городской суеты оказываются привлекательными для многих семей, особенно для тех, кто родился и вырос в селе.

Заключение

Преобладающее негативное ощущение социальной безопасности у подавляющего большинства сельских жителей стимулирует у них миграционные установки.

Проведенное в 2024–2025 гг. социологическое исследование социальной безопасности и миграционных настроений жителей сел Алтайского края выявило тревожную и системную проблему, угрожающую устойчивому развитию сельских территорий приграничного региона.

Ключевой вывод заключается в том, что усиливающийся отток жителей из сел края является не просто статистическим фактом, а прямым следствием тотальной неудовлетворенности сельского населения жизнью на селе. Данные, полученные в ходе исследования, убедительно доказывают, что потенциал миграционной мобильности среди сельских жителей крайне высок. Так, например, каждый второй респондент хотя бы однажды в жизни задумывался о переезде в другой район или регион. И это не случайные настроения, а реакция на конкретные вызовы, с которыми сталкиваются сельские жители: ограниченность рабочих мест, низкий уровень доходов и дефицит качественной социальной инфраструктуры.

Для успешного возвращения населения в села необходимо создание ряда комплексных условий, которые будут сочетать в себе экономическую привлекательность (рабочие места с выгодными условиями), социальную поддержку (развитие инфраструктуры, доступность образования и здравоохранения), возможности для личностного и профессионального роста, сохранение и развитие сельского уклада и природной среды. Только все эти факторы в совокупности помогут сделать село привлекательным для жизни и работы, способствовать его возрождению и устойчивому развитию.

Данные, полученные в ходе исследования, показывают: старые методы развития села больше не работают, их нужно менять. Для сдерживания депопуляции на селе необходима не просто точечная поддержка, нужна комплексная стратегия, которая будет направлена на суть проблемы. Такими решениями могут стать создание хорошо оплачиваемых рабочих мест, кардинальное улучшение качества жизни (развитие социальной инфраструктуры), реализация адресных программ удержания молодежи и специалистов в сельской местности. Без принятия кардинальных мер отрицательные миграционные тенденции с каждым годом будут лишь ухудшаться. Это еще больше усугубит демографическую опасность, причем не только в Алтайском крае, но и в стране в целом.

Список литературы

1. Шахова, Е. В. Миграционные планы жителей Алтайского края // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 3, № 9. С. 229–233. EDN [NUECZU](#).
2. Зайцева, И. Б. Актуальность изучения процессов внутренней миграции в современном обществе // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2(40). С. 72–80. EDN [EJHXN](#).
3. Матвеева, Е. В. Нормативно-правовые аспекты стратегий развития сельских территорий в контексте устойчивости регионов Сибирского федерального округа // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : сборник научных статей участников XVI Международной научно-практической конференции, Омск, 14 июня 2025 года. Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2025. С. 85–89. EDN [YREHGD](#).
4. Золотарева, О. А. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы / О. А. Золотарева, Д. В. Накисбаев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 154–173. DOI [10.15838/esc.2024.3.93.9](#). EDN [JUDMZX](#).
5. Алешковский, И. А. Демографический кризис как угроза национальной безопасности России // Куда движется век глобализации? : сборник статей / Под редакцией А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Издательство «Учитель», 2014. С. 332–350. EDN [SBYBJV](#).
6. Ростовская, Т. К. Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова ; отв. ред. Т. К. Ростовская; Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; Институт демографических исследований. Москва : Проспект, 2022. 264 с. ISBN 978-5-392-36915-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022](#). EDN [QWUTOR](#).
7. Черепанова, М. И. Социально-экономические условия функционирования человеческого капитала в регионах России / М. И. Черепанова, Е. Ю. Сафронова, М. Б. Максимов, К. К. Илюшников // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 4. С. 31–43. DOI [10.14258/ssi\(2021\)4-02](#). EDN [LJMLRP](#).
8. Черепанова, М. И. Социально-демографическая безопасность: комплексная оценка человеческого капитала в регионах российского приграничья : монография. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2024. 203 с. EDN [YRWSNI](#).
9. Силласте, Г. Г. Социальная безопасность личности, общества, государства: теоретико-методологические основания и социальный запрос : монография. Москва : Современное образование, 2014-. Ч. 1. 2014. 44 с. ISBN 978-5-98689-123-1.
10. Васильева, Е. Н. Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019) / Е. Н. Васильева, Т. К. Ростовская, А. Сулейманлы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 255–272. DOI [10.15688/jvolsu4.2021.2.20](#). EDN [KTIERL](#).
11. Каратаева, Т. А. Здоровье населения как важный фактор экономической безопасности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 5. С. 142–145. EDN [YTAGST](#).
12. Янтранов, А. Е. Возвратная миграция как мера социально-экономического развития сельских территорий / А. Е. Янтранов, Г. Ю. Субанакон // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2021. № 2. С. 104–108. DOI [10.18101/2304-4446-2021-2-104-108](#). EDN [WJATBD](#).
13. Нагиев, С. К. Региональные проблемы сближения уровня жизни сельского и городского населения // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2023. Т. 9, № 3. С. 42–53. EDN [FLHVIW](#).
14. Шилова, А. Э. Проблема оценки ожиданий населения в современных социально-экономических исследованиях // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира : сборник научных трудов Четвертой международной научно-практической конференции, Иркутск, 10–12 июня 2025 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2025. С. 202–206. EDN [FQBVNM](#).
15. Серова, Е. В. Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России / Е. В. Серова, А. С. Наумов, Р. Г. Янбых [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 6(384). С. 10–16. DOI [10.24412/2587-6740-2021-6-10-16](#). EDN [SXHRTF](#).
16. Гуляева, Т. И. Социально-экономические факторы воспроизводства населения в России и в разрезе федеральных округов страны / Т. И. Гуляева, Е. В. Такмакова, В. И. Савкин // Статистика и Экономика. 2023. Т. 20, № 2. С. 4–12. DOI [10.21686/2500-3925-2023-2-4-12](#). EDN [LLJZRE](#).

17. Федосеев, И. В. Исследование путей развития сельского хозяйства Китая в рамках Стратегии возрождения сельских районов: опыт первых лет / И. В. Федосеев, Ш. Тан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 7. С. 206–215. DOI [10.24412/2220-2404-2025-7-18](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-18). EDN [EOYWEH](https://www.edn.ru/EOYWEH).

18. Рязанцев, С. В. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). EDN [HNFXKJ](https://www.edn.ru/HNFXKJ).

19. Ростовская, Т. К. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Вопросы управления. 2022. № 3(76). С. 6–18. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-6-18](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18). EDN [SWXZSE](https://www.edn.ru/SWXZSE).

20. Герасимов, А. Н. Проблемы занятости населения в сельском хозяйстве / А. Н. Герасимов, О. П. Григорьева, Е. И. Костюкова // АПК: экономика, управление. 2022. № 1. С. 30–35. DOI [10.33305/221-30](https://doi.org/10.33305/221-30). EDN [NAMGTE](https://www.edn.ru/NAMGTE).

21. Покровский, Н. Е. «Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств» / Н. Е. Покровский, А. М. Никулин // Крестьяноведение. 2023. Т. 8, № 2. С. 140–158. DOI [10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158). EDN [EFEFFF](https://www.edn.ru/EFEFFF).

Сведения об авторах

Саяutiна Ирина Петровна, аспирант, институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул; начальник Управления социальной защиты населения по Шелаболихинскому району, село Шелаболиха, Алтайский край, Россия.

Контактная информация: e-mail: irinasauti@rambler.ru; ORCID ID: [0009-0005-6802-2307](https://orcid.org/0009-0005-6802-2307); РИНЦ SPIN-код: [7389-1639](https://elibrary.ru/7389-1639).

Черепанова Мария Ивановна, доктор социологических наук, профессор, институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Контактная информация: e-mail: cher_67@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8892-837X](https://orcid.org/0000-0001-8892-837X); РИНЦ SPIN-код: [9384-6947](https://elibrary.ru/9384-6947).

Сытых Ольга Леонидовна, доктор философских наук, профессор, кафедра эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Контактная информация: e-mail: sytykh@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-8654-3986](https://orcid.org/0000-0001-8654-3986); РИНЦ SPIN-код: [7560-8269](https://elibrary.ru/7560-8269).

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; принята в печать 15.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SOCIAL SECURITY AS AN INDICATOR OF RURAL MIGRATION IN ALTAI KRAI

Irina P. Sayutina

Altai State University, Barnaul, Russia

e-mail: irinasauti@rambler.ru

Maria I. Cherepanova

Altai State University, Barnaul, Russia

e-mail: cher_67@mail.ru

Olga L. Sytykh

Altai State University, Barnaul, Russia

e-mail: sytykh@yandex.ru

For citation: Sayutina, I. P., Cherepanova, M. I., Sytykh, O. I. Social Security as an Indicator of Rural Migration in Altai Krai. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 224–240. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.13). (In Russ.)

Abstract. The relevance of this topic arises from the need to analyse the social mechanisms for minimizing rural exodus by optimizing the fundamental components of social protection in rural areas. Rural areas in modern Russia account for 24.9% of the country's population. This article presents a summary of the results of a sociological study of rural population reproduction, in the context of analysis of the main components of social protection. It has been established that the Altai Krai region is characterized by out-migration, primarily from the rural population. The study confirms the high willingness of rural residents to move. A direct, significant correlation was found between desire to leave, sense of social security, age, and education level. The most mobile groups are young people and people with secondary vocational education who are concerned about the lack of opportunities to improve their financial situation or professional advancement. Social security is considered to be a significant indicator of the intensity of migration in the region. Conclusions are drawn about the deep systemic nature of the problem. Comprehensive measures are required to create jobs and develop social infrastructure in order to improve the quality of life in rural areas. Social security is a key aspect of sustainable rural development, especially in the context of demographic change, migration processes, and economic transformation. In the Altai Krai, many settlements are in a state of semi-crisis, and this problem is especially significant. The results of this research can be used to develop regional socio-economic development programs and to preserve human capital in the rural areas of the studied region.

Keywords: population migration, social security, migration sentiment, human capital, youth migration

References

1. Shakhova, E. V. Migration Plans of Residents of the Altai Krai. *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*. 2020. Vol. 3, No. 9. Pp. 229–233. (In Russ.).
2. Zaitseva, I. B. Aktual'nost' izucheniya protsessov vnutrenney migratsii v so-vremennom obshchestve [The Relevance of Studying the Processes of Internal Migration in Modern Society]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. 2020. № 2(40). Pp. 72–80. (In Russ.).
3. Matveeva, E. V. Legal Aspects of Development Strategies of Rural Territories in the Context of Sustainability of Regions of the Siberian Federal District. In: *Razvitiye politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt* [Development of Political Institutions and Processes: Foreign and Domestic Experience]: collection of scientific articles by participants of the XVI International scientific and practical conference, Omsk, June 14, 2025. Omsk: Dostoevsky Omsk State University, 2025. Pp. 85–89. (In Russ.).
4. Zolotareva, O. A., Nakisbaev, D. V. Demographic Security of Russia: Trends and Forecasts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17, No. 3. Pp. 154–173. DOI [10.15838/esc.2024.3.93.9](https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.9). (In Russ.).
5. Aleshkovsky, I. A. Demograficheskiy krizis kak ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii [Demographic Crisis as a Threat to Russia's National Security]. In: *Kuda dvizhetsya vek globalizatsii? [Where is the Age of Globalization Heading?]*: collection of articles / Ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel Publishing House, 2014. Pp. 332–350. (In Russ.).
6. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Vasilyeva, E. N., Kalachikova, O. N. *Demograficheskoye razvitiye Rossii v kontekste natsional'noy bezopasnosti* [Demographic Development of Russia in the Context of National Security]. Ex. ed. T. K. Rostovskaya; Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Demographic Research. Moscow: Prospect Publishing House, 2022. 264 p. ISBN 978-5-392-36915-7. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022). (In Russ.).
7. Cherepanova, M. I., Safronova, E. Yu., Maximov, M. B., Ilyushnikov, K. K. Socio-Economic Conditions of Human Capital Functioning in the Regions of Russia. *Society and Security Insights*. 2021. Vol. 4, No. 4. Pp. 31–43. DOI [10.14258/ssi\(2021\)4-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-02). (In Russ.).
8. Cherepanova, M. I. *Sotsial'no-demograficheskaya bezopasnost': kompleksnaya otsenka chelovecheskogo kapitala v regionakh rossiyskogo prigranich'ya* [Social and Demographic Security: A Comprehensive Assessment of Human Capital in the Russian Border Regions]: monograph. Barnaul: Altai State University, 2024. 203 p. (In Russ.).
9. Sillaste, G. G. *Sotsial'naya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya i sotsial'nyy zapros* [Social Security of the Individual, Society, State: Theoretical and Methodological Foundations and Social Demand]: monograph. Moscow: Sovremennoye Obrazovaniye Publishing House, 2014-. Part 1. 2014. 44 p. ISBN 978-5-98689-123-1. (In Russ.).

10. Vasilieva, E. N., Rostovskaya, T. K., Süleymanlı, E. Demographic Threats to National Security in the Political Discourse of the Russian Federation (1992–2019). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021. Vol. 26, No. 2. Pp. 255–272. DOI [10.15688/jvolsu4.2021.2.20](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.20). (In Russ.).
11. Karataeva, T. A. Zdorov'ye naseleniya kak vazhnyy faktor ekonomicheskoy bezopasnosti [Population Health as an Important Factor in Economic Security]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2018. No. 5. Pp. 142–145. (In Russ.).
12. Yantranov, A. E., Subanakov, G. Yu. Return Migration as a Measure for Socio-Economic Development of Rural Territories. *BSU Bulletin. Economy and Management*. 2021. No. 2. Pp. 104–108. DOI [10.18101/2304-4446-2021-2-104-108](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2021-2-104-108). (In Russ.).
13. Nagiyev, S. Q. Regional Problems of Convergence of the Living Standards of the Rural and Urban Population. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2023. Vol. 9, No. 3. Pp. 42–53. (In Russ.).
14. Shilova, A. E. The Problem of Population Expectations' Assessment in Modern Socio-Economic Research. In: *Expert Institutions in the Context of Building a Safe World: collection of scientific papers of the 4th International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, June 10–12, 2025*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2025. Pp. 202–206. (In Russ.).
15. Serova, E. V., Naumov, A. S., Yanbykh, R. G., et. al. Rural Development Problems and New Approaches to Their Solution in Russia. *International Agricultural Journal*. 2021. No. 6(384). Pp. 10–16. DOI [10.24412/2587-6740-2021-6-10-16](https://doi.org/10.24412/2587-6740-2021-6-10-16). (In Russ.).
16. Gulyaeva, T. I., Takmakova, E. V., Savkin, V. I. Socio-Economic Factors of Population Reproduction in Russia and in the Context of Federal Districts. *Statistics and Economics*. 2023. Vol. 20, No. 2. Pp. 4–12. DOI [10.21686/2500-3925-2023-2-4-12](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-2-4-12). (In Russ.).
17. Fedoseev, I. V., Tan, Sh. Exploring China's Agricultural Development in a Rural Revitalization Strategy: Early Years Experience. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2025. No. 7. Pp. 206–215. DOI [10.24412/2220-2404-2025-7-18](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-18). (In Russ.).
18. Ryazantsev, S. V., Miryazov, T. R. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 4. Pp. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). (In Russ.).
19. Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. Demographic Stability as a Priority of the RF Demographic Policy. *Management Issues*. 2022. No. 3(76). Pp. 6–18. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-6-18](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18). (In Russ.).
20. Gerasimov, A. N., Grigoreva, O. P., Kostiuikova, E. I. Problems of Employment in Agriculture. *AIC: Economics, Management*. 2022. No. 1. Pp. 30–35. DOI [10.33305/221-30](https://doi.org/10.33305/221-30). (In Russ.).
21. Pokrovsky, N. E., Nikulin, A. M. “There Is and There Will Be Territorial Reformatting of Rural Spaces”. *Russian Peasant Studies*. 2023. Vol. 8, No. 2. Pp. 140–158. DOI [10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158). (In Russ.).

Bio notes

Irina P. Sayutina, Postgraduate Student, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul; Head of the Department of Social Protection of the Population for the Shelabolikhha District, Shelabolikhha village, Altai Krai, Russia.

Contact information: e-mail: irinasauti@rambler.ru; ORCID ID: [0009-0005-6802-2307](https://orcid.org/0009-0005-6802-2307); RSCI SPIN-code: [7389-1639](https://elibrary.ru/7389-1639).

Maria I. Cherepanova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Contact information: e-mail: cher_67@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8892-837X](https://orcid.org/0000-0001-8892-837X); RSCI SPIN-code: [9384-6947](https://elibrary.ru/9384-6947).

Olga L. Sytykh, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Empirical Sociology and Conflictology, Altai State University, Barnaul, Russia.

Contact information: e-mail: sytykh@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-8654-3986](https://orcid.org/0000-0001-8654-3986); RSCI SPIN-code: [7560-8269](https://elibrary.ru/7560-8269).

Received on 09.04.2026; accepted for publication on 15.06.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.14)EDN [JYOUPV](https://www.edn.ru/jyoupv)

Научная статья

ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ДЛЯ ML-МОДЕЛИРОВАНИЯ

Дождиков А. В.*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: antondnn@yandex.ru*

Для цитирования: Дождиков, А. В. Факторы демографического благополучия российского села: предварительные гипотезы для ML-моделирования // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 240–262. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.14). EDN [JYOUPV](https://www.edn.ru/jyoupv).

Аннотация. Исследование посвящено формулированию предварительных гипотез и подбору методов машинного обучения для количественного анализа демографо-миграционной динамики сельского населения регионов России и ее связи с инфраструктурно-экономическими характеристиками. Рассматриваются зависимости между миграционным и естественным движением населения и уровнем инфраструктуры, инвестициями, жилищным строительством, доступом к услугам и экономической активностью. Цель – построить модель для выявления устойчивых связей между факторами, кластерной типологией регионов и предварительно проверить первичные гипотезы с применением методов машинного обучения. Используется ограниченный набор данных Росстата, агрегированных в панель «регион-год» с очисткой, нормировкой и построением синтетических индексов. Применяются методы EDA, PCA + K-means, регрессии, деревья решений и Random Forest. Для продолжения исследования и последующей корректировки гипотез нами установлено, что: пока не выявлена связь инвестиций с ростом миграционного сальдо, тогда как налицо признаки ассоциации жилищного строительства с замедлением убыли населения; эффекты влияния инфраструктуры ограничены; что необходим больший временной лаг для выявления связей между управленческими решениями и результатами; кроме того, зафиксированы кластерная неоднородность регионов и ограниченная предсказательная способность моделей в отношении миграции. Практическая значимость – улучшение таргетирования политики развития села. Ограничения исследования включают короткую панель, агрегирование и шоки 2020–2023 гг. Перспективы исследования – проверка гипотез с использованием задействованных методов на большом наборе данных регион-год.

Ключевые слова: сельское население, внутренняя миграция, демографические процессы, сельские территории, инфраструктура, жилищное строительство, социальная инфраструктура, панельные данные, кластерный анализ, машинное обучение

Введение

Сельские территории России в XXI в. переживают трансформацию, проявляющуюся в сокращении численности населения, изменении возрастной структуры и миграционном оттоке. В 2023 г. среднегодовая численность сельского населения составила 36,7 млн человек, что на 0,2 млн меньше, чем в 2022 г.; с 2019 г. наблюдается ускорение снижения. К 1 января 2025 г. городское население достигло 109,8 млн человек, сельское – 36,3 млн человек. Рост городского населения обеспечивается миграцией, тогда как сельские территории продолжают его терять. Сохраняется тенденция концентрации населения в крупных городах и «пространственного сжатия» сельских территорий в 2022–2024 гг.¹

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 13.03.2026).

Депопуляция сельских территорий носит системный характер: отток и высокая смертность приводят к деформации возрастной структуры. Молодежь мигрирует в города с более высокими доходами и качеством жизни. Государственная реакция выражена в программе «Комплексное развитие сельских территорий» (2019–2030)², направленной на улучшение условий жизни; к 2024 г. целевой показатель доли сельского населения (24,9%) формально достигнут.

Научная проблема заключается в недостаточной изученности количественных связей между инфраструктурно-экономическими характеристиками и демографо-миграционными процессами. Требуется комплексный анализ влияния инфраструктуры, инвестиций и жилищного строительства с применением методов машинного обучения, определения временных лагов и построением гипотез.

Актуальность определяется усилением депопуляции, необходимостью доказательной базы для политики и ограниченным использованием ML-подходов. *Объект исследования* – зависимости между демографо-миграционными показателями сельского населения регионов РФ и уровнем развития территорий, *предмет* – методы и инструменты установления зависимостей на основе статистических данных и связанные с ними первичные гипотезы исследования.

Цель – выявить и количественно оценить устойчивые связи, а также сформировать предварительную типологию регионов. *Задачи* включают: разведочный анализ, построение панели «регион–год», кластеризацию, моделирование (регрессии, деревья, ансамбли) и первичную проверку гипотез. Задачи исследования ограничены созданием и предварительным тестированием пилотного набора методов и инструментов.

Научная новизна – формирование воспроизводимой панели данных и применение ML-пайплайна (PCA + K-means, Ridge, Lasso, Random Forest) с предварительной проверкой девяти гипотез. *Практическая значимость* – создание инструментария для обоснования дифференцированной политики развития сельских территорий и повышения эффективности бюджетных вложений.

Предварительные (первичные) гипотезы исследования.

1. Гипотеза инвестиционной нагрузки: более высокий уровень инвестиций в сельские территории ассоциирован с благоприятным миграционным сальдо сельского населения.

2. Гипотеза влияния жилищного строительства: рост объемов ввода жилья в сельской местности сопровождается замедлением убыли сельского населения и/или смягчением миграционного оттока.

3. Гипотеза влияния доступа к услугам: высокая обеспеченность сельского населения объектами торговли, бытовых и социальных услуг связана с численностью сельского населения и меньшим оттоком.

4. Гипотеза влияния обеспеченности транспортом и связью: качество транспортной доступности и развитость почтово-коммуникационной инфраструктуры могут способствовать удержанию населения.

² Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (дата обращения: 13.03.2026).

5. Гипотеза влияния социальной инфраструктуры: высокая обеспеченность села объектами здравоохранения, спорта и туризма ассоциирована с лучшим миграционным сальдо.

6. Гипотеза кластерной неоднородности регионов: существует несколько устойчивых кластеров регионов с принципиально разными моделями сельской демографической динамики.

7. Гипотеза неравномерной отдачи: прирост инфраструктурных показателей (например, услуг или дорог) в регионах с очень низкой исходной обеспеченностью дает более сильный положительный эффект на демографию и миграцию, чем такой же прирост в уже относительно развитых сельских территориях (нелинейный/пороговый эффект).

8. Гипотеза скорой отдачи: влияние инфраструктурно-экономических изменений проявляется сразу, то есть улучшение инфраструктуры в сельских территориях быстро (за год) отражается в демографо-миграционных показателях.

9. Гипотеза структурных разрывов: в периоды шоков (например, COVID-19) связи между экономико-инфраструктурными показателями и демографией временно изменяются (структурный сдвиг), что можно выявить как смену параметров моделей или кластерной структуры.

Обзор научной литературы

В современных исследованиях принято выделять концепцию «природных удобств», согласно которой природно-рекреационный потенциал территории способен выступать драйвером притока. Параллельно развивается подход «нового экономического роста в деревне» [1], рассматривающий инфраструктуру [2] как предпосылку удержания людей и формирования устойчивых сообществ.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., четверть населения страны все еще проживает в сельской местности. Между переписями 2010 и 2020 гг. численность сельского населения росла лишь в 20 регионах. В большинстве регионов (53 из 89) сельское население сокращалось за счет миграционного оттока³.

Пространственная неоднородность демографической динамики сельских территорий хорошо задокументирована в российской литературе: субурбанизационные и периферийные различия в миграционном балансе сельских территорий выражены сильнее, чем пространственно-географические (зональные). Пригородные села интенсивно прирастают за счет миграции, тогда как периферия испытывает сильный миграционный отток [3]. Эти выводы получили подтверждение в работе [4] установившей, что село-городская миграция в России рациональна и экономически обоснована: переезд в город улучшает положение на рынке труда и ведет к росту доходов.

Вместе с тем укажем на ускорение депопуляции с 2019 г. и существенное пространственное расхождение демографических показателей по группам регионов.

³ Переписи населения // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 13.03.2026).

Данная проблематика рассматривается в публикациях ВШЭ⁴ и аналитических докладах профильного министерства⁵.

Связь между состоянием инфраструктуры и демографическими процессами в сельских территориях исследована в ряде отечественных и зарубежных работ. Авторы [5; 6], анализируя данные Росстата за 2014 и 2022 гг. по 82 субъектам РФ, констатировали значительное отставание сельских домохозяйств от городских по качеству инженерной инфраструктуры, подчеркнув при этом критическую роль ее модернизации для повышения качества жизни.

Развитие социальной инфраструктуры как фактора удержания населения и снижения миграционного оттока рассматривается в работе [7]. Исследователи показали дифференциацию в обеспеченности объектами социальной инфраструктуры сельских поселений в зависимости от их размера и пространственного положения, указав на то, что приоритетное инфраструктурное развитие опорных населенных пунктов повышает обеспеченность услугами, однако может углублять дифференциацию между поселениями. В аналогичном направлении работают авторы [8], исследования которых по пространственному неравенству и типологии сельских регионов России задают рамочную концепцию для анализа демографических различий.

В зарубежной литературе влияние инфраструктуры на устойчивость сельских домохозяйств изучено на панельных данных Таиланда и Вьетнама [9]: транспортная инфраструктура и ИКТ улучшают абсорбционную способность домохозяйств к экономическим шокам и снижают риск бедности. Дороги, электроснабжение, системы водоснабжения, медицинские учреждения и школы – ключевые предпосылки долгосрочного экономического роста сельских территорий. Параллельно накоплена обширная доказательная база, свидетельствующая о том, что жилищная обеспеченность в сельской местности непосредственно связана с демографической динамикой. Так, в работах по ЕАЭС [10] и Киргизской Республике [11] отражена сильная положительная взаимосвязь между объемом жилищного фонда и численностью сельского населения.

Относительно транспортной инфраструктуры существует академически зафиксированный «двойной эффект»: с одной стороны, дороги снижают транспортные барьеры и расширяют доступ к услугам, что потенциально удерживает население; с другой – облегчают выезд за счет снижения стоимости миграции [12]. Это противоречие отражено в концепции «транспортного парадокса» и фигурирует в гипотезе 4 настоящего исследования.

Важную роль в изучении сельской демографии играет подход, основанный на типологизации регионов. На уровне российских регионов [13] выявлены два ме-

⁴ Демография и миграция. Информационный бюллетень «Тренды. События. Цифры». Выпуск 2. Июнь-август 2024 // Стратегические технологические проекты НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/1015020046.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

⁵ Доклад о результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий Российской Федерации // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/aa9/882w7zzcx3bn8qk6uu348iutyi8zdsue.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

гаполиса: аграрно-традиционные республики Юга и Северного Кавказа, промышленно-урбанизированный пояс и Север/Дальний Восток – с различающимися связями между плотностью населения и социально-экономическими индикаторами.

В международной практике сочетание PCA [14] и кластеризации K-means признано надежной стратегией многомерного анализа. К примеру, для Турции аналогичная методология PCA + K-means [15] позволила выявить существенные различия по миграционным паттернам, темпам роста населения и социально-экономическим характеристикам между провинциями. GRANULAR-исследование⁶ по типологии сельских территорий ЕС показывает, что регионы делятся на преимущественно сельские (>50% населения в сельских муниципалитетах), промежуточные и преимущественно городские, с различными механизмами демографического воспроизводства.

Пандемия COVID-19 вызвала значительный интерес к потенциальному «контрурбанизационному» сдвигу в миграционных паттернах. Так, в отношении США [16] было установлено, что начиная с 2020 г. отток из сельских территорий снизился и оставался низким на протяжении трех последующих лет, что привело к стабилизации и частичному росту населения. В Испании [17] был зафиксирован рост миграционного притока в сельские районы, расположенные вблизи городов, и территории с высокой долей вторичного жилья в 2020 г. по сравнению с периодом 2016–2019 гг. В Сербии [18] анализ показал, что после первоначального снижения в 2020 г. интенсивность переселений в 2021 г. превысила допандемийный уровень, а неблагоприятные экономические характеристики сельских мигрантов несколько улучшились в пандемийные годы.

В то же время результаты международных исследований [19] не свидетельствуют о «массовом исходе» из городов. Скорее речь идет о перераспределении паттернов внутри сложившихся систем расселения. Аналогичный вывод применим и к России: основной мотив переезда в город по-прежнему носит экономический характер.

Методология и методы исследования, источники информации

Использование методов ML в миграционных и демографических исследованиях активно реализуется начиная с 2010-х гг. Модели случайного леса превосходят логистическую регрессию и метод опорных векторов в предсказании миграционных решений домохозяйств, выступая как перспективный инструмент для выявления нюансированных паттернов в сложных социальных наборах данных. Применительно к городскому планированию и распределению мигрантов Random Forest [20] позволил выделить демографическую и этническую композицию района как ключевой фактор в пространственном распределении мигрантов [21]. Метод SHAP (SHapley Additive exPlanations) [22] в сочетании с Random Forest показал высокую эффективность при анализе пространственной справедливости и экономической мобильности.

⁶ Stjernberg, M., Norlén, G., Vasilevskaya, A., et al. Scoping Report on European Rural Typologies // Zenodo : [site]. 31.05.2023. URL: <https://zenodo.org/records/13767183> (accessed on 13.03.2026).

В российском контексте ансамблевые ML-методы применялись для определения детерминант ВРП регионов: Light GBM показал $R^2=0,7345$, притом ведущую роль сыграли доходы населения и иностранные инвестиции с лаговым эффектом [23].

Регрессионный анализ [14] изучавших миграционные потоки между городскими и сельскими районами России в 2011–2020 гг. с использованием цепей Маркова и модели пространственного взаимодействия, показал, что высока вероятность миграции из сельской в городскую местность, а среди детерминантов значимую роль играют численность населения, заработная плата, занятость, жилищная доступность и осадки, при этом эффекты варьируются в зависимости от типа отправного пункта (сельская или городская местность).

Исследование опирается на *количественную методологию* и реализует пайплайн последовательных аналитических операций: разведочный анализ данных (EDA) – формирование синтетических панельных данных – многомерная кластеризация – регрессионное и ML-моделирование – первичная проверка гипотез. С учетом ограничений объема информации выводы носят предварительный характер.

Первичную информационную базу исследования составляют официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), включая:

- бюллетени Росстата⁷: численность прибывших и выбывших сельских жителей по субъектам РФ, расчет миграционного сальдо на 1000 человек сельского населения;

- данные текущего демографического учета: естественное движение сельского населения (рождаемость, смертность, естественный прирост), изменение численности;

- инфраструктурно-экономические показатели сельских территорий: инвестиции в основной капитал на одного сельского жителя, ввод жилья, плотность объектов торговли и бытовых услуг, протяженность дорог с твердым покрытием, показатели ЖКХ, численность объектов социальной инфраструктуры (здравоохранение, спорт, туризм);

- показатели экономической активности: индексы, отражающие занятость, валовую добавленную стоимость и интенсивность природопользования в сельских территориях регионов.

Показатели за годы объединены в интегрированную панель «регион–год» с применением процедур очистки, нормировки и синтетического дополнения пропусков. Для устранения влияния выбросов применялась винзоризация переменных⁸. Воспроизводимый код и полная документация исследования доступны в открытом фиксированном репозитории⁹: данные конструировались из источников

⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 13.04.2026).

⁸ Винзоризация (winsorization) – это статистический метод преобразования данных, который заключается в замене экстремальных значений в наборе данных менее экстремальными значениями с целью снижения влияния выбросов на анализ. Метод назван в честь статистика Чарльза П. Винзора.

⁹ Машинный код для тестирования гипотез и результаты тестирования: Rural_9Hyp.ipynb // GitHub: [site]. URL: https://github.com/AntonDozhdikov/Demography_migration/blob/main/Rural_9Hyp.ipynb (дата обращения: 13.03.2026).

по экономике и инфраструктуре¹⁰ и демографическим показателям¹¹ на основе актуальной статистики, но при этом недостаточно полной и требующей уточнения.

Перспективное направление развития исследования – это повтор эксперимента на данных с 2014 по 2025 г. или более широкого периода, что требует дополнительных исследований и сбора информации.

Для операционализации сложных многомерных понятий (доступность услуг, состояние транспортно-жилищной и социальной инфраструктуры, экономическая активность) сконструированы синтетические индексы путем агрегирования нормированных показателей. Формально, для каждого индекса I_k по региону i и году t применялась z-стандартизация:

$$I_{k,i,t} = \frac{1}{|V_k|} \sum_{j \in V_k} \frac{x_{j,i,t} - \bar{x}_j}{\sigma_{x_j}}$$

где V_k – множество входящих переменных индекса k , $\bar{x}_j$ – выборочное среднее, σ_{x_j} – стандартное отклонение переменной j (приведена общая формула).

Для минимизации влияния экстремальных наблюдений переменные перед включением в модели были винзоризованы на уровне 1-го и 99-го перцентилей. Лаговые версии ключевых переменных (например, `invest_per_rural_capita_lagi`) формировались путем сдвига временных рядов на один период вперед с сортировкой по региону и году.

Регрессионный анализ (OLS). Для проверки каждой из гипотез 1–5 и 8–9 строились линейные регрессионные модели вида:

$$y_{it} = \alpha + \beta_1 x_{1,it} + \beta_2 D_{2023} + \varepsilon_{it}$$

где y_{it} – зависимая демографо-миграционная переменная (миграционное сальдо или изменение численности населения на 1000 жителей), $x_{1,it}$ – целевой предиктор (инфраструктурный или экономический индикатор), D_{2023} – временная дамми-переменная для 2023 г., учитывающая общий временной сдвиг. Значимость коэффициентов оценивалась по двустороннему критерию при уровне значимости $\alpha=0,05$ (погранично – $\alpha=0,1$). Для взаимодействия факторов (гипотезы 4, 9) использовались модели с *interaction*-термином:

$$y_{it} = \alpha + \beta_1 x_{1,it} + \beta_2 x_{2,it} + \beta_3 (x_1 \cdot x_2)_{it} + \gamma D_{2023} + \varepsilon_{it}$$

Для гипотезы 8 строилась лаговая регрессия, включающая $x_{1,i,t-1}$ вместо $x_{1,i,t}$.

Квартильный анализ. В дополнение к регрессиям для каждого предиктора рассчитывались описательные статистики зависимой переменной внутри квартильных групп распределения предиктора (Q1–Q4), что позволяло выявить нелинейные и пороговые эффекты, не улавливаемые линейными моделями (8 гипотеза).

Кластерный анализ (6 гипотеза). Для формирования типологии регионов применялась связка методов: 1) стандартизация признаков; 2) снижение размерности с помощью метода главных компонент (PCA) – выделение двух ведущих компонент

¹⁰ Источник данных для пилотного исследования по инфраструктуре: `rural_econ_infra_oths_panel_2014_2024.csv` // GitHub: [site]. URL: https://github.com/AntonDozhnikov/Demography_migration/blob/main/rural_econ_infra_oths_panel_2014_2024.csv (дата обращения: 13.03.2026).

¹¹ Источник данных для пилотного исследования по миграции: `rosstat_rural_panel_2014_2024.csv` // GitHub: [site]. URL: https://github.com/AntonDozhnikov/Demography_migration/blob/main/rosstat_rural_panel_2014_2024.csv (дата обращения: 13.03.2026).

PC1 и PC2; 3) кластеризация K-means¹² с числом кластеров K=4. Значимость различных демографических исходов между кластерами проверялась непараметрическим критерием Краскала-Уоллиса¹³:

$$H = \frac{12}{n(n+1)} \sum_{j=1}^k \frac{R_j^2}{n_j} - 3(n+1)$$

где R_j – сумма рангов в кластере j , n_j – его размер, n – общее число наблюдений.

ML-блок: регуляризованные регрессии. Для оценки совокупного вклада инфраструктурно-экономических факторов в объяснение дисперсии миграционного сальдо применялись три регуляризованных линейных метода. *Гребневая (Ridge) регрессия* минимизирует целевую функцию с L2-штрафом:

$$\min_{\beta} \left\{ \sum_{i=1}^n (y_i - X_i \beta)^2 + \lambda \sum_{j=1}^p \beta_j^2 \right\}$$

Lasso-регрессия использует L1-штраф, осуществляющий отбор переменных:

$$\min_{\beta} \left\{ \sum_{i=1}^n (y_i - X_i \beta)^2 + \lambda \sum_{j=1}^p |\beta_j| \right\}$$

ElasticNet объединяет оба типа регуляризации с параметром смещения $\alpha \in [0,1]$

$$\min_{\beta} \left\{ \sum_{i=1}^n (y_i - X_i \beta)^2 + \lambda \left[\alpha \sum_{j=1}^p |\beta_j| + (1 - \alpha) \sum_{j=1}^p \beta_j^2 \right] \right\}$$

Оптимальные значения λ и α подбирались методом кросс-валидации. При применении жесткой регуляризации Lasso и ElasticNet занулили все коэффициенты предикторов.

ML-блок: *Random Forest (нелинейный ансамбль)*. Для выявления нелинейных и взаимодействующих эффектов строилась модель *регрессии случайного леса* (Random Forest). Оценки важности признаков (feature importance) рассчитывались как средняя примесь (mean impurity decrease) по всем деревьям ансамбля. Random Forest не требует предположения о линейности связей и устойчив к мультиколлинеарности, что делает его адекватным инструментом при наличии коррелированных инфраструктурных индексов.

ML-блок: *логистическая регрессия-классификатор*. Для оценки предсказуемости знака миграционного сальдо (положительное/неположительное) решена задача

¹² На большом объеме данных целесообразно использовать и DBSCAN и нефиксированное число кластеров, определяемых при помощи «метода локтя». DBSCAN (Density-Based Spatial Clustering of Applications with Noise) – алгоритм кластеризации, основанный на плотности данных. Он группирует точки, которые тесно расположены в пространстве, и помечает как выбросы точки, находящиеся в областях с малой плотностью. Метод локтя (elbow method) – инструмент для определения оптимального числа кластеров в алгоритмах кластеризации.

¹³ Критерий Краскала – Уоллиса (H-критерий) – это непараметрический метод в математической статистике, который используется для сравнения медиан трех и более независимых выборок. Он позволяет определить, существуют ли статистически значимые различия между группами по уровню какого-либо признака.

с балансировкой классов (`class_weight='balanced'`) и групповой кросс-валидацией по регионам (GroupKFold, 5 фолдов). Качество оценивалось по метрикам Accuracy, ROC AUC, Precision, Recall и F1-score для каждого класса. Применение GroupKFold предотвращает «утечку» данных между временными наблюдениями одного региона в обучающую и тестовую выборку, что обеспечивает несмещенную оценку обобщающей способности модели.

Ключевые ограничения исследования:

1. Недостаток данных: короткий временной ряд снижает мощность тестов и не позволяет оценить лаговые эффекты. Требуется расширение выборки.
2. Линейные модели: не учитывают индивидуальные региональные эффекты, что может приводить к смещению оценок. Для точности нужны ансамблевые модели (к примеру, CatBoost), но они усложняют интерпретацию, требуют оценки признаков («весов модели») через feature impotence¹⁴ и SHAP¹⁵.
3. Синтетические индексы: агрегируют разнородные показатели, маскируя противоположные эффекты отдельных компонентов.
4. Геополитический контекст (2022–2023 гг.): миграционные шоки трудно отделить от структурных изменений; период менее показателен, чем 2020 г.

Исследование – пилотное, предварительный анализ для дальнейшей проверки на большей выборке и тонкой настройки моделей.

Результаты эксперимента

Гипотеза 1 не подтвердилась: инвестиции в сельского жителя не связаны с миграционным сальдо (рис. 1).

В линейной регрессии (174 наблюдения) коэффициент при логарифме инвестиций положителен (1,15), но статистически незначим ($p=0,75$; $R^2=0,017$).

Единственная погранично значимая переменная – индикатор 2023 г. (коэффициент $\approx 9,0$; $p=0,075$), что отражает общий сдвиг режима, а не эффект инвестиций.

Квартильный анализ не выявил устойчивой связи: среднее сальдо варьируется от $\approx -5,6$ до $\approx 4,3$, при высоких стандартных отклонениях (до 66,6), что говорит о сильной внутригрупповой вариативности и отсутствии монотонной зависимости.

Вывод: по данным 2022–2023 гг. более высокий уровень инвестиций в сельского жителя не демонстрирует статистически значимой и устойчивой связи с миграционным сальдо.

Гипотеза 2 оказалась верной: рост ввода жилья в сельской местности статистически значимо связан с замедлением убыли населения (рис. 2).

В модели по 174 наблюдениям коэффициент при винзоризованном вводе жилья положителен и значим ($0,0068$; $p=0,0002$; $R^2=0,122$), что указывает на связь между строительством жилья и менее негативной динамикой численности.

¹⁴ Мера того, насколько каждый признак (переменная) в целом влияет на предсказания модели машинного обучения. Она позволяет определить, какие признаки являются наиболее значимыми для модели, и ранжировать их по степени влияния на итоговый результат.

¹⁵ SHapley Additive exPlanations – это метод интерпретации прогнозов моделей машинного обучения, основанный на теории игр (значения Шепли). Он объясняет, какой вклад каждый признак внес в конкретное предсказание модели (в отличие от общего feature impotence).

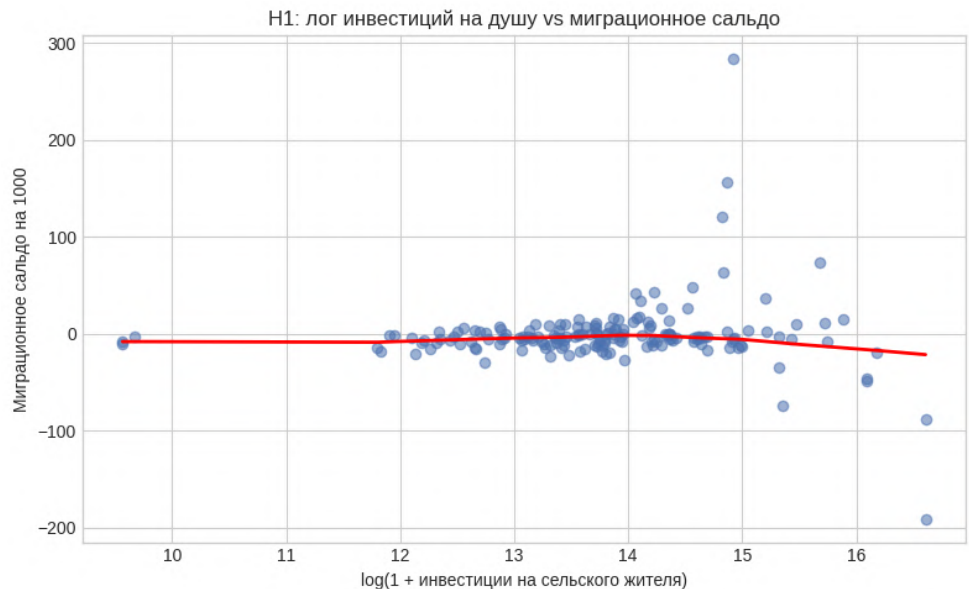

Рис. 1. Отображение зависимости инвестиций и миграционного сальдо

Fig. 1. Display of the dependence of investments and migration balance

Источник: ячейка репозитория 22. H1 – инвестиции и миграционное сальдо

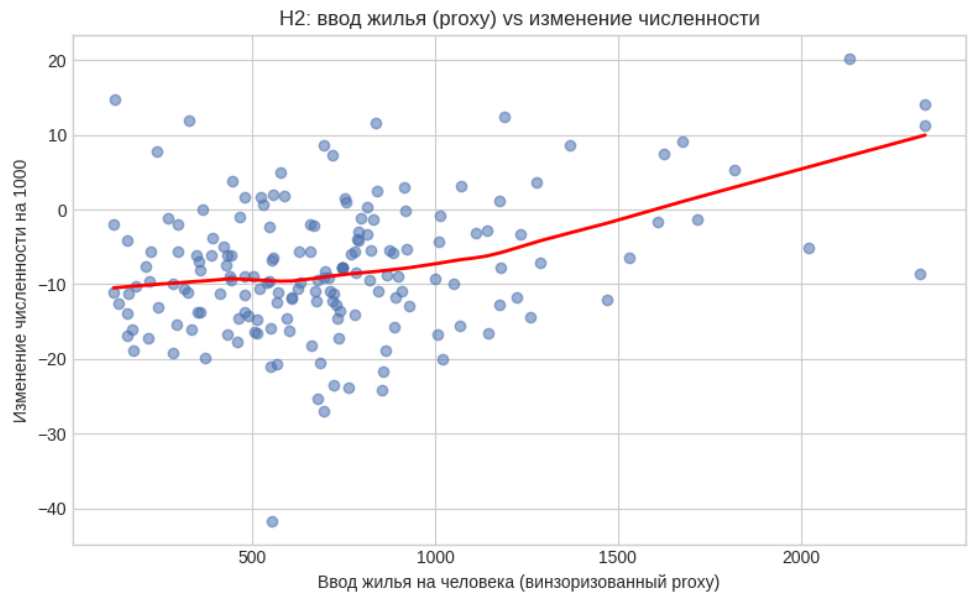

Рис. 2. Отображение зависимости ввода жилья и изменения численности населения

Fig. 2. Display of the relationship between housing input and population change

Источник: ячейка репозитория 23. H2 – жилищное строительство и изменение численности

Квартильный анализ: в нижнем квартиле убыль составляет $\approx -8,55$ на 1 000, в верхнем $\approx -4,01$ на 1 000. Жилищное строительство смягчает, однако не компенсирует полностью убыль.

Вывод: более высокий ввод жилья на селе, предположительно, связан с замедлением убыли населения. Но требуется уточнение и перепроверка на большем объеме данных.

Гипотеза 3 получила частичное подтверждение на ограниченном наборе данных: более высокая обеспеченность услугами связана с благоприятным миграционным сальдо, но эффект слабый и нестабильный (рис. 3).

В регрессии коэффициент при сервисном индексе положителен (3,77), $p \approx 0,097$, $R^2 \approx 0,029$ – связь неустойчива.

Квартильный анализ: в Q1 среднее сальдо $\approx 1,63$ (высокая дисперсия), в Q2–Q3 – отрицательные значения, в Q4 – положительное ($\approx 3,12$). Медиана смещается к менее негативным значениям. Вывод: сервисная доступность в среднем связана с лучшим сальдо, однако эффект слаб, нестабилен и требует дальнейшего изучения.

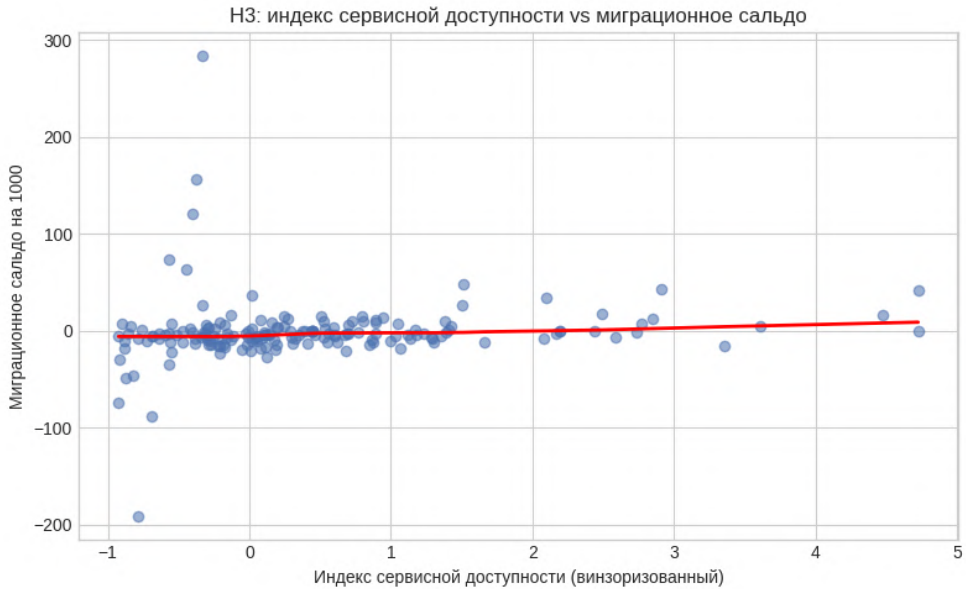

Рис. 3. Связь сервисных параметров и качества услуг с миграционным сальдо
Fig. 3. The relationship between service parameters and service quality with the migration balance

Источник: ячейка репозитория 24 НЗ – доступность услуг и миграция

Гипотеза 4 на ограниченном наборе не подтвердилась: совместный эффект транспортно-жилищной инфраструктуры и экономической активности на миграционное сальдо статистически незначим (рис. 4).

В регрессии коэффициент при interaction положителен ($\approx 0,97$; $p \approx 0,34$; $R^2 \approx 0,049$), что не фиксирует усиления ни удержания, ни оттока населения.

Отдельные индексы инфраструктуры и экономики также незначимы, их эффекты разнонаправлены и «зашумлены».

Квартильный анализ показывает высокую вариативность и отсутствие устойчивой зависимости: в Q1 сальдо положительное, в Q2–Q3 – отрицательное, в Q4 – близко к нулю.

Вывод: на ограниченной выборке не выявлено устойчивого мультипликативного эффекта. Влияние инфраструктуры и экономики на миграцию, скорее всего, нелинейно и требует более длительного периода наблюдений.

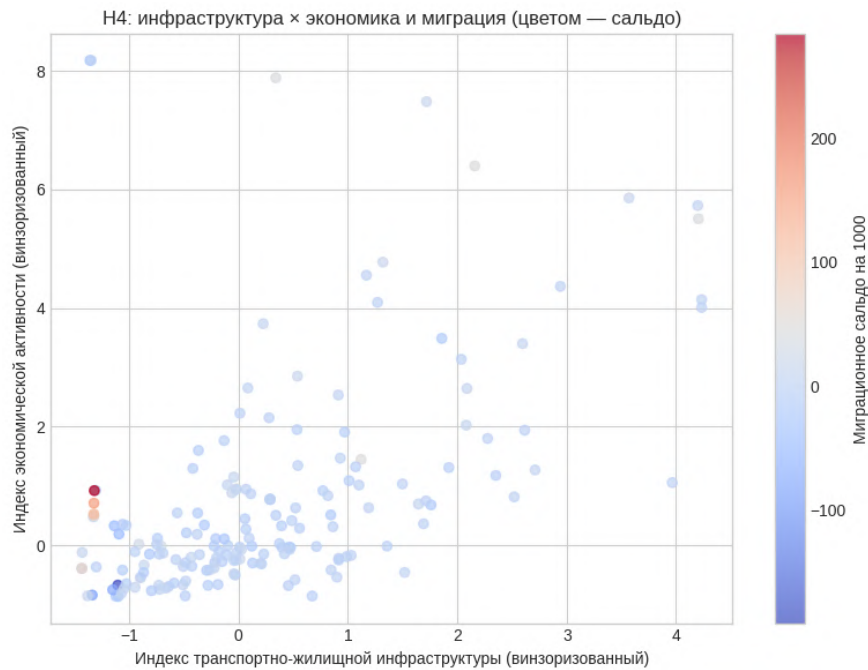

Рис. 4. Связь транспортно-жилищной инфраструктуры и экономической активности с миграционными показателями

Fig. 4. The relationship between transport and housing infrastructure and economic activity with migration indicators

Источник: ячейка репозитория 25. Н4 – совместный эффект инфраструктуры и экономики

Гипотеза 5 строгого подтверждения на малой выборке не получила: линейной связи между социальной инфраструктурой и миграционным сальдо не выявлено, но описательные различия квартилей указывают на возможную слабую положительную ассоциацию (рис. 5).

В регрессии коэффициент при `social_infra_index` положителен ($\approx 1,65$), но статистически незначим ($p \approx 0,32$; $R^2 \approx 0,02$).

Квартильный анализ: в Q1 среднее сальдо $\approx 0,93$ (высокая дисперсия), в Q2–Q3 – отрицательное ($\approx -5,04$ и $-2,97$), в Q4 – положительное ($\approx 3,77$), медиана смещается к менее негативным значениям.

Переменная 2023 г. отражает общий временной сдвиг, а не специфический эффект инфраструктуры.

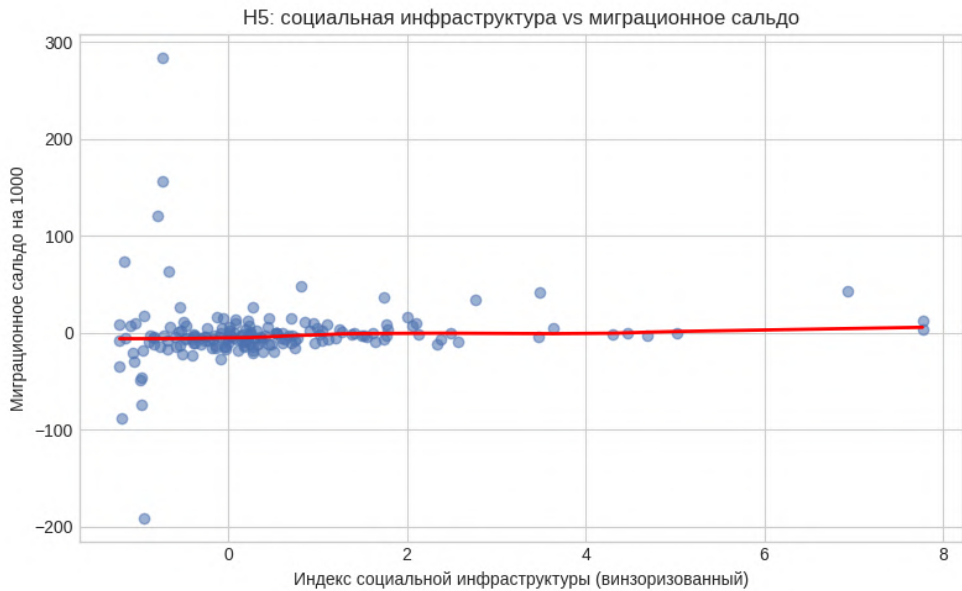

Рис. 5. Иллюстрация связи между индексом социальной инфраструктуры и миграционным сальдо

Fig. 5. Illustration of the relationship between the social infrastructure index and the migration balance

Источник: ячейка репозитория 26. H5 – социальная инфраструктура и миграция

Вывод: статистически значимой линейной связи нет, вместе с тем описательные данные допускают слабую положительную ассоциацию. Для проверки влияния на смертность и естественный прирост требуется отдельный анализ на большем объеме данных.

Гипотеза 6 подтвердилась: выявлены устойчивые кластеры сельских территорий с разными моделями демографической динамики и чувствительностью к инфраструктурно-экономическим факторам (рис. 6).

На основе индикаторов построены главные компоненты (PC1, PC2), выполнена кластеризация K-means.

Тест Краскела-Уоллиса ($H \approx 18,95$; $p < 0,001$) показал значимые различия демографических исходов между кластерами.

Это свидетельствует о кластерной неоднородности и содержательной интерпретируемости структуры, при этом детальная характеристика кластеров требует дополнительного анализа. Дальнейшее развитие гипотезы может быть связано с выделением условных регионов с сильным притяжением крупных городов, ресурсодобывающих регионов, традиционных аграрных регионов и депрессивных периферийных регионов, инфраструктурно-экономические факторы внутри этих кластеров, вероятно, различаются по знаку и величине.

Гипотеза 7 подтверждена частично: эффект прироста социальной инфраструктуры нелинеен, но максимальная отдача в слабо обеспеченных регионах не доказана (рис. 7).

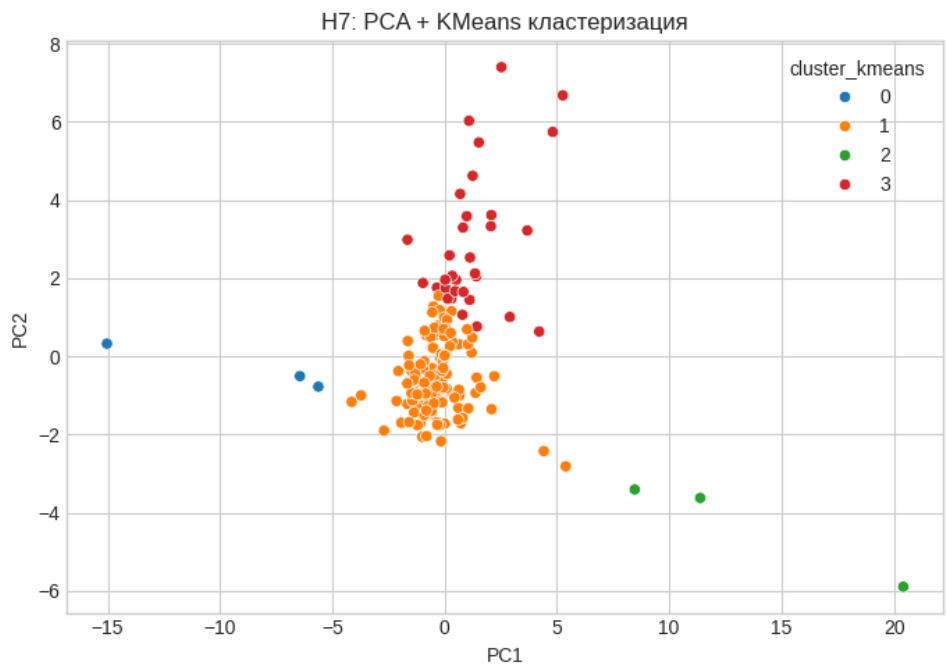

Рис. 6. Кластеризация регионов Российской Федерации

Fig. 6. Clustering of regions of the Russian Federation

Источник: ячейка депозитария 28. H7 — кластеризация региональных профилей

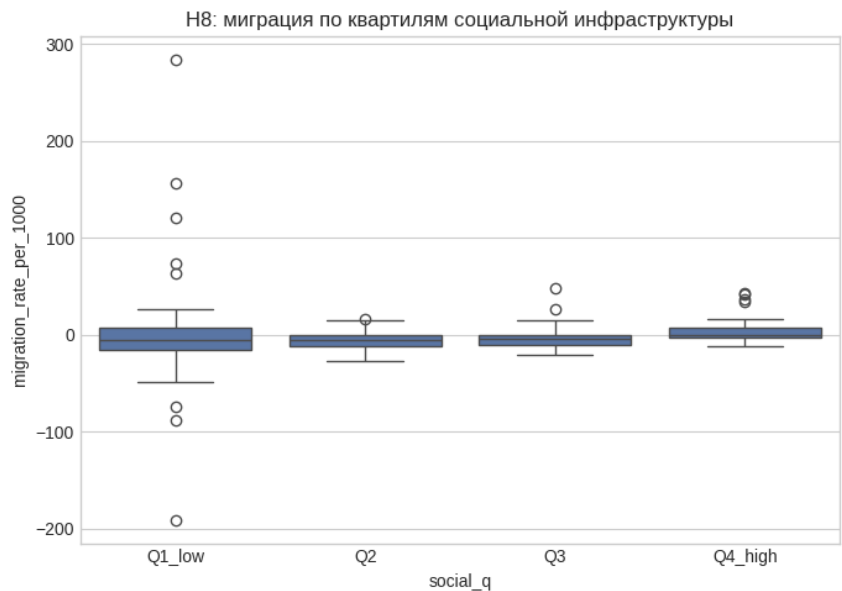

Рис. 7. Квартильное распределение по показателям социальной инфраструктуры

Fig. 7. Quartile distribution of social infrastructure indicators

Источник: ячейка репозитория 29. H8 – квартили социальной инфраструктуры

Квартильный анализ: в Q1 среднее сальдо $\approx 0,93$ (высокая дисперсия), в Q2–Q3 – устойчиво отрицательное ($\approx -5,0$ и $-3,0$), в Q4 – положительное ($\approx 3,77$). Медиана близка к нулю или слабо отрицательна.

Это указывает на ступенчатый переход: более развитая инфраструктура снижает отток, но особого эффекта малых приростов в самых бедных регионах не выявлено.

Вывод: гипотеза о максимальной отдаче в наименее обеспеченных территориях требует проверки на большем объеме данных.

Гипотеза 8 не подтвердилась¹⁶: однолетний лаг инвестиций не влияет на миграционное сальдо. В регрессии по 87 наблюдениям коэффициент при лаговом показателе близок к нулю ($\approx -1,36 \cdot 10^{-6}$), $p \approx 0,71$, $R^2 \approx 0,073$. Если отложенный эффект и существует, он проявляется на более длительном горизонте (3+ лет) или имеет нелинейный, кластер-специфический характер (рис. 8).

Гипотеза 9 также не подтверждена¹⁷: структурного сдвига связи социальной инфраструктуры и миграции после 2020 г. не выявлено. Interaction-термин «social_infra_index $\times$ post_2020» статистически незначим ($p \approx 0,32$), как и базовый индекс социальной инфраструктуры ($p \approx 0,32$), и сам индикатор post_2020 ($p \approx 0,25$); $R^2 \approx 0,020$. Изменения миграционного сальдо, возможно, связаны с другими факторами, а не с перестройкой инфраструктурного эффекта.

Линейные и нелинейные модели. Совокупный вклад инфраструктурно-экономических факторов в миграционное сальдо ограничен¹⁸. В Ridge-регрессии наибольшие веса у индекса экономической активности ($\approx 1,78$) и социальной инфраструктуры ($\approx 0,58$), но все коэффициенты малы – ни один фактор не является определяющим.

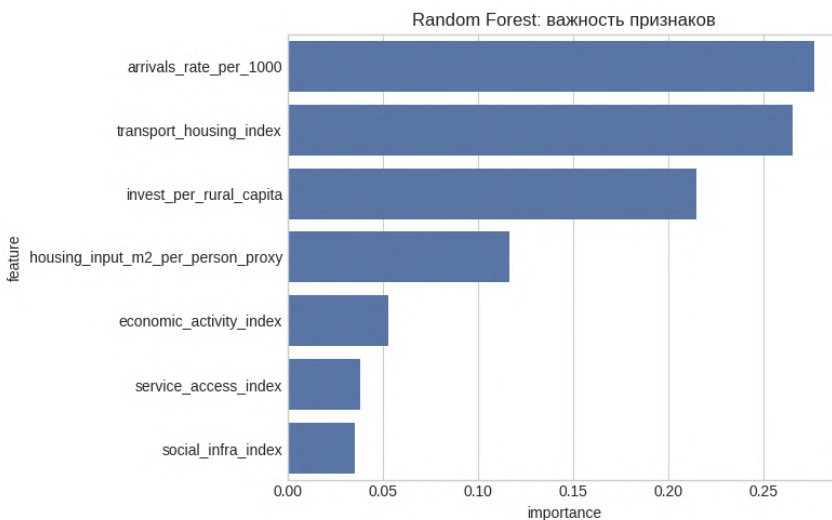

Рис. 8. Важность признаков модели

Fig. 8. Importance of model features

Источник: ячейка 33. ML-блок – random forest importance

¹⁶ Ячейка репозитория 30. H9 – лаговый эффект инвестиций.

¹⁷ Ячейка репозитория 31. H10 – условный структурный сдвиг после 2020 г.

¹⁸ Ячейка репозитория 32. ML-БЛОК – регрессионные модели.

В Lasso и ElasticNet все коэффициенты зануляются: добавление инфраструктурных и экономических показателей не дает устойчивого прироста объясненной дисперсии, что говорит о слабом и нестабильном линейном сигнале.

В Random Forest¹⁹ наибольшую важность имеют текущие потоки прибывающей миграции ($\approx 0,28$) и транспортно-жилищная инфраструктура ($\approx 0,27$), далее – инвестиции ($\approx 0,21$) и ввод жилья. Экономическая и социальная инфраструктура дают меньший, но ненулевой вклад (рис. 8).

Вывод: на ограниченных данных краткосрочные различия миграционного сальдо между сельскими территориями в основном объясняются инерцией миграционных потоков и состоянием базовой инфраструктуры.

Классификация положительного миграционного сальдо. Для оценки предсказуемости факта положительного миграционного сальдо была построена логистическая регрессия с балансировкой классов и групповым кросс-валидированием по регионам (GroupKFold, 5 фолдов). В качестве признаков использовались те же инфраструктурно-экономические индикаторы, что и в регрессионном ML-блоке, целевой переменной выступал бинарный признак «миграционное сальдо >0» (табл. 1).

Таблица 1

Таблица ключевых метрик модели

Table 1

Table of key model metrics

Метрика	Класс 0 (≤ 0)	Класс 1 (> 0)	В целом
Precision	0,79	0,43	–
Recall	0,57	0,68	–
F1-score	0,66	0,52	–
Accuracy	–	–	0,60
ROC AUC	–	–	0,65

Источник: ячейка 34. ML-блок – классификация положительной миграции

Модель показывает умеренное качество: точность составляет около 0,60, а ROC AUC $\approx 0,65$, то есть предсказательная способность заметно выше случайного угадывания, но далека от уровня, достаточного для надежного прогнозирования статуса территорий. При этом поведение классов асимметрично: для территорий с неположительным миграционным сальдо (класс 0) точность высока (precision $\approx 0,79$), однако полнота ограничена (recall $\approx 0,57$), тогда как для положительного сальдо (класс 1) точность ниже ($\approx 0,43$), зато полнота выше ($\approx 0,68$). Матрица ошибок отражает этот дисбаланс: из 118 наблюдений класса 0 корректно классифицированы 67, 51 – отнесены к положительному классу, а из 56 наблюдений класса 1 правильно предсказаны 38, 18 ошибочно – отнесены к классу 0.

Такая конфигурация модели показывает, что по доступным инфраструктурно-экономическим признакам различие территорий с положительным и неположительным миграционным балансом ограничено. Отрицательное сальдо предсказывается относительно надежно, а положительное – с заметным числом ложных сра-

¹⁹ Ячейка репозитория 33. ML-блок – random forest importance.

батываний и пропусков. Это подчеркивает высокую роль неучтенных факторов (институциональных, поведенческих, культурно-этнических и иных) и одновременно недостаток данных для обучения модели.

Обсуждение результатов

Прямое влияние инвестиций на сельское миграционное сальдо не подтвердилось (коэффициент $\approx 1,15$; $p \approx 0,75$; $R^2 \approx 0,02$). Эффект инвестиций проявляется опосредованно и нелинейно [14], а для его выявления нужны отраслевые, качественные данные и длинные временные ряды. В текущей спецификации смешаны разные типы вложений, что затрудняет анализ.

Единственная значимая связь выявлена для ввода жилья: его рост на сельского жителя снижает миграционную убыль (коэффициент $\approx 0,0068$; $p \approx 0,0002$; $R^2 \approx 0,12$; разница между квартилями: $-8,55$ до $-4,01$). Что соответствует международным [25] и российским данным²⁰, где жилье и льготная ипотека – ключевые инструменты удержания населения.

Индекс сервисной доступности показал положительную, но погранично значимую связь с миграционным сальдо ($p \approx 0,097$; $R^2 \approx 0,03$). Это говорит об ограниченности линейной модели для оценки нелинейного и гетерогенного эффекта услуг, что согласуется с высокой дифференциацией их обеспеченности между сельскими поселениями [7].

Мультипликативная гипотеза о совместном влиянии инфраструктуры и экономической активности не подтвердилась ($p \approx 0,34$; $R^2 \approx 0,05$). Негативный коэффициент транспортного индекса может отражать «транспортный парадокс»: развитая доступность облегчает и удержание, и отток. Требуется дезагрегированный анализ с разделением территорий и учетом маятниковой миграции.

Возможно изменение формулировки четвертой гипотезы для проверки на большом наборе данных в следующем виде: качество транспортной доступности (протяженность дорог с твердым покрытием) и развитость почтово-коммуникационной инфраструктуры одновременно могут способствовать как удержанию населения (через доступ к услугам), так и усилению маятниковой и окончательной миграции (через снижение транспортных барьеров); знак эффекта зависит от уровня развития экономики региона.

Индекс социальной инфраструктуры имеет положительный, но статистически незначимый коэффициент ($p \approx 0,32$; $R^2 \approx 0,02$). Квартильный анализ подтверждает пороговый и нелинейный характер ее влияния: в регионах с неразвитой инженерной инфраструктурой базовый уровень социальных услуг не влияет на миграцию, пока не будет достигнут определенный «порог». Исследователи из Японии [25] отмечают, что переезд в город повышает удовлетворенность жизнью.

Критерий Краскела-Уоллиса ($H \approx 18,95$; $p < 0,001$) указывает на значимые различия демографических исходов между кластерами. Выделен один крупный и несколько малочисленных кластеров, что отражает типологическое разнообразие российских сельских территорий: доминируют «типичные» регионы, а особые

²⁰ Сельская ипотека в 2026 году: ответы на популярные вопросы // Домклик : [сайт]. 15.12.2025. URL: <https://blog.domclick.ru/ipoteka/post/selskaya-ipoteka-otvety-na-populyarnye-voprosy> (дата обращения: 13.03.2026).

группы (условно ресурсные, аграрные, нестандартные) – редкость. Это согласуется с существующими типологиями, но требует уточнения границ и методов кластеризации.

Квартильный анализ выявил пороговый эффект: в верхней группе по индексу социальной инфраструктуры миграционное сальдо существенно лучше ($\approx 3,77$ против $\approx -5,04$ во втором квартиле), а в зоне минимальной обеспеченности (Q1) маржинальный эффект отсутствует из-за высокой дисперсии ($\text{std} \approx 65,0$). Это доказывает, что улучшения ниже минимального уровня не влияют на миграцию, а эффект накапливается при уже относительно высокой базовой обеспеченности. Аналогичные результаты отмечены в период COVID-19: приток наблюдался только в районах с развитой инфраструктурой и близостью к городам, а не в депрессивных территориях [17; 26].

Однолетний лаг инвестиций не оказал значимого влияния на миграционное сальдо ($r \approx 0,71$), что соответствует представлению о долгосрочном характере инфраструктурных изменений. Сдвиг влияния инфраструктуры после 2020 г. не обнаружен, что расходится с международными данными о пандемии. В России это может объясняться слабой контрурбанизацией и геополитическими шоками, не отраженными стандартными индексами.

Модели машинного обучения показали умеренную предсказательную силу. Random Forest (R^2 выше, чем у OLS) выделяет ключевую роль текущих потоков миграции, транспортно-жилищной инфраструктуры и инвестиций; вклад социальной инфраструктуры и экономической активности меньше. Lasso и ElasticNet обнуляют коэффициенты, что говорит о слабом линейном сигнале и высокой мультиколлинеарности. Классификатор демонстрирует умеренную точность (ассурасу $\approx 0,60$; ROC AUC $\approx 0,65$), что указывает на значительную долю неучтенных факторов.

Совокупность результатов показывает, что инвестиции и агрегированные инфраструктурные индексы не являются надежными краткосрочными предикторами миграционного сальдо сельского населения. Исключение – жилищное строительство, которое устойчиво связано с замедлением убыли. Это ставит под сомнение «инфраструктурный детерминизм» и подчеркивает важность комплексных мер: развития инфраструктуры, экономических стимулов и точечных реформ. В России акцент должен сместиться с валовых объемов на дифференцированную политику, учитывающую кластерную специфику (аграрное ядро, ресурсная периферия, субурбанизированные и депрессивные территории – типология требует содержательного уточнения).

Заключение

Пилотное исследование показало: инвестиции не влияют на миграционное сальдо, а жилищное строительство – значимый фактор замедления убыли. Эффект сервисной и социальной инфраструктуры слабый и нелинейный, мультипликативный эффект связи с экономической активностью не подтвердился. Кластеризация выявила неоднородность сельских территорий, а пороговый эффект социальной инфраструктуры проявляется только при высокой обеспеченности. Лаг инвестиций и структурный сдвиг после 2020 г. на малой выборке не выявлены.

Модели машинного обучения подтверждают ограниченную предсказательную силу инфраструктурно-экономических факторов, определенную роль транспортно-жилищной инфраструктуры и существенный вклад «истории», демографических состояний предыдущих периодов и определенной инерции за счет прошлых событий и состояний миграционных потоков. Промежуточное исследование в рамках настоящей публикации предполагает необходимость расширения выборки, уточнения методов и их параметров для более надежной оценки демографических миграционных процессов. Так же необходимо скорректировать гипотезы с учетом нелинейности, содержательно наполнить результаты кластеризации, и на большей выборке применить другие ML-модели (CatBoost, HGBoost и аналоги) для построения классификационных выводов и регрессионных прогнозов и интерпретацией содержания моделей и прогнозов по feature importance (или другого метода в зависимости от модели) и SHAP.

Список литературы

1. Manggat, I. The Impact of Infrastructure Development on Rural Communities: A Literature Review / I. Manggat, R. Zain, Z. Jamaluddin // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2018. Vol. 8, № 1. Pp. 637–648. DOI [10.6007/IJARBS/v8-i1/3837](https://doi.org/10.6007/IJARBS/v8-i1/3837).
2. Hunter, L. M. The Association Between Natural Amenities, Rural Population Growth, and Long-Term Residents' Economic Well-Being / L. M. Hunter, J. D. Boardman, J. M. Saint Onge // Rural Sociology. 2005. Vol. 70, № 4. Pp. 452–469. DOI [10.1526/003601105775012714](https://doi.org/10.1526/003601105775012714).
3. Mkrtchyan, N. V. Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences // Population and Economics. 2019. Vol. 3, № 1. Pp. 39–51. DOI [10.3897/popecon.3.e34780](https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780).
4. Карцева, М. А. Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа / М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Крестьяноведение. 2024. Т. 9, № 2. С. 153–179. DOI [10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179). EDN [QIKH0V](https://www.edn.ru/1QKH0V).
5. Пилипенко, И. В. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть первая) / И. В. Пилипенко, И. М. Шнейдерман // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 20–32. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-20-32](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-20-32). EDN [MMZEPE](https://www.edn.ru/MMZEPE).
6. Пилипенко, И. В. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть вторая) / И. В. Пилипенко, И. М. Шнейдерман // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 26–40. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-26-40](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-26-40). EDN [EOQSCH](https://www.edn.ru/EOQSCH).
7. Семенова, Е. И. Планирование развития социальной инфраструктуры сельских территорий / Е. И. Семенова, С. Ю. Симонов, А. В. Семенов // АПК: экономика, управление. 2022. № 12. С. 84–89. DOI [10.33305/2212-84](https://doi.org/10.33305/2212-84). EDN [LZINEK](https://www.edn.ru/LZINEK).
8. Нефедова, Т. Г. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш, А. В. Шелудков // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86, № 3. С. 289–309. DOI [10.31857/S2587556622030128](https://doi.org/10.31857/S2587556622030128). EDN [FCOHMS](https://www.edn.ru/FCOHMS).
9. Hartwig, T. Local Infrastructure, Rural Households' Resilience Capacity and Poverty: Evidence from Panel Data for Southeast Asia / T. Hartwig, T. T. Nguyen // Journal of Economics and Development. 2023. Vol. 25, № 1. Pp. 2–21. DOI [10.1108/JED-10-2022-0199](https://doi.org/10.1108/JED-10-2022-0199).
10. Kerimkhulle, S. Applying a Housing Construction Model to Improve a Small Town Demographic Dynamics / S. Kerimkhulle, A. Mukhanova, M. Kantureyeva, et al. // AIP Conference Proceedings. 2023. Vol. 2700. Art. 040047. DOI [10.1063/5.0125066](https://doi.org/10.1063/5.0125066).
11. Assylbayev, A. Interdependence of the Rural Housing Stock and the Rural Population: A Scientific Perspective / A. Assylbayev, K. Niiazalieva, L. Kryzhanova, E. Ploskikh // BIO Web of Conferences. 2024. Vol. 83. Art. 07007. DOI [10.1051/bioconf/20248307007](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248307007).

12. *Chapliatakaya, A.* Rural-Urban Migration within Russia: Prospects and Drivers / A. Chapliatakaya, G. Tassinari, W. J. M. Heijman, J. Van Ophem // *Regional Science Policy & Practice*. 2024. Vol. 16, № 9. Art. 100053. DOI [10.1016/j.rspp.2024.100053](https://doi.org/10.1016/j.rspp.2024.100053).
13. *Bezverbny, V.* The Impact of Population Density on the Socio-Economic Development of Russian Regions: From Correlation Portraits to the Cluster-Differentiated Density Governance / V. Bezverbny, T. Rostovskaya, A. Sitkovsky, S. Roslavtsev // *Frontiers in Political Science*. 2025. Vol. 7. P. 1715504. DOI [10.3389/fpos.2025.1715504](https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1715504). EDN [KFFAYE](https://www.edn.ru/10.3389/fpos.2025.1715504).
14. *Celepçikay, O. U.* Regional Pattern Discovery in Geo-Referenced Datasets Using PCA / O. U. Celepçikay, C. F. Eick, C. Ordóñez // *Machine Learning and Data Mining in Pattern Recognition. MLDM 2009. Lecture Notes in Computer Science* / P. Perner (ed.). Berlin : Springer, 2009. Pp. 433–447. DOI [10.1007/978-3-642-03070-3_54](https://doi.org/10.1007/978-3-642-03070-3_54).
15. *Ayberkin, D.* Analysis of Turkey's Demographic and Social Structure Using PCA and K-Means Clustering / D. Ayberkin, O. Sebetci // *MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2026. Vol. 15, № 1. Pp. 146–166. DOI [10.33206/mjss.1481386](https://doi.org/10.33206/mjss.1481386).
16. *Petersen, J.* Changes to Rural Migration in the COVID-19 Pandemic / J. Petersen, R. Winkler, M. Mockrin // *Rural Sociology*. 2024. Vol. 89, № 1. Pp. 130–155. DOI [10.1111/ruso.12530](https://doi.org/10.1111/ruso.12530).
17. *González-Leonardo, M.* Rural Revival? The Rise in Internal Migration to Rural Areas during the COVID-19 Pandemic. Who Moved and Where? / M. González-Leonardo, F. Rowe, A. Fresolone-Caparrós // *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 96. Pp. 332–342. DOI [10.1016/j.jrurstud.2022.11.006](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.11.006).
18. *Lukić, V.* Did the COVID-19 Pandemic Change Internal Rural Migration Patterns in Serbia? / V. Lukić, S. Lović, J. Stojilković Gnjatović // *Erdkunde*. 2023. Vol. 77, № 3. Pp. 233–249. DOI [10.3112/erdkunde.2023.03.04](https://doi.org/10.3112/erdkunde.2023.03.04).
19. *Incaltarau, C.* Exploring the Urban-Rural Dichotomies in Post-Pandemic Migration Intention: Empirical Evidence from Europe / C. Incaltarau, K. Kourtiti, G. C. Pascariu // *Journal of Rural Studies*. 2024. Vol. 111. Pp. 1–19. DOI [10.1016/j.jrurstud.2024.103428](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2024.103428).
20. *Belgiu, M.* Random Forest in Remote Sensing: A Review of Applications and Future Directions / M. Belgiu, L. Drăguț // *ISPRS Journal of Photogrammetry and Remote Sensing*. 2016. Vol. 114. Pp. 24–31. DOI [10.1016/j.isprsjprs.2016.01.011](https://doi.org/10.1016/j.isprsjprs.2016.01.011).
21. *Best, K. B.* Random Forest Analysis of Two Household Surveys Can Identify Important Predictors of Migration in Bangladesh / K. B. Best, J. M. Gilligan, H. Baroud, et al. // *Journal of Computational Social Science*. 2021. Vol. 4. Pp. 77–100. DOI [10.1007/s42001-020-00066-9](https://doi.org/10.1007/s42001-020-00066-9).
22. *Deb, D.* Application of Random Forest and SHAP Tree Explainer in Exploring Spatial (In)Justice to Aid Urban Planning / D. Deb, R. M. Smith // *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2021. Vol. 10, № 9. Art. 629. DOI [10.3390/ijgi10090629](https://doi.org/10.3390/ijgi10090629).
23. *Бадыкова, И. П.* Детерминанты валового регионального продукта в России: подход машинного обучения // *Экономика региона*. 2026. Т. 22, № 1. С. 97–108. DOI [10.17059/ekon.reg.2026-1-8](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-8).
24. *White, M.* Rural Growth Requires More Housing // *Farmdoc Daily*. 2024. Vol. 14, № 97. DOI [10.22004/ag.econ.358509](https://doi.org/10.22004/ag.econ.358509).
25. *Kumagai, J.* Impacts of Urban – Rural Migration on Domain-Specific Life Satisfaction / Kumagai J., Yoo S., Managi S., et al. // *Cities*. 2025. Vol. 139. Art. 106056. DOI [10.1016/j.cities.2025.106056](https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106056).
26. *Loras-Gimeno, D.* Rural Depopulation in the 21st Century: A Systematic Review of Policy Assessments / D. Loras-Gimeno, J. Díaz-Lanchas, G. Gómez-Bengoechea // *Regional Science Policy & Practice*. 2025. Vol. 17, № 5. Art. 100176. DOI [10.1016/j.rspp.2025.100176](https://doi.org/10.1016/j.rspp.2025.100176).

Сведения об авторе

Дожди́ков Анто́н Валенти́нович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: antondnn@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1069-1648](https://orcid.org/0000-0002-1069-1648); РИНЦ SPIN-код [2208-1891](https://elibrary.ru/2208-1891); Web of Science Researcher ID: [KYP-9166-2024](https://orcid.org/KYP-9166-2024); Scopus Author ID: [57221684847](https://orcid.org/57221684847).

Статья поступила в редакцию 14.03.2026; принята в печать 15.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FACTORS OF DEMOGRAPHIC WELL-BEING IN RUSSIAN VILLAGES: PRELIMINARY HYPOTHESES FOR ML MODELING

Anton V. Dozhdikov

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: antondnn@yandex.ru

For citation: Dozhdikov, A. V. Factors of Demographic Well-Being in Russian Villages: Preliminary Hypotheses for ML Modeling. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 240–262. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.14). (In Russ.)

Abstract. The study is devoted to formulating preliminary hypotheses and selecting machine learning methods to quantitatively analyze the demographic and migratory dynamics of rural populations in Russian regions, and their connection with infrastructure and economic characteristics. The relationships between migration, natural population movement, and the level of infrastructure, investment, housing construction, access to services, and economic activity are all considered. The goal is to create a model that identifies stable relationships between factors and a cluster typology for regions, as well as a preliminary test of primary hypotheses using machine learning techniques. A limited set of data from Rosstat is used, which is aggregated into a regional-year panel after cleaning, normalizing and constructing synthetic indices. The methods used are EDA, PCA+K-means, regression, decision trees, and Random Forest. To continue the research and further adjust the hypotheses, we found that: there is no connection yet identified between investment and an increase in net migration, but there are clear signs of a relationship between housing construction and slowing population decline. The effects of infrastructure were limited, and it takes longer to identify relationships between managerial decisions and outcomes, as well as cluster heterogeneity across regions, and the predictive power of models for migration is limited. Limitations of the study include a short panel, data aggregation, and shocks in 2020–2021. The study has prospects for testing hypotheses using methods applied to a large region-year dataset.

Keywords: rural population, internal migration, demographic processes, rural areas, infrastructure, housing construction, social infrastructure, panel data, cluster analysis, machine learning

References

1. Manggat, I., Zain, R., Jamaluddin, Z. The Impact of Infrastructure Development on Rural Communities: A Literature Review. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2018. Vol. 8, No. 1. Pp. 637–648. DOI [10.6007/IJARBS/v8-i1/3837](https://doi.org/10.6007/IJARBS/v8-i1/3837).
2. Hunter, L. M., Boardman, J. D., Saint Onge, J. M. The Association between Natural Amenities, Rural Population Growth, and Long-Term Residents' Economic Well-Being. *Rural Sociology*. 2005. Vol. 70, No. 4. Pp. 452–469. DOI [10.1526/003601105775012714](https://doi.org/10.1526/003601105775012714).
3. Mkrtchyan, N. V. Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*. 2019. Vol. 3, No. 1. Pp. 39–51. DOI [10.3897/popecon.3.e34780](https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780).
4. Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. Rural-Urban Migration in Contemporary Russia Through the Prism of Quantitative and Qualitative Analysis. *Russian Peasant Studies*. 2024. Vol. 9, No. 2. Pp. 153–179. DOI [10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179). (In Russ.).
5. Pilipenko, I. V., Shneiderman, I. M. Regional Priorities in the Modernization of Engineering Infrastructure in Rural Areas to Improve the Quality of Life (Part One). *Population*. 2024. No. 1. Pp. 20–32. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-20-32](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-20-32). (In Russ.).
6. Pilipenko, I. V., Shneiderman, I. M. Regional Priorities in the Modernization of Engineering Infrastructure in Rural Areas to Improve the Quality of Life (Part Two). *Population*. 2024. No. 2. Pp. 26–40. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-26-40](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-26-40). (In Russ.).
7. Semenova, E. I., Simonov, S. A., Semenov, A. V. Planning the Development of Social Infrastructure in Rural Areas. *AIC: Economics, Management*. 2022. No. 12. Pp. 84–89. DOI [10.33305/2212-84](https://doi.org/10.33305/2212-84). (In Russ.).
8. Nefedova, T. G., Trevish, A. I., Sheludkov, A. V. A Multi-Scale Approach to Identifying Spatial Inequality in Russia as a Driver and Barrier to Development. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*. 2022. Vol. 86, No. 3. Pp. 289–309. DOI [10.31857/S2587556622030128](https://doi.org/10.31857/S2587556622030128). (In Russ.).

9. Hartwig, T., Nguyen, T. T. Local Infrastructure, Rural Households' Resilience Capacity and Poverty: Evidence from Panel Data for Southeast Asia. *Journal of Economics and Development*. 2023. Vol. 25, No. 1. Pp. 2–21. DOI [10.1108/JED-10-2022-0199](https://doi.org/10.1108/JED-10-2022-0199).
10. Kerimkhulle, S., Mukhanova, A., Kantureyeva, M., Koishybaeva, M., Azieva, G. Applying a Housing Construction Model to Improve a Small Town Demographic Dynamics. *AIP Conference Proceedings*. 2023. Vol. 2700. Art. 040047. DOI [10.1063/5.0125066](https://doi.org/10.1063/5.0125066).
11. Assylbayev, A., Niiazalieva, K., Kryzhanova, L., Ploskikh, E. Interdependence of the Rural Housing Stock and the Rural Population: A Scientific Perspective. *BIO Web of Conferences*. 2024. Vol. 83. Art. 07007. DOI [10.1051/bioconf/20248307007](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248307007).
12. Chapliatakaya, A., Tassinari, G., Heijman, W. J. M., Van Ophem, J. Rural-Urban Migration within Russia: Prospects and Drivers. *Regional Science Policy & Practice*. 2024. Vol. 16, No. 9. Art. 100053. DOI [10.1016/j.rspp.2024.100053](https://doi.org/10.1016/j.rspp.2024.100053).
13. Bezverbny, V. A., Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. S., Roslavytsev, S. N. The Impact of Population Density on the Socio-Economic Development of Russian Regions: From Correlation Portraits to the Cluster-Differentiated Density Governance. *Frontiers in Political Science*. 2025. Vol. 7. P. 1715504. DOI [10.3389/fpos.2025.1715504](https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1715504).
14. Celepcikay, O. U., Eick, C. F., Ordóñez, C. Regional Pattern Discovery in Geo-Referenced Datasets Using PCA. In: *Machine Learning and Data Mining in Pattern Recognition*. MLDM 2009. Lecture Notes in Computer Science, Vol. 5632. P. Perner (ed.). Berlin: Springer, 2009. Pp. 433–447. DOI [10.1007/978-3-642-03070-3_54](https://doi.org/10.1007/978-3-642-03070-3_54).
15. Ayberkin, D., Sebetci, Ö. Analysis of Turkey's Demographic and Social Structure Using PCA and K-Means Clustering. *MANAS Journal of Social Studies*. 2026. Vol. 15, No. 1. Pp. 146–166. DOI [10.33206/mjss.1481386](https://doi.org/10.33206/mjss.1481386).
16. Petersen, J., Winkler, R., Mockrin, M. Changes to Rural Migration in the COVID-19 Pandemic. *Rural Sociology*. 2024. Vol. 89, No. 1. Pp. 130–155. DOI [10.1111/ruso.12530](https://doi.org/10.1111/ruso.12530).
17. González-Leonardo, M., Rowe, F., Fresolone-Caparrós, A. Rural revival? The Rise in Internal Migration to Rural Areas during the COVID-19 Pandemic. Who Moved and Where? *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 96. Pp. 332–342. DOI [10.1016/j.jrurstud.2022.11.006](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.11.006).
18. Lukić, V., Lović, S., Stojilković Gnjatović, J. Did the COVID-19 Pandemic Change Internal Rural Migration Patterns in Serbia? *Erdkunde*. 2023. Vol. 77, No. 3. Pp. 233–249. DOI [10.3112/erdkunde.2023.03.04](https://doi.org/10.3112/erdkunde.2023.03.04).
19. Incaltarau, C., Kourtit, K., Pascariu, G. C. Exploring the Urban-Rural Dichotomies in Post-Pandemic Migration Intention: Empirical Evidence from Europe. *Journal of Rural Studies*. 2024. Vol. 111. Pp. 1–19. DOI [10.1016/j.jrurstud.2024.103428](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2024.103428).
20. Belgiu, M., Drăguț, L. Random Forest in Remote Sensing: A Review of Applications and Future Directions. *ISPRS Journal of Photogrammetry and Remote Sensing*. 2016. Vol. 114. Pp. 24–31. DOI [10.1016/j.isprsjprs.2016.01.011](https://doi.org/10.1016/j.isprsjprs.2016.01.011).
21. Best, K. B., Gilligan, J. M., Baroud, H. et al. Random Forest Analysis of Two Household Surveys Can Identify Important Predictors of Migration in Bangladesh. *Journal of Computational Social Science*. 2021. Vol. 4. Pp. 77–100. DOI [10.1007/s42001-020-00066-9](https://doi.org/10.1007/s42001-020-00066-9).
22. Deb, D., Smith, R. M. Application of Random Forest and SHAP Tree Explainer in Exploring Spatial (In)Justice to Aid Urban Planning. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2021. Vol. 10, No. 9. Art. 629. DOI [10.3390/ijgi10090629](https://doi.org/10.3390/ijgi10090629).
23. Badykova, I. R. Determinants of Gross Regional Product in Russia: A Machine Learning Approach. *Economy of Regions*. 2026. Vol. 22, No. 1. Pp. 97–108. DOI [10.17059/ekon.reg.2026-1-8](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-8).
24. White, M. Rural Growth Requires More Housing. *Farmdoc Daily*. 2024. Vol. 14, № 97. DOI [10.22004/ag.econ.358509](https://doi.org/10.22004/ag.econ.358509).
25. J. Kumagai, S. Yoo, S. Managi, et al. Impacts of Urban – Rural Migration on Domain-Specific Life Satisfaction. *Cities*. 2025. Vol. 139. Art. 106056. DOI [10.1016/j.cities.2025.106056](https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106056).
26. Loras-Gimeno, D., Díaz-Lanchas, J., Gómez-Bengoechea, G. Rural Depopulation in the 21st Century: A Systematic Review of Policy Assessments. *Regional Science Policy & Practice*. 2025. Vol. 17, No. 5. Art. 100176. DOI [10.1016/j.rspp.2025.100176](https://doi.org/10.1016/j.rspp.2025.100176).

Bio note

Anton V. Dozhdikov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: antondnn@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1069-1648](https://orcid.org/0000-0002-1069-1648); RSCI SPIN-code [2208-1891](https://www.rsci.ru/spin/2208-1891); Web of Science Researcher ID: [KYP-9166-2024](https://orcid.org/KYP-9166-2024); Scopus Author ID: [57221684847](https://orcid.org/57221684847).

Received on 14.03.2026; accepted for publication on 15.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК, категория К2,
Белый список (ЕГПНИ), уровень 2

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2026. Том 6, № 2. Дата выхода в свет: 30.06.2026.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2026. ТОМ 6. № 2

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru